

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Давуди Д., Базгир Б., Аббаснеджад Р., Барски Д., Олле А., Отг М. Нижний палеолит Ирана: новые находки из пещеры Мар-Гверга-Лан 3
- Федюнин И.В. Мезолит лесостепного Подонья в ретроспективе и перспективе исследования 16

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка III в северной Кулунде 28
- Корневский С.Н. Две новые находки эпохи энеолита – бронзового века с реки Фарс (Западное Предкавказье) 40
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) 47
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю. Оружие, украшения и принадлежности костюма с памятника «Красный строитель» в Чуйской долине Кыргызстана 61
- Волков Д.П., Коваленко С.В., Ермацанс И.А., Палажченко А.И. Нательный крест из Албазинского острога: проблемы атрибуции 73
- Кардаш О.В., Соколов А.В. Ритуальный комплекс Холято-1 на полуострове Ямал 81
- Бородовский А.П. Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Западной Сибири 92
- Ковтун И.В. И.Г. Гмелин и Томская писаница (к 305-летию со дня рождения исследователя) 97
- Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Реконструкция растительности на городище Уфа II и прилегающих ландшафтов по данным спорово-пыльцевого анализа 101
- Горлова Е.Н., Крылович О.А., Тиунов А.В., Хасанов Б.Ф., Васюков Д.Д., Савинецкий А.Б. Изотопный анализ как метод таксономической идентификации археозоологического материала 110

ЭТНОГРАФИЯ

- Березкин Ю.Е. Сибирский фольклор и происхождение на-дене 122
- Майничева А.Ю. «Как мера и красота скажут»: традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей 135

АНТРОПОЛОГИЯ

- Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Зубова А.В. Новые данные о погребальном комплексе кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 144

ПЕРСОНАЛИИ

- Московский сибиряк Павел Михайлович Кожин (к 80-летию со дня рождения) 155

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

- Davudi D., Bazgir B., Abbasnedzhad R., Barski D., Olle A., Ott M.** Lower Paleolithic of Iran: the New Finds from the Mar-Gverga-Lan Cave 3
- Fedyunin I.V.** Mesolithic of Don Region Forest-steppe in the Research Retrospective and Perspective 16

THE PALEOMETAL AGE

- Kiryushin K.Yu.** Morphological Ornamental Groups of Pottery from the Eneolithic Settlement Novoilinka III in Northern Kulunda 28
- Korenevskiy S.N.** Two New Finds of Eneolithic – Bronze Age from the Fars River (Western Fore-Caucasus) 40
- Molodin V.I., Mylnikova L.N., Garkusha Yu.N., Selin D.V.** The Late Bronze Age Burial Complexes of Eastern Variant in Pakhomovo Culture (Grishkina Zaimka Site, Baraba) 47
- Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Borisenko A.Yu.** Weapons, Adornments and Elements of Costume from the “Krasnyj stroitel” Site in the Chuy Valley of Kyrgyzstan 61
- Volkov D.P., Kovalenko S.V., Yermatsans I.A., Palazhchenko A.I.** A Next-to-skin Cross from the Albazino Fort: Problems of Attribution 73
- Kardash O.V., Sokolov A.V.** Kholyato-1 Ritual Complex on the Yamal Peninsula 81
- Borodovskiy A.P.** Middle Ages Metal Mask from the Novosibirsk Suburbs as a Part of a Transcultural Material Complex of Western Siberia 92
- Kovtun I.V.** I.G. Gmelin and Tomskaya Pisanitsa (on the Occasion of the 305th Birthday of the Researcher) 97
- Kurmanov R.G., Ishbirdin A.R.** Reconstruction of Vegetation in the Ufa II hill fort and Adjacent Landscapes according to the spore-pollen Analysis 101
- Gorlova Ye.N., Krylovich O.A., Tiunov A.V., Khasanov B.F., Vasyukov D.D., Savinetskiy A.B.** Isotopic Analysis as a Method of Taxonomic Identification of Archeozoological Materials 110

ETHNOGRAPHY

- Berezkin Yu.E.** Siberian Folklore and Na-dene Origin 122
- Maynischeva A.Yu.** “As Proportion and Beauty Will Say”: Traditional Geometric Principles in the Architectural Plans of the Russian Orthodox Churches 135

ANTHROPOLOGY

- Chikisheva T.A., Polosmak N.V., Zubova A.V.** New Data about the Burial Complex of Barrow 1 from the Ak-Alakha-3 Burial Ground 144

PERSONALIA

- Moscow Siberian Pavel Mikhaylovich Kozhin** (on the Occasion of the 80th Birthday) 155

ABBREVIATION 158

CONTRIBUTORS 159

УДК 903

Д. Давуди¹, Б. Базгир^{2,3}, Р. Аббаснеджад¹, Д. Барски^{2,3}, А. Олле^{2,3}, М. Отт⁴

¹Университет Мазандарана, Иран

University of Mazandaran

Pasdaran Street, P.O. Box 416, Babolsar, 47415 Iran

E-mail: d.davoudi1980@gmail.com; r.abbasnejad@umz.as.ir

²Каталонский институт палеоэкологии человека и социальной эволюции, Испания

Institut Català de Paleoeologia Humana i Evolució Social

C/ Marcel·li Domingo s/n (Edifici W3), Campus Sescelades, 43007, Tarragona, Spain

E-mail: bbazgir@iphes.cat; dbarsky@iphes.cat; aolle@iphes.cat

³Университет Ровира и Вирхили, Испания

Universitat Rovira i Virgili

Av. Catalunya 35, 43002, Tarragona, Spain

⁴Университет Льежа, Бельгия

Université de Liège, Place du 20 Août 7, 4000, Liège, Belgium

E-mail: marcel.otte@ulg.as.be

НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ ИРАНА: НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПЕЩЕРЫ МАР-ГВЕРГА-ЛАН*

Вторая половина XX в. ознаменовалась впечатляющими открытиями, связанными с проблемой древнейшего заселения Западной Азии. Увеличивающееся количество свидетельств присутствия нижнепалеолитического человека на прилегающих к Ирану территориях подчеркивает ключевое значение региона как географического перекрестка между Африкой, Азией и Европой. Недавние попытки поиска новых стоянок, связанных с данной проблематикой, привели к обнаружению подьемного материала в пещере Мар-Гверга-Лан в Холллане. Настоящая статья посвящена детальному описанию находок и обсуждению их места в широком контексте нижнепалеолитических местонахождений Ирана и Западной Азии в целом с целью оценки перспектив дальнейших исследований на этой территории.

Ключевые слова: нижний палеолит, каменные орудия, пещера Мар-Гверга-Лан, Центральный Загрос, Иран.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.003–015

Введение

Несмотря на то что с момента обнаружения первых нижнепалеолитических индустрий в Иране прошло более чем полвека, здесь известны лишь отдельные

разрозненные находки [Braidwood, 1960; Braidwood, Howe, Negahban, 1960]. За исключением пещеры Дарбанд (Северный Иран), все памятники нижне-го палеолита представляют собой стоянки открытого типа [Biglari et al., 2007], причем систематически исследуемых среди них нет. Таким образом, об этой эпохе на территории Ирана приходится рассуждать, основываясь на ограниченном числе артефактов, найденных вне археологического контекста. К тому

*Исследование является результатом осуществления совместной программы Каталонского института палеоэкологии человека и социальной эволюции (Испания) и Университета Мазандарана (Иран), которая была разработана в рамках проектов CGL2012-38434-C03-03 Министерства экономики и конкурентоспособности Испании и 2014-SGR-899 Агентства по распределению университетских и исследовательских грантов правительства Каталонии.

Б. Базгир является стипендиатом Фонда Атапуэрки. Авторы выражают благодарность г-ну Абдолмалеку Шанбезаде, руководителю Организации культурного наследия, ремесел и туризма провинции Илам.

же в большинстве случаев не было проведено разграничения между двумя главными нижнепалеолитическими технокомплексами – олдованом и ашелем. До сих пор термин «нижний палеолит» широко применяется для описания артефактов, которые считаются предшествующими по времени мустьерским. Это неудивительно с учетом нестандартизованного характера олдованских индустрий и присутствия некоторых ашельских морфотипов в мустьерских орудийных наборах (зубчатые орудия, ручные рубила). Поэтому представляется первостепенным решение вопросов о времени и распространении олдована и ашеля на территории Ирана, особенно в связи с его географическим положением между Африкой, Азией и Европой.

Бассейн Хорремабада, равнина Керманшах и район Холилан в Западном Иране (Центральный Загрос) давно являются ключевыми для изучения палеолита Западной Азии. Здесь находятся многочисленные пещеры, гроты и стоянки открытого типа, чей археологический потенциал был зафиксирован еще во второй половине XX в. Холилан представляет собой окруженную горами обширную равнину, которую прорезают реки. Ее современный рельеф предположительно схож с нижнепалеолитическим. Карстовые системы (слабо

исследованные) могли служить убежищами для групп людей, пересекавших или населявших этот регион. Сырьевые ресурсы были легкодоступны в местных галечниках. Пещера Мар-Гверга-Лан, расположенная примерно в 2 км к северо-западу от Кахреха, является перспективным местом для будущих исследований (рис. 1). Зондирование у ее входа вскрыло осадочное заполнение примерно двухметровой толщины [Mortensen, 1993]. Обнаруженные в процессе первых раскопочных работ (1974 г.) каменные индустрии, происходящие из стратифицированных отложений в разведочном шурфе, были отнесены к верхнему палеолиту и эппалеолиту [Ibid.]. В 2012 г. в результате пересмотра недокументированных сборов с поверхности была выявлена коллекция артефактов со среднепалеолитическими чертами, в частности продукты леваллуазского расщепления [Davoudi et al., in press]. Коллекция также содержала нуклеидные чопперы с отличительными признаками, присущими поздним нижнепалеолитическим комплексам Загроса [Biglari, Abdi, 1999]. Таким образом, технико-типологические характеристики этих находок свидетельствуют о значительно более раннем, чем предполагалось, присутствии человека в пещере. В 2013 г. в еще одной серии собранных с поверхности артефактов были выявлены

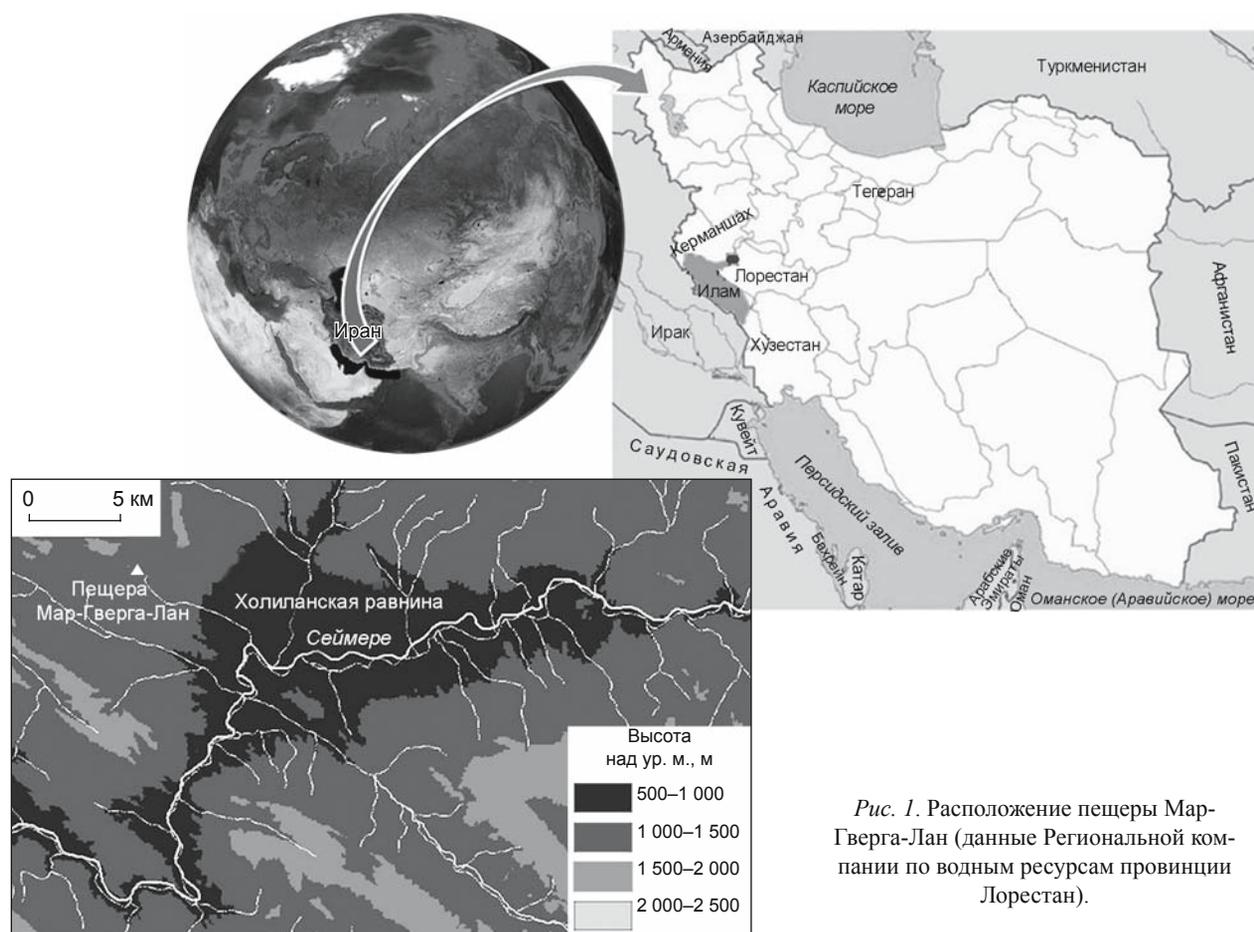

Рис. 1. Расположение пещеры Мар-Гверга-Лан (данные Региональной компании по водным ресурсам провинции Лорестан).

схожие с ашельскими типы орудий. В данной работе приводится описание этих орудий и обсуждается их значение в контексте проблемы распространения ранних гомининов в Западной Азии.

Геоморфология района Холилан и пещеры Мар-Гверга-Лан

Район Холилан граничит с Лорестаном и Керманшахом (рис. 1). Его специфику определяет наличие Холиланской равнины и горных ландшафтов. Река Сеймере пересекает равнину с юго-востока на северо-запад, разделяя ее на две части, верхняя расположена в пров. Илам, нижняя – в Лорестане. В центре Холилана с севера на юг протекает р. Жизман, здесь же находится большое количество круглогодичных водных источников, особенно в западной части. Несмотря на то что специального геоморфологического изучения района не проводилось, в настоящее время имеется некоторая информация о его геологическом строении (рис. 2). Холиланская равнина включает различные геологические структуры, в т.ч. коллювий с окружающих гор и местный речной аллювий.

Горы сложены из известняка, песчаника, сланца и кремня [Casciello et al., 2009; Nakimi et al., 2010;

James, Wynd, 1965; Parvin, Ahmadi, Manochehri, 2013] и имеют палеоценовый, меловой и четвертичный возраст [Homke et al., 2010]. На протяжении палеолитической эпохи для изготовления орудий использовались кремневые булыжники и гальки из ярусов Амиран и Кашкан. Многочисленные пещеры и навесы в горах различаются по размерам и концентрации [Heydari, 2007]. Пещера Мар-Гверга-Лан находится в сложенной известняком горе Гверга-Лан на высоте 1145 м над ур. м. (рис. 3). Вход шириной 17 м экспонирован на юго-запад. Пещера состоит из двух залов, соединенных узким проходом (ширина ~2 м), и достигает ~40 м в высоту.

Каменные орудия из пещеры Мар-Гверга-Лан

В рамках возобновленного исследовательского проекта (2013 г.) в пещере Мар-Гверга-Лан были проведены разведочные работы с целью выяснения перспектив для дальнейших исследований. Небольшая коллекция каменных предметов (22 экз.), собранная с поверхности различных участков вокруг пещеры (рис. 4, 5; табл. 1), подтверждает, что эта пещерная стоянка является потенциально важ-

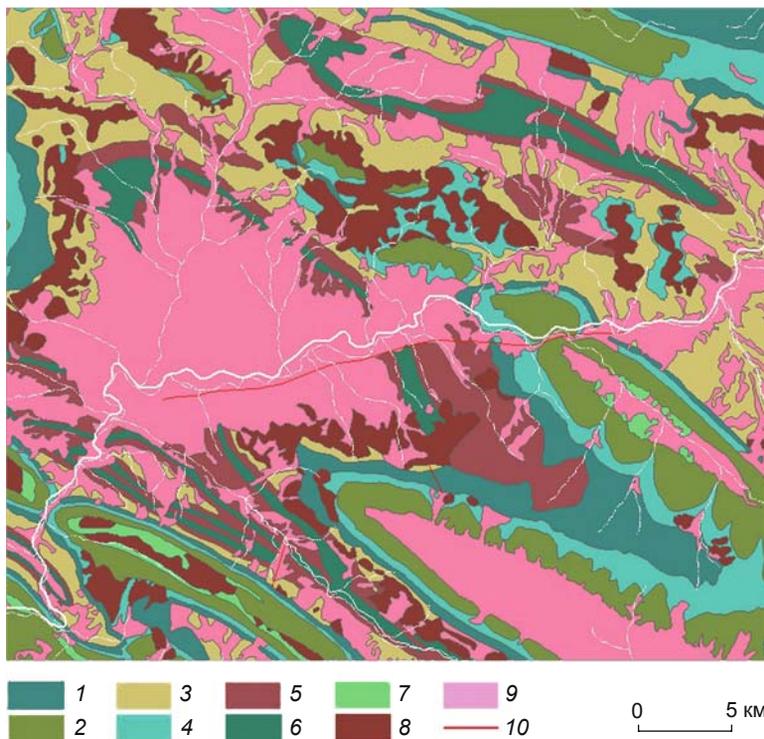

Рис. 2. Геологическое строение Холиланской равнины (данные Региональной компании по водным ресурсам провинции Лирестан).

1–7 – фации: 1 – Талег-Занг, 2 – Асмари-Шанбазан, 3 – Амиран, 4 – Кашкан, 5 – Гурпи, 6 – Эмам-Хасан, 7 – Гашаран; 8 – оползни; 9 – аллювий; 10 – разлом.

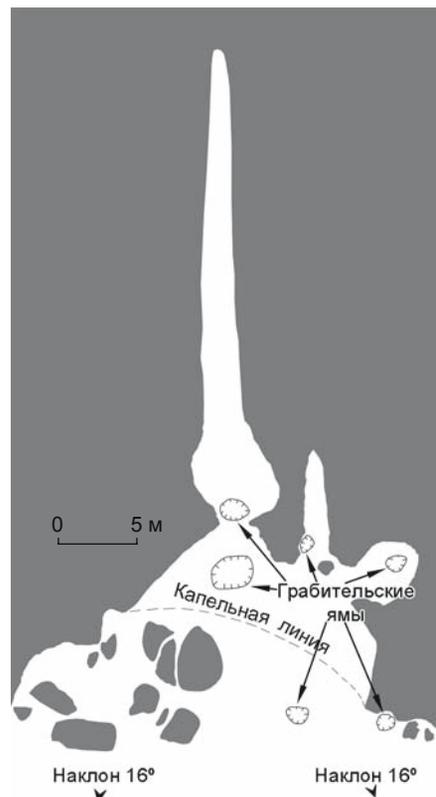

Рис. 3. Схема пещеры (по: [Davoudi et al., in press]).

Рис. 4. Каменные предметы.

1 – крупное двусторонне обработанное орудие с зубчатым концом; 2 – треугольный пик из коричневого кремня с коркой (профиль плоско-выпуклый, на сторонах прослеживаются негативы семи снятий); 3 – двусторонний нуклеидный чоппер из коричневого полосатого кремня (имеются негативы 11 снятий); 4 – массивное скребло из коричневого кремня с коркой (обожжено, ударная площадка плоская); 5 – нуклеус из полосатой кремневой гальки кремово-коричневого цвета (имеются негативы нескольких глубоких бифасальных снятий).

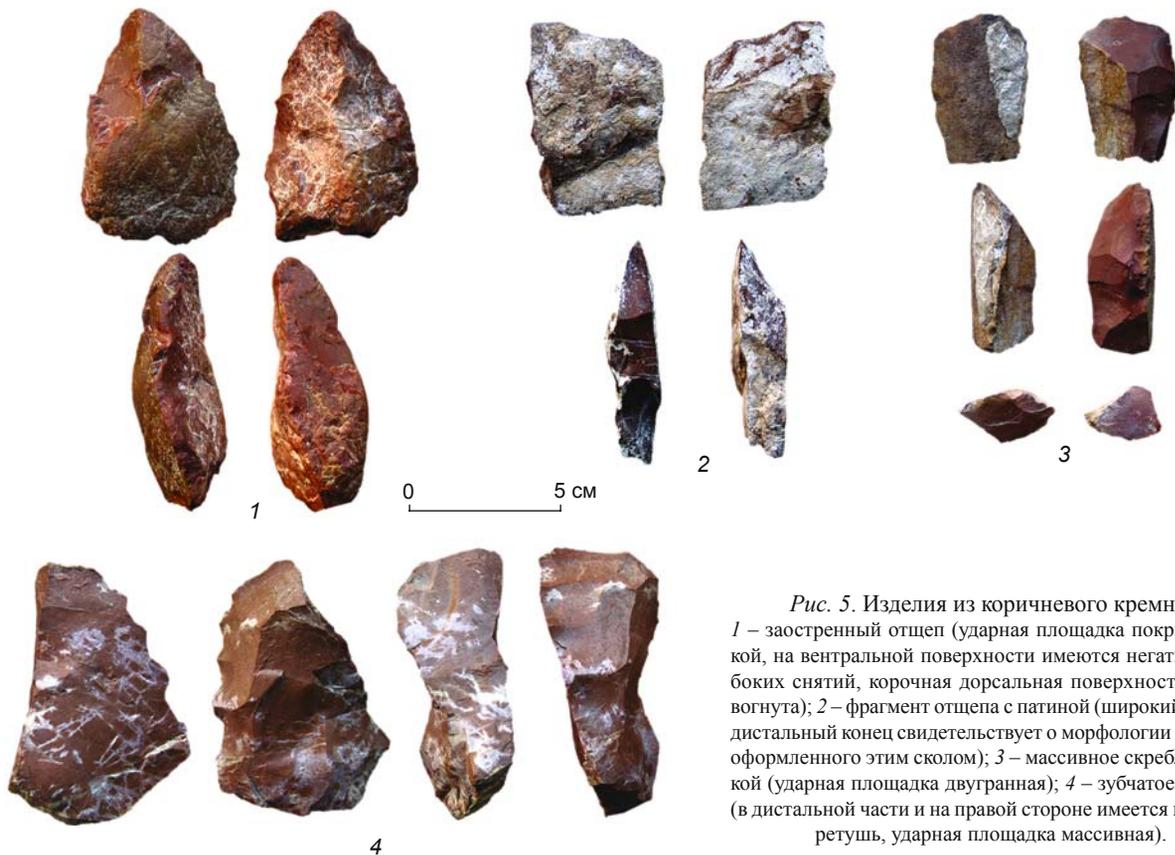

Рис. 5. Изделия из коричневого кремня.

1 – заостренный отщеп (ударная площадка покрыта коркой, на вентральной поверхности имеются негативы глубоких снятий, корочная дорсальная поверхность слегка вогнута); 2 – фрагмент отщепы с пагиной (широкий острый дистальный конец свидетельствует о морфологии кливера, оформленного этим сколом); 3 – массивное скребло с коркой (ударная площадка двугранная); 4 – зубчатое скребло (в дистальной части и на правой стороне имеется глубокая ретушь, ударная площадка массивная).

Таблица 1. Находки из пещеры Мар-Гверга-Лан (полевые исследования 2013 г.)*

Тип	Размер, см	Предположительная культурная атрибуция*	
Отщеп	5,2 × 3,9 × 1,5	Средний палеолит	
»	5,0 × 4 × 1,6		
»	4,8 × 3,2 × 1,5		
Отщеп с коркой	3,9 × 2,9 × 2,2		
Леваллуазский отщеп	6,6 × 3,3 × 1,2		
То же	4,1 × 3,6 × 1,2		
»	4,0 × 3,6 × 0,8		
Ядрище на отщепе	5,8 × 4,0 × 3,2		
То же	4,7 × 4,0 × 2,0		
Нуклеус	4,1 × 4,1 × 2,4		
Обломок нуклеуса	4,3 × 3,2 × 2,0		
Скребло	4,1 × 3,6 × 1,0		
Скребок	3,5 × 2,2 × 0,6		
Фрагмент отщепа	7,0 × 4,1 × 1,2		Нижний палеолит
Нуклеус на гальке	6,7 × 5,8 × 4,8		
Крупное двусторонне обработанное орудие с зубчатым краем	8,5 × 5,2 × 3,9		
Приостренный отщеп	7,1 × 5,1 × 2,8		
Бифасиальный нуклевидный чоппер	5,0 × 4,8 × 4,4		
Треугольный пик с коркой	11,3 × 8,7 × 6,5		
Массивное скребло с коркой	6,2 × 3,2 × 2,4		
То же	7,3 × 5,5 × 3,0		
Массивный скребок с коркой	4,7 × 2,9 × 1,9		

*Среднепалеолитические артефакты выделены на основе сравнительного анализа морфологии этих изделий и аналогичных находок со стоянок долины Хорремабад [Bazgir, 2013; Bazgir et al., in press].

ной для понимания последовательного расселения человека от нижнего (ашель) и среднего (мустье) палеолита до верхнего и эпилеполита. Время возможных посещений пещеры пока, до возобновления раскопочных работ, нельзя точно определить. Недавно опубликованная хронология для каменного века Центральной Азии и Леванта предполагает переход от нижнего к среднему палеолиту ок. 250 тыс. л.н. [Mercier, Valladas, 2003; Mercier, Valladas, 1994]. Кроме того, радиометрическая дата $148\ 000 \pm 35\ 000$ тыс. л.н. была получена по фрагменту кости из слоя 2 памятника Хумиан-1 (Кухдешт, Центральный Загрос), найденному в контексте мустьерской индустрии загросского типа [Bewley, 1984]. Предполагаемые временные границы нижнего палеолита в регионе [Mortensen, 1993] не согласуются с этими данными. Даже с учетом того, что некоторые нижнепалеолитические типы орудий могут присутствовать в среднепалеолитических комплексах, необходимо дальнейшее проведение радиометрического датирования для правильного определения возраста этих двух технокомплексов. Артефакты, недавно обнаруженные в пещере Мар-

Гверга-Лан, способствуют увеличению количества имеющихся к настоящему времени данных об ашеле в районе Холилан [Ibid.].

Нижний палеолит Ирана и сопредельных стран

Исследования палеолита в Иране со времени первого обнаружения каменных орудий в конце XIX в. всегда были осложнены геополитическими проблемами [Vahdati Nasab, 2011]. В любом случае, все больше археологических данных из Леванта, Турции и с Кавказа свидетельствует о том, что Западная Азия в целом и Иран в частности были территорией ранней колонизации древнейшими гоминидами. Несмотря на спорадический характер исследований палеолита в Иране, к настоящему времени известна серия средне-, верхне- и эпилеполитических местонахождений, часть из которых внесла важный вклад в теорию культурной эволюции раннего человечества [Hole, Flannery, 1967; Otte et al., 2007; Dibble, 1984]. Тем не менее данные о нижнем палео-

Таблица 2. Нижнепалеолитические местонахождения Ирана

Часть Ирана	Название и/или расположение	Источник
Юго-запад, запад и северо-запад	Гакия, 14 км к востоку от Керманшаха Территория в 46 км к юго-востоку от Тебриза Пэлл-Барик, Холилан, Центральный Загрос Восточный Азербайджан Шаме-Сюран, Исламабадская равнина Амер-Мердег, Мехранская равнина Девять стоянок открытого типа на Мехранской равнине Халесех, бассейн Абхар-Руд, пров. Зенджан Шивату, район Мехабада Куран-Бузан, Центральный Загрос	[Braidwood, 1960; Braidwood, Howe, Negahban, 1960] [Singer, Wymer, 1978] [Mortensen, 1993] [Sadek-Kooros, 1976] [Biglari, Abdi, 1999] [Biglari, Nokandeh, Heydari, 2000] [Darabi et al., 2012] [Alibaigi, Niknami, Khosravi, 2010] [Jaubert et al., 2004, 2006] [Alibaigi, Niknami, Khosravi, 2011]
Юг и юго-восток	Бассейн Ксаша; Кухе-Пандж-Ангошт Террасы рек Ладиз, Машкид и Симиш Район Минаба Террасы рек Каргар и Карун Баба-Гури в пров. Фарс	[Maruchek, 1976] [Hume, 1976] [Thibault, 1977] [Ibid.] [Conard, Ghasidian 2011]
Север и северо-восток	Бассейн Кашафруд, Хорасан Гандж-Пар, Западный Эльбурс Пещера Дарбанд в пров. Гилян	[Ariai, Thibault, 1975] [Biglari, Heydari, Shidrang, 2004; Biglari, Shidrang, 2009] [Biglari et al., 2007]
Центральная часть	Стоянка Гелех, Каркаские горы	[Biglari, 2004]

лите остаются в целом незначительными (табл. 2). Частично это можно объяснить некоторыми историческими аспектами, определившими ход исследований в Иране. После относительно многочисленных открытий, сделанных в 1960–1970 гг., иностранные научные проекты были прекращены иранской революцией (1978–2000). Раскопочные и разведочные работы по палеолиту были затруднены в связи с начавшейся в 1980 г. ирако-иранской войной. Во время этого периода полевые исследования осуществлялись преимущественно иранцами, специализировавшимися на археологии поздней доисторической и исторической эпох [Biglari, 2012].

Иранское нагорье представляет собой своего рода стык между Африкой, Центральной и Восточной Азией и Европой. По существу, оно зачастую считается скорее транзитной территорией на пути миграции ранних человеческих популяций, которые существовали на сопредельных территориях по крайней мере 1,8 млн л.н. (Дманиси в Грузии, Кавказ [Gabunia, Vekua, Lordkipanidze et al., 2000; Gabunia, Lumley, Vekua et al., 2002; Lumley et al., 2002], а также памятники в Северо-Западном Пакистане [Dennell, Rendel, Nailwood, 1988]). Хотя вопросы хронологии еще предстоит решить, разнообразие иранских ландшафтов, обилие пещер и богатые запасы воды, должно быть, делали этот район привлекательным для человека на-

чиная с нижнего палеолита. Горы Загроса, связанные с ними долины и равнины могли предоставить жилье и пищу. Свидетельства возможности поселения гомининов на больших высотах сейчас обнаружены на ряде ранних местонахождений [Roustaei, 2010]. В районе Холилан они могли найти убежища в многочисленных пещерах, доступных в окружающих горах, возможно спускаясь на равнины во время суровых климатических периодов.

Первые свидетельства присутствия нижнепалеолитической индустрии в Западном Иране были зафиксированы на холме Гакия, расположенном примерно в 14 км к востоку от Керманшаха [Braidwood, 1960; Braidwood, Howe, Negahban, 1960]. Находки включали отщепы, нуклеусы и типичные ашельские ручные рубила. В 1970 г. группа ученых под руководством Р. Сайнера обследовала северо-западную часть Ирана в поисках «домустьерских» стоянок, которые могли обеспечить связь между богатыми нижнепалеолитическими комплексами севера Средиземноморского бассейна (особенно Леванта и Европы) и ашельскими находками из соседних Армении, Азербайджана и Иракского Курдистана [Klein 1966; Braidwood, Howe, 1960]. Однако результатом этой экспедиции явилось только сообщение о ручном рубиле, найденном в 46 км к юго-востоку от Тебриза, и нескольких предметах сомнительной культурной атрибуции [Singer,

Waymer, 1978]. Кроме того, после работ П. Мортенсена в 1974 г. стало известно об ашельских каменных орудиях со стоянки открытого типа Пэлл-Барик (район Холилан). На основании геоморфологического положения и технико-типологических характеристик каменного инвентаря возраст этих орудий оценивался в 80–100 тыс. лет [Mortensen, 1993]. В результате дальнейших разведочных работ было сообщено о трех пещерах и семи стоянках открытого типа с артефактами, отнесенными к ашелю. Они расположены между Тебризом, Мераге и Мьянехом в Восточном Азербайджане [Sadek-Koogros, 1976]. Среди находок представлены боковые и концевые чопперы, односторонне ретушированные отщепы (скребки) и несколько двусторонних нуклеусов для снятия отщепов.

Совсем недавно, в первый год разведочных работ в Шаме-Сюране (Исламабадская равнина), было обнаружено несколько предметов облика конца нижнего палеолита [Biglari, Abdi, 1999]. Нижнепалеолитические орудия также найдены в Амер-Мердеге на юго-западе Ирана [Biglari, Nokander, Heydari, 2000]. Схожие с ними предметы происходят с девяти стоянок на Мехранской равнине [Darabi et al., 2012]. В Северо-Западном Иране на стоянке Халесех в бассейне р. Абхар-Руд (пров. Зенджан) обнаружены изделия ашельского облика, среди которых одинарные и двойные чопперы, нуклевидные чопперы, нуклеусы для снятия отщепов, отщепы, отбойники, массивное скребло и орудие, похожее на кливер [Alibaigi et al., 2011]. В 2004 г. С. Алипур и члены совместного ирано-французского проекта изучали коллекцию нижнепалеолитических находок из Шивату около Квазьябада (район Мехабад, Северо-Западный Иран). В результате технико-типологического анализа были выявлены чопперы, нуклеусы, отходы производства от биполярного расщепления на наковальне и свидетельства изготовления массивных отщепов, а также галечные орудия. Наиболее примечательной находкой является ашельский кливер, изготовленный из поперечного отщепы [Jaubert et al., 2006]. В Мехабаде отмечено много других местонахождений со схожей индустрией [Jaubert et al., 2004]. В 2010 г. разведочные работы в районе Куран-Бузан (Центральный Загрос) позволили обнаружить 110 стоянок открытого типа, среди которых три предположительно могут содержать каменные изделия ашельского облика [Alibaigi et al., 2011].

В юго-восточной части Ирана нижнепалеолитические стоянки были найдены в бассейне Каша и на восточном склоне Кухе-Пандж-Ангошта [Maguchek, 1976]. Каменный инвентарь имеет некоторое сходство с индустрией чопперов-чоппингов типа Ладизьен [Ibid.]. Также известно о местонахождениях с ашельскими орудиями на террасах рек Ладиз, Машкид и Симиш [Hume, 1976]. Кроме того, в отчете о работе совместной ирано-французской экспедиции сообщается

о свидетельствах присутствия нижнепалеолитической индустрии в районе Минаба в Юго-Восточном Иране и на самых высоких террасах рек Каргар и Карун в Южном [Thibault, 1977]. Самые последние находки, относящиеся к нижнему палеолиту, в этом регионе происходят со стоянки открытого типа Баба-Гури в пров. Фарс [Conard, Ghasidian, 2011].

На северо-востоке Ирана в бассейне р. Кашафруд в Хорасане на поверхности была собрана коллекция каменных изделий, включающая чоппинги и другие орудия нижнепалеолитического облика [Agiari, Thibault, 1975]. В 2002 г. ашельские изделия найдены в Гандж-Паре на западе Эльбурса [Biglari, Heydari, Shidrang, 2004]. Каменный инвентарь включает нуклевидные чопперы, нуклеусы, скребла, бифасиальные изделия (ручные рубила, кливеры и один пик), крупные отщепы и отбойники [Biglari, Shidrang, 2009]. Приблизительно в 16 км к юго-востоку от Гандж-Пара в пещере Дирбанд обнаружены первые свидетельства обитания людей на территории Ирана в нижнепалеолитическое время [Biglari et al., 2007]. В 2003 г. была открыта стоянка нижнего палеолита Гелех, расположенная на западной оконечности центральной Иранской пустыни, примерно в 10 км к северо-западу от Кашана, на восточном склоне Каркаских гор [Biglari, 2004].

В дополнение к нижнепалеолитическим местонахождениям в Иране мы также можем опираться на материалы из соседних стран, имеющие отношение к гипотезе раннего заселения Западной Азии (начало среднего плейстоцена). В то время как данные об олдоване очень отрывочны, несколько раскопанных стоянок открытого типа дали важные образцы каменных индустрий, обнаруженные в надежном стратиграфическом контексте. Самым ярким доказательством раннего присутствия человека в Западной Азии является Дманиси – известная олдованская стоянка на Кавказе. Там были обнаружены богатые археологические и антропологические материалы, фаунистические остатки, которые датируются 1,81 млн л.н. [Gabunia, Vekua, Lordkipanidze et al., 2000; Gabunia, Lumley, Vekua et al., 2002; Vekua et al., 2002; Lumley et al., 2002]. Человеческие скелетные остатки имеют анатомические особенности, связывающие их с африканскими гомининами (*H. habilis*, *H. rudolfensis*) и вышестоящими азиатскими *H. erectus* [Rosas, Bermúdez de Castro, 1998; Gabunia, Lumley, Vekua, et al., 2002; Dennell, 2009]. Также в Грузии несколько олдованских каменных орудий и кости животных были найдены в Ахалкалаки (0,98–0,78 млн л.н. [Tappen et al., 2002]). Другая древнейшая находка – фрагментированный череп из травертиновых отложений в Турции, недавно датированный 1,3–1,1 млн л.н. [Lebatard et al., 2014]. Так называемый кокабашский гоминид демонстрирует характерные особенности,

сравнимые с таковыми китайских и африканских ископаемых *Homo*, и относится к таксону *H. erectus s.l.* Дманиси и Кокабаш – единственные нижнепалеолитические местонахождения со скелетными остатками гомининов. В Турции также обнаружены отщеповые индустрии в Дурсунлу (0,99–0,78 млн. л.н. [Güleç, Howell, White, 1999]).

Помимо перечисленных данных о первых обитателях Западной Азии, существуют сведения об олдованских культурных остатках из стратифицированных лессовых отложений в Кульдаре на юге Таджикистана [Davis, Ranov, 1999]. Слой с отщеповой индустрией без ручных рубил, согласно палеомагнитной корреляции, относится ко времени ок. 0,8 млн л.н. Фаунистические остатки на стоянке отсутствуют.

Левантский коридор, без сомнений, неразрывно связан с Ираном как потенциальный путь миграции из Африки в Западную Азию. Такие стоянки, как Убейдия и Бизат-Рухама, свидетельствуют о присутствии здесь гомининов с 1,6–1,4 млн л.н. [Tchernov, 1992; Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993; Martínez-Navarro, Belmaker, Bar-Yosef, 2009, 2012; Ronen, 2006; Zaidner, 2013]. Несмотря на географическую и хронологическую близость этих двух памятников, их индустрии значительно отличаются, возможно подчеркивая сложность и адаптивное разнообразие культур древнейших людей: в Убейдии набор каменного инвентаря соотносится с ранним ашелем и развитым олдованом, в то время как отщеповая индустрия из Бизат-Рухамы предположительно отражает локальную адаптацию к недостатку сырья [Zaidner, 2013]. В соседней Сирии олдованские слои зафиксированы во впечатляющем археологическом разрезе в Хуммале (Эль-Коум [Le Tensorer et al., 2011]). На этой стоянке прослеживаются последовательные изменения культуры от олдована (> 1 млн л.н.) через различные фазы ашеля, ябрудьена и мустье до голоценовых поселений. Сообщалось также о нахождении олдованских изделий на северо-западе Пакистана (район Сивалик [Dennell, Rendell, Hailwood, 1988]), в Иракском Курдистане [Braidwood, Howe, Negahban, 1960], на Аравийском полуострове [Chauhan, 2009], но для увеличения базы данных на этих местонахождениях необходимы дальнейшие систематические раскопки и исследования.

Несколько яснее представляется картина возникновения первых ашельских стоянок из-за большего количества раскопанных памятников. Это особенно справедливо для Леванта (Эврон-Кварри, Гешер-Бенот-Яков [Ron et al., 2003; Goren-Inbar, 1998]), Иордании (Дуакар [Parenti et al., 1997]) и Сирии (Лагамна [Clark, 1967; Tchernov et al., 1994]) с 0,9–0,8 млн л.н. Позже появляется больше ашельских стоянок в Леванте, Палестине, Иордании, Сирии [Bar-Yosef, Belmaker, 2011] и Западной Азии в целом

[Doronichev, Golovanova, 2010]: от берегов Босфора в юго-восточной Анатолии [Bostanci, 1961] до Ирака (Барда-Балка [Wright, Howe, 1951]), Аравии (Рубаль-Хали [Field, 1961]), Южного Кавказа (Кударо I и Азых [Doronichev, 2008]) и гор Сивалик в Пакистане [Dennell, Rendell, Hailwood, 1988; Biagi, Mukhtaiar Kazi, Negrino, 1996].

Благодаря активизации исследовательских работ возросло количество свидетельств раннего заселения окружающих Иран территорий. Кроме того, там существует множество доказательств раннего возникновения ашельской культуры (Кавказ, Таджикистан, Левант, Сирия, Турция), так же как и ее успешного распространения (Эврон-Кварри, Гешер-Бенот-Яков) и дальнейшего развития вариантов (Хуммаль, Квесем, Карайн, Азыхская пещера) [Le Tensorer et al., 2011; Biagi, Mukhtaiar Kazi, Negrino, 1996]. Поэтому представляется очевидным, что эти два нижнепалеолитических комплекса должны быть лучше изучены в Иране в будущем.

Обсуждение

В последние 25 лет дискуссии относительно расселения гомининов в Евразии в конце раннего плейстоцена вышли на первый план в связи с открытием олдованских стоянок в Европе, позволяющим оценивать время первой колонизации по крайней мере в 1,2 млн л.н. [Carbonell et al., 1995; Rosas et al., 2001; Toro Moyano et al., 2010; Parfitt et al., 2010; Despriée et al., 2009; Crochet et al., 2009; Arzarello, Peretto, 2010]. Между тем первое присутствие гомининов в Восточной Азии предполагается уже 2 млн л.н. [Zhu et al., 2001; Voëda, Hou, 2011]. Необходимость заполнения огромных пространственных и временных промежутков, разделяющих восточный и западный ареалы древнейшей нижнепалеолитической культуры вне Африки, недавно была констатирована для ашеля в связи с обнаружением в Индии стоянки Атирампакам, возраст которой определен в 1,7 млн лет [Pappu et al., 2011]. В Западной Европе самая ранняя на данный момент ашельская стоянка датируется ок. 0,7–0,6 млн л.н. [Piperno, 1999; Lefèvre et al., 2010; Barsky, Lumley, 2010; Moncel et al., 2013], в то же время древнейший памятник ашеля в Китае имеет приблизительно тот же возраст (~0,8 млн лет [Hou et al., 2000]). Следовательно, Западная Азия в целом и Иран в частности представляют собой огромную зону между этими стоянками, ожидающую исследований для заполнения пробелов в изучении проблемы расселения гомининов в Евразии.

Сегодня Западная Азия охватывает территории, которые раньше относили к Среднему и Ближнему Востоку. Этот регион очерчивается солоноводными

бассейнами (Оманский и Персидский заливы, Красное, Средиземное, Черное и Каспийское моря). Хотя Африка не включается в него, некоторые страны Западной Азии расположены на продолжении Восточно-Африканской рифтовой долины (Левант, Палестина, Иордания). В концепции «африканского исхода» левантский коридор часто упоминается как наиболее оптимальный путь миграции групп древних *Homo* [Derricourt, 2005], которая иногда рассматривается как процесс, происходивший волнами (также используются термины «импульс», «событие»). Первая была связана с гомининами – носителями олдованской индустрии, судя по данным из Дманиси. Хотя хронология этого события остается неизвестной, расселение могло происходить в один из наиболее влажных межледниковых периодов – 2,4–1,9 млн л.н. [Agustí, Lordkipanidze, 2011]. Появление носителей индустрии раннего ашеля – развитого олдована в Леванте можно предположить ок. 1,6–1,4 млн л.н. [Saragusti, Goren-Inbar, 2001], основываясь на данных из Убейдии [Tchernov, 1992; Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993; Martínez-Navarro, Belmaker, Bar-Yosef, 2009, 2012; Bar-Yosef, Belmaker, 2011]. Однако гипотеза «замещения» олдована ашелем не находит единодушной поддержки среди ученых, некоторые предполагают региональную модель эволюционирования одного технокомплекса в другой [García, Marfinez, Carbonell, 2011]. На данный момент фаунистические и археологические данные подкрепляют точку зрения о левантском коридоре как ключевой территории для миграции гомининов и других млекопитающих уже в конце раннего плейстоцена. Относительно первых волн миграции из Африки [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 2001], Азии [Dennell, Martínón-Torres, Bermúdez de Castro, 2011] или с двух континентов сразу продолжается острая дискуссия, требующая дальнейших эмпирических наблюдений. В любом случае, материалы таких эталонных стоянок, как Дманиси, указывают на ключевую роль Западной Азии как транзитной территории с древнейших периодов появления человека за пределами Африки.

Близость Африки и Западной Азии определяется положением Африканской и Аравийской плит (Йемен, Саудовская Аравия). Баб-эль-Мандебский пролив рассматривается в качестве возможного пути миграции гомининов и других крупных млекопитающих из Африки в различные периоды плейстоцена, однако существование таких перемещений должно быть подтверждено археологическими материалами [Petraglia, 2003]. Тем не менее современные исследования в юго-западной части Аравийского полуострова свидетельствуют о больших перспективах в плане обнаружения стратифицированных олдованских и ашельских памятников с возможностью радиометрического датирования [Chauhan, 2009].

Открытия в Дманиси и на других археологических объектах Западной Азии стимулировали новые исследования на Кавказе (Грузия, Азербайджан, Армения), и полученные недавно данные подтвердили дату по крайней мере 1,1 млн л.н. для *H. erectus*, обнаруженного в Турции [Lebatard et al., 2014], что еще раз подчеркивает потенциал территорий между Черным и Каспийским морями. Однако сложная геополитическая ситуация в ряде стран Западной Азии (Ирак, Иран, Кувейт) замедляет процесс исследования древнейшей доисторической эпохи. Следует отметить, что до сих пор в регионе внимание археологов сфокусировано на легче узнаваемых и очень богато представленных стоянках эпилепалеолита, неолита и железного века.

В целом Иран является в высшей степени многообещающей территорией, чья география и история до сих пор накладывают отпечаток на наше понимание процессов появления и культурного развития групп древнейших людей за пределами Африки. Западная Азия рассматривается в качестве вероятного пути миграции человеческих популяций из Африки в Евразию и, возможно, в обратном направлении и по различным маршрутам между Африкой, Азией и Европой с конца нижнего плейстоцена. Таким образом, имеющиеся данные по нижнему палеолиту Ирана дополняются новыми находками из пещеры Мар-Гверга-Лан в районе Холилан (Центральный Загрос). Дальнейшие раскопки этой стоянки должны способствовать увеличению информации о древнейшей колонизации Ирана и, как следствие, распространении ранних людей по всей Евразии.

Список литературы

- Agustí J., Lordkipanidze.** How African was the early human dispersion out of Africa // *Quaternary Sci. Rev.* – 2011. – Vol. 30. – P. 1338–1342.
- Alibaigi S., Niknami K.A., Heydari M., Nikzad Zainivand M., Manhobi S., Mohammadi Qasrian S., Khalili M., Islami N.** Paleolithic open-air sites revealed in the Kuran Buzan Valley, Central Zagros, Iran // *Antiquity.* – 2011. – Vol. 85, iss. 329. – Project Gallery.
- Alibaigi S., Niknami K.A., Khosravi S.** A Preliminary Report on the Investigations of the Lower Paleolithic site of Khaleseh in the Khoram Dareh Valley, Zanjan // *Iranian Archaeol.* – 2010. – Vol. 1. – P. 8–14.
- Ariai A., Thibault C.** Nouvelles précisions a propos de l'outillage paléolithique ancien sur galets du Khorassan (Iran) // *Paléorient.* – 1975. – Vol. 3. – P. 101–108.
- Arzarello M., Peretto C.** Out of Africa: the first evidence of Italian peninsula occupation // *Quaternary Intern.* – 2010. – Vol. 223/224. – P. 65–70.
- Barsky D., Lumley H., de.** Early European Mode 2 and the stone industry from the Caune de l'Arago's archeostratigraphical levels "P" // *Quaternary Intern.* – 2010. – Vol. 223/224. – P. 71–86.

- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** From Africa to Eurasia-early dispersals // *Quaternary Intern.* – 2001. – Vol. 75. – P. 19–28.
- Bar-Yosef O., Belmaker M.** Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia // *Quaternary Sci. Rev.* – 2011. – Vol. 30, N 11/12. – P. 1318–1337.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N.** The Lithic Assemblages of 'Ubeidiya: A Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. – Jerusalem: Hebrew University, 1993. – 280 p. – (Qadem – Monographs of the Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem; vol. 34).
- Bazgir B.** Resuming Paleolithic Research in Khorramabad Valley: Test Excavations at Gilvaran, Kaldar and Ghamari Caves and Gar Arjeneh Rock shelter // *Modares Archaeol. Res.* – 2013. – Vol. 4, N 8. – P. 1–34.
- Bazgir B., Otte M., Tumung L., Ollé A., Ganesh Deo S., Joglekar P., López García M.J., Picin A., Davoudi D., Made J., van der.** Test Excavations and Initial Results at the Middle and Upper Paleolithic sites of Gilvaran, Kaldar, Ghamari Caves and Gar Arjene Rockshelter, Khorramabad Valley, Western Iran // *Comptes Rendus Palevol* (in press). – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.crpv.2014.01.005>
- Bewley R.** The Cambridge University Archaeological Expedition to Iran (1969), Excavations in the Zagros Mountains: Houmian, Mir Malas and Barde Spid // *Iran.* – 1984. – Vol. 22. – P. 1–38.
- Biagi P., Mukhtaiar Kazi M., Negrino F.** An Acheulean workshop at Ziarat Pir Shaban on the Rohri Hills, Sindh, Pakistan // *South Asian Studies.* – 1996. – Vol. 12. – P. 49–62.
- Biglari F.** The Preliminary Survey of Paleolithic Sites in the Kashan Region // *The Silversmiths of the Sialk* / ed. by S.M. Shahmirzadi. Tehran: Archaeological Research Center, Iranian Cultural Heritage Organization, 2004. – P. 151–168.
- Biglari F.** The development of Paleolithic archaeology of Iran // *Eighty Years of Iranian Archaeology* / eds. Y. Hassanzadeh, S. Miri. – Tehran: National Museum of Iran, Iranian Center for Archaeological Research. 2012. – P. 1–48.
- Biglari F., Abdi K.** Paleolithic Artifacts from Cham-e Souran, the Islamabad Plain, Central Western Zagros Mountains, Iran // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* – 1999. – Vol. 31. – P. 1–8.
- Biglari F., Heydari S., Shidrang S.** Ganj Par: The first evidence for Lower Paleolithic occupation in the Southern Caspian Basin, Iran // *Antiquity.* – 2004. – Vol. 78, iss. 302. – Project Gallery.
- Biglari F., Jahani V., Mashkour M., Argant A., Shidrang S., Taheri K.** Darband Cave: New Evidence for Lower Paleolithic occupation at Western Alborz Range, Gilan // 11th Symposium of Geological Society of Iran. – Mashahad: Ferdousi University, 2007. – P. 1687–1695.
- Biglari F., Nokandeh G., Heydari S.** A Recent Find of a Possible Lower Paleolithic Assemblage from the Foothills of the Zagros Mountains // *Antiquity.* – 2000. – Vol. 74. – P. 749–750.
- Biglari F., Shidrang S.** The Lower Paleolithic Occupation of Iran // *Paleolithic Archaeology: National Conference on Potentials and Possibilities to Improve Education of Archaeology in Iran.* – Hamadan: Bu-Ali Sina University, 2009. – P. 59–68.
- Boëda E., Hou Y.M.** Le site de Longgupo, Chongqing, Chine // *L'Anthropologie.* – 2011. – Vol. 115, N 1. – P. 1–196.
- Bostanci E.Y.** Research in South-East Anatolia: The Chelllean and Acheulean industry of Dölük and Kartal // *Anatolia.* – 1961. – Vol. 6. – P. 111–162.
- Braidwood R.** Seeking the world's first farmers in Persian Kurdistan: a full-scale investigation of Prehistoric sites near Kermanshah // *The Illustrated London News.* – 1960. – Vol. 237. – P. 695–697.
- Braidwood R., Howe B.** Prehistoric Investigation in the Iraqi Kurdistan. – Chicago: The Oriental Institute, University of Chicago Press, 1960. – XXVIII, 184 p.; 29 pl. – (Studies in Ancient Oriental Civilization; N 31).
- Braidwood R., Howe B., Negahban E.** Near Eastern Prehistory // *Science.* – 1960. – Vol. 131. – P. 1536–1541.
- Carbonell E., Bermúdez de Castro J.M., Arsuaga J.L., Díez J.C., Rosas A., Cuenca G., Sala R., Mosquera M., Rodríguez X.P.** Lower Pleistocene hominids and artifacts from Atapuerca TD6 (Spain) // *Science.* – 1995. – Vol. 269 (5225). – P. 826–830.
- Casciello E., Verges J., Saura E., Casini G., Fernandez N., Blanc B., Homke S., Hunt D.W.** Fold patterns and multilayer archeology of the Lurestan Province, Zagros Simply Folded Belt (Iran) // *J. of the Geological Society.* – 2009. – Vol. 166. – P. 947–959.
- Chauhan P.R.** Early Homo occupation near the Gate of tears: examining the Paleoanthropological records of Djibouti and Yemen // *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan* / eds. E. Hovers, D.R. Braun. – Dordrecht: Springer, 2009. – P. 49–59.
- Clark J.D.** The Middle Acheulian occupation site at Latamne, Northern Syria // *Quaternaria.* – 1967. – Vol. 9. – P. 1–68.
- Conard J., Ghasidian E.** The Rostamian cultural group and the taxonomy of the Iranian Upper Paleolithic // *Between Sand and Sea.* – 2011. – Vol. 33. – P. 33–52.
- Crochet J.Y., Welcomme J.L., Ivorra J., Ruffet G., Boulbes N., Captevila R., Claude J., Firmat C., Metais G., Michaux J., Pickford M.** Une nouvelle faune de vertébrés continentaux, associée à des artifacts dans le Pléistocène inférieur de l'Hérault (Sud de la France), vers 1,57 Ma // *Comptes Rendus Palevol.* – 2009. – Vol. 8. – P. 725–736.
- Darabi H., Javanmardzadeh A., Beshkani A., Jami-Alahmadi M.** Paleolithic occupation of the Mehran Plain in Southwestern Iran // *Documenta Prehistorica.* – 2012. – Vol. 39. – P. 443–451.
- Davis R.S., Ranov V.A.** Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology.* – 1999. – Vol. 8, N 5. – P. 186–193.
- Davoudi D., Hatami Nesari T., Nourolahi R., Biglari A.** Discovery of Middle Paleolithic Artefacts from the caves of Holeylan, Western Iran (previously claimed to be Upper and Epi-Paleolithic) // *Iranica Antiqua* (in press).
- Dennell R.** The Palaeolithic Settlement of Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – XXIII, 548 p.
- Dennell R.W., Martínón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M.** Hominin variability, climatic instability and population demography in Middle Pleistocene Europe // *Quaternary Sci. Rev.* – 2011. – Vol. 30, N 11/12. – P. 1511–1524.
- Dennell R.W., Rendell H., Hailwood E.** Early tool-making in Asia: two million-year-old artifacts in Pakistan // *Antiquity.* – 1988. – Vol. 62. – P. 98–106.

- Derricourt R.** Getting Out of Africa: sea crossings, land crossings and culture in the hominin migrations // *J. of World Prehistory*. – 2005. – Vol. 19. – P. 119–132.
- Despriée J., Voinchet P., Gagennet R., Dépont J., Bahain J.J., Falguères C., Tissoux H., Dolo J.M., Courcilmault G.** Les vagues de peuplements humains au Pléistocène inférieur et moyen dans le bassin de la Loire moyenne, région Centre, France, Apports de l'étude des formations fluviatiles // *L'Anthropologie*. – 2009. – Vol. 113, N 1. – P. 125–167.
- Dibble H.** The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran) // *Paléorient*. – 1984. – Vol. 10. – P. 23–34.
- Doronichev V.B.** The Lower Paleolithic in Eastern Europe and the Caucasus: A reappraisal of the data and new approaches // *PaleoAnthropology*. – 2008. – P. 107–157.
- Doronichev V., Golovanova L.** Beyond the Acheulean: A view on the Lower Paleolithic occupation of Western Eurasia // *Quaternary Intern.* – 2010. – Vol. 223/224. – P. 327–344.
- Field H.** Paleolithic Implements from the Rub' al Khali // *Man*. – 1961. – Vol. 9. – P. 22–23.
- Gabunia L., Lumley M.A., Vekua A., Lordkipanidze D., Lumley H., de.** Discovery of a new hominid at Dmanisi (Transcaucasia, Georgia) // *Comptes Rendus Palevol.* – 2012. – Vol. 1. – P. 243–253.
- Gabunia L., Vekua V., Lordkipanidze D., Swisher C.C., Ferring R., Justus A., Nioradze M., Tvalchrelidze M., Antón S.C., Bosinski G., Jöris O., Lumley M.A., de, Majsuradze G., de, Mouskhelishvili A.** Earliest Pleistocene hominid cranial remains from Dmanisi, Republic of Georgia: taxonomy, geological setting and age // *Science*. – 2000. – Vol. 288. – P. 1019–1025.
- Garcia J., Martinez K., Carbonell E.** Continuity of the first human occupation in the Iberian Peninsula: closing the archaeological gap // *Comptes Rendus Palevol.* – 2011. – Vol. 10. – P. 279–284.
- Goren-Inbar N.** Geshar Benot Ya'aqov: the Acheulean Cultural Sequence // *J. of Hum. Evol.* – 1998. – Vol. 34, N 3. – P. A8.
- Güleç E., Howell F.C., White T.D.** Dursunlu – a new Lower Pleistocene faunal and artifact-bearing locality in southern Anatolia // *Hominid Evolution: Lifestyles and Survival Strategies* / ed. by H. Ullrich. – B.: Archaea, 1999. – P. 349–364.
- Hakimi F., Ahmadi Khalaji A., Dolatsha T., Mollaei H., Shahrokhi V.** Investigation of geology condition and hydrogeology Kuhdasht area, Lorestan province, Iran // *The 1st International Applied Geological Congress, Mashhad, Islamic Azad University, Department of Geology*. – Mashhad, 2010. – P. 390–394.
- Heydari S.** The impact of geology and geomorphology on cave and rockshelter archaeological site formation, preservation, and distribution in the Zagros Mountains of Iran // *Geoarchaeology*. – 2007. – Vol. 22, N 6. – P. 653–669.
- Hole F., Flannery K.** The Prehistory of southwestern Iran: A preliminary report // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1967. – Vol. 22. – P. 147–206.
- Homke S., Vergés J., Beek P., van der, Fernández M., Saura E., Barbero L., Badics B., Labrin E.** Insights in the exhumation history of the NW Zagros from bedrock and detrital apatite fission-track analysis: evidence for a long-lived orogeny // *Basin Research*. – 2010. – Vol. 22, iss. 5. – P. 659–680.
- Hou Y.M., Potts R., Baoyin Y., Zhengtang G., Deino A., Wang W., Clark J., Guangmao X., Weiwen H.** Mid-Pleistocene Acheulean-like Stone Technology of the Bose Basin, South China // *Science*. – 2000. – Vol. 287 (5458). – P. 1622–1626.
- Hume G.W.** The Ladizian: An Industry of the Asian Chopper Chopping Tool Complex in Iranian Baluchistan. – Philadelphia: Dorrance, 1976. – XV, 296 p.
- James G.A., Wynd G.J.** Stratigraphic nomenclature of Iranian Oil Consortium Agreement Area // *Am. Association of Petroleum Geologists Bull.* – 1965. – Vol. 49. – P. 2182–2245.
- Jaubert J., Biglari F., Bordes J., Bruxelles L., Murre V., Shidrang S.** The Paleolithic of Iran: Report of 2004 Iranian-French Joint Mission // *Archaeol. Reports*. – 2004. – Vol. 3. – P. 1–12.
- Jaubert J., Biglari F., Bordes J., Bruxelles L., Murre V., Shidrang S., Naderi R., Alipour S.** New research on Paleolithic of Iran: preliminary report of 2004 Iranian-French joint mission // *Archaeol. Reports*. – 2006. – Vol. 4. – P. 17–26.
- Klein R.G.** Chellean and Acheulean on the territory of the Soviet Union: a critical review of the evidence as presented in literature // *Am. Anthropol.* – 1966. – Vol. 68, N 2. – P. 1–45.
- Lebatard A.E., Cihat Alçiçek M., Rochette P., Khatib S., Violet V., Boulbes N., Bourlès D.L., Demory F., Guipert G., Maydag S., Titov V.V., Vidala L., Lumley H., de.** Dating the Homo erectus bearing travertine from Kocabaş (Denizli, Turkey) at least 1.1 Ma // *Earth and Planetary Science Letters*. – 2014. – Vol. 390. – P. 8–18.
- Lefèvre D., Raynal J.P., Vernet G., Kieffer G., Piperno M.** Tephrostratigraphy and the age of ancient Southern Italian Acheulean settlements: The sites of Loreto and Notarchirico (Venosa, Basilicata, Italy) // *Quaternary Intern.* – 2010. – Vol. 223/224. – P. 360–368.
- Le Tensorer J.M., Falkenstein V., von, Le Tensorer H., Schmid P., Muhesen S.** Étude préliminaire des industries archaïques de faciès Oldowayan du site de Hummal (El Kowm, Syrie centrale) // *L'Anthropologie*. – 2011. – Vol. 115, N 2. – P. 247–266.
- Lumley H., de, Lordkipanidze D., Féraud G., Garcia T., Perrenoud C., Falguères C., Gagnepain J., Saos T.V.** Datation par la méthode ⁴⁰Ar/³⁹Ar de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Géorgie) qui a livré des restes d'hominidés fossiles de 1,81 Ma // *Comptes Rendus Palevol.* – 2002. – Vol. 1. – P. 181–189.
- Martínez-Navarro B., Belmaker M., Bar-Yosef O.** The large carnivores from Ubeidiya (Early Pleistocene, Levant): biochronological and biogeographical implications // *J. of Hum. Evol.* – 2009. – Vol. 56. – P. 514–524.
- Martínez-Navarro B., Belmaker M., Bar-Yosef O.** The Bovid assemblage (Bovidae, Mammalia) from the Early Pleistocene site of Ubeidiya, Levant: Biochronological and paleoecological implications for the fossil and lithic bearing strata // *Quaternary Intern.* – 2012. – Vol. 267. – P. 78–97.
- Maruchek J.T.** A Survey of Seasonal Occupation Sites in Northern Baluchistan // *Proceeding of the 4th Annual Symposium on Archaeological Research in Iran* / ed. by F. Bagherzadeh. – Tehran, 1976. – P. 272–283.
- Mercier N., Valladas H.** Thermoluminescence dates for the Paleolithic of Levant // *Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean* / eds. O. Bar-Yosef, R. Kar. – Tucson: Radiocarbon Department of Biosciences, University of Arisona, 1994. – P. 13–20.

- Mercier N., Valladas H.** Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Levant // *J. of Hum. Evol.* – 2003. – Vol. 45. – P. 401–409.
- Moncel M.H., Despri e J., Voinchet P., Tissoux H., Moreno D., Bahain J.J., Courcimault G., Falgu eres C.** Early evidence of Acheulean settlement in northwestern Europe – La Noira Site, a 700 000 year-old occupation in the Center of France // *Plos One.* – 2013. – Vol. 8, N 11. – Doi:10.1371/journal.pone.0075529.
- Mortensen P.** Paleolithic and Epipaleolithic sites in the Hulailan Valley, Northern Luristan // *The Paleolithic prehistory of the Zagros–Taurus* / eds. D.I. Oszewsky, H.L. Dibble. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1993. – P. 159–187.
- Otte M., Biglari F., Flas D., Shidrang S., Zwyns N., Mashkour M., Naderi R., Mohaseb A., Hashemi N., Darvish J., Radu V.** The Aurignacian in the Zagros region: new research at Yafteh Cave, Lorestan, Iran // *Antiquity.* – 2007. – Vol. 81. – P. 82–96.
- Pappu S., Gunnell Y., Akhilesh K., Braucher R., Taieb M., Demory F., Thouveny N.** Early Pleistocene presence of Acheulian hominins in South India // *Science.* – 2011. – Vol. 331 (6024). – P. 1596–1599.
- Parenti F., Al-Shiyab A.H., Santucci E., Kafafi Z., Palumbo G.** Early Acheulean Stone Tools and Fossil Faunas From the Dauqara Formation, Upper Zarqa Valley, Jordanian Plateau // *Prehistory of Jordan II Perspectives from 1997* / eds. H.G.K. Gebel, Z. Kafafi, G.O. Rollefson. – B.: Ex Oriente, 1997. – P. 7–22.
- Parfitt S.A., Ashton N.M., Lewis S.G., Abel R.L., Coope G.R., Field M.H., Gale R., Hoare P.G., Larkin N.R., Lewis M.D., Karloukovski V., Maher B.A., Peglar S.M., Preece R.C., Whittaker J.E., Stringer C.B.** Early Pleistocene human occupation at the edge of the boreal zone in northwest Europe // *Nature.* – 2010. – Vol. 466. – P. 229–233.
- Parvin M., Ahmadi M., Manochehri F.** Studying Hydrodynamic Geological Formations of Mahidasht Basin in the amount of Plain Feeding using RS & GIS // *Int. J. of Agriculture and Crop Sciences.* – 2013. – Vol. 5, N 1. – P. 30–35.
- Petraglia M.D.** The Lower Paleolithic of the Arabian Peninsula: Occupations, adaptations and dispersals // *J. of World Prehistory.* – 2003. – Vol. 17. – P. 141–179.
- Piperno M.** Notarchirico: Un sito del Pleistocene medio iniziale nel bacino di Venosa. – Venosa: Osanna, 1999. – 621 p.
- Ron H., Porat N., Ronen A., Tchernov E., Horwitz L.K.** Magnetostratigraphy of the Evron Member – implications for the age of the Middle Acheulian Site of Evron Quarry // *J. of Hum. Evol.* – 2003. – Vol. 44. – P. 633–639.
- Ronen A.** The oldest human groups in the Levant // *Comptes Rendus Palevol.* – 2006. – Vol. 5. – P. 343–351.
- Rosas A., Berm dez de Castro J.M.** On the taxonomic affinities of the Dmanisi mandible (Georgia) // *Am. J. of Phys. Anthropol.* – 1998. – Vol. 107, N 2. – P. 145–162.
- Rosas A., P rez-Gonz lez A., Carbonell E., Made J., van der S nchez A., Laplana C., Cuenca-Besc s G., Par s J.M., Huguet R.** Le gisement pl istoc ne de la Sima del Elefante (Sierra de Atapuerca, Espagne) // *L’Anthropologie.* – 2001. – Vol. 105, N 2. – P. 301–312.
- Roustaei K.** Discovery of Middle Palaeolithic occupation at high altitude of Zagros Mountain, Iran // *Antiquity.* – 2010. – Vol. 84. – Project gallery.
- Sadek-Kooros H.** Early hominid traces in East Azarbaijan // *Proceeding of the 4th Annual Symposium on Archaeologica Research in Iran.* Tehran 1975 / ed. by F. Bagherzadeh. – Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 1976. – P. 1–10.
- Saragusti I., Goren-Inbar N.** The biface assemblage from Gesher Benot Ya’aqov, Levant: illuminating patterns in “Out of Africa” dispersal // *Quaternary Intern.* – 2001. – Vol. 7, N 1. – P. 85–89.
- Singer R., Waymer J.** A hand-ax from Northwest Iran: the question of human movement between Africa and Asia in the Lower Paleolithic Periods // *Views of the Past* / ed. by L.G. Freeman. – The Hague: Mouton, 1978. – P. 13–27.
- Tappen M., Adler D.S., Ferring C.R., Gabunia M., Vekua A., Swisher C.C.** Akhalkalaki: The taphonomy of an Early Pleistocene locality in the Republic of Georgia // *J. of Archaeol. Sci.* – 2002. – Vol. 29, N 12. – P. 1367–1391.
- Tchernov E.** The Afro-Arabian component in the Levantine mammalian fauna: a short biogeographical review // *Levant J. of Zoology.* – 1992. – Vol. 38. – P. 155–192.
- Tchernov E., Kolska Horowitz L., Ronen A., Lister A.** The faunal remains from Evron Quarry in relation to other Paleolithic hominid sites in the Southern Levant // *Quaternary Research.* – 1994. – Vol. 42. – P. 328–339.
- Thibault C.I.** Pr histoire de la r gion de Minab (Iran): Rapport dact. / Institut de Pr histoire et de G ologie du Quaternaire. – Bordeaux, 1977.
- Toro Moyano I., Lumley H., de., Barrier P., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Gr goire S., Leb gue F., Mestour B., Moncel M.H.** Les industries lithiques archa iques du Barranco Le n et de Fuente Nueva 3; Orce, basin du Guadix-Baza, Andalousie. – P.: CNRS, 2010. – 312 p.
- Vahdati Nasab H.** Paleolithic Archaeology in Iran // *Int. J. of Humanities.* – 2011. – Vol. 18, N 2. – P. 63–87.
- Vekua A., Lordkipanidze D., Rightmire G.P., Agust  J., Ferring R., Maisuradze G., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Ponce de Le n M., Tappen M., Tvalchreidze M., Zollikofer C.** A new skull of early Homo from Dmanisi, Georgia // *Science.* – 2002. – Vol. 297. – P. 85–89.
- Wright H.E., Howe B.** Preliminary report on soundings at Barda Balka // *Summer.* – 1951. – Vol. 7. – P. 107–118.
- Zaidner Y.** Adaptive flexibility of Oldowan hominins: secondary use of flakes at Bizat Ruhama // *Plos One.* – 2013. – Vol. 8, N 6. – Doi: 10.1371/journal.pone.0066851
- Zhu R.X., Hoffman K.A., Potts R., Deng C.L., Pan Y.X., Guo B., Shi C.D., Guo Z.T., Yuan B.Y., Hou Y.M., Huang W.W.** Earliest presence of humans in northeast Asia // *Nature.* – 2001. – Vol. 413. – P. 413–417.

*Материал поступил в редколлегию 14.04.14 г.,
в окончательном варианте – 20.05.14 г.*

D. Davudi¹, B. Bazgir^{2,3}, R. Abbasnedzhad¹, D. Barski^{2,3}, A. Olle^{2,3}, M. Ott⁴

¹University of Mazandaran

Pasdaran Street, P.O. Box 416, Babolsar, 47415 Iran

E-mail: d.davoudi1980@gmail.com; r.abbasnejad@umz.as.ir

²Institut Català de Paleoecologia Humana i Evolució Social

C/ Marcel·lí Domingo s/n (Edifici W3), Campus Sescelades, 43007, Tarragona, Spain

E-mail: bbazgir@iphes.cat; dbarsky@iphes.cat; aolle@iphes.cat

³Universitat Rovira i Virgili

Av. Catalunya 35, 43002, Tarragona, Spain

⁴Université de Liège, Place du 20 Août 7, 4000, Liège, Belgium

E-mail: marcel.otte@ulg.as.be

LOWER PALEOLITHIC OF IRAN: THE NEW FINDS FROM THE MAR-GVERGA-LAN CAVE

The second half of the XXth century was the time of significant discoveries associated with the problem of the earliest occupation of Western Asia. The evidence of the Lower Paleolithic people presence in the territories near Iran has increased and this fact stresses the importance of key significance of the region as a geographic crossroad between Africa, Asia and Europe. The search for new sites associated with these problems reduced to surface material findings in the Mar-Gverga-Lan in Holilan. This article is devoted to the detailed description of material findings and discussion of their place in the general context of Lower Paleolithic occurrences in Iran and Western Asia. It will give an opportunity to estimate the further research perspective at this territory.

Keywords: Lower Paleolithic, stone tools, Mar-Gverga-Lan Cave, Central Zagros, Iran.

И.В. Федюнин

Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия
E-mail: feduniv@mail.ru

МЕЗОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья посвящена исследованию мезолитических культур лесостепного Подонья в восточно-европейском контексте. Рассматриваются историография проблемы, вопросы критики источников, их возможности для реконструкций. Сделаны выводы о месте и роли мезолитических памятников лесостепного Подонья в мезолите Восточной Европы, подвергнуты ревизии существовавшие в науке представления о их культурной принадлежности, периодизации, хронологии и ареалах некоторых мезолитических культур рассматриваемой территории. Процессы генезиса и исторических судеб этих культур, по имеющимся источникам, не связаны как с местным финальным палеолитом, с одной стороны, так и с неолитом – с другой.

Ключевые слова: мезолит, зимовниковская, донецкая культуры, лесостепное Подонье, Северо-Восточное Приазовье, Подонцовье.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.016–027

Введение

Мезолит на территории лесостепного Подонья изучен недостаточно полно в сравнении с другими эпохами. Тем не менее проведенные в разные годы исследования мезолитических памятников [Бессуднов, 1997; Федюнин, 2005, 2007, 2010, 2012] позволили накопить материал, достаточный для оперирования понятием «археологическая культура» [Аникович, 1989, с. 120].

Принятые в археологии Подонья схемы деления речного бассейна часто используются вне палеогеографического контекста. Так, понятия верхнего, среднего и нижнего Дона трактуются специалистами по-разному. Согласно одной точке зрения, Верхнее Подонье включает в себя территорию от истока реки

до района ст. Казанская (Ростовская обл.), Среднее – от указанной границы до места впадения р. Иловля, Нижнее – до дельты [Курдов, 1984, с. 39]. По мнению А.Ф. Самохина [1958], южный рубеж среднего Дона достигает г. Калач-на-Дону (Волгоградская обл.). Ф.Н. Мильков соотносит Верхнее Подонье в общих чертах с Тульской и Липецкой областями, Среднее – с Воронежской, а Нижнее с Ростовской [Долина Дона..., 1982, с. 3]. Именно поэтому в основу данной работы положен принцип районирования зональной растительности. Бассейн Дона расположен на территории лесостепи на севере и степи на юге [Там же]. Границы этих природных зон в Подонье сложились в конце плейстоцена [Спиридонова, 1991] и вполне могут быть использованы для культурологических построений (рис. 1).

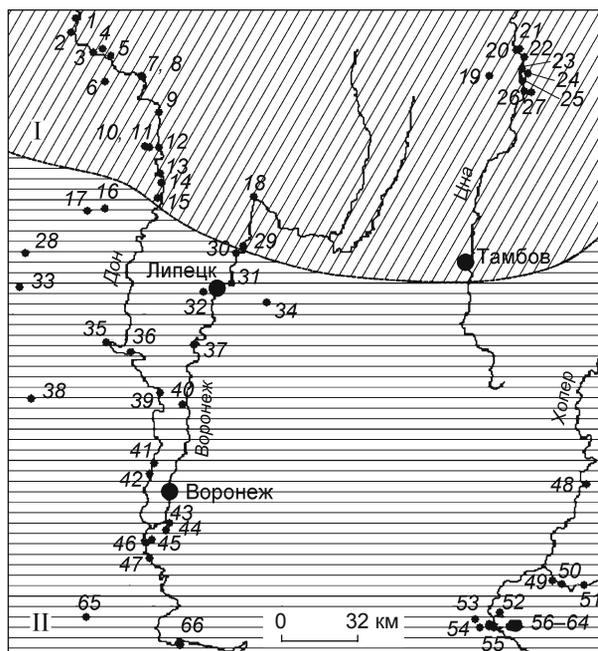
Большое количество имеющихся сегодня материалов мезолита диктует необходимость их тщательного анализа в восточно-европейском контексте. Согласно данным археологических и естественно-научных исследований, эпоха мезолита в границах лесостепного Подонья в целом может быть разделена на два периода – ранний (пребореал – первая половина бореала) и

*Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания «Проведение научно-исследовательских работ (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок)», проект № 881 «Эпоха мезолита в Доно-Волжском междуречье».

Рис. 1. Расположение финальнопалеолитических и мезолитических памятников лесостепного Подонья и Окско-Донского водораздела.

1 – Мельгуново-3, -6, -7; 2 – Бутырки-1, -2; 3 – Монастырщина-2Б; 4 – Журишки; 5 – Устье; 6 – Заборовка; 7 – Малое Нелядино; 8 – Белая Гора; 9 – Никольское; 10 – Пионерлагерь «Солнечный»-1–6; 11 – Барановка-1–4; 12 – Данков; 13 – Селище; 14 – Ольховец; 15 – Лебединь; 16 – Каширка-1; 17 – Писарево-1; 18 – Студеновка-3; 19 – Ракша; 20 – Красное Поле; 21 – Дедов Бугор; 22 – Серповое; 23 – Аклужинские Борки; 24 – Крюковско-Кужновский могильник; 25 – Цигуров Хутор; 26 – Карельская; 27 – Мокрый Залив; 28 – Воргол; 29 – Дружба-2; 30 – Кузьминка-1, -2; 31 – Свободный Сокол; 32 – Сырское городище; 33 – Каменка; 34 – Большой Самовец-1, -2; 35 – Яблонино-4; 36 – Замятино-1, -14, -16; 37 – Плотина-3; 38 – Лобановка; 39 – Конь-Колодезь; 40 – Масловка; 41 – Ямное; 42 – Чернышева Гора; 43 – Тавровка; 44 – Иволга; 45 – Поганово Озеро; 46 – Рудкино; 47 – Боршево-2; 48 – Шапкино-1; 49 – Чуриловка; 50 – Рождественское; 51 – Самодуровка; 52 – Ильмень-Голова; 53 – Кочерга; 54 – Пыховка-2; 55 – Пыховка; 56 – Дубки-1; 57 – Плаутино-2; 58 – мастерская у с. Плаутино; 59 – Дубки-2; 60 – Дубки-3; 61 – Каменка-3; 62 – Каменка-1, -2; 63 – Устье Савалы; 64 – Стрелка; 65 – Потудань-1, -10; 66 – Дивногорье-1, -2, -9.

Зоны растительности бореального периода: I – сосновые леса; II – лесостепь с березой и сосной (по: [Спиридонова; 1991; с. 200]).

поздний (вторая половина бореала – начало атлантикума) [Федюнин, 2007]. Судя по этим данным, в начале атлантикума здесь сосуществовали группы населения, имевшие навыки керамического производства и не знавшие керамики [Федюнин, 2010; Сурков, 2007]. На территории Среднего Похоперья есть памятники, занимающие, согласно имеющимся датам, промежуточное положение в периодизации (средний период мезолита?) [Федюнин, 2004]. Однако надежных источников для разработки данной проблемы пока недостаточно.

История исследования

История исследования мезолита в лесостепном Подонье ранее рассматривалась достаточно подробно [Бессуднов, 1997; Федюнин, 2005, 2007], поэтому здесь уместнее остановиться лишь на развитии теоретических представлений об эпохе. Период с начала XX в. до начала Великой Отечественной войны характеризовался отсутствием целенаправленных исследований мезолитических древностей, да и сам термин «мезолит» стал употребляться намного позднее. Изучение памятников Костенковско-Борщевского района и накопление базы данных по палеолиту позволили исследователям более точно определять материалы различных эпох каменного века. Приоритет в этом отношении принадлежит С.Н. Замятнину, впервые выделившему в регионе две различные традиции обработки кремня в неолите (см.: [Синюк, 1986, с. 55]).

В конце 1930-х гг. в лесостепном Подонье начали разведочные работы и раскопки М.Е. Фосс [1941] и

В.П. Левенок [1959, 1962, 1966, 1969]. Попытки сопоставления докерамических древностей каменного века с палеолитическими материалами Костенковско-Борщевского района, как и построения культурно-хронологической периодизации, не приводили к положительным результатам (см., напр.: [Левенок, 1966; Крижевская, 1977]). Памятники раннего мезолита соотносились с «азильской стадией развития культуры», а позднего – с «тарденуазской». Генезис ранне-мезолитических древностей связывался с местными памятниками позднего палеолита [Левенок, 1966]. Наличие хронологической лакуны в несколько тысячелетий между двумя эпохами не смущало исследователей, т.к. понятия «финальный палеолит» в России еще не существовало.

С начала 1970-х гг. в исследования мезолитических и неолитических древностей лесостепного Подонья включилась экспедиция А.Т. Синюка. Ученым разработана первая модель неолитизации региона в рамках распространенной в то время историографической традиции, согласно которой центром большинства инноваций являлись территории юга Евразии. Каменный инвентарь ранне-неолитических стоянок использовался для поиска генетической подосновы местного неолита в Северном Прикаспии [Синюк, 1985, 1986]. Впрочем, последующие исследования показали отсутствие фактических оснований для этого [Федюнин, 2007].

С начала 1990-х гг. исследованием мезолита на верхнем и среднем Дону занимается А.Н. Бессуднов, который в 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию «Мезолитические памятники Лесостепного Подонья», явившуюся первой обобщающей работой по мезоли-

ту региона [Бессуднов, 1997]. Им впервые предпринята попытка культурного расчленения материалов лесостепного Подонья на три группы: 1) оскольскую, сложившуюся под влиянием свидерской культуры; 2) верхнедонскую правобережную с постаренбургскими традициями в кремневой индустрии; 3) верхне- и среднедонскую левобережную, не имеющую признаков влияния свидерской и аренбургской культур [Бессуднов, 1991, с. 85]. Точка зрения А.Н. Бессуднова не нашла подтверждения: более поздние исследования показали, что ни свидерских, ни аренбургских традиций в Подонье нет [Федюнин, 2007, 2010, 2012]. Отличительной чертой работы А.Н. Бессуднова является разработка вопросов раннеголоценовой природно-климатической обстановки на рассматриваемой территории [1997]. Однако результативность применения естественно-научных методов здесь существенно ограничивалась острым недостатком собственно археологических данных об эпохе. В силу целого ряда объективных и субъективных причин мезолитоведение лесостепного Подонья к концу 1990-х гг. сильно отставало по сравнению с соседними регионами северо-востока Украины, Верхнего Поволжья, Северного Прикаспия, где в то время уже началось переосмысление имеющихся в науке концепций.

С конца 1990-х гг. исследования мезолита лесостепного Подонья осуществляются мной. Открыты и изучены опорные памятники – стоянки Плаутино-2, Назаровка, Четвериково, Ильинка и др., подвергнуты ревизии и источниковедческой критике все известные ранее материалы мезолитических памятников и псевдопамятников. Результаты работ приведены в кандидатской диссертации [Федюнин, 2005] и трех монографиях [Федюнин, 2007, 2010, 2012]. В целом можно отметить значительное увеличение источниковой базы по мезолиту рассматриваемого региона за последние годы. Перейдем к характеристике мезолитических древностей.

Ранний мезолит

К раннему мезолиту относятся памятники зимовниковской культуры и ряд коллекций с неясным культурным статусом. Зимовниковская культура представлена гомогенным комплексом нижнего слоя стоянки Плаутино-2 и смешанными материалами стоянок Четвериково и Назаровка (верхний слой). Наиболее представительна коллекция из нижнего слоя Плаутино-2, насчитывающая 5 449 предметов (без учета сборов и раскопок участков с переотложенным культурным слоем) (рис. 2, I) [Федюнин, 2012]. Горизонт залегания артефактов раннего мезолита располагался в слое опесчаненного суглинка, максимальная плотность находок достигала 200 ед./1 м² при мощности слоя до

0,4 м. Техника расщепления кварцита укладывается в три варианта: 1) изготовление пренуклеусов, а затем призматических и пирамидальных нуклеусов из кварцитовых валунчиков или отдельностей; 2) бессистемное раскалывание каменного сырья; 3) торцовое расщепление, для которого использовались естественные узкие грани отщепов либо обломков кварцита (рис. 2, I, 1, 2). Результатом применения этих приемов было получение пластин с двускатной и реже трехскатной спинкой (рис. 2, I, 3, 4). Каменная индустрия может быть определена как отщепово-пластинчатая [Там же, с. 42–47] с выраженной долей целых пластин в качестве заготовок для изготовления орудий (25,5%). Во вторичной обработке господствовали отвесная и крутая формообразующая ретушь, реже применялись бифасиальная оббивка и резцовый скол, отмечен прием поперечного и диагонального транкирования заготовок для орудий. В орудийном наборе равномерно представлены основные типы: резцы на сломанных заготовках или боковые (рис. 2, I, 13–19), скребки (рис. 2, I, 6–12), рубящие орудия – топоры, тесла и долота (рис. 2, I, 20, 21), пластины с краевой ретушью, перфораторы. Многочисленна коллекция симметричных и асимметричных обушковых острий и геометрических микролитов (рис. 2, I, 22–68). Последние представлены достаточно стандартным типом симметричной высокой или средневысокой трапеции с ровными или слегка вогнутыми краями. Весь комплекс находок из Плаутино-2 был отнесен к зимовниковской культуре [Залізняк, 2005, с. 66; Федюнин, 2007, 2012] на основе большого количества аналогий.

Второй памятник зимовниковской культуры в донском левобережье – Четвериково [Федюнин, 2010]. Материалы стоянки немногочисленны, но достаточно выразительны (рис. 2, II). Техника расщепления не имела единственной строгой технологической последовательности, базировалась на характеристике исходного состояния сырья, диктовавшего приемы раскалывания, которые при всем их многообразии сводились к утилизации нуклеусов с параллельным или конвергентным расположением негативов сколов (рис. 2, II, 1–6, 13). При этом на стоянке зафиксирована ранее неизвестная в таких масштабах на памятниках мезолита и неолита лесостепного Подонья традиция торцового расщепления, направленного на получение длинных сколов. В целом индустрию можно охарактеризовать как выраженную непластинчатую. Во вторичной обработке доминировали резцовый скол, крутая и полукрутая ретушь, в меньшей степени представлены сплошная бифасиальная оббивка и плоская подтеска. Представительной является серия резцов без предварительно подработанной площадки (рис. 2, II, 15–21, 24, 25) и боковых (рис. 2, II, 22, 23). Выразительны группа симметричных и асимметричных острий с выделенными отвесной и крутой ретушью

Рис. 2. Каменный инвентарь со стоянок раннего мезолита.

I – Плаутино 2, нижний слой: 1, 2 – нуклеусы, 3, 4 – сколы, 5–12 – скребки и скребла, 13–19 – резцы, 20, 21 – рубящие орудия, 22–68 – острая и геометрические микролиты; II – Четвериково: 1–6, 13 – пренуклеусы и нуклеусы, 7, 8 – сколы, 9–12, 14 – скребки, 15–25 – резцы, 26 – нож, 27–29 – рубящие орудия и их обломки, 30–33 – сланцевые изделия и предметы с гравировкой, 34, 35, 44–46, 63 – проколки и развертки, 36–43, 48–51, 54, 59–62 – острая, геометрические микролиты и их обломки, 47, 52, 53, 55–58 – пластины с ретушью; III – Ямное (7, 8, 13, 22, 34, 35, 40, 41 – по: [Сурков; Скоробогатов; 2012, с. 22–23]): 1–8 – нуклеусы и сколы, 9–11 – рубящие и долотовидные орудия, 12–21 – резцы, 22, 30, 31 – пластины с ретушью, 23, 25 – острая, 24, 26, 27 – проколки и развертки; комбинированные орудия, 28, 29, 32–41 – скребки и скобели.

обушками (рис. 2, II, 36–43, 48–50), а также симметричная средневысокая трапеция (рис. 2, II, 54). Единичны костяные остря (рис. 2, II, 51), шлифованные орудия (рис. 2, II, 30, 32, 33), обломки камней мягких пород с рядами процарапанных линий (рис. 2, II, 31).

Опубликованные в разное время концепции исследователей по проблеме зимовниковской культуры иллюстрируют отсутствие единства в решении вопросов о ее генезисе, хронологии и периодизации, участии в сложении неолитических традиций. Такая ситуация диктует необходимость тщательного изучения источников и публикаций. Культура была выделена А.Ф. Гореликом в результате исследования стоянок Зимовники-1, -2 и других в Подонцовье в 1980-х гг. [Горелик, 1984]. Тогда ее генезис связывался с чохской индустрией на Кавказе [Там же, с. 132]. После открытия и исследования стоянки Сабовка В.А. Манько предложил свою схему периодизации культуры. К первому этапу, связываемому с местными позднепалеолитическими традициями, им отнесены материалы Сабовки I и Зимовники-1–3. Аналоги в финале плейстоцена находятся, по мнению автора, в роголикско-передельской группе памятников. Древнейший этап развития культуры характеризуется сочетанием крупных и мелких трапеций в комплексе, а общей чертой в технике вторичной обработки является крутой угол ретуши, формирующей орудие [Манько, 1996, с. 10–13]. Для второго этапа (Зимовники-1–3 (?), Сабовка II, Хорошее) характерно появление одноплощадочных нуклеусов со скошенными площадками, резцов-стругов, концевых и боковых скребков при сохранении ведущей роли средневысоких и высоких трапеций в категории геометрических микролитов [Там же, с. 13–16]. Параллельное воздействие «традиций южных культур... и населения Северного Подонечья» [Там же, с. 16] обусловило образование на третьем этапе двух синхронных локальных вариантов зимовниковской культуры: платовоставского и петропавловского. Следует отметить, что удлинение периода бытования зимовниковской культуры от финального палеолита до неолита и выделение трех этапов ее развития не выдерживают критики. Позднее В.А. Манько отказался от некоторых высказанных ранее предположений [1997]. Появление платовоставского, неолитического варианта увязывается с возникновением донецкой мезо-неолитической культуры [Манько, 2006, с. 21]. Петропавловский вариант (стоянки Врубовка I, Петропавловка и верхний горизонт Сабовки I) имеет больше черт сходства с «донеолитическими» (по В.А. Манько) этапами культуры. Однако они представлены в основном в верхнем слое стоянки Сабовка I, комплекс которой, судя по публикации (встречаются остря с микрорезцовым сколом, трапеции со струганой спинкой, а также низкие), содержит инокультурную примесь.

В специальном исследовании, посвященном зимовниковской культуре, И.Н. Гавриленко выделяет два этапа ее развития: сабовский, рубежа плейстоцена и голоцена, и вязовокский, хронологически увязываемый с пребореалом и бореалом [2000, с. 84]. В то же время он выделяет вязовокский, сабовский и сурско-островский варианты культуры [Там же]. Это нарушает логику пространственного и временного членения материалов. Непонятно, что является содержанием этапа, а что – варианта. «Ядро» культуры, судя по всему, составляет единство характерных признаков диахронных индустрий Сабовки и Вязовока-4а.

Наиболее древний памятник зимовниковской культуры, по данным радиоуглеродного анализа, – стоянка Вязовок-4а. Здесь изучены пять жилищ и три хозяйственные ямы [Там же, с. 82]. Наиболее древние образцы конца раннего дриаса – начала пребореала получены из заполнения ямы № 3 [Там же, с. 83, рис. 42]. Однако, судя по данным, приведенным в публикации, культуруопределяющие предметы представлены единственной низкой трапецией – типа, не характерного для зимовниковской культуры. Поэтому культурная принадлежность и хронологический контекст функционирования ямы № 3, на мой взгляд, остаются под вопросом.

Не выглядит убедительной теория И.Н. Гавриленко, объясняющая генезис зимовниковской культуры контактами носителей местных эпиграветтских традиций и пришлого населения с постаренбургскими традициями [Там же, с. 90–91]. Во-первых, в представительных коллекциях с зимовниковских памятников на территории Украины (Сабовка, Вязовок-4а) следы «местного эпиграветта» отсутствуют. Во-вторых, непонятно, что и какая культура наследует, если в итоге это «наследство» не проявляется в комплексах. В-третьих, сама по себе «контактная» гипотеза, как совершенно справедливо отмечает А.Н. Сорокин, скорее доказывает механическое смешение материалов, а не традиций носителей разных культур [2006].

Л.Л. Зализняк считает, что зимовниковская культура сложилась на основе традиций, представленных на памятниках типа Борщево-2, под влиянием северо-европейской культуры лингби, а ее верхняя хронологическая граница не выходит за рамки бореала [Зализняк, 2005, с. 68–69]. По результатам раскопок стоянки Борщево-2 в 1990-х гг. Ю.Ю. Цыганов отмечал: «...археологический материал залегал с разбросом по вертикали 0,5 м без отчетливых стерильных прослоек. Расчленение на культурные горизонты не представлялось возможным. Находки залегали большей частью наклонно и на ребре. Налицо признаки переотложенности слоя...» [1995, с. 29]. К этому можно добавить, что остря с памятника, послужившие объектом установления аналогий, характерны для

средней поры позднего палеолита Костенковско-Борщевского района.

В своей недавней работе В.А. Манько помещает зимовниковские материалы позднее осокоровско-рогаликских, датируя их концом аллереда [2009, с. 155]. Однако как археологических, так и естественно-научных данных для этого недостаточно. Не хватает их и для утверждения, что верхняя хронологическая граница культуры доходит до начала атлантикума [Там же]. Точка зрения Л.Л. Зализняка, относящего эту границу к бореалу, предпочтительнее, т.к. она подтверждена естественно-научными данными и взвешенным анализом материалов [Зализняк, 2005, с. 68–69].

Выводы о крымских (Шан-Коба) корнях зимовниковской культуры В.А. Манько делает на основе выделенных им 18 (!) типах трапеций [2009, с. 158]. Однако все опубликованные предметы [Там же, с. 158, рис. 3] вполне соответствуют типологической схеме, согласно которой трапеции по соотношению ширины длинного основания и высоты подразделяются на высокие, средневысокие и низкие (удлиненные) [Телегин, 1978, с. 39; Римантене, 1978, с. 31; Галимова, 2001, с. 68]. Особенности вторичной обработки, подчеркнутые В.А. Манько, при подробном рассмотрении не представляются диагностически важными для каждого из выделенных типов. Далеко не все трапеции изготовлены из пластин, поэтому их формообразование производилось особым способом*, т.е., факт, отмеченный исследователем, имеет технологически обусловленную природу. Таким образом, предположение о крымских корнях зимовниковской культуры лишено серьезных оснований. В то же время причина его ясна – в местных индустриях Подонцовья объектов для поисков генетической подосновы культуры нет. В этой связи материалы нижнего слоя Плаутино-2, имеющие больше сходства с индустрией зимовниковской культуры, чем отдельные памятники, относимые к данной культуре, между собой, приобретают все большую актуальность. Судя по радиоуглеродной дате, полученной по кости, $9\ 950 \pm 100$ л.н. (SPb-309) и соответствующим ей палинологическим данным [Трегуб, 2012], нижний слой стоянки Плаутино-2, расположенной в центральной части междуречья Дона и Волги, может быть одним из древнейших памятников зимовниковской культуры. Л.Л. Зализняк включил материал этой стоянки в сабовский вариант [Зализняк, 2005, с. 66]. Но, как уже отмечалось выше, общность содержания выделенных вариантов вызывает множество вопросов, так что с большей уверенностью пока можно го-

ворить о сходстве только с эпонимным памятником. Материалы стоянки Сабовка фактически идентичны плаутинским, за исключением разницы в сырье, датируются по данным изучения почв пребореалом – бореалом [Веклич, Герасименко, 1990]. Кластерный анализ по культурно-значимым признакам* подтверждает это предположение (рис. 3, I).

Неподалеку от г. Воронежа исследована стоянка Ямное с материалами раннего мезолита [Сурков, Скоробогатов, 2012] (см. рис. 2, III). Находки располагались компактно, образуя небольшое скопление, локализованное в толще гумусированной супеси. Каменная индустрия базировалась на отщеповой технологии (см. рис. 2, III, 1–8). В коллекции выразительны двугранные резцы и резцы на сломанных заготовках (см. рис. 2, III, 14–21), короткие концевые скребки (см. рис. 2, III, 29, 34, 37), обломок топора с перехватом (см. рис. 2, III, 11), острия с обушками арочной формы, обработанными отвесной ретушью (см. рис. 2, III, 23). Трапеции на стоянке не найдены. Коллекция Ямного пока единственная в своем роде, однако имеющих находок достаточно для констатации сложной картины раннего мезолита в лесостепном Подонье, которая, видимо, не ограничивается одной культурой.

Поздний мезолит

Изучение позднего мезолита в лесостепном Подонье сопряжено с целым рядом проблем. Во-первых, фактически нет «чистых» комплексов без инокультурной или неолитической примеси. Бедность напластований при преобладании многослойных памятников затрудняет выделение типичного набора орудий и заготовок, характеризующего индустрию. Во-вторых, констатируя разницу между позднемезолитическими комплексами региона, приходится сравнивать их с уже известными в науке культурами, выделенными на основе источниковедчески ненадежных материалов, т.е. ответ на вопрос, что и с чем сопоставлять, здесь будет иметь достаточно субъективный характер.

На южных границах лесостепного Подонья в разные годы были исследованы памятники мезолита, отнесенные к донецкой культуре [Федюнин, 2007, 2010, 2013]: стоянки Назаровка (верхний слой), Четвериково, Ильинка и ряд местонахождений. Индустрия мезо-

*В коллекции деснинской стоянки Комягино-4А, с которой я ознакомился благодаря А.Н. Сорокину (ИА РАН), достаточно много подобных изделий из отщепов и осколков с ситуационной подправкой краев ретушью. Тем не менее в каждом из них угадывается известная форма.

*С учетом высокой степени сходства орудийных наборов со сравниваемых памятников исходными данными для кластерного анализа послужили значения двух показателей: 1) соотношения асимметричных острий и трапеций; 2) соотношения симметричных черешковых острий, асимметричных острий и трапеций. В основе анализа лежит противопоставление симметричных и асимметричных элементов охотничьего вооружения.

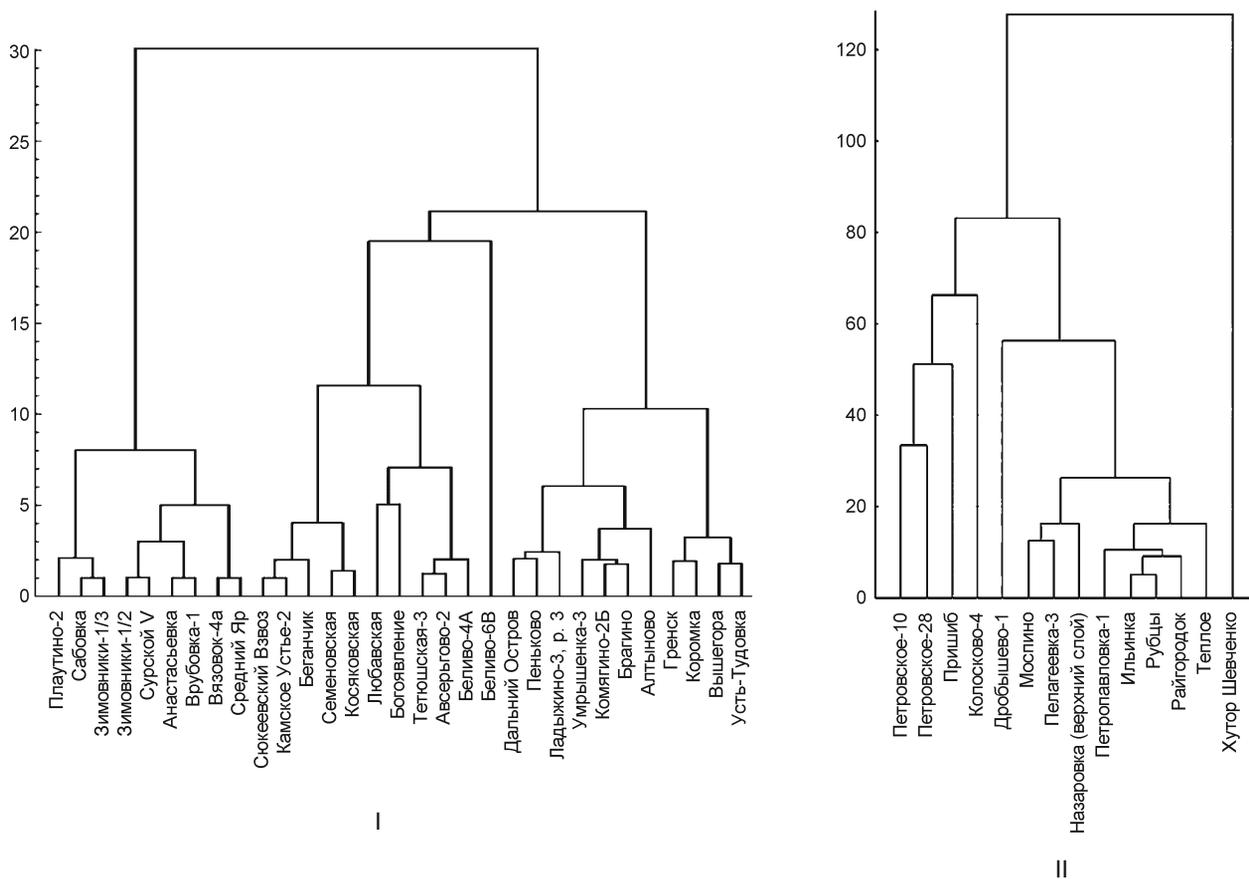

Рис. 3. Результаты кластерного анализа диагностических признаков зимовниковской (I) и донецкой (II) культур в восточно-европейском контексте.

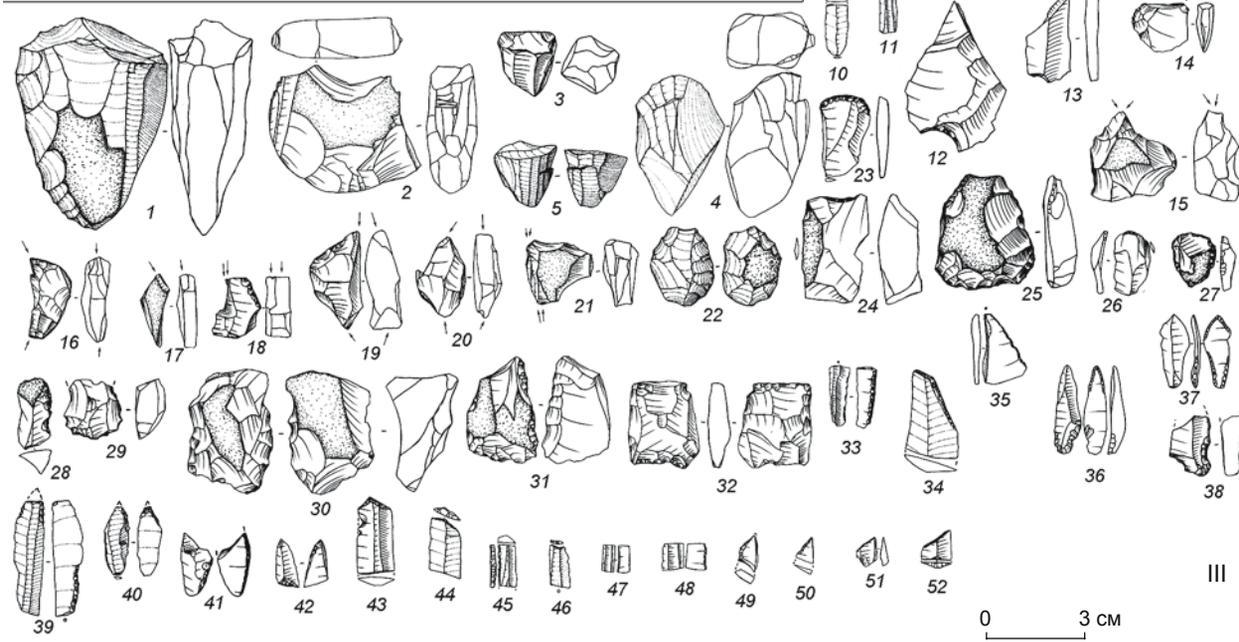
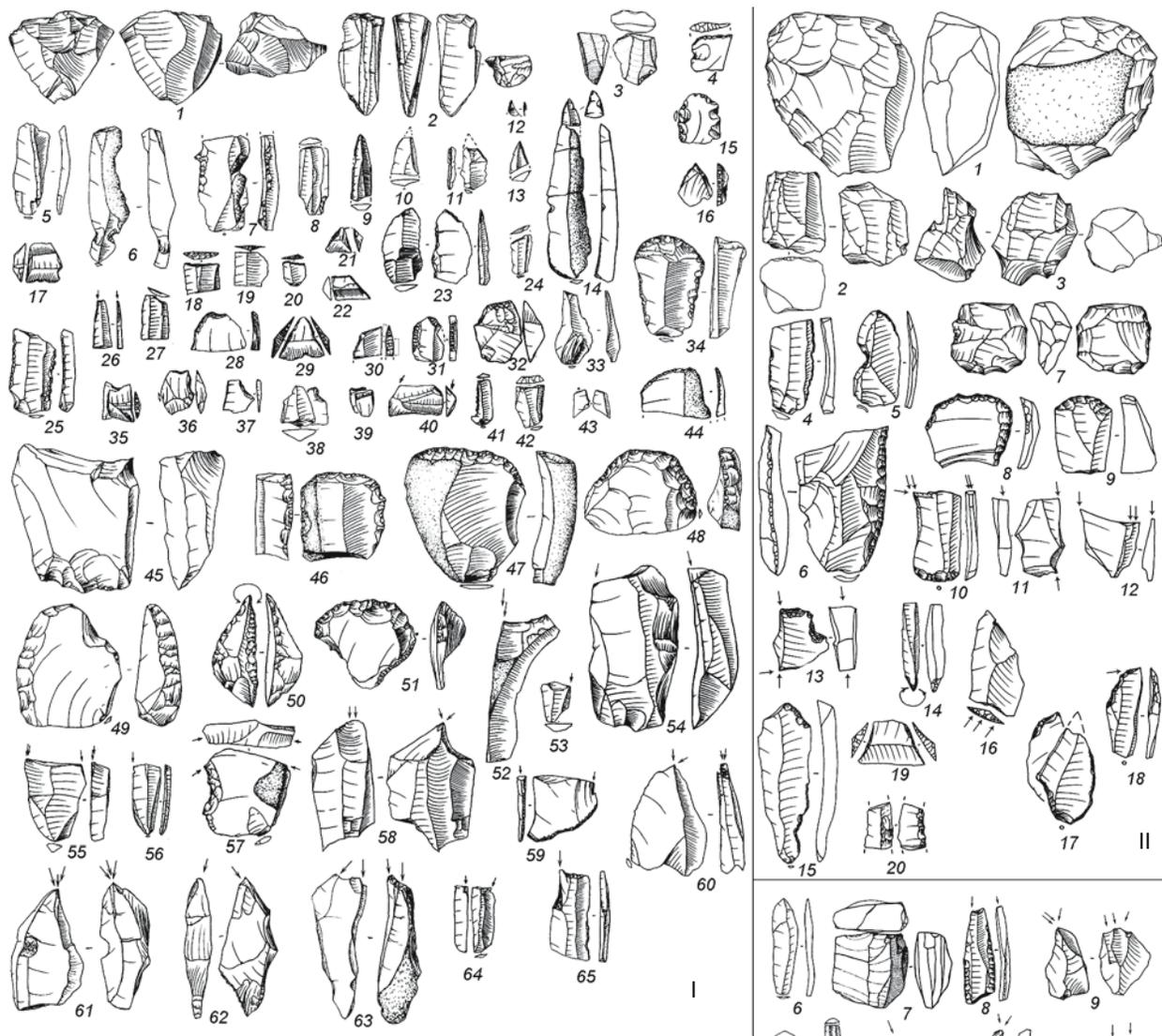
литического слоя Назаровки (рис. 4, I) основывалась на утилизации одноплощадочных нуклеусов (рис. 4, I, 1–3) с применением техники отжима или удара с использованием посредника, направленной на получение правильных призматических пластин шириной 0,7–1,0 см (рис. 4, I, 5), из которых изготавливались орудия. Во вторичной обработке доминировала полукрутая ретушь, реже использовались пологая и плоская, а также резцовый скол. В орудийном наборе представлены резцы, в основном на сломе заготовки (рис. 4, I, 53, 55, 56, 59, 64), и боковые (рис. 4, I, 52, 57, 63, 65), пластины с краевой ретушью (рис. 4, I, 6, 25), скребки (рис. 4, I, 34, 44, 46–49, 51), острия (рис. 4, I, 9–14, 23, 30), обломки черешковых наконечников (рис. 4, I, 7, 8) и трапеции (рис. 4, I, 29). Материалы Назаровки в настоящее время представляют

восточный пункт ареала донецкой культуры, относимого украинскими исследователями к эпонимному речному бассейну [Телегин, 1982; Горелик, 1984]. Время функционирования стоянки по результатам палинологических исследований – начало атлантикума.

Материалы Ильинки, выделяясь определенным своеобразием, имеют существенные черты сходства с донецкой культурой (рис. 4, II). Преимущественно ударная техника расщепления кремня была направлена на получение пластин и отщепов (рис. 4, II, 1–3). Во вторичной обработке доминировали разные виды ретуши и резцовый скол. Охотничье вооружение представлено наконечником стрелы, средневысокой трапецией, остриями, пластинами с плоской подтеской брюшка (рис. 4, II, 16–20). При этом коллекция не выглядит гомогенной: косолезвийный черешковый нако-

Рис. 4. Каменный инвентарь со стоянок позднего мезолита.

I – Назаровка, верхний слой: 1–3, 5 – нуклеусы, сколы, 4, 6, 25, 31, 33, 38–43 – пластины с ретушью, 7–14, 16, 18–24, 28–30, 35, 36 – острия, геометрические микролиты и их обломки, 15, 37 – сколы с ретушью, 17, 32 – фрагменты пластин с ретушью, 26, 52–65 – резцы, 27 – псевдомикрорезец, 34, 44, 46–49, 51 – скребки, 45 – рубящее орудие, 50 – перфоратор; II – Ильинка: 1–3 – пренуклеусы и нуклеусы, 4, 5 – пластины с ретушью, 6 – нож, 7 – долотовидное орудие, 8, 9 – скребки, 10–13 – комбинированное орудие, резцы, 14 – развертка, 15 – индивидуальное орудие, 16–19 – острия и геометрический микролит, 20 – пластина с противоположающей ретушью; III – Плаутино-2, верхний слой: 1–7, 10, 11 – нуклеусы, сколы, 23, 26, 27 – скребки, 8, 9, 12–21 – резцы, 22, 24, 25, 28–32 – долотовидные и рубящие орудия, 33–52 – пластины с ретушью и острия.

нечник (рис. 4, II, 17) и острие с выемчатым основанием, обработанным отвесной ретушью (рис. 4, II, 16), характерны для целого ряда индустрий финального палеолита и раннего мезолита. Сходные коллекции были получены в ходе изысканий в соседних районах бассейна Черной Калитвы (юг Воронежской обл.) [Федюнин, 2010].

Позднемезолитические комплексы лесостепного Подонья, сопоставимые с донецкой культурой, все же не представляются гомогенными в каждом конкретном случае. Ввиду этого необходимо первоочередное решение вопроса о содержании донецкой культуры. История ее исследования насчитывает почти столетие. Вопрос о существовании особой «изюмской» культуры был впервые обозначен Н.В. Сибилевым [1928, с. 5] и развит в работах А.Я. Брюсова [1952], Д.Я. Телегина [Телегін, 1982], А.Ф. Горелика [1984, 1987, 1997], Л.Л. Зализняка [Зализняк, 2005] и других авторов. Территориальные рамки культуры, по мнению украинских исследователей, ограничены средним течением Северского Донца [Телегін, 1982, с. 179; Манько, 2006, с. 6]. В качестве характерных для донецкой каменной индустрии перечисляются пирамидальные, конические и карандашевидные нуклеусы с негативами отжимных пластин, пластины с притупленными ретушью краем и концом, низкие и средневысокие трапеции, острия с микрорезцовым сколом со сломанным или ретушированным основанием, кукрекские вкладыши, иногда постсвидерские наконечники стрел, боковые резцы (среди них выделяются массивные выемчаторетушные, подокруглые и концевые скребки) [Телегін, 1982; Горелик, 1984; Манько, 2006].

А.Ф. Горелик выделил несколько типов памятников донецкой культуры. Комплексы типа Теплое характеризуются отсутствием микрорезцовой техники и собственно острий с микрорезцовым сколом. Памятники типа Шевченково, напротив, отличает серия острий с микрорезцовым сколом при наличии средневысоких трапеций. В комплексах типа Клешня нет ни трапеций, ни следов микрорезцовой техники [Горелик, 1984]. При таком числе выделенных типов памятников непонятно, что же скрывается за термином «донецкая культура»? Необычным кажется и количество различных диагностических типов находок в рамках одной культуры, ведь ни один из микролитов не является характерным только для нее. Большинство исследователей констатировало синкретический характер донецкой культуры, отмечая в ней зимовниковские, яниславицкие или кукрекские элементы. Согласно «контактной» гипотезе сложения культуры, она испытала поочередное влияние этих традиций. С позиций критического подхода к анализу источников вариант механического смешения разнокультурных комплексов представляется наиболее убедительным.

Материалы стоянки Хутор Шевченко А.Ф. Горелик первоначально относил к бореалу, а генезис донецкой культуры связывал с влиянием культуры максимонис маглемозского круга [1987, с. 159]. Позднее исследователь пришел к заключению о ее автохтонном происхождении, удревнив индустрию Хутора Шевченко до рубежа плейстоцена и голоцена и связав ее генезис с эпиграветтской индустрией (федоровская культура) рогаликского комплекса стоянок [Горелик, 1997, с. 37].

Крайне спорную периодизацию донецкой культуры предложил В.А. Манько, выделивший четыре этапа ее развития. В отличие от своих предшественников он отнес все к неолиту, объединив при этом в рамках одного этапа неолитические памятники и стоянки без керамики. По мнению В.А. Манько, индустрия Хутора Шевченко иллюстрирует второй этап. Третий этап развития неолитической культуры в его периодизации вообще представлен памятниками без керамики [Манько, 2006, с. 6–7]. Происхождение донецкой культуры В.А. Манько связывает с синтезом зимовниковских традиций и днепровского варианта кукрекской культуры [Там же, с. 5].

Кластерный анализ по культурно-значимым признакам (процентное соотношение косых острий, острий с микрорезцовым сколом, черешковых наконечников, асимметричных наконечников, трапеций разных типов, сегментов, пластин с притупленным ретушью краем, топоров со сколами транше, овальных топоров, резцов разных типов) демонстрирует низкий уровень сходства между памятниками донецкой культуры (см. рис. 3, II). В то же время степень близости комплексов Назаровки и Пелагеевки-3 достаточна для объединения их в рамках единой культуры. Наличие острий с микрорезцовыми сколами в коллекциях со стоянок Хохлово XIV [Бессуднов, 1997, с. 16] и Ильинка включает в ареал донецкой культуры на востоке бассейн Тихой Сосны. Наиболее поздние попытки выделения особых типов памятников в Подонцове на основе материалов сборов и шурфов (32, 46, 15 орудий соответственно на стоянках Менчекур-1, -2, Карагуз) [Горелик, Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н., 2003] не выглядят убедительными в силу ненадежности этих материалов. Многочисленность трапеций и острий производит впечатление на любого исследователя мезолита, но даже самые яркие находки не заменяют стратифицированные комплексы. Впрочем, все сказанное не означает, что от понятия «донецкая культура» нужно отказаться. Первоочередной задачей является выделение ее существенных признаков, а также получение новых коллекций путем раскопок.

На севере лесостепного Подонья комплексы позднего мезолита выглядят достаточно своеобразно по сравнению с материалами донецкой культуры. Позднемезолитическая индустрия со стоянки Плаутино-2 представлена небольшой, но выразительной кол-

лекцией артефактов, которые были стратиграфически и планиграфически обособлены от культурного слоя раннего мезолита [Федюнин, 2012] (см. рис. 4, III). В ряду диагностических признаков выделяется техника раскалывания, основанная на параллельном призматическом расщеплении и утилизации торцовых нуклеусов, направленная на получение тонких правильных микропластин (см. рис. 4, III, 1–7). Орудийный набор характеризуют резцы на сломе заготовки и двугранные (см. рис. 4, III, 9–21), скребки (см. рис. 4, III, 23, 26, 27), долотовидные (см. рис. 4, III, 24, 32) и рубящие (см. рис. 4, III, 22, 25, 30) орудия, пластинки с притупленным ретушью краем (см. рис. 4, III, 45, 47), пластины со скошенным ретушью концом (см. рис. 4, III, 34), обломки косых острий, транке (см. рис. 4, III, 44, 52), а также черешковые наконечники стрел (см. рис. 4, III, 36–39). Подобные изделия встречены на стоянках, расположенных выше по течению Хопра [Хреков, 1992].

Сходство индустрий позднего мезолита можно найти в материалах памятников Клюквенный-4, Озеро Белое, пензенских стоянок [Ставицкий, 1999; Археология..., 2008, с. 219, 222], отчасти – в Пургасово-3 [Сорокин, 2002]. Следует отметить, что ввиду недостаточной изученности памятников бассейна Цны, Примокшанья и Посурья о точных параллелях пока говорить рано, однако общий вектор сравнения с древностями данного региона обозначается достаточно четко. Перспективы разработки проблемы связаны с уточнением ареала, во-первых, микролитов пургасовских типов [Сорокин, 2003], во-вторых, своеобразных симметричных наконечников с удлинённым черешком, занимающим 2/3 орудия. При этом говорить об аналогиях с древностями Волго-Окского междуречья не приходится – они обнаруживаются только в материалах мезолитических местонахождений Тамбовской равнины в бассейне средней Цны [Федюнин, 2013].

Выводы

Предпринятая попытка анализа древностей лесостепного Подонья через призму понятия «археологическая культура» является первым шагом на пути реконструкции этнокультурной картины региона в эпоху мезолита. За пределами исследования намеренно оставлены многочисленные плохо документированные материалы, которые можно объединить в группу памятников с неопределимой культурной спецификой. Приведенный выше обзор позволяет сделать ряд выводов.

1. Территориальные границы археологических культур мезолита, впервые выделенных на территории Украины (зимовниковская, донецкая), сдвигаются на восток от первоначально очерченных исследователями территорий Северо-Восточного Приазовья до Волго-Донецкого междуречья в первом случае и к

правобережной долине Дона – во втором. Констатация факта трансбассейнового ареала обитания древнего населения приводит к заключению, что миграции в древности вполне могли иметь растянутый во времени возвратно-поступательный характер в рамках огромных территорий Восточной Европы.

2. За фактом присутствия зимовниковских древностей на территории лесостепного Подонья по имеющимся данным скрывается достаточно кратковременный по историческим масштабам эпизод, не позволяющий выделить здесь более одного этапа культуры. Разработки периодизации донецкой культуры ограничены единичными стратифицированными памятниками и требуют новых материалов.

3. Существующие данные рисуют картину дискретного замещения культур раннего мезолита поздними. Процесс неолитизации лесостепного Подонья представляется как резкая смена одной материальной культуры другой, исключая какие-либо «переходные формы», и, как следствие, не позволяющая говорить об ассимиляции мезолитического населения неолитическим.

Список литературы

Аникович М.В. «Археологическая культура»: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. – 1989. – № 4. – С. 115–128.

Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / В.Н. Шитов, А.А. Ямашкин, В.В. Ставицкий, А.И. Королев, В.В. Гришаков. – Саранск: Изд-во НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовии, 2008. – 416 с.

Бессуднов А.Н. К вопросу о свидерских и аренсбургских традициях в охотничьем вооружении населения каменного века Лесостепного Подонья // Елец и его окрестности: тез. докл. науч. конф. – Елец, 1991. – С. 83–86.

Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 1997. – 22 с.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Наука, 1952. – 264 с.

Веклич М.Ф., Герасименко Н.П. К вопросу о стратиграфии мезолитических и неолитических памятников Луганской области // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: тез. докл. – Луганск: Вид-во Східноукр. нац. ун-та ім. В. Даля, 1990. – С. 20–22.

Гавриленко І.М. Зимівниківська археологічна культура (до історії ранньомезолітичного населення лівобережної України). – Полтава: АСМІ, 2000. – 144 с.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье р. Камы. – М.; Казань: Янус-К, 2001. – 272 с.

Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 4–23.

- Горелик А.Ф.** Новые мезолитические памятники с янцлавскими вкладышевыми элементами на Северском Донце // СА. – 1987. – № 3. – С. 146–160.
- Горелик А.Ф.** Сложение донецкой культуры и некоторые проблемы «неолитизации» мезолитических культур // Древности Подонцовья. – Луганск: Осирис, 1997. – С. 32–38.
- Горелик А.Ф., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н.** Группа мезо-неолитических памятников в районе пгт. Гергиевка // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Луганск: Изд-во Восточноукр. нац. ун-та им. В. Даля, 2003. – Вып. 1. – С. 11–30.
- Долина Дона: природа и ландшафты** / под ред. Ф.Н. Милькова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1982. – 152 с.
- Залізник Л.Л.** Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України: Культурний поділ та періодизація. – Київ: Шлях, 2005. – 184 с. – (Кам'яна доба України; вип. 8).
- Крижевская Л.Я.** Еще раз о мезолите среднерусского Днепро–Донского междуречья // КСИА. – 1977. – № 149. – С. 75–78.
- Курдов А.Г.** Реки Воронежской области. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1984. – 154 с.
- Левенок В.П.** Отчет Верхне-Донской экспедиции 1959 года // Архив Воронежского краеведческого музея. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 22. 24 с.
- Левенок В.П.** Отчет Верхне-Донской экспедиции 1962 года // Архив Воронежского краеведческого музея. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 23. 34 с.
- Левенок В.П.** Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. – 1966. – № 126. – С. 11–27.
- Левенок В.П.** Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1969. – 25 с.
- Манько В.А.** Проблемы зимовниковской культуры в Северо-Восточном Приазовье // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: Изд-во Восточноукр. нац. ун-та им. В. Даля, 1996. – С. 10–31.
- Манько В.А.** Финальнопалеолитический комплекс стоянки Сабовка-1 в Северо-Восточном Приазовье // Древности Подонцовья. – Луганск: Осирис, 1997. – С. 11–26.
- Манько В.О.** Неоліт Південно-Східної України. – Київ.: Шлях, 2006. – 280 с.
- Манько В.А.** Проблемы финального палеолита юга Украины // С.Н. Бибииков и первобытная археология. – СПб.: ИИМК РАН, 2009. – С. 151–165.
- Римантене Р.К.** Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // Орудия каменного века. – Киев: Наук. думка, 1978. – С. 20–32.
- Самохин А.Ф.** Дон и его притоки. – Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 1958. – 120 с.
- Сибилев Н.В.** Очерки по доистории и истории Изюмского края. – Изюм: Изюм. окр. музей, 1928. – Вып. 1: Далекое прошлое Изюма. – 14 с.
- Синюк А.Т.** Стоянка Монастырская как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на территории европейской части СССР. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1985. – С. 16–32.
- Синюк А.Т.** Население бассейна Дона в эпоху неолита. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1986. – 179 с.
- Сорокин А.Н.** Мезолит Жиздринского полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. – М.: Наука, 2002. – 248 с.
- Сорокин А.Н.** О мезолите низовьев р. Мокши // Тверской археологический сборник. – Тверь: Триада, 2003. – Вып. 6. – С. 71–81.
- Сорокин А.Н.** Проблемы мезолитоведения. – М.: Гриф и К, 2006. – 216 с.
- Спиридонова Е.А.** Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
- Ставицкий В.В.** Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. – Пенза: Пенз. гос. объед. краевед. музей, 1999. – 196 с.
- Сурков А.В.** Неолитические памятники Среднего Похоперья. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2007. – 159 с.
- Сурков А.В., Скоробогатов А.М.** Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2012. – 120 с.
- Телегин Д.Я.** К методике составления типолого-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. – Киев: Наук. думка, 1978. – С. 35–57.
- Телегин Д.Я.** Мезолітичні пам'ятки України. – Київ: Наук. думка, 1982. – 253 с.
- Трегуб Т.Ф.** Палинологическое заключение по результатам исследования стоянки Назаровка / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2012. – 4 с. – Рукопись.
- Федюнин И.В.** К вопросу о периодизации мезолита Лесостепного Похоперья // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 27–35.
- Федюнин И.В.** Мезолитические памятники Доно-Волжского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2005. – 25 с.
- Федюнин И.В.** Мезолитические памятники Среднего Дона. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2007. – 145 с.
- Федюнин И.В.** Палеолит и мезолит Южного Подонья. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2010. – 213 с.
- Федюнин И.В.** Стоянка Плаутино 2 и ее место в мезолите бассейна Дона. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2012. – 158 с.
- Федюнин И.В.** Тамбовский край в эпохи палеолита и мезолита (бассейн средней Цны) // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – С. 34–53.
- Фосс М.Е.** Раскопки стоянок на р. Осколе // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. XII. – С. 71–84.
- Хреков А.А.** Раннеолитические памятники Лесостепного Прихоперья // Археология восточноевропейской степи. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1992. – Вып. 3. – С. 6–11.
- Цыганов Ю.Ю.** Исследования палеолитической стоянки Борщево 2 // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: мат-лы пленума ИИМК РАН, 11–14 апреля 1995 г. – СПб., 1995. – С. 28–29.

*Материал поступил в редколлегию 25.03.14 г.,
в окончательном варианте – 23.06.14 г.*

I.V. Fedyunin

Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Lenina St., 86, 394043, Russia
E-mail: feduniv@mail.ru

**MESOLITHIC OF DON REGION FOREST-STEPPE
IN THE RESEARCH RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

The article is devoted to the research of Don region forest-steppe Mesolithic cultures in the East European context. The historiography of the problem, the critical review of the sources and their capability for reconstruction are considered. The inferences are deduced about the place and the role of forest-steppe Mesolithic sites of Don region in the Eastern European Mesolithic. The past scientific perceptions are overviewed in the context of cultural identification, periodization, chronology and a few Mesolithic culture areas in the region under consideration. According to the available data the genesis processes and historical destinies of these cultures are not associated with local Final Paleolithic or Neolithic.

Keywords: *Mesolithic, Zimovnikovo, Donetsk cultures, forest-steppe Don region, North-Eastern Azov region, Donets region.*

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.2+903.08

К.Ю. Кирюшин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 61, Барнаул, 565049, Россия
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru*

МОРФОЛОГО-ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КЕРАМИКИ С ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА III В СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЕ*

В материалах памятника Новоильинка III (Северная Кулунда), датированных первой половиной III тыс. до н.э., встречена отступающе-накольчато-ямочная, гребенчато-ямочная и ямочная керамика. Она находит аналогии в керамических комплексах т.н. гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной общности, ареал которой протянулся от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) до Верхнего Приобья. Наиболее ярко выражены черты сходства с керамикой байрыкского (Бараба) и кипринского (Верхнее Приобье) типов.

Ключевые слова: энеолит, поселение, керамика, культурная принадлежность, орнаментальные традиции, техника орнаментации.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.028–039

Введение

К сожалению, эпохи неолита и энеолита являются одним из наименее изученных периодов в древнейшей истории юга Западной Сибири. Это обусловлено как субъективными, так и объективными причинами. Первые связаны с различными подходами исследователей к определению терминов «неолит» и «энеолит» и хронологических рамок данных эпох [Матющенко, 1973, с. 97; Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 10–15; Молодин, Бобров, 1999, с. 6]. С середины XX в. и до наших

дней несколько раз менялось представление о нижней хронологической границе эпохи металла. В результате этого процесса была пересмотрена неолитическая интерпретация большинства памятников лесостепной зоны Западной Сибири.

Объективная проблема в изучении поселенческих комплексов неолита и энеолита на юге Западной Сибири связана с характером имеющихся в нашем распоряжении источников. На территории степного и лесостепного Алтая это памятники с разрушенным культурным слоем. Археологические коллекции с них представлены сборами с поверхности. На поселениях обнаружены культурные остатки различных исторических периодов от мезолита до Средневековья. В результате механического смешения разновременных артефактов комплексы неолита и энеолита невозможно отделить друг от друга и от материалов более ранних и более поздних эпох.

Складывается парадоксальная ситуация, когда появляются обобщающие работы, строятся периодизационные схемы, выделяются неолитические культуры

*Работа выполнена в рамках проекта «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» (государственное задание, код проекта: 1006) и при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

[Кунгуров, 2007; Шмидт, 2005], а на огромной территории Алтайского края, включающего разные физико-географические зоны (Рудный, степной и лесостепной Алтай, Барнаульско-Бийское Приобье, отроги Салаирского кряжа, Приобское плато и т.д.), для поселенческих комплексов неолита и энеолита имеется только одна радиоуглеродная дата – $7\,340 \pm 175$ л.н. (СОАН-2990) для поселения Корначак-2 [Кунгуров, 1997, с. 102].

В настоящий момент требуется ревизия всех материалов неолита и энеолита Алтая. Особое внимание должно быть направлено на выяснение хронологии и периодизации памятников, и только после этого следует решать вопросы их культурной принадлежности.

После работ в Карасукском р-не Новосибирской обл. Западно-сибирского отряда Института археологии АН СССР под руководством М.Ф. Косарева [Куйбышев, 1976], когда были проведены раскопки на двух памятниках, все остальные коллекции эпохи неолита получены в результате сборов подъемного материала на поселениях Усть-Курья (около одноименного села), Кабанье и Береговое (на оз. Кабаньем) [Кунгуров, Удодов, 1990, 1993], Устьянка-Водопой (на том же озере у с. Устьянка Бурлинского р-на Алтайского края) [Гельмель, 1995; Кирюшин К.Ю., Ситников, Сафронов, 2012]. Эти материалы с разрушенных памятников представляют достаточно мозаичную картину. Их фрагментарность не позволяет даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на территории Кулундинской степи в эпохи неолита и энеолита.

Археологические объекты Кулунды располагаются в своеобразной буферной зоне между крупными ареалами культур лесостепного Алтая, Казахстана и Барабы. Поселение Новоильинка III – это стратифицированный памятник, культурный слой которого дошел до нашего времени в неразрушенном состоянии, что является большой редкостью. Без всякого сомнения, его исследование позволит приблизиться к реконструкции этнокультурных процессов на территории юга Западной Сибири в эпоху энеолита.

История изучения поселения Новоильинка III

Памятник Новоильинка III (рис. 1) открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто ок. 40 м^2 [Кирюшин К.Ю., Ситников, 2013, с. 210]. По костям животных, найденным на поселении, получена серия радиоуглеродных дат: $4\,270 \pm 170$ л.н. (Je-7534), $4\,585 \pm 170$ (СОАН-8318), $4\,310 \pm 110$ (СОАН-8319), $4\,250 \pm 120$ л.н. (СОАН-8320), которые позволяют датировать его

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Новоильинка III.

серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Калибровка этих дат почти на 1000 лет удревяет культурный слой памятника. Разброс значений по 1σ (вероятность 68,2 %) занимает интервал от 3650–3600 до 2650–2630 гг. до н.э., по 2σ (95,4 %) – от 3700–2850 до 3500–2400 гг. до н.э. Таким образом, максимальный разброс составляет 1020–1300 лет, а минимальный – 650–950 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого промежутка времени. С учетом калибровки радиоуглеродных дат материалы поселения можно отнести к первой половине III тыс. до н.э.

В 2010–2013 гг. на памятнике исследовано 560 м^2 . Находки (керамика, каменные артефакты и кости животных) концентрировались на площади 360 м^2 в центральной части раскопа и около прокала в восточной. В центральной части они были связаны с «пятнами» гумусированной супеси, которые имели аморфные границы по горизонтали и вертикали. Фрагменты одних и тех же сосудов залегали на разных глубинах от 0,35 до 0,85 м.

Условия залегания материалов вызывали вопросы. Выдвигались различные гипотезы о формировании культурного слоя памятника, в т.ч. предположение, что исследованный в 2010–2013 гг. участок представляет собой русло древнего водотока (старичья р. Бурла), куда выбрасывались мусор и пищевые отходы [Там же]. Работы 2014 г. позволили дать ответы на некоторые вопросы. Было исследовано очередное «пятно» размерами $5,0 \times 5,5$ м и глубиной 1,55 м. Его гумусированное заполнение темно-серого и местами черного цвета прорезает светло-серый песок и заканчивается на уровне глины. С северной стороны «пятна» стенка практически вертикальная, а с южной к нижнему уровню (глине) ведут ступени. Археологические находки были связаны с гумусированным заполнением и отсутствовали в окружающем песке.

Фрагменты одних и тех же сосудов залежали на разных глубинах от 0,40 до 1,55 м.

Есть все основания предполагать, что в зону раскопа попал производственный объект, условно названный глинищем, – место, где энеолитическое население брало глину. В процессе раскопок отобраны разнообразные образцы для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутое предположение. В качестве рабочей гипотезы принято, что этот производственный объект имел перекрытие из органического материала, в процессе археологизации которого образовались гумусированные «пятна». Возможно, он по каким-то причинам оказался заброшенным после обрушения кровли, но до полного ее разложения стал использоваться как место для выброса мусора и пищевых отходов.

Фрагменты от одних и тех же сосудов «рассеяны» не только по вертикали, но и по горизонтали (до 8–10 м). Черепки, найденные около прокала в восточной части раскопа, апплицируются с находками из «пятен» в центральной части. Стоит отметить, что обломки сосудов различных морфолого-орнаментальных групп залежали совместно.

Тенденция к переходу от пластинчатой техники производства орудий к отщеповой служит хронологическим маркером выделения этапов развития

неолитических культур [Зайберт, 1993, с. 185; Молодин, Бобров, 1999, с. 6]. По результатам анализа каменной индустрии поселения Новоильинка III, в ней отсутствуют следы пластинчатой техники, все орудия изготовлены из отщепов, что характерно для энеолита. Причем, судя по полученным радиоуглеродным датам, материалы памятника относятся к рубежу этой эпохи и бронзового века.

Керамика с поселения Новоильинка III

У 18 сосудов с поселения Новоильинка III частично или полностью реконструируется форма (рис. 2–4). Судя по обнаруженным остродонным или слегка округлым днищам (рис. 5), керамическая коллекция представлена фрагментами не менее 30 сосудов. Небольшая выборка не позволяет нам подробно рассмотреть формы посуды. Можно только отметить, что это открытые сосуды, у которых высота примерно в 1,5–1,7 раза больше диаметра. Различия заключаются в форме венчика: встречены слегка отогнутый наружу (см. рис. 2, 1, 3; 3, 2; 4), загнутый внутрь (см. рис. 2, 2; 3, 1, 3, 4) и прямой (см. рис. 2, 4).

Наиболее представительная группа (90 %) – керамика, декорированная отпечатками отступающей

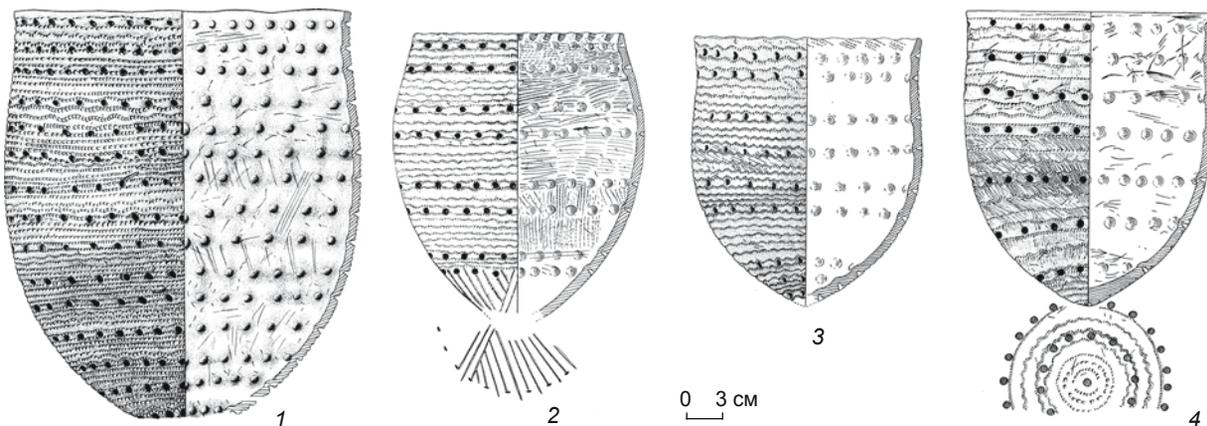

Рис. 2. Графические реконструкции сосудов, орнаментированных отступающей палочкой с элементами накальвания.

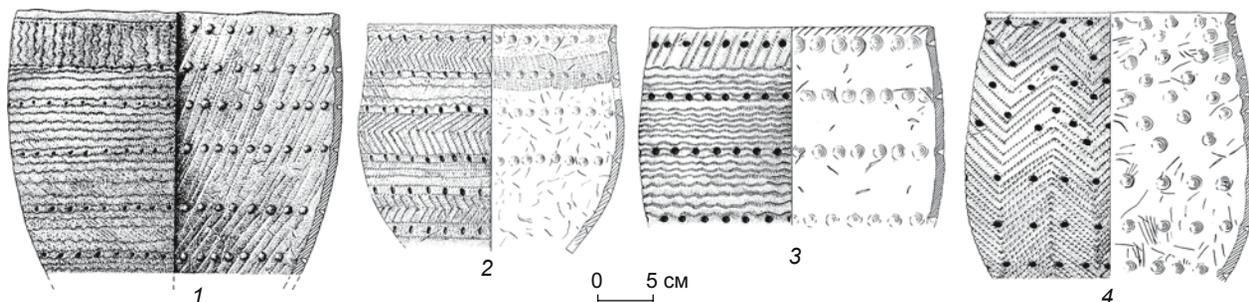

Рис. 3. Графические реконструкции сосудов, орнаментированных отступающей палочкой с элементами накальвания.

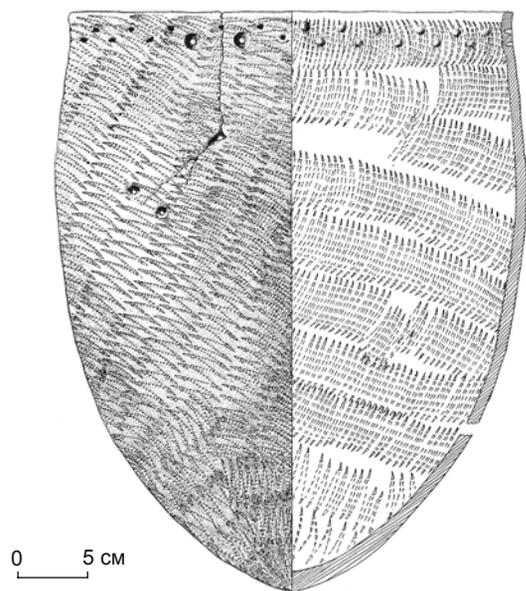

Рис. 4. Графическая реконструкция сосуда, орнаментированного «шагающей гребенкой».

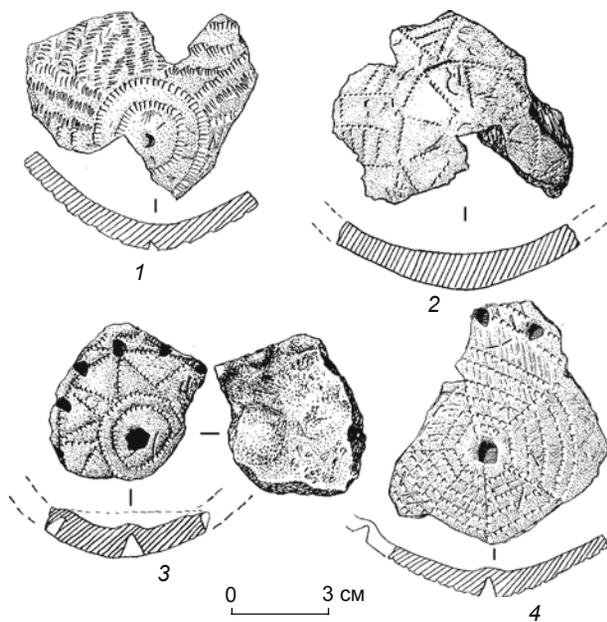

Рис. 5. Фрагменты днищ сосудов, орнаментированные отступающей палочкой с элементами накальвания.

палочки с элементами накальвания и рядами ямок (см. рис. 2, 3). Отступающе-накольчатый прием был так отработан, что орнамент выглядел как оттиски зубчатого орнамента. При создании декора этим способом мастер, выполняя наколы, не приподнимал инструмент и планомерно следовал предполагаемой линии рисунка. Таким образом, она сохранялась за счет постоянного придавливания орнамента к поверхности сосуда (определения А.И. Гуткова).

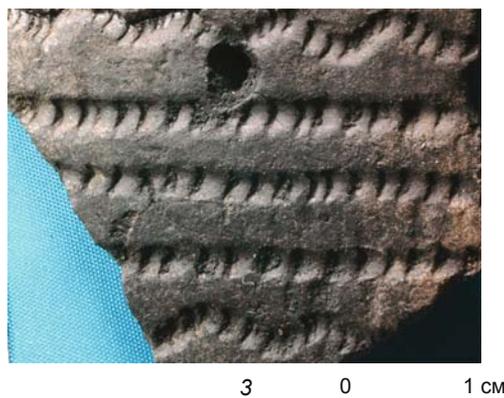
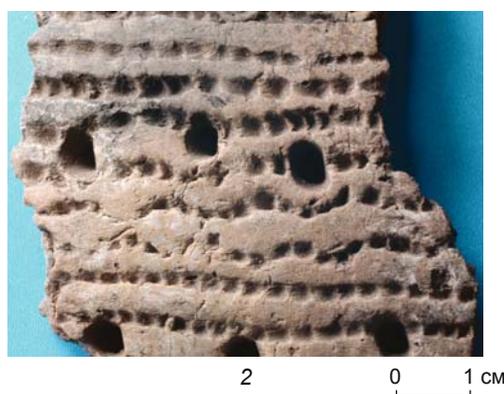
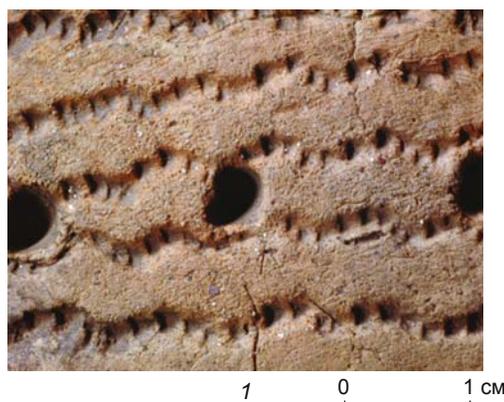

Рис. 6. Фрагменты керамики, орнаментированные отступающей палочкой с элементами накальвания.

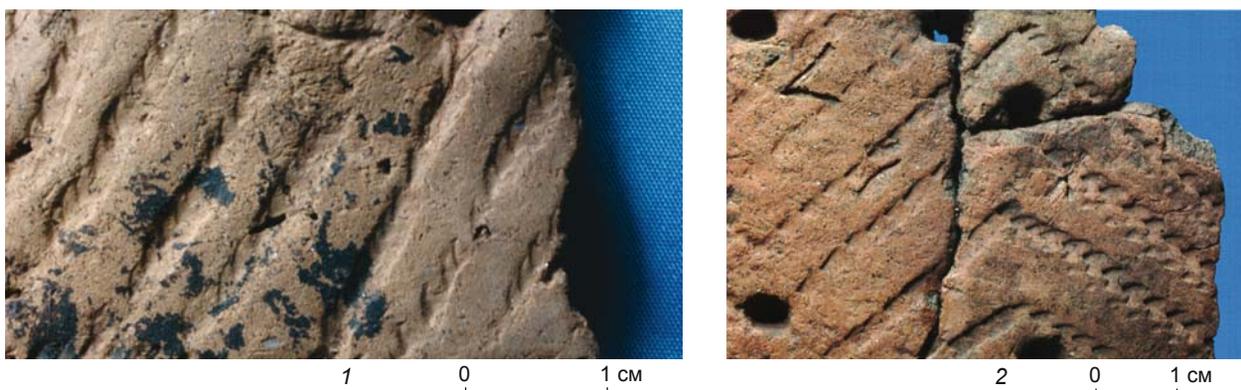

Рис. 7. Фрагменты керамики, орнаментированные отступающей палочкой с элементами накальвания.

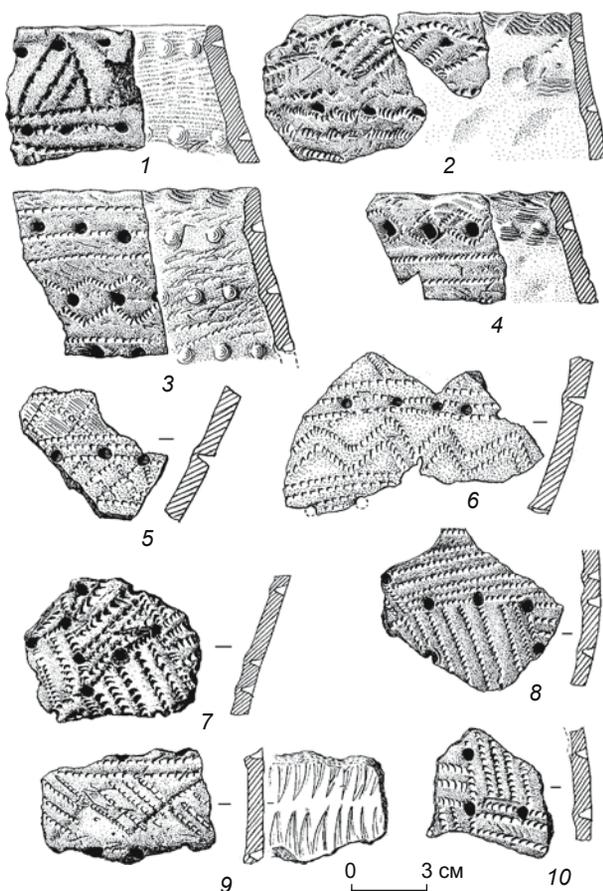

Рис. 8. Фрагменты сосудов, орнаментированных отступающей палочкой с элементами накальвания.

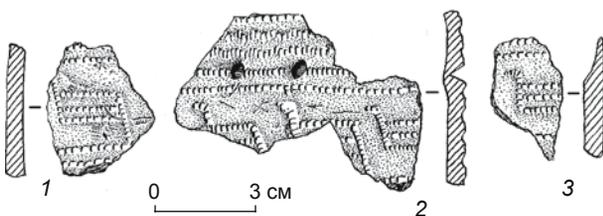

Рис. 9. Керамика с орнитоморфным орнаментом.

Рабочая плоскость инструмента обычно имела округлую форму (рис. 6), но в нескольких случаях она была в виде буквы V (рис. 7, 1), а в одном отпечаток напоминает латинскую W или прописную русскую Е (рис. 7, 2). В последнем случае получается очень своеобразный орнамент, который ряд исследователей называют псевдозубчатым. Похоже, что, описывая керамический комплекс неолитического поселения в Северной Кулунде «Шилова-Курьинская стоянка», А.В. Куйбышев подобный орнамент характеризует как «отпечатки расщепленной палочки в виде кавычек» [1976, с. 56].

Для сосудов, декорированных в отступающе-накольчатой технике, характерно сплошное покрытие поверхности орнаментом от венчика до дна. Ямки образуют ряды, в нескольких случаях их пары (см. рис. 2, 2). Только на одном сосуде они расположены хаотично (см. рис. 3, 4). Днища украшены радиальным орнаментом (см. рис. 2, 2; 5). Примерно у половины из них поверхность разделена на сектора (см. рис. 2, 2; 5, 2, 4).

Орнамент всех представленных на памятнике сосудов имеет линейное композиционное решение. Преобладают горизонтальные прямые и волнистые линии (см. рис. 2). У двух сосудов тулово орнаментировано горизонтальными волнистыми линиями, а венчик у одного – вертикальными (см. рис. 3, 1), у другого – диагональными (см. рис. 3, 3). Три сосуда украшены рядами «елочки» (см. рис. 3, 2, 4), у одного их разделяют волнистые линии (см. рис. 3, 2).

На керамике, орнаментированной отступающей палочкой с элементами накальвания, присутствуют геометрические мотивы: треугольники (рис. 8, 1), ромбы (рис. 8, 2–4, 9), меандры, ряды сеточки (рис. 8, 5) и зигзаги (рис. 8, 6), разделенные прямыми и волнистыми линиями. К этой группе можно отнести обломки сосуда с паркетным орнаментом (рис. 8, 7, 8, 10). К сожалению, она представлена фрагментарно и пока невозможно реконструировать форму ни одного сосуда.

На трех фрагментах от одного сосуда одновременно присутствуют геометрические мотивы и орнитоморфные изображения – «уточки» (рис. 9). Выше «уточек» расположены по две волнистых и прямых линии, разделенные рядом наколов, ниже – прямая линия. Они выполнены отступающей палочкой. На самом крупном фрагменте хорошо просматриваются три орнитоморфных изображения. У двух крайних «уточек» хорошо угадываются голова, шея, туловище, у центральной – еще и нога. На другом фрагменте сохранились голова, шея, туловище, на третьем – шея, туловище и нога. Образы водоплавающих птиц выполнены схематично. Несколькими нажимами отступающей палочки переданы голова и длинная шея. Туловище птицы изображено тремя параллельными рядами оттисков отступающей палочки и имеет форму прямоугольника, боковыми сторонами которого

являются линии шеи и ноги, расположенной в задней части туловища. К сожалению, из четырех орнитоморфных изображений нет ни одного целого, у каждого отсутствуют какие-либо детали.

Следующая по численности группа керамики орнаментирована отпечатками гребенчатого штампа (см. рис. 4, 10–13). По венчику сосуда декорированы двумя рядами ямок (см. рис. 4, 10, 12, 13). Посуда этой группы представлена более фрагментарно, и определить ее количество проблематично. Обнаружены два днища, орнаментированные «шагающей гребенкой», но, судя по числу венчиков, их должно быть не менее пяти-шести. Только у одного сосуда (см. рис. 4) полностью реконструируется форма. Возможно, при продолжении работ и накоплении материала выяснится, что у некоторых сосудов днище декорировано отступающей палочкой. На одном днище орнамент, выпол-

Рис. 10. Фрагмент внешней поверхности сосуда, орнаментированного «шагающей гребенкой».

Рис. 11. Фрагмент внутренней поверхности сосуда, орнаментированного «шагающей гребенкой».

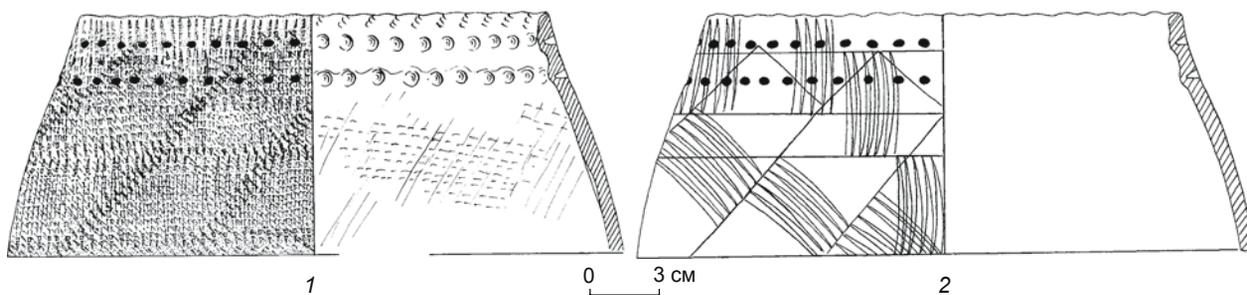

Рис. 12. Графическая реконструкция сосуда, орнаментированного «шагающей гребенкой» (1), и схема нанесения такого орнамента (2).

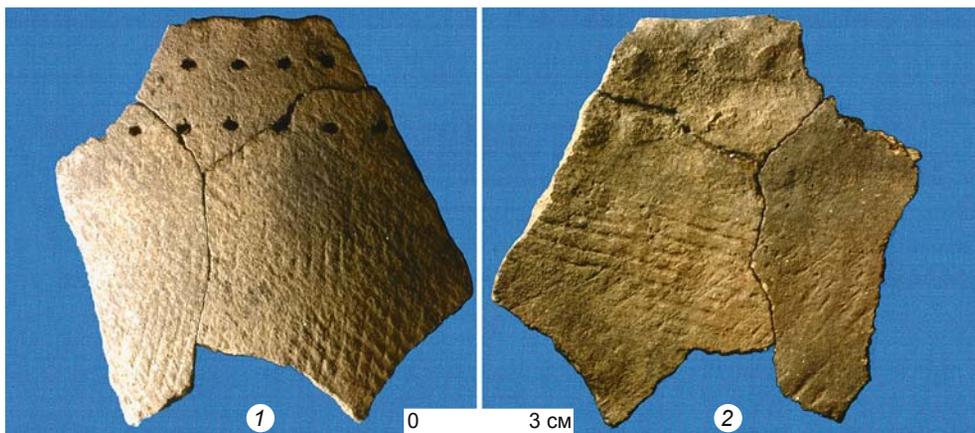

Рис. 13. Фрагмент сосуда, орнаментированного «шагающей гребенкой»
1 – внешняя поверхность; 2 – внутренняя.

Рис. 14. Фрагмент внутренней поверхности сосуда, орнаментированный «шагающей гребенкой».

ненный в этой технике, нанесен поверх отпечатков гребенчатого штампа (см. рис. 5, 4).

Условно керамику данной группы можно разделить на две подгруппы: с разреженным (одинарным) и

плотным (многократным) заполнением орнаментом. Первая представлена крупным сосудом (см. рис. 4), у которого вся внешняя (см. рис. 10) и внутренняя (см. рис. 11) поверхность украшена диагональными рядами отпечатков гребенчатого штампа. Ко второй подгруппе относятся не менее четырех сосудов. У них такие диагональные ряды перекрываются горизонтальными (см. рис. 12, 13). В результате получается достаточно сложная картина, и на мелких фрагментах керамики (особенно на хорошо профилированных) ряды «шагающей гребенки» «размываются». Подобный рисунок часто называют «ложным текстилем» или «ложношнуровым орнаментом». Он действительно напоминает отпечатки ткани, но при контрастном боковом освещении ряды «шагающей гребенки» четко видны. Разница с отпечатками шнура хорошо прослеживается на примере одного сосуда, у которого они фиксируются на внутренней поверхности (см. рис. 13, 2; 14), а внешняя украшена диагональными и горизонтальными рядами «шагающей гребенки» (см. рис. 13, 1).

Стоит отметить, что у многих сосудов, орнаментированных отступающей палочкой, внутренняя поверхность покрыта отпечатками гребенчатого штампа (см. рис. 2, 2; 3, 1, 2; 15, 2). Нередко отступающе-накольчато-ямочный орнамент нанесен поверх «шагающей гребенки» (см. рис. 3, 2; 15, 1). Особенно это хорошо заметно

Рис. 15. Фрагмент сосуда, орнаментированного отступающей палочкой с элементами накальвания.
1 – внешняя поверхность; 2 – внутренняя.

на сосудах, у которых на орнаментальном поле есть свободные пространства (рис. 16).

На нескольких венчиках, украшенных «шагающей гребенкой», между рядами ямок проходит волнистая линия, выполненная отступающей палочкой (рис. 17, 18). Подобная керамика демонстрирует сочетание двух разных орнаментальных традиций на одном сосуде. Создается впечатление, что отпечатки гребчатого штампа – это технологические следы, связанные с процессом формовки посуды. Видимо, главная цель подобной обработки внутренней и

внешней поверхности сосудов – более качественное соединение лоскутов глины, что не исключает и декоративной функции.

Следующая по численности группа керамики орнаментирована только рядами ямок (рис. 19). Представлены обломки не менее трех сосудов. Также найдены семь фрагментов стенок одного сосуда, украшенного треугольниками, расположенными в шахматном порядке, и рядами ямок (рис. 20). Орнамент на этих фрагментах нанесен коротким гребчатым штампом.

Рис. 16. Фрагмент внешней поверхности сосуда, орнаментированный отступающей палочкой с элементами накальвания.

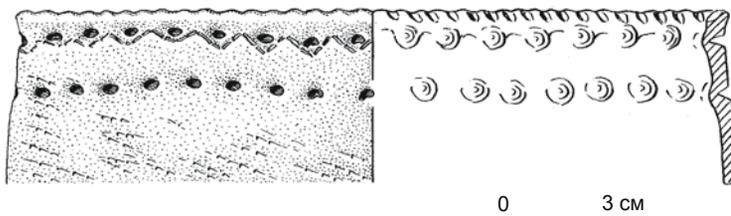

Рис. 17. Графическая реконструкция верхней части сосуда, орнаментированного отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания, рядами ямок и «шагающей гребенкой».

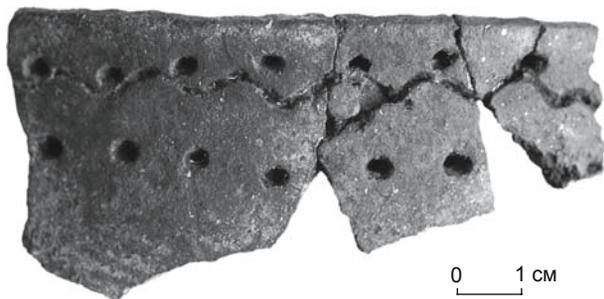

Рис. 18. Венчик сосуда, орнаментированный отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания, рядами ямок и «шагающей гребенкой».

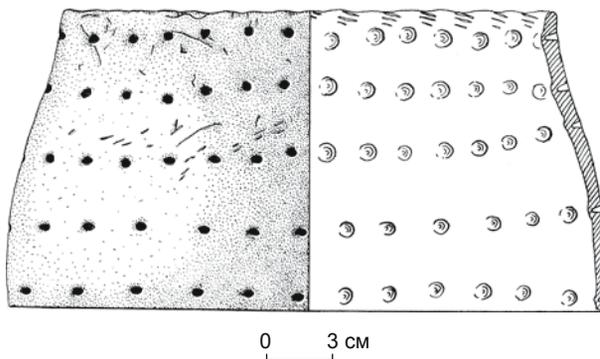

Рис. 19. Графическая реконструкция верхней части сосуда, орнаментированного рядами ямок.

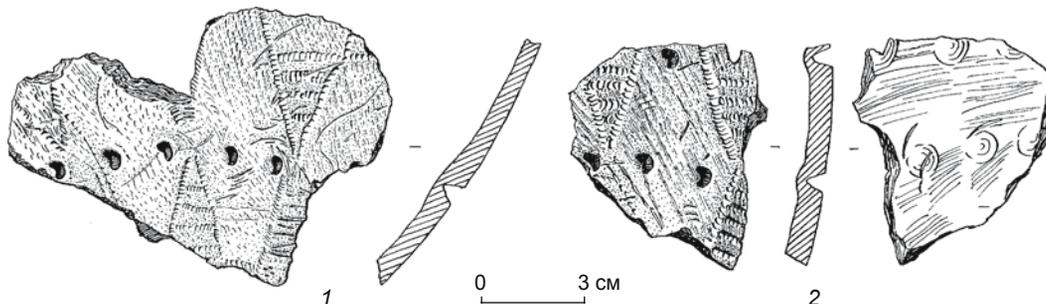

Рис. 20. Фрагменты сосуда, орнаментированного коротким гребчатым штампом.

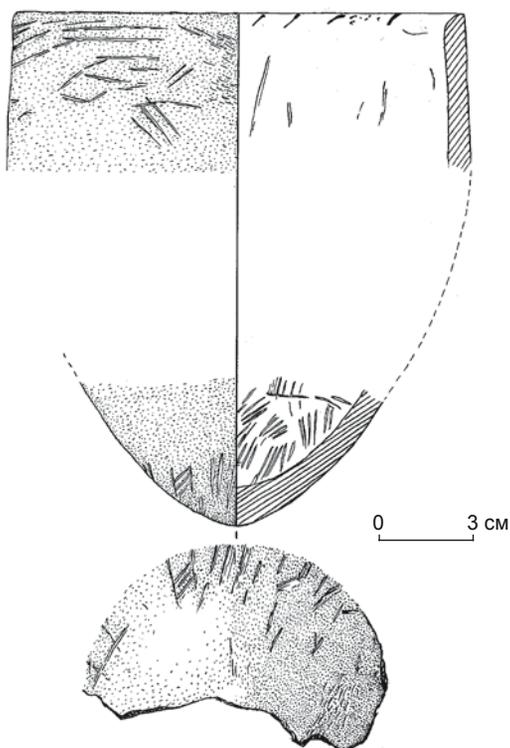

Рис. 21. Графическая реконструкция сосуда, орнаментированного насечками на внутренней поверхности венчика.

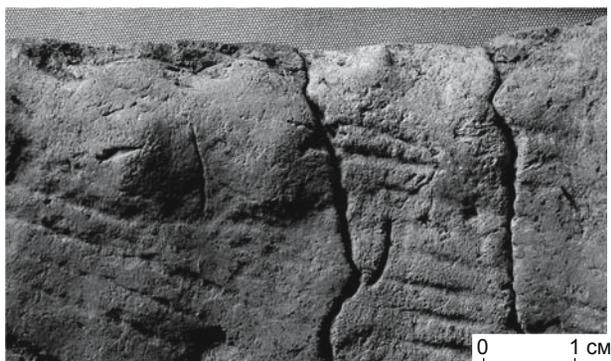

Рис. 22. Отпечатки короткого гребенчатого штампа в пальцевых вдавлениях на внутренней поверхности сосуда, орнаментированного отступающей палочкой.

Внешняя поверхность одного сосуда не декорирована, а на внутренней поверхности венчика есть насечки (рис. 21). Стоит отметить, что насечки, оттиски гребенчатого штампа и пальцевые вдавления, внутри которых имеются отпечатки короткого гребенчатого штампа (рис. 22), широко встречаются на керамике, орнаментированной отступающей палочкой с элементами накальвания (см. рис. 2, 2, 3; 3, 2, 3), и на посуде, украшенной «шагающей гребенкой» (см. рис. 12, 1; 13, 2).

Обсуждение результатов исследования

На поселении Новоильинка III за последние несколько лет собраны представительные коллекции керамики. Работы на памятнике продолжаются, и предварительные выводы, вероятно, будут скорректированы по мере накопления фактического материала. Однако уже сейчас можно констатировать, что археологические коллекции с поселения Новоильинка III могут стать базовыми для различных исторических реконструкций и периодизационных схем древнейшей истории Кулунды.

Керамика с памятника довольно разнообразна, и сосуды, орнаментированные отступающей палочкой с элементами накальвания (см. рис. 2, 3), на первый взгляд, не имеют ничего общего с украшенными «шагающей гребенкой» (см. рис. 4), а различия с посудой без декора на внешней стороне (см. рис. 21) еще более очевидны. При внимательном изучении складывается иная картина. Оказывается, что между отдельными группами керамики нет четких различий. Отпечатки отступающей палочки нанесены поверх «шагающей гребенки» (см. рис. 3, 2; 4, 4; 16; 18). Керамика, орнаментированная коротким гребенчатым штампом, также как и посуда других групп, декорирована рядами ямок (см. рис. 20). Фрагменты венчика, неорнаментированного с внешней стороны (см. рис. 21), имеют насечки на внутренней поверхности. Одним из важных объединяющих признаков являются ямки по венчику и тулову сосудов. В нескольких случаях они выступают как самостоятельный элемент орнамента (см. рис. 19).

Можно констатировать, что, несмотря на различия в орнаментации, вся посуда с поселения Новоильинка III имеет черты сходства, выражающиеся в форме и пропорциях сосудов, обработке внешней и внутренней поверхности, сочетании разных приемов орнаментации на одном сосуде. Смешение различных орнаментальных традиций в археологической литературе традиционно рассматривается как результат контактов различных групп населения. Дополнительную информацию по этому вопросу может дать технологический анализ керамики, но это уже тема отдельного исследования.

Керамический комплекс Новоильинки III можно охарактеризовать как отступающе-накольчато-гребенчато-ямочный. Аналогии прослеживаются в кругу культур «гребенчато-ямочной керамики» лесной зоны Северной Евразии. Материалы поселения Новоильинка III имеют некоторые черты сходства с керамическими комплексами памятников неолита Усть-Курья, Кабанье, Береговое и Устьянка-Водопой [Кунгуров, Удодов, 1990, 1993; Гельмель, 1995; Кирюшин К.Ю., Ситников, Сафронов, 2012]. Это наличие рядов ямок и орнамента в технике отступающей палочки [Куй-

бышев, 1976, с. 56–57]. Однако различий гораздо больше. Ведущий элемент орнамента керамики с поселения Устьянка-Водопой – легкие овальные и каплевидные вдавления, на втором месте – оттиски гребенчатого штампа, встречаются единичные образцы с «качалкой» и глубокими овальными вдавлениями [Гельмель, 1995]. На стоянке Мелкое II представлены сосуды, украшенные ямочным декором, отпечатками мелкозубой гребенки, горизонтальными пунктирными линиями [Куйбышев, 1976, с. 56]. На сопредельных с Кулундой территориях Барабы и Северного Казахстана также можно найти некоторые аналогии в материалах памятников эпохи неолита. Так, керамика, декорированная отпечатками гребенчатого штампа и ямочными наколами, обнаружена в Северо-Восточном Казахстане на поселении Тельмана Х [Зайберт, 1993, с. 70, табл. 28, 12]. Сосуды, орнаментированные отступающей палочкой, представлены в материалах погребально-ритуальных комплексов Венгерова-2 и -2А в Барабинской лесостепи [Молодин, Мыльникова, Нестерова, Орлова, 2012, с. 118–120, рис. 2, 1; Молодин, Мыльникова, Нестерова, Ефремова и др., 2013, с. 127, рис. 1, 2]. Они имеют некоторые черты сходства с керамикой из Новоильинки III, однако наблюдается и целый ряд отличий. Различаются формы сосудов. Ряды ямок, которые на новоильинской керамике украшают либо все тулово, либо его верхнюю часть, на венгеровской могут отсутствовать. Зато в самой широкой части тулова сосуда из Венгерова-2 располагается горизонтальный ряд парных оттисков угла лопаточки [Молодин, Мыльникова, Нестерова, Орлова, 2012, с. 118–120, рис. 2, 1]. Таким образом, между керамическими комплексами Новоильинки III и неолитических памятников Кулунды и сопредельных территорий черты сходства очень поверхностны и условны, а различия достаточно серьезны.

В Верхнем Приобье [Комарова, 1956; Кирюшин К.Ю., Фролов, Редников, 2014] и на Юго-Западном Алтае керамика, орнаментированная прямыми или волнистыми рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов, встречается на 10–15 памятниках [Кирюшин Ю.Ф., Клюкин, 1985, с. 95] «кипринского типа» [Комарова, 1956]. Вопросы хронологии, периодизации и культурной принадлежности этих памятников неоднократно становились предметом дискуссии [Молодин, 1977, с. 24–25; Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 32–38; Зах, 2003, с. 140–146]. Археологические коллекции с этих памятников представлены подъемным материалом (часто различных исторических периодов), который трудно разделить на хронологические группы [Кирюшин Ю.Ф., Клюкин, 1985, с. 74; Кирюшин К.Ю., Фролов, Редников, 2014].

Вопросы культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Верхнего Приобья впервые были рассмотрены М.Н. Комаровой [1956, с. 94], кото-

рая «по характеру керамики» подразделила их на три типа: кипринский, ирбинский и кротовский, соответствующие хронологическим этапам неолитической культуры. Позднее поселения третьего типа были отнесены к эпохе ранней бронзы и выделены В.И. Молодиным в самостоятельную кротовскую культуру [1977, с. 48]. В.И. Матющенко включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, развитие которой подразделил на два этапа – кипринский и ирбинский [1973, с. 110, 121]. Он также предложил датировать эти памятники IV–III тыс. до н.э., отметив, что данный период частично соответствует афанасьевскому времени в Южной Сибири [Матющенко, 1960, с. 14]. В.И. Молодин выделил в рамках верхнеобской неолитической культуры два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский [1977, с. 25]. Ирбинские памятники он отнес к эпохе раннего металла [Молодин, 1977, с. 36], как и В.А. Зах [2003, с. 146]. Последний выделил изылинский (ранний) и кипринский (поздний) этапы верхнеобской неолитической культуры [Там же, с. 155]. По мнению Ю.Ф. Кирюшина [2002, с. 38–45], который в полном объеме ввел в научный оборот материалы поселений Киприно и Ирба, эти комплексы относятся к эпохе энеолита. Мы поддерживаем его точку зрения.

На энеолитическом поселении Ботай в Северном Казахстане встречена керамика, орнаментированная вертикальными рядами отпечатков гребенчатого (зубчатого) или веревочного штампа [Мосин, 2003, рис. 53, 54]. Несмотря на то что она декорирована «шагающей гребенкой», а сосуды с поселения Новоильинка III – отступающей палочкой, они имеют много общего. Это прежде всего относится к керамике, украшенной рядами «елочки» (Ботай – [Там же, рис. 45, 46, 48, 51; 52, 2], Новоильинка III – см. рис. 3, 4), сеточки (Ботай – [Там же, рис. 56], Новоильинка III – см. рис. 8, 5), горизонтальными линиями (Ботай – [Там же, рис. 52, 4; 65], Новоильинка III – см. рис. 16). Форма сосудов практически идентична. Главное различие заключается в том, что два и более рядов ямок нетипичны для керамики Ботая. Ямки, как правило, локализуются в верхней части сосуда [Там же, рис. 48, 49, 53; 52, 4; 58], образуя чаще всего один ряд [Мосин, 2003, рис. 49, 53]. Судя по публикации В.С. Мосина, на поселении Ботай, по сравнению с Новоильинкой III, представлены более разнообразные формы сосудов и типы орнамента [Мосин, 2003, рис. 45–77].

Керамика, практически идентичная новоильинской, встречена на памятнике эпохи раннего металла Барабы Венгерова-3 [Молодин, 1977, с. 33, табл. XXXIII, 1–4; XXXIV, 3; XXXV, 2; XXXVI, 8; 1985, с. 17–18; рис. 3, 1–6, 16, 19]. Анализируя композиционное построение орнамента на посуде с этого поселения, В.И. Молодин отмечает, что «все композиции в качестве обязательного составного элемента содержат ямочные наколы»

[Молодин, 1985, с. 17]. То же характерно и для рассматриваемого нами памятника. Формы и композиционное построение орнамента сосудов, декорированных прямыми или волнистыми рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов, находят аналогии в материалах погребального комплекса эпохи раннего металла Сопка-2/2 («гребенчато-ямочная общность») [Молодин, 2001, с. 33, рис. 12, 4; 13, 7; 14, 32]. Хотя стоит отметить, что керамика из этих погребений украшена чередующимися рядами ямок, гребенчатых оттисков и насечек [Там же, с. 37].

В направлении на запад и северо-запад от поселения Новоильинка III мы находим многочисленные аналогии в кругу культур «гребенчато-ямочной керамики». Наиболее отчетливо они просматриваются в керамике с орнитоморфными изображениями. Территориально наиболее близкими аналогами являются «уточки» на сосудах из энеолитического могильника Ишкиновка I (Урало-Иртышское междуречье) [Мосин, 2003, с. 98–99] и с поселений энеолита и эпохи бронзы Урала Шайтанское Озеро [Сериков, 2013, с. 55, рис. 83], Палатки I [Викторова, 2004, с. 149], Аятское Правобережное, Шигирское городище [Чаркина, 2005, с. 240–243]. Гораздо более удалены от Новоильинки III памятники Сахтыш I, Кубенино (в европейской части России) и Сятос (Финляндия) [Искусство..., 1992, с. 45–48, 76–77], где найдена керамика с орнитоморфными изображениями, стилистически очень близкими новоильинским.

В.И. Молодин, сравнивая керамику из погребений Сопки-2/2 и с поселения Венгерovo-3 с гребенчато-ямочной посудой Западной Сибири (байрынской, екатерининской, карасёвской и т.д.), поднимает проблему культурно-хронологического сопоставления данных комплексов [2001, с. 39]. По его мнению, в настоящее время невозможно однозначно ответить на вопрос, что за этим стоит – археологические культуры в рамках единой общности или культуры, связанные общими традициями орнаментации посуды, но разновременные. До внесения ясности В.И. Молодин предлагает использовать термин «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» [Там же]. Он считает, что отнесение таких памятников к эпохе неолита возможно, но требует серьезной аргументации [Там же]. Выводы, сделанные В.И. Молодиным, совпадают с нашими наблюдениями.

В поселенческих и погребальных комплексах неолита сопредельных территорий мы не находим аналогов, а можем наблюдать только отдельные черты сходства. В материалах эпохи энеолита (или раннего металла) обнаруживаются очень близкие аналогии, что выражается в формах посуды и построении орнаментальных композиций. Различия заключаются в технике орнаментации. Видимо, черты сходства связаны с тем, что все эти комплексы относятся хотя

и к разным археологическим культурам, но в рамках единой культурно-исторической общности переходного времени от неолита к эпохе бронзы (энеолита или раннего металла). Скорее всего, своеобразие керамики с поселения Новоильинка III определяется периферийным (восточным) положением памятника в ареале данной культурно-исторической общности.

Заключение

Несмотря на то что основная масса керамики с памятника Новоильинка III декорирована отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания и рядами ямок, по композиционному построению орнаментов и орнаментальным мотивам она имеет черты сходства с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой посудой лесной зоны Зауралья и Северного Казахстана. Очевидно, это поселение расположено на восточной периферии ареала т.н. гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной общности, протянувшегося от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) до Верхнего Приобья.

Список литературы

- Викторова В.Д.** Культурные озерные памятники // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 144–158.
- Гельмелъ Ю.И.** Новые материалы из Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1995. – Вып. V, ч. 2. – С. 42–46.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука Респ. Казахстан, 1993. – 246 с.
- Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Искусство** каменного века: (Лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – 136 с.: ил.
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М.** Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 207–211.
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Сафронов М.И.** Исследования поселения Устьянка-Водопой в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 88–93.
- Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А.** Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – Вып. XX. – С. 112–119.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 73–117.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Куйбышев А.В. Древние стоянки Кулунды // КСИА. – 1976. – № 148. – С. 53–58.

Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Вып. VIII. – С. 98–104.

Кунгуров А.Л. Опыт создания периодизации каменного века Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 130–142.

Кунгуров А.Л., Удодов В.С. Находки каменного века в Кулунде // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 31–33.

Кунгуров А.Л., Удодов В.С. Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 4–9.

Матющенко В.И. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1960. – 15 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век): в 4 ч. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. 1: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье: (Верхнеобская неолитическая культура). – 186 с. – (Из истории Сибири; вып. 9).

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Бобров В.В. Предисловие // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 3–8.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерovo-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 124–129.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.С. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2003. – 220 с. – (Этногенез уральских народов).

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2013. – 408 с.: ил.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.

Шмидт А.В. Неолит Приобского плато: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 24 с.

Материал поступил в редколлегию 23.01.15 г.

K.Yu. Kiryushin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Pr. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia

Altai State University

Lenina St., 61, Barnaul, 565049, Russia

E-mail: kirill-kiryushin@mail.ru

MORPHOLOGICAL ORNAMENTAL GROUPS OF POTTERY FROM THE ENEOLITHIC SETTLEMENT NOVOILINKA III IN NORTHERN KULUNDA

The retreat-stroke-pit ware, comb-pit ware and pit ceramics have been found among the materials dated to the first half of the III millennium BCE at the Novoilinka III site (Northern Kulunda). This pottery has the analogies in the ceramic complexes of so-called comb-pit, pit-comb and retreat-stroke-pit community, which spread from the Eastern European forest area (Baltics) to the Upper Ob region. This ceramics has the most strong resemblance with Bairyk (Baraba) and Kiprinsk (Upper Ob region) types.

Keywords: *Eneolithic, settlement, pottery, cultural identification, ornamental traditions, ornamental technique.*

УДК 903.2

С.Н. Корневский*Институт археологии РАН
ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: skorenevskiy@yandex.ru*

ДВЕ НОВЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА С РЕКИ ФАРС (ЗАПАДНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ)

Статья посвящена публикации наверхия скипетра и орнаментированного топора-молота эпохи энеолита и начала бронзового века. Они происходят из предгорий Западного Предкавказья. Оба предмета являются редкими находками, позволяющими рассматривать на основе анализа их форм проблемы культурных контактов населения Западного Кавказа и Юго-Восточной Европы в указанный период.

Ключевые слова: энеолит, ранний бронзовый век, культ, оружие, Предкавказье, ямная культура, майкопско-новосвободненская общность.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.040–046

Рассматриваемые два редких предмета хранятся в музее г. Краснодара. Согласно паспорту, они происходят из района у с. Колосова Поляна (координаты: 44°28'56" с.ш., 40°23'12" в.д.) на р. Фарс в предгорной зоне Западного Предкавказья, севернее ст. Новосвободной и южнее ст. Махошевской. В эпоху энеолита на данной территории были распространены носители культуры с накольчатой жемчужной керамикой, позже – племена новосвободненской группы майкопско-новосвободненской общности. Что касается среднего периода эпохи бронзы, то можно лишь допустить обитание здесь носителей северокавказской и дольменной культур, а также иных групп многообразного по составу населения Западного Предкавказья этого периода.

Каменный скипетр (рис. 1). Масса изделия 410 г, т.е. близка таковой орудий ручного действия, например, каменного топора эпохи энеолита. Длина плоского наверхия 165 мм, максимальная ширина 65 мм. Форма предмета как бы разделена на две половины: передняя – в виде асимметричного овала с более выгнутой верхней частью, тыльная – остроконечная. На обеих плоских сторонах передней части имеются одинаковые прорезанные линии: одна по контуру в виде уплощенного желоба С-образной формы, другая по

длинной оси изделия прямая с четко подостренными окончаниями. Перед тыльной частью сверху расположен стержневидный выступ высотой ок. 25 мм. Изделие имеет незначительное утолщение книзу. Его контур тщательно «заовален», острых углов нет.

Каменное наверхие скипетра имеет коричневатый цвет с черным полированным отливом. Заметны следы пикетажной техники в виде мелких многочисленных выбоин. Поверх них в древности была проведена шлифовка, дающая местами вороненый цвет предмету. Она более прослеживается на передней части изделия.

Наверхие скипетра, как полагают, вставлялось в коленчатую муфту или рукоять. Выступающий сверху каменный шип служил для крепления изделия в основе [Govedariča, Kaizer, 1996]. Следовательно, вставка могла выниматься из рукоятки и использоваться (или переноситься) отдельно.

Каменные скипетры – яркие свидетельства культов и верований древнего населения степной зоны Предкавказья, юга Восточной Европы и Подунавья в эпоху энеолита (рис. 2). Их типология хорошо разработана В.А. Дергачёвым [2000, 2005] и дополнена в связи с публикацией оригинального скипетра – «утюжка» из с. Александрия Ставропольского края [Корневский,

Калмыков, 2010; Корневский, 2012, с. 53, 213–215, рис. 83–85]. Суть этого дополнения в следующей формальной схеме рассматриваемых предметов, подразделенных на классы и внутри них – на группы.

Класс 1. Зооморфные скипетры: группа 1 – «курносые», «без рта» (т.е. «рот» не выделен); группа 2 – примитивные, «без рта», «не курносые», абстрактной формы; группа 3 – усложненной формы с изображением пасти животного [Корневский, 2012, с. 213, рис. 83, 7–17].

Класс 2. Скипетры абстрактные с сигаровидным уплощенным корпусом: группа 4 – с каннелюрами; группа 5 – с желобами или обводами корпуса линиями; группа 6 – с U-образным орнаментом на плоском тулове с перекладиной (группа III, т.н. архаринский вариант, по В.А. Дергачёву) [Там же, с. 214, рис. 84].

Рассматриваемая находка с р. Фарс, судя по желобчатому орнаменту, относится к группе 5, т.е. к скипетрам абстрактной формы с желобами. Она особо интересна тем, что пока является единственным целым каменным навершием с такими деталями. В связи с этим данная находка позволяет несколько уточнить предложенную типологическую схему и состав групп 2 и 5. Обе эти группы включают изделия с асимметричным контуром в профиль, напоминающим некие зооморфные образы, например, туловище кабана без обозначенной пасти. Вариации заключаются в наличии или отсутствии линий обводов и желобов. Поэтому предлагаю ко 2-й группе отнести примитивные зооморфные скипетры без данных элементов, а к 5-й – с желобами и обводами, при этом объединить группы 1, 2, 5 в понятие примитивных зооморфных форм наверший скипетров.

Несколько иная по сравнению с предложенной ранее типологическая схема существенно дело не меняет, но выглядит более формально строгой. Группа 1 остается без изменений. Она включает примитивные зооморфные скипетры с признаками «курносости» (Александрия, Хлопковский могильник, Кокберек; рис. 3, 1–3). Каннелюры прослеживаются на «утюжке» из с. Александрия Ставропольского края. Скипетры группы 1 относятся к хвалынской энеолитической культуре Поволжья. Даты могильника со скипетрами «Хлопково городище» $6\ 160 \pm 70$ л.н. (5256–4964 гг. до н.э.) и $6\ 090 \pm 70$ л.н. (5196–4855 гг. до н.э.) [Малов, 2008, с. 61]. Они соответствуют дате Нальчикского могильника в Предкавказье (GrA-24442) $5\ 910 \pm 45$ л.н. (4840–4820 гг. до н.э.) и древнее дат Триполья VI [Бурдо, 2001; Вейдеко, 2003, 2004], нижний предел которых относится к 4700–4600 гг. до н.э.

Навершия группы 2 – без обводов и желобов – также происходят из хвалынских могильников (рис. 3, 4, 5). Даты поволжских находок в целом охватывают первую половину V тыс. до н.э. [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 86]. Они сопоставимы с дата-

Рис. 1. Скипетр из с. Колосова Поляна.

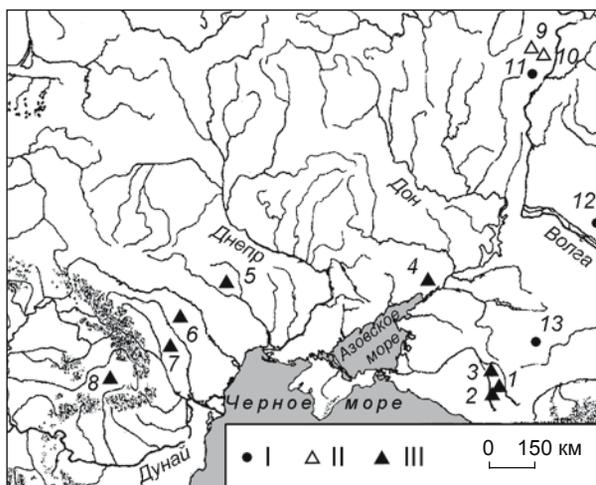

Рис. 2. Карта-схема распространения примитивных зооморфных каменных наверший скипетров.

I – группа 1; II – группа 2; III – группа 5.

1 – Колосова Поляна; 2 – поселение Ясенева Поляна; 3 – Майкоп; 4 – Константиновское поселение; 5 – Березовская ГЭС; 6 – Жора-де-Суз; 7 – Ружиноаса; 8 – Вэлень; 9, 10 – Хвалынский могильник; 11 – Хлопковский могильник; 12 – Кокберек; 13 – Александрия.

ми наверший группы 1 и соответствуют финалу Триполья А – Триполью VI.

Группа 5 включает навершия с обводами и желобами (Константиновское поселение, Березовская ГЭС, Жора-де-Суз, Вэлень, Ружиноаса, Колосова Поляна,

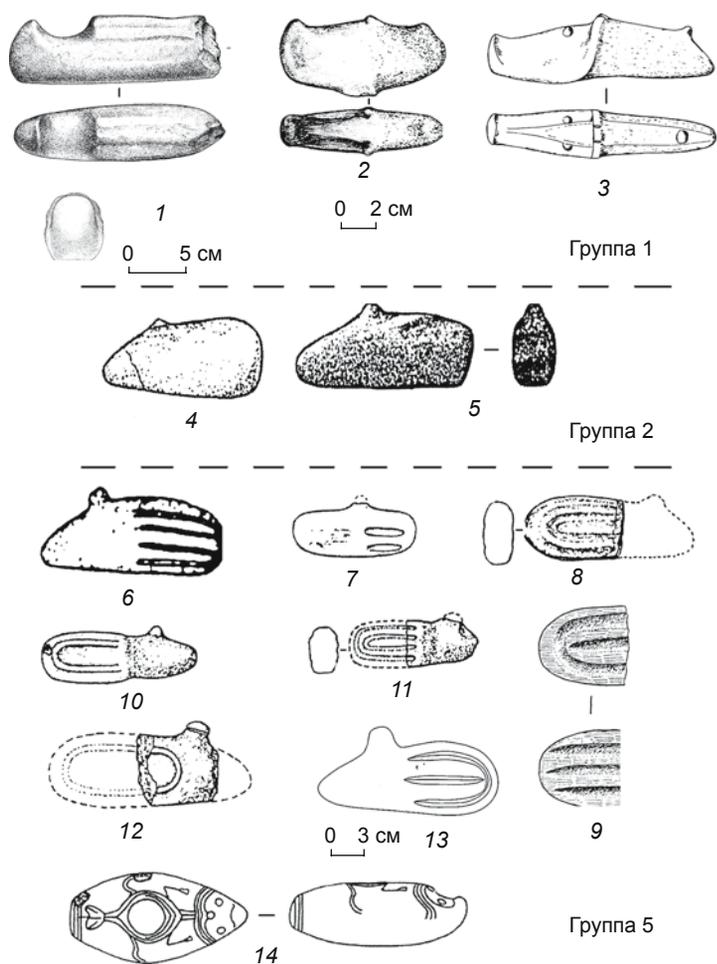

Рис. 3. Типология примитивных зооморфных каменных наконечников скипетров (по: [Дергачёв, 2005] с уточнениями).

Группа 1: 1 – Александрия, 2 – Хлопковский могильник, кв. 24, 3 – Кокберек; группа 2: 4 – Хвалынский могильник, погр. 108, 5 – Хвалынский могильник II; группа 5: 6 – Майкоп, 7 – Березовская ГЭС, 8 – Жора-де-Суз, 9 – Ясенева Поляна, 10 – Вэльень, 11 – Константиновское поселение, 12 – Ружиноаса, 13 – Колосова Поляна; 14 – с. Корнецел, Румыния.

поселение Ясенева Поляна, Майкоп; рис. 3, 6–13). Их хронология такова. С культурой Кукутени А – Триполье VI связаны наконечники, найденные возле сел Жора-де-Суз, Ружиноаса и Березовской ГЭС. К культуре накольчатой жемчужной керамики принадлежит находка с памятника Ясенева Поляна [Дергачёв, 2005; Корневский, 2008]. Обнаружение обломка такого предмета в слое Константиновского поселения еще не означает причастность абстрактных скипетров ко времени майкопско-новосвободненской общности, т.к. само поселение радиоуглеродных дат не имеет, а культурные остатки из его энеолитического слоя могут уходить корнями в большую древность, чем эпоха этой общности. Публикуемая находка с р. Фарс, скорее всего, оставлена носителями культуры накольчатой жемчужной керамики Предкавказья, откуда происходит обломок такого изделия с поселения Ясенева Поляна.

Если посмотреть на карту распространения скипетров (см. рис. 2), то мы увидим, что находки группы 2 и 5, с одной стороны, в основном связаны с Западным Предкавказьем и степным Поволжьем (где были распространены культуры накольчатой жемчужной керамики и хвалынская энеолитическая), с другой – соотносятся с ареалом культуры Триполья в пограничье степной и лесостепной зон, а также с Закарпатьем.

Семантика наконечников каменных скипетров долгое время сводилась к интерпретации их как изображения головы одомашненной лошади [Даниленко, Шмаглий, 1972]. Согласно другой трактовке, обозначенной еще А.А. Иессеном, они представляют собой фигуру кабана [1952]. Третья точка зрения соотносит эти предметы с образом фантастического зверя [Govedarica, Kaizer, 1996]. По моему мнению, «курносые» наконечники скипетров передают образ волшебного зверя, созданный на основе головы вепря [Корневский, 2008]. Изображение головы эквиды встречено только один раз (Суворово) [Корневский, 2012, с. 213, рис. 83, 15]. Но что это за вид: онагр, кулан, дикая лошадь или домашняя, – уточнить невозможно.

Самые примитивные зооморфные асимметричные по форме каменные наконечники скипетров встречены в степном Поволжье у носителей хвалынской культуры. Здесь присутствуют изделия как бы с зарождающимся зооморфизмом изображений. При этом можно предполагать в дальнейшем две линии в канонизации образа культового животного: реалистическую и абстрактную, которые развивались параллельно во времени. Первая была очень сложным способом воплощения

мифологической идеи. Она требовала высокого мастерства и таланта в вырезании из камня зооморфной фигуры монстра. Вторая линия развития была более простой в исполнении: реалистический образ заменялся системой прорезанных или выпуклых линий, в т.ч. желобов. Наконечники из с. Колосова Поляна сочетают черты обеих: реалистической, в виде контура фигуры зверя с горбатой спинкой, и абстрактной, в виде кодирования некоего признака этой формы путем нанесения желобов.

В целом все вышеизложенное приводит к заключению, что культ волшебного зверя на основе образа кабана на юге Восточной Европы и Предкавказья начал находить свое выражение самостоятельно в кругу культур местного энеолитического населения, которое придерживалось традиций захоронения умерших сородичей в скорченном положении на

спине, с посыпкой покойного охрой. Он был распространен также у носителей культуры Кукутени-Триполье и у племен, оставивших погребения с охрой в Дунайском регионе, судя по находке из с. Корнецел (Румыния) с вырезанным изображением «курносой» морды драгонкампа – зооморфного фантастического монстра с чертами кабана, земноводного существа и дельфина (см. рис. 3, 14) [Дергачёв, 2005, с. 97, рис. 48, 1; Măndrescu, Stefan, Maschio, 2000; Корневский, 2008; 2012, с. 72, рис. 86, 1].

Вместе с тем богатейшая культовая пластика из глины и рисунки на сосудах культуры (общности) Кукутени-Триполье не содержат изображений монстров с головами, похожими на каменные изваяния скипетров. В искусстве земледельческих племен энеолита Подунавья представлены совсем иные персонажи местной мифологии, в т.ч. танцующие люди, различные богини, змеи, хищники семейств кошачьих (?) и собачьих, птицы, а также древо жизни, космогония светил, многочисленные букрании [Бурдо, 2008]. Лишь на костяной ложке с поселения Созопол (Болгария) времени Триполья ВП изображена голова фантастического существа с выпученными глазами и внушительным «пяточком» на носу [Корневский, 2012, с. 73, 216, рис. 86, 3].

Следовательно, археологические источники показывают, что идея воплощения в произведениях искусства божества с лошадиной или кабаньей головой нашла отражение ранее всего в культурах именно степных пастушеских и охотничьих племен Волго-Предкавказско-Прутского региона, которые расселялись вплоть до Закарпатья. От них семантика этих фантастических существ могла попасть в среду оседлых земледельцев времени финала Триполья А – Триполья VI, где ее воплощали в реалистических и абстрактных образах местные мастера.

Каменный топор-молот (рис. 4). Длина изделия 15 см, диаметр отверстия 2,2 см. Корпус топора изогнут, обушная часть опущена. На окончании обуха сделана массивная шляпка. Втулка украшена пятью вертикальными выпуклыми валиками. Орудие было отполировано, полировка несколько изъедена процессами выветривания. Цвет камня темный с красновато-коричневым оттенком.

Топор являлся высокопрестижным оружием, т.к. его изготовление требовало большого мастерства и труда. Находка с р. Фарс уникальна по своей форме и аналогии ей подобрать непросто. Сопоставление возможно по нескольким сочетаниям признаков. Опущенная вниз обушная часть отличает рассматриваемое изделие от каменных топоров культур воронковидных кубков, шнуровой керамики [Zápotocký, 1992] и фатьяновской культуры, имеющих, как правило, прямой корпус. Крупная шляпка на обухе отличает его от топоров с удлинённым обухом среднего

Рис. 4. Топор-молот из с. Колосова Поляна.

периода эпохи бронзы, т.н. пятигорского типа граненых и гладких (рис. 5, 4, 6), а также степных типов (рис. 5, 5) (типа IV по В.И. Марковину [1960, с. 99, рис. 44, 18]), у которых такого элемента нет. По сочетанию этих признаков (опущенный вниз молоточковидный обух со шляпкой) находка с р. Фарс сближается с бронзовым и каменным топорами из погр. 5, кург. 31 могильника Клады (рис. 5, 1, 2), бронзовым из станицы Воздвиженской (рис. 5, 3) и топорами из Бородинского клада (рис. 6, 1–4).

Особое внимание привлекает оформление втулки вертикальными валиками – имитация ее обмотки веревкой. Для топоров майкопско-новосвободненской общности и северокавказской культуры раннего и среднего периодов эпохи бронзы оно не типично. Подобный орнамент мы наблюдаем на обломке топора из погребения ямной культуры у хутора Первомайского (кург. 2, погр. 2; раскопки В.А. Сафронова). В комплексе этого захоронения входили также долото с длинным желобом, два листовидных черешковых кинжала и шило с упором (рис. 7, 2–5) [Трифонов, 1991, с. 113, рис. 9, 1, 13]. В.А.Трифонов относит группу 1 ямной культуры к погребениям, синхронным майкопско-новосвободненской общности [Там же, с. 120]. Полагаю, что он прав. Более того, долото с удлинённым желобом является признаком очень поздних майкопских погреб-

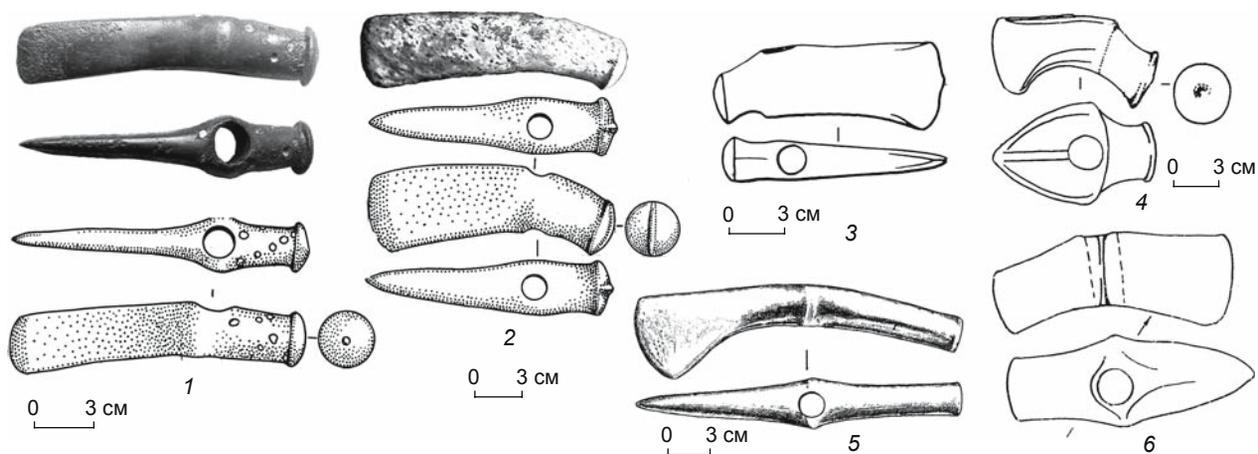

Рис. 5. Топоры-молоты разных культур Предкавказья.

1, 2 – могильник Клады, кург. 31, погр. 5 (по: [Резепкин, 1991]); 3 – станица Воздвиженская (по: [Марковин, 1960]); 4 – Константиновское плато, кург. 2, погр. 7 (по: [Корневский, 1990]); 5 – Константиновское плато, кург. 2, погр. 6а (по: [Там же]); 6 – Лебеди, кург. 3, погр. 10 (по: [Гей, 1986]).

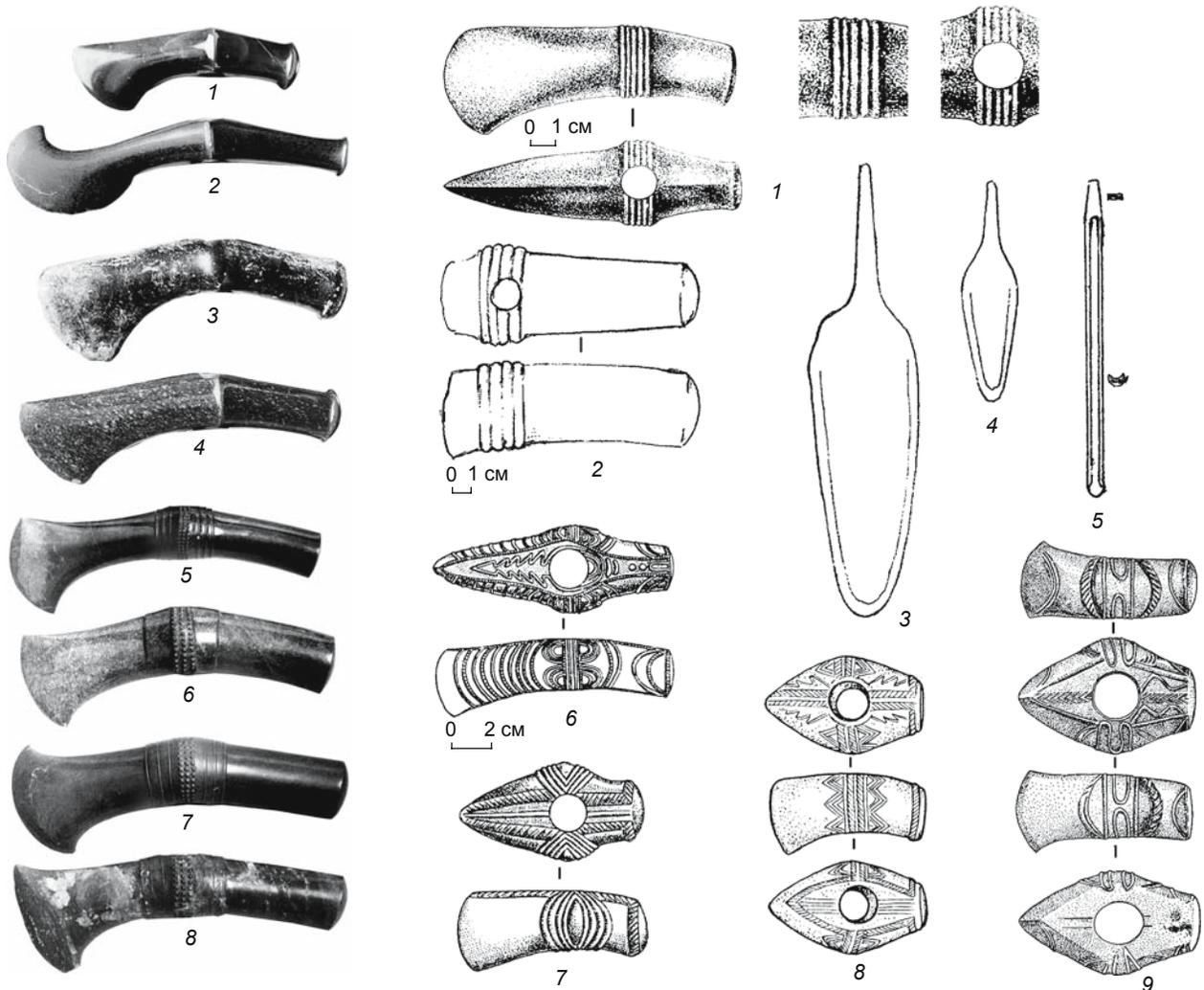

Рис. 6. Топоры-молоты из Бородинского клада (1–4) и клада L в Трое (5–8). 1–4 – по: [Шишлина, 2013]; 5–8 – по: [Сокровища Трои..., 1996].

Рис. 7. Топоры-молоты ямной (1–5) и ингульской катакомбной (6–9) культур. 1 – курган «Солдатская слава», погр. 10 (по: [Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005]); 2–5 – Первомайский, кург. 2, погр. 2 (по: [Трифонов, 1991]); 6 – место не известно; 7 – с. Старобешево; 8 – Горожине; 9 – Баратовка (6–9 – по: [Шарафутдинова, 1980]).

бений. Такие орудия встречены в гробнице Арслантепе Т1, датируемой в диапазоне 3 000–2 900 гг. до н.э. Это даты самого финала майкопско-новосвободненской общности [Frangipane et al., 2001].

Другой аналог происходит из погр. 10 ямной культуры кургана «Солдатская слава» в Ивановском р-не Одесской обл. (рис. 7, 1) Погребенный был захоронен в яме с заплечиками в скорченном положении на спине. Возле черепа найдены две серебряные серьги. Топор лежал в области плеча [Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, с. 26 рис. 15]. Его корпус по втулке украшен пятью вертикальными валиками, как у топора из с. Колосова Поляна. Еще один топор с аналогичной орнаментацией втулки известен как случайная находка из Северо-Западного Причерноморья [Субботин, 2003, с. 196, рис. 13, 4].

Оба погребения с топорами, украшенными по втулке вертикальными валиками, можно отнести к комплексам военно-производственной и военной знати носителей ямной культуры, наследовавшей символику захоронений элиты майкопско-новосвободненской общности. В первом случае каменный топор включен в набор оружия и инструментов деревообработки. Во втором случае нерядовое положение воина подчеркивает пара серебряных серег. Соответственно, украшенный по втулке вертикальными валиками топор может быть знаковым оружием у племен древнеямной культуры, частично адаптировавших символику престижных погребений майкопско-новосвободненской общности, для которых очень показательны набор из оружия и инструментов, а также маркировка головного убора парой серег из благородных металлов (золота).

Отдаленные аналоги топоров с украшенными втулками как элитарного оружия можно отметить в кладе L в Трое (см. рис. 6, 5–8) и материалах ингульской катакомбной культуры (см. рис. 7, 6–9). Встречается такой орнамент также на топорах с лопастью фатьяновской культуры [Крайнов, 1972, с. 50, рис. 20]. На орудиях данной категории из Бородинского клада (см. рис. 6, 1–4) и гладком топоре пятигорского типа (см. рис. 5, 6) прослеживаются одиночные валики как дань более древней манере многовиткового оформления втулки.

Таким образом, публикуемую находку из с. Колосова Поляна можно рассматривать как предмет, изготовленный в традициях ямной культуры и майкопско-новосвободненской общности (ее новосвободненской группы). Но первое предпочтительней по следующим соображениям. Орнаментация втулки каменных топоров-молотов и превращение изделия в высокопрестижную вещь отмечается в тех культурах, в которых каменный топор имел широкое распространение (например, фатьяновской, ингульской катакомбной, ямной). В комплексах майкопско-новосвободнен-

ской общности каменный топор – крайне редкая вещь. Безусловно, майкопские камнерезы-оружейники умели изготавливать шедевры в камне, но насколько они были связаны с производством топоров-молотов – вопрос открытый.

Находку с р. Фарс, вероятно, можно датировать концом IV – началом III тыс. до н.э., временем финала майкопско-новосвободненской общности и периодом поздней ямной культуры, к которой относятся такие орудия в комплексах. Этот топор и его близкие или отдаленные аналоги иллюстрируют оружие высокого воинского престижа.

Обе рассмотренные находки, вероятно, отражают местное камнерезное производство в эпоху энеолита, раннего и среднего периодов бронзового века в предгорных районах на территории Краснодарского края и Адыгеи.

Список литературы

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.** Хвалынский могильник / ред. Н.Я. Мерперт. – Куйбышев: Саратов. гос. ун-т, 1990. – 160 с.
- Бурдо Н.Б.** Ранний этап формирования древнеземледельческого общества между Днестром и Днепром (Триполье А) // *Od neolityzacji do początków epoki brązu: Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr.* – Poznań: Wydawn. Poznańskie, 2001. – S. 196–229.
- Бурдо Н.Б.** Сакральний світ трипільської цивілізації. – Київ: Наш час, 2008. – 296 с.
- Відейко М.Ю.** Нова хронологія Кукутени – Трипілья // *Трипільська цивілізація у спадщині України.* – Київ: Просвіта, 2003. – С. 106–117.
- Відейко М.Ю.** Абсолютне датування трипільської культури // *Енциклопедія трипільської цивілізації.* – Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. – Т. 1. – С. 87–97.
- Гей А.Н.** Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // *Археологические открытия на новостройках.* – М.: Наука, 1986. – С. 19–32.
- Даниленко В.М., Шмаглий М.М.** Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // *Археологія.* – 1972. – № 6. – С. 3–20.
- Дергачёв В.А.** Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus: Рождение Европы.* – 2000. – № 2. – С. 188–236.
- Дергачев В.А.** О скипетрах: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас // *Revista archeologică.* S. n. – 2005. – Vol. I, N. 2. – P. 6–89.
- Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е.** Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса: Міська друкарня, 2005. – 205 с.
- Иссен А.А.** К вопросу о древних связях Кавказа с Западом // *КСИИМК.* – 1952. – Вып. 46. – С. 48–53.
- Корневский С.Н.** Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. – М.: Наука, 1990. – 174 с.
- Корневский С.Н.** Символика атрибутов духовной власти эпохи неолита Восточной Европы и Предкавказья.

казья – каменных зооморфных скипетров // Археология восточно-европейской степи / Саратов. гос. ун-т. – 2008. – № 6. – С. 135–156.

Корневский С.Н. Рождение кургана. – М.: Таус, 2012. – 246 с.

Корневский С.Н., Калмыков А.А. Энеолитический скипетр – «утожок» из Ставрополя // РА. – 2010. – № 4. – С. 116–127.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э. – М.: Наука, 1972. – 276 с.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи / Саратов. гос. ун-т. – 2008. – № 6. – С. 32–134.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 152 с. – (МИА; т. 93).

Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР, 1991. – С. 167–198.

Сокровища Трои: Из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / ГМИИ им. А.С. Пушкина. – М.; Милан: Леонардо Арте, 1996. – 297 с.

Субботин Л.В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса: Полис, 2003. – 233 с.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР, 1991. – С. 92–166.

Шарафутдинова I.M. Орнаментированные сокири – молотки з катакомбных похорон на Ингуи // Археология. – 1980. – № 33. – С. 60–70.

Шишлина Н.И. Бородинский клад: продолжение поиска // Бронзовый век: Европа без границ: каталог выставки. – СПб.: Чистый лист, 2013. – С. 156–169.

Govedariča B., Kaizer E. Die äneolithischen abstracten und zoomorphen Steinzepter Sudost- und Osteuropas // Eurasia Antiqua. – 1996. – Bd. 2. – S. 59–104.

Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T. New Symbols of New Power: A Royal Tomb from 3 000 BC Arslantepe. Malatya (Turkey) // Paleorient. – 2001. – Vol. 27, N 2. – P. 105–139.

Măndrescu D., Stefan N., Maschio R. Noi aspecte ale neoliticului tarziu în zona Argeşului // Revista muzeelor. – 2000. – T. 36, N 4–6. – S. 106–111.

Zápotocký M. Streitäxte des mitteleuropäischen Äneolithikums. – Weinheim: VCH, Acta humaniora, 1992. – 563 S.

Материал поступил в редколлегию 30.10.14 г.

S.N. Korenevskiy

Institute of Archaeology RAS

Dmitriy Uljanov St., 19, Moscow, 117036, Russia

E-mail: skorenevskiy@yandex.ru

TWO NEW FINDS OF ENEOLITHIC – BRONZE AGE FROM THE FARS RIVER (WESTERN FORE-CAUCASUS)

The article has the goal to publish a scepter pomme and ornamented axe-hammer of the Eneolithic epoch and the beginning of the Bronze Age. They originate from the Fore-Caucasus foot-hills. Both objects are the rare finds and according to the analysis of their shapes it is allowed to consider the problems of culture contacts of Western Caucasian and South-Eastern European population during the required period.

Keywords: Eneolithic, Early Bronze Age, cult, weapons, Fore-Caucasus, Yamna culture, Maikop-Novosvobonenskaya community.

УДК 902.2

В.И. Молодин^{1,2}, Л.Н. Мыльникова^{1,2}, Ю.Н. Гаркуша¹, Д.В. Селин²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; L.mylnikova@yandex.ru; yunga1971@ngs.ru
²Новосибирский государственный университет
 ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: selin@epage.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПАМЯТНИК ГРИШКИНА ЗАИМКА, БАРАБА)*

В работе представлены результаты исследования погребений и артефактов эпохи поздней бронзы из могильника Гришкина Заимка (Западная Сибирь). Дана их культурная и хронологическая атрибуция как восточного варианта пахомовской культуры. На основании морфологического анализа сосудов прослежено сосуществование носителей двух гончарных традиций в рамках одного региона. Установлено, что рассматриваемый комплекс маркирует начальный этап проникновения в Барабинскую лесостепь пахомовского населения и начало его смешения с автохтонными культурными группами.

Ключевые слова: археология, погребальный обряд, восточный вариант пахомовской культуры, эпоха поздней бронзы, культурные взаимодействия, морфологический анализ керамических сосудов, Барабинская лесостепь.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.047–060

Введение

Памятник Гришкина Заимка находится в Усть-Таркском р-не (на границе с Венгеровским р-ном) Новосибирской обл. в 8 км к востоку от с. Верхнеомка (рис. 1). В этом месте река образовала две отчетливо выраженные надпойменные террасы. Вторая терраса, на которой расположен археологический объект, представляет собой 7-метровый уступ, доминирующий над первой террасой и поймой р. Оми. Северная и северо-западная части археологического комплекса залесены, западная – подвергалась интенсивной распашке, что стало причиной повреждения насыпей нескольких курганов. На территории памятника размещались строения русского хутора Гришкина заимка. В настоящее время постройки не существуют, однако их отчетливые следы сохранились.

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Памятник открыт В.И. Молодиным в 2000 г. Тогда же развернулись первые раскопки с целью культурно-хронологической атрибуции объекта. В 2002 г. на памятнике проводилась геофизическая съемка, результаты которой позволили вести успешный поиск хозяйственных и погребальных археологических объектов. Исследование памятника проводилось путем вскрытия отложений на сплошной территории, включавшей не только участки с выраженными земляными конструкциями, но и межкурганное пространство, что помогало выявить грунтовые погребения и сопутствующие объекты (ямы). К 2003 г. площадь раскопа составила 1 684 м² (рис. 2). Было установлено, что на исследованной площади памятника имеется несколько разновременных комплексов: 12 погребений эпохи ранней и развитой, а также 7 – поздней бронзы, 14 захоронений раннего железного века, 2 – позднего Средневековья и этнографические сооружения XX в. Культурно-хронологическая принадлежность еще двух захоронений пока не выяснена.

Рис. 1. Могильники восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи.

1 – Гришкина Заимка; 2 – Старый Сад; 3 – Тартас-1; 4 – Преображенка-3.

Настоящая работа посвящена анализу погребальных комплексов позднего периода бронзового века.

За последнее десятилетие накоплено немало материалов памятников пахомовской культуры в Левобережном Прииртышье [Корочкова, 2009, 2010; Костомаров, 2010]. Они представлены преимущественно поселенческими комплексами. Могильники изучены значительно слабее. Серия пахомовских памятников отмечена и в лесостепной части Правобережного Прииртышья [Молодин, 2014, рис. 4, 5]. Здесь в отличие от Ишимо-Иртышья больше довольно представительных погребальных и ритуальных комплексов носителей данной культуры. Находки из этих объектов, имеющие культурную, антропологическую и генетическую специфику, выделяются на фоне автохтонных для данной территории ирменских материалов [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, Чикишева, 1988; Чикишева, 2012; Молодин и др., 2012]. Комплекс пахомовской культуры, выявленный на памятнике Гришкина Заимка, имеет большое значение для изучения восточного варианта пахомовской культуры и уточнения ее хронологических рамок.

Анализ источников

К эпохе поздней бронзы относятся две курганные насыпи – № 3 и 4 (рис. 3). Фрагменты керамики пахомовской культуры, находившиеся за пределами погребальных комплексов, свидетельствуют, вероятно, о том, что ранее могильник этого времени включал

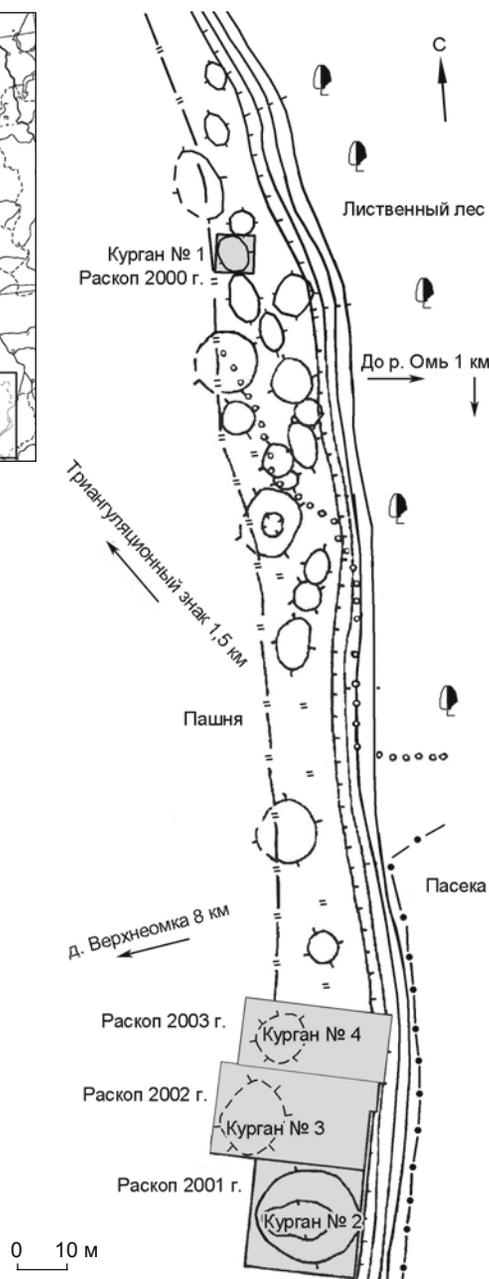

Рис. 2. Общий план памятника Гришкина Заимка. Серым цветом выделены исследованные участки.

больше захоронений; некоторые из них пострадали при сооружении поздних погребений и функционировании самой заимки.

Курган № 3 представлял собой пологую, аморфную в плане насыпь с уплощенной вершиной высотой ок. 0,6 м, диаметром 11–13 м (рис. 3, 4). Как показали исследования, первоначально на этом месте была погребальная конструкция эпохи поздней бронзы с одиночным захоронением, окантованным кольцевидным разомкнутым рвом (рис. 5). Затем, в эпоху раннего

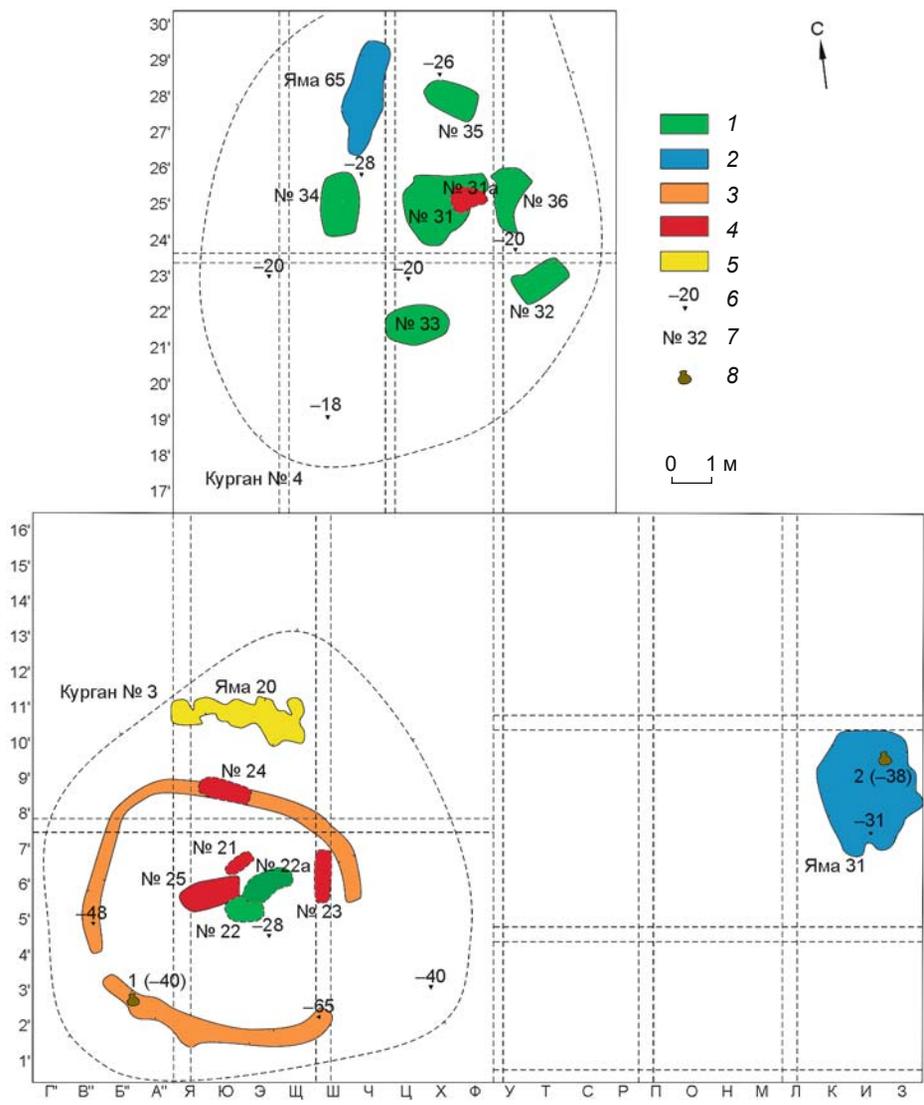

Рис. 3. Фрагмент плана раскопов с объектами разных периодов на могильнике Гришкина Займка. 1 – погребения эпохи поздней бронзы; 2 – ямы; 3 – ров; 4 – погребения раннего железного века; 5 – остатки строений русской займки; 6 – нивелировочные отметки; 7 – номера погребений; 8 – керамические сосуды, находившиеся вне погребений.

Рис. 4. Курган № 3 после снятия земляной конструкции.

Рис. 5. Курган № 3 после выборки
рва и могильной ямы.

Рис. 6. Сосуд пахомовской культуры
на дне рва кург. № 3.

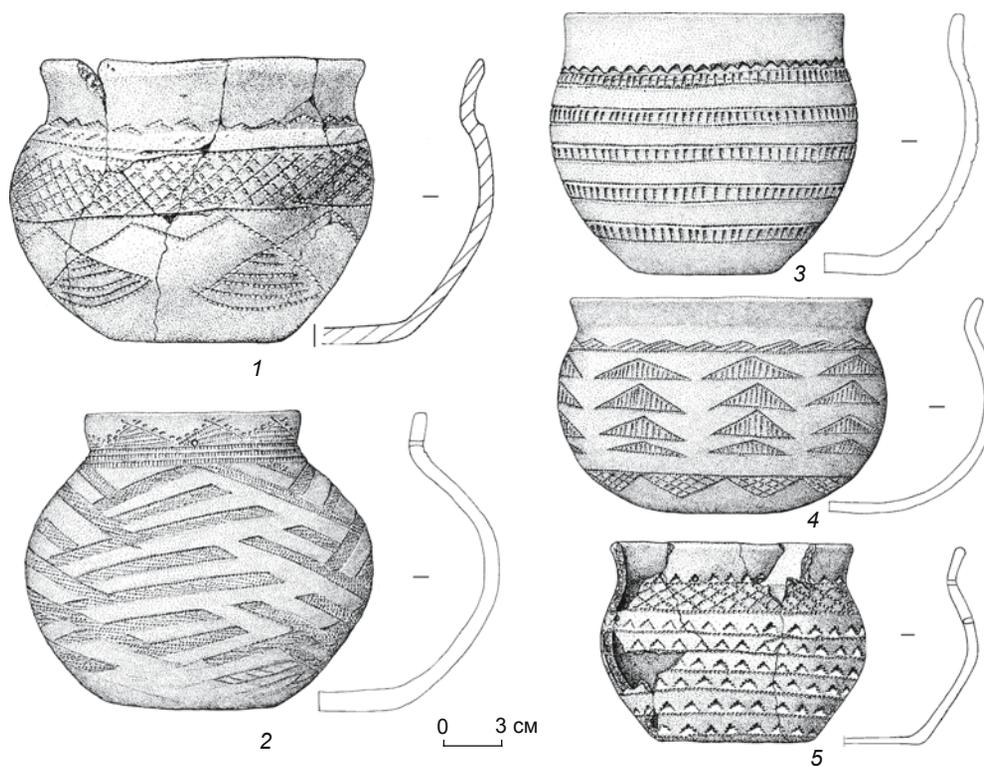

Рис. 7. Керамические сосуды.

1 – кург. № 3, ров; 2 – кург. № 4, погр. № 32; 3 – кург. № 4, погр. № 34; 4 – кург. № 4, погр. № 31; 5 – яма 31.

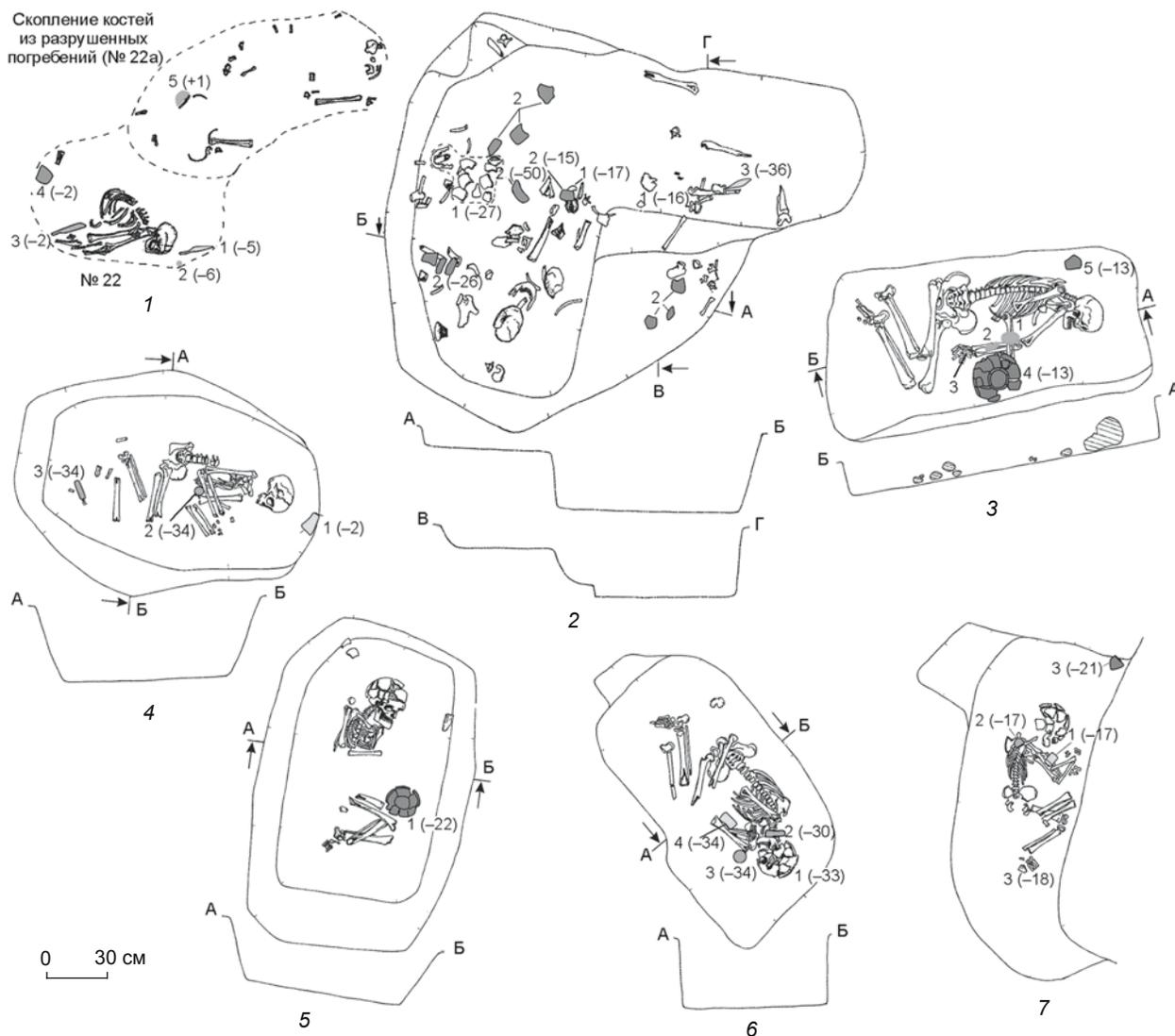

Рис. 8. Планы исследованных захоронений восточного варианта пахомовской культуры.

1 – погр. № 22: 1 – костяной наконечник стрелы; 2 – бронзовая бляшка; 3 – бронзовый нож; 4 – фрагмент керамики; 5 – фрагмент бронзовой серьги; 2 – погр. № 31: 1 – части черепа; 2 – фрагмент керамики; 3 – костяной наконечник стрелы; 3 – погр. № 32: 1 – бронзовая бляшка; 2, 3 – фрагменты бронзовых изделий; 4 – керамический сосуд; 5 – фрагмент керамики; 4 – погр. № 33: 1 – фаланга жеребенка; 2 – бронзовая бляшка; 3 – бронзовая пластина; 5 – погр. № 34: 1 – керамический сосуд; 6 – погр. № 35: 1, 3 – бронзовые бляшки, 2 – бронзовая серьга; 4 – фаланга жеребенка; 7 – погр. № 36: 1 – фаланга жеребенка; 2 – бронзовая бляшка; 3 – фрагменты керамики.

железного века, насыпь была досыпана. При ее разборе обнаружены единичные мелкие фрагменты разновременной керамики и разрозненные кости животных. Под насыпью кургана найдены погр. № 21, 23, 24*, датируемые ранним железным веком. К этому же времени относится и центральное погр. № 25, нарушившее погребение эпохи поздней бронзы № 22 (см. рис. 3). Установлено, что погр. № 24 перерезало ров, принадлежавший комплексу эпохи поздней

*Нумерация могил на памятнике сквозная, соответствует последовательности обнаружения погребальных комплексов.

бронзы. Ров обрамлял округлую площадку диаметром 6–7 м и имел две перемычки (в юго-восточной и юго-западной частях) шириной 3,2 и 0,7 м (см. рис. 3–5). Ширина рва колебалась от 0,3 до 0,5 м, а на некоторых участках юго-западного сектора достигала 0,8 м. Глубина его от уровня материка составляла 0,16–0,27 м. В юго-западной части на дне рва стоял орнаментированный сосуд, относящийся к комплексу эпохи поздней бронзы (см. рис. 3; 6; 7, 1). Подобный горшок был обнаружен в яме 31, расположенной к востоку от кург. № 3 (см. рис. 3; 7, 5). Очевидно, сосуд попал в более позднюю яму в результате разрушения погребального комплекса пахомовской культуры.

Рис. 9. Погребение № 22.

В центре сакрального пространства кург. № 3, ограниченного рвом, находилось погр. № 22 (рис. 8, 1; 9). Захоронение совершено в неглубокой могильной яме, фактически на погребенной почве, что не позволя-

ет судить ни о форме, ни о размерах могилы. Представлена только верхняя часть скелета, однако можно установить, что похоронен мужчина 18–20 лет. Умерший был погребен на левом боку, головой на юго-восток, со сложенными вместе и вытянутыми вдоль туловища руками. В изголовье находились костяной наконечник стрелы (рис. 10, 14) и плохо сохранившаяся бронзовая неорнаментированная полусферическая бляшка, вдоль костей рук – бронзовый обломанный у черенка нож (рис. 10, 5) и фрагмент бронзовой серьги (рис. 10, 8).

В непосредственной близости от погребения на уровне погребенной почвы и выше прослежено скопление разрозненных костей человека. Скорее всего, это остатки скелета мужчины из погр. № 22, а также кости ребенка из более позднего погр. № 25. Единственная вещь, обнаруженная в этом скоплении, – фрагмент бронзовой проволочной серьги.

Кург. № 4 находился в 6 м к северу от кург. № 3 (см. рис. 3). Он выделялся пологой аморфной в плане насыпью диаметром 11–12 м с уплощенной вершиной и высотой ок. 0,5 м от уровня современной поверхности. При разборе насыпи фиксировались мелкие единичные фрагменты разновременной керамики – эпохи железа, позднего Средневековья и Нового времени, а также обломки кирпичей и обмазки, обломки костей животных. Из находок, относящихся к эпохе поздней бронзы, следует отметить фрагмент горловины сосуда, костяной наконечник стрелы и фрагмент глиняного из-

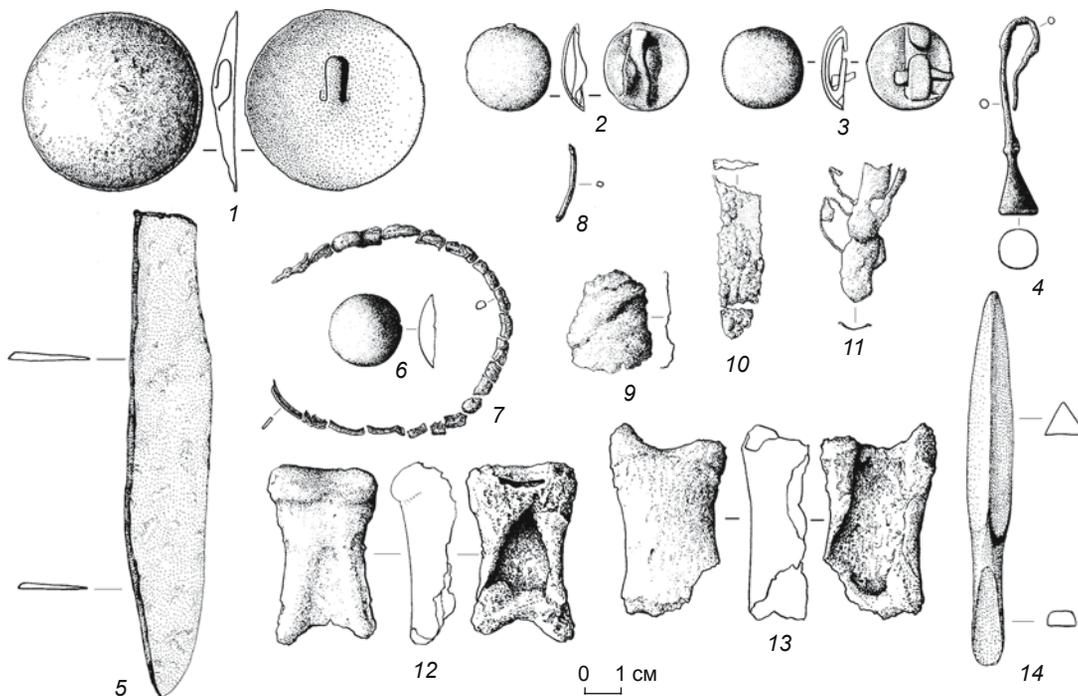

Рис. 10. Изделия из погр. № 22 (5, 8, 14), 32 (1, 7), 33 (2, 10, 11, 13), 35 (3, 4, 6, 12), 36 (9).
1–10 – бронза; 11 – кожа; 12–14 – кость.

деля – возможно, цилиндрического грузила. Под насыпью кургана были выявлены шесть погребений и яма, принадлежащие эпохе поздней бронзы. Могила расположена по периметру насыпи, вокруг центрального захоронения № 31 (рис. 11).

Погребение № 31 фиксировалось как пятно аморфных очертаний размерами $2,0 \times 1,8$ м (см. рис. 8, 2). В ходе выборки заполнения удалось установить, что погребальная камера была перерезана грабительской ямой. Кроме этого, захоронение оказалось нарушенным впускным захоронением раннего железного века (№ 31А). Изначально могила эпохи бронзы имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Разрозненные кости скелета мужчины 25–30 лет залегали хаотично; первоначальное положение погребенного определить невозможно. В могиле обнаружен развал сосуда эпохи поздней бронзы (см. рис. 7, 4).

Погребение № 32 совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии восток – запад (см. рис. 8, 3). Ее размеры $1,65 \times 0,8 \times 0,2$ – $0,22$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. Погребена женщина 40–45 лет. Умершая похоронена в скорченном положении на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. При погребении левая рука была вытянута вдоль корпуса, правая – согнута в локте и положена на левую руку. С кистью правой руки соприкасался сосуд (см. рис. 7, 2). Под правой локтевой костью обнаружена бронзовая выпуклая неорнаментированная бляха со шпеньком (см. рис. 10, 1; 12). Под бляхой, в окислах, сохранился небольшой фрагмент кожаного изделия. Под левой локтевой костью находились фрагменты плохо сохранившегося бронзового браслета (см. рис. 10, 7). Среди фаланг левой кисти зафиксировано скопление разрозненных бронзовых слабоизогнутых стержней; возможно, это остатки еще одного браслета или нескольких бронзовых колец малого диаметра. В изголовье, близ северо-западной стенки, обнаружен фрагмент еще одного сосуда.

Погребение № 33 совершено в яме, по форме близкой к овальной и ориентированной по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (см. рис. 8, 4; 13). На уровне материка ее размеры составляют $1,55 \times 0,6$ – $1,15 \times 0,32$ – $0,34$ м. Ко дну погребальная камера равномерно сужается и достигает размеров $1,4 \times 0,5$ – $0,85$ м. Дно могилы ровное, стенки покатые. За-

Рис. 11. Курган № 4 после разборки земляного сооружения.

хоронен ребенок 10–14 лет. Он погребен в скорченном положении на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, согнутыми в локтях и вытянутыми перед телом руками, головой на юго-восток. В районе правой локтевой кости располагалась бронзовая бляшка с петлей (см. рис. 10, 2). Под ней зафиксированы мелкие фрагменты кожаного изделия. В юго-западном углу могильной ямы найдены узкая бронзовая пластинка

Рис. 12. Деталь погр. № 32.

Рис. 13. Погребение № 33.

(см. рис. 10, 10) и небольшой фрагмент кожного изделия с обрывками нитей (см. рис. 10, 11). Близ юго-восточной стенки находилась фаланга жеребенка (см. рис. 10, 13).

Погребение № 34 совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад (см. рис. 8, 5; 14). На уровне материка ее размеры составляют $1,65 \times 1,05 \times 0,25-0,27$ м. Ко дну погребальная камера равномерно сужается и достигает размеров $1,3 \times 0,77$ м. Дно могилы ровное, стенки покатые. Скелет не имел костей таза, хотя остальные кости лежали в анатомическом порядке. Ребенок 5–9 лет был погребен в скорченном положении на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на северо-северо-восток. В районе колен был установлен керамический сосуд (см. рис. 7, 3). В разных частях и на разных уровнях погребальной камеры фиксировался древесный тлен, что позволяет предполагать наличие перекрытия. По структуре волокон, там, где это было возможно, удалось установить, что оно лежало вдоль погребения. Следы перекрытия найдены в погребениях могильников Еловка II [Матюшенко, 2004, с. 334] и Старый Сад [Молодин и др., 2014, с. 33], близких по времени андроновидных комплексов Западной Сибири.

Погребение № 35 совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии юго-восток –

Рис. 14. Погребение № 34.

Рис. 15. Погребение № 35.

северо-запад (см. рис. 8, 6; 15). Ее размеры $1,5 \times 0,75-0,85 \times 0,32-0,36$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. Ребенок 8–12 лет был захоронен на левом боку, с согнутыми в коленях и подтянутыми к корпусу ногами. Его руки согнуты в локтях и соединены под подбородком кистями. Погребенный ориентирован головой на юго-восток. Под черепом обнаружена бронзовая бляшка (см. рис. 10, 6), а в ее окислах – небольшой фрагмент кожаного изделия. На шейных позвонках с правой стороны находилась бронзовая серьга (см. рис. 10, 4). Еще одна бляшка с петлей для крепления и продетым сквозь нее шпеньком обнаружена около верхнего окончания левой плечевой кости (см. рис. 10, 3). У локтевого сустава левой руки располагалась фаланга жеребенка (см. рис. 10, 12).

Погребение № 36 частично нарушено хозяйственной ямой, относящейся ко времени функционирования заимки (см. рис. 8, 7). Восточная стенка погребальной камеры была потревожена, но скелет оказался нетронутым. Захоронение совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии север – юг. Ее размеры $1,7 \times 0,7 \times 0,14$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. В северо-западной части погребальной камеры фиксируется небольшой подбой, возвышающийся над дном захоронения на 0,05 м. Ребенок 4–8 лет был погребен на левом боку, с согнутыми в коленях и подтянутыми к туловищу ногами, согнутыми в локтях и вытянутыми вперед руками, ориентирован головой на север. На левой локтевой кости находилась фаланга жеребенка. В правой верхней части грудного отдела обнаружена бронзовая пластина аморфной формы (см. рис. 10, 9). На внутренней стороне левой ключицы имелись следы окислов несохранившегося бронзового предмета. У северо-восточной стенки и в ногах погребенного отмечены практически не сохранившиеся фрагменты керамического сосуда. В разных местах могилы на глубине 0,14–0,15 м находилась древесная труха, возможно остатки перекрытия.

Под насыпью кургана была обнаружена яма 65 (см. рис. 3). Она вытянутой по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад овальной формы, размерами $3,4 \times 0,6-0,8$ м, в средней части расширяется до 1,1 м, глубиной 0,08–0,14 м. В ней не оказалось остатков захоронения; в верхней части заполнения найдены фрагменты пахомовской керамики, позволяющие уверенно связывать яму с описанными выше погребениями и считать ее частью единого погребального комплекса. Яма, вероятно, несла какую-то ритуальную нагрузку.

Изучаемый погребальный комплекс, несмотря на сравнительно небольшую выборку (два кургана и семь захоронений), позволяет сделать выводы о его специфике. Можно констатировать, что и взрослых, и детей, относившихся, судя по сходству посуды в погребениях, к пахомовской культурной группе, хоронили

на одном кладбище и сооружали над могилами курганы. Представить их первоначальные форму и размеры трудно ввиду того, что эти сооружения постоянно испытывали антропогенное воздействие. Ясно одно, что по высоте они были сравнительно небольшие. Очевиден дифференцированный подход к захоронению умерших. В одном случае надмогильную конструкцию (кург. № 3) устроили для одного мужчины, вокруг могилы прорыли ров и поместили в него сосуд. Под соседним кург. № 4 были захоронены шесть человек – взрослые мужчина и женщина, а также четверо детей, пол которых не установлен. Захоронения расположены по кругу, в центре которого – погребение взрослого мужчины (№ 31). Это позволяет считать их объектами одной конструкции и предположить родственную связь между погребенными. Погребальные камеры, размеры которых определялись ростом умерших, сходны по форме и конструкции. Они похожи и по глубине, которая не так велика, как у могил носителей андроновской (федоровской) культуры в данном регионе (см., напр.: [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002], но больше, чем у захоронений представителей ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 131–135], синхронной анализируемому могильнику.

Устойчивые признаки погребальной практики популяции, которую представляет памятник Гришкина Заимка, – помещение умерших в могиле на левом боку в скорченном положении (черта, типичная для целой свиты культур развитого и позднего этапов бронзового века Евразии), неустойчивая ориентация как погребальных камер, так и захороненных в них умерших. Характерными чертами являются дифференциация могил по погребальному инвентарю и помещение не во все захоронения сосудов, хотя последние явно использовались в других эпизодах погребальной практики.

Выше отмечалось, что в западном ареале пахомовской культуры известно немного погребальных комплексов [Корочкова, 2009, с. 80–81]. Это по большей части немногочисленные полуразрушенные погребения. Особенностью пахомовских погребальных комплексов, по мнению О.Н. Корочковой, является вторичный способ захоронения [Там же, с. 80], однако это не характерно для Гришкиной Заимки. По-видимому, справедливым следует считать вывод О.Н. Корочковой о том, что «приоритетными для носителей пахомовской культуры стали местные традиции погребальной практики» [Там же, с. 81]. Действительно, в анализируемых захоронениях могильника Гришкина Заимка отчетливо проявляются ирменские и андроновские (федоровские) элементы обрядовой погребальной практики.

С учетом наблюдений О.Н. Корочковой в погребальной практике пахомовского населения Тоболо-Иртышья можно выделить черты сходства с традициями, характерными для восточного варианта указанной

культуры, которые представлены, в частности, на могильнике Гришкина Заимка. Одна из таких черт – наличие земляных надмогильных сооружений [Корочкова, 2010, с. 69; Матвеева, Костомаров, 2009, с. 21]. На р. Ишим на Абатском-1 могильнике удалось выявить разрушенную квадратную канавку, ограждавшую захоронение [Корочкова, 2010, с. 36, 68]. Сходство проявляется и в том, что в пахомовских захоронениях достаточно редко представлена посуда [Там же, с. 69]. Однако накопленные к настоящему времени материалы памятников пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье и могильника Гришкина Заимка в погребальной практике демонстрируют больше различий, чем сходств.

Ближайшие аналоги материалам Гришкиной Заимки имеются на могильнике Старый Сад (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Ранее материалы этого памятника позволили предположить существование в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы особой культурной группы [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95; Молодин, Мильникова, Нескоров, 2011, с. 197], памятники которой были названы восточным вариантом пахомовской культуры. Особенностью могильника Старый Сад является вариативность способов организации сакрального пространства. Классификации такой организации, разработанной по материалам этого некрополя [Молодин и др., 2014, с. 33], полностью соответствуют погребальные комплексы памятника Гришкина Заимка. Сходство последних с комплексами Старого Сада проявляется в устройстве погребального пространства и могильной ямы, положении умершего в могиле, составе и размещении инвентаря. При этом на Гришкиной Заимке отмечается многочисленность погребенных под одной земляной конструкцией (6 чел., кург. № 4). На могильнике Старый Сад не обнаружено погребений, в которых захоронено более 3 чел. под одной насыпью [Там же, с. 42–43]. Чертой, определяющей своеобразие Гришкиной Заимки, является разная ориентация погребенных – на восток, юго-восток, север, юг; подобное не зафиксировано на могильнике Старый Сад [Там же, с. 31]. Отмеченная вариативность на памятнике Старый Сад несравненно больше, чем на Гришкиной Заимке. Специфика инвентаря и керамики позволила отнести памятник Старый Сад к переходному периоду от бронзового к железному веку, т.е. ко второй половине X – VIII в. до н.э. [Молодин и др., 2011, 2014].

На основе характеристики погребального комплекса Гришкина Заимка можно сделать вывод о его культурной и хронологической принадлежности. Для этого прежде всего необходимо обратиться к анализу небольшого по количеству, но яркого керамического комплекса могильника Гришкина Заимка (см. рис. 7). Коллекция керамики состоит из фрагментов и пяти полных форм. Сосуды горшковидной формы украше-

ны орнаментами в виде треугольников и опоясывающих прямоугольников, заполненных оттисками гребенчатого штампа, а также меандрами.

Морфологический анализ изделий проведен с использованием программы статистического изучения керамики, разработанной В.Ф. Генингом [1973], методов выявления общей пропорциональности сосудов А.А. Бобринского и Ю.Б. Цетлина [Актуальные проблемы..., 1999; Бобринский, 1986, 1988; Цетлин, 2012, с. 160–164] и графической корреляции полупрофилей и «скелетов» сосудов [Nordström, 1972; Мильникова, 2014]. В ходе исследования по программе В.Ф. Генинга было установлено, что сосуды преимущественно низкие и средние, все очень низкого горлы. По показателю ширины горла емкости делятся на средне- и широкогорлые. Горловины как с наклоном внутрь, так и сильно- и очень сильнопрофилированные. У всех сосудов тулово приплюснутое, плечики средние и высокие. По выпуклости они делятся на очень слабовыпуклые, слабо- и средневыпуклые (см. *таблицу*). Все днища сосудов средних размеров. По всем величинам указателей изделия соответствуют категориям керамической коллекции могильника Старый Сад (32 экз.) [Селин, 2014, с. 73]. Другое дело, что старосадовский комплекс демонстрирует большую вариативность (хотя это можно объяснить размерами выборки).

При анализе общей пропорциональности сосудов установлено, что емкости № 2, 3 (см. рис. 7, 2, 3) относятся к изделиям «привычных»* форм, № 1, 4, 5 (см. рис. 7, 1, 4, 5) – к сосудам-«подражаниям»** (рис. 16). Важно отметить, что очень близкое сходство (доходящее до тождества по форме и орнаментальной схеме) с «привычными» изделиями из Гришкиной Заимки проявляют сосуды комплекса пахомовской культуры с поселения Алексеевка XXI в низовьях Тары [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; Корочкова, 2010, рис. 23, 15, 20, 21]. Так, сосуд № 2 из Гришкиной Заимки (см. рис. 7, 2) по форме, орнаментальной схеме и композиции практически аналогичен изделию с поселения Алексеевка XXI [Там же, рис. 23, 21].

Сравнение значений указателей для каждого сосуда памятника Гришкина Заимка (см. *таблицу*) позволило выявить два изделия (см. рис. 7, 4, 5), полностью сходных по всем восьми указателям; все остальные изделия различались как минимум по двум позициям. При сопоставлении полупрофилей сосудов (рис. 17), построенных в одном масштабе, два сосуда-«подражания» по углу отгиба горловины и оформлению плечика были выделены в отдельную группу. Полученные данные в комплексе со значе-

*Посуда характерных для определенной культурной традиции форм.

**Сосуды, форма которых свидетельствует об отходе от традиции.

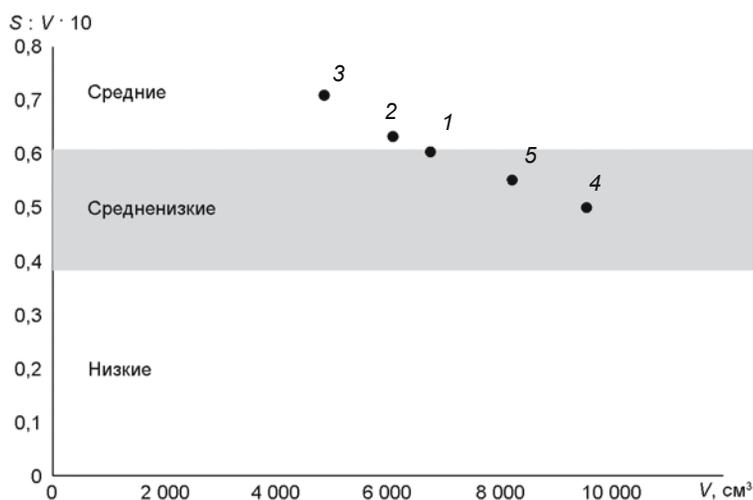

Рис. 16. Классы форм сосудов по общей пропорциональности (нумерацию сосудов см. на рис. 7).

Значения указателей и категории сосудов

№ сосуда	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
1	0,79	0,23	0,89	0,96	0,6	0,34	0,42	0,63
2	0,85	0,19	0,61	0,71	0,74	0,79	0,62	0,67
3	0,84	0,19	0,92	-0,5	0,67	0,38	0,2	0,59
4	0,66	0,11	0,9	2	0,56	0,6	0,28	0,97
5	0,75	0,17	0,89	1,43	0,59	0,58	0,31	0,6

Примечания. Указатели: ФА – высотности сосуда; ФБ – высоты горловины; ФВ – ширины горловины; ФГ – профилировки горловины; ФД – высотный тулова; ФЕ – высотный плечика сосуда; ФЖ – выпуклости плечика; ФИ – ширина дна сосуда.

Категории: очень низкие □; низкие ▤; средние ▥; высокие ▧; очень высокие ▨.

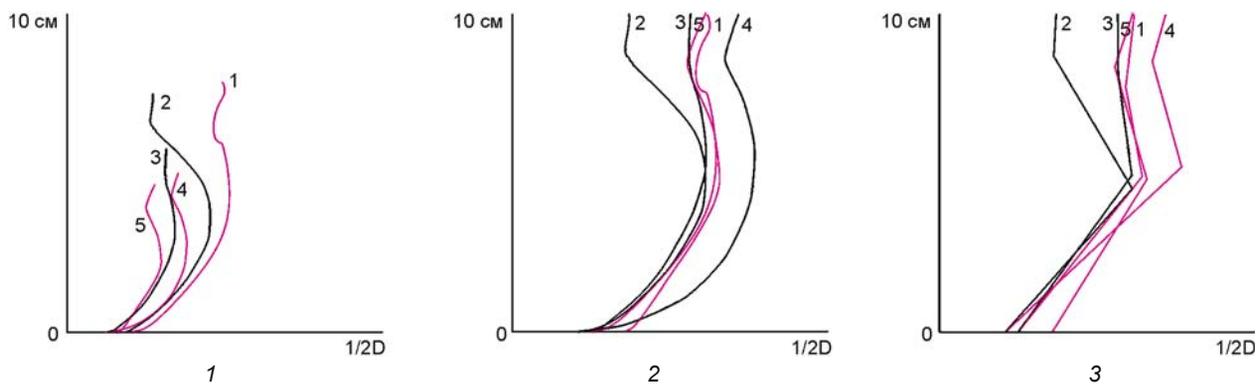

Рис. 17. Корреляция полупрофилей сосудов (нумерация сосудов на рис. 7).

1 – в одном масштабе; 2 – приведенные к высоте 10 см; 3 – полученные путем соединения экстремальных точек и приведенные к высоте 10 см.

ниями, приведенными в таблице, позволяют сделать вывод о близости изделий. С учетом разработок, касающихся историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства [Бобринский, 1978, 1986, 1988; Волкова, 1998, 2010; Цетлин, 2012], можно предпо-

ложить, что оба сосуда были выполнены в рамках одного динамического стереотипа одним мастером. Любопытно, что поразительно близкий аналог сосуда из ямы 31 (см. рис. 7, 5) имеется в материалах погр. № 271 Еловского II могильника [Матюшенко,

2004, с. 232, рис. 341, 2], относимого автором раскопок данного памятника В.И. Матющенко к еловской группе [Там же, с. 13].

Сосуд из рва кург. № 3 (см. рис. 7, 1) по морфологическим характеристикам отличается от двух ранее указанных, но также имеет форму «подражания». Кроме того, все три изделия близки по орнаментальным схемам (мотив – ограниченная с двух сторон полоса, заполненная сеткой из оттисков гребенчатого штампа, – как орнамент, маркирующий хронологическую позицию). Соответственно, эти емкости можно объединить в одну группу.

Сосуды «привычных» форм (см. рис. 7, 2, 3) отличаются от рассмотренных выше сосудов-«подражаний» по морфологии и орнаментике (присутствуют геометрические мотивы, меандры и др.). Следует отметить, что при отрисовке «скелетов» сосудов (см. рис. 17, 3), несмотря на отсутствие общего канона и широкий разброс показателей пропорций тулова сосудов, выявлено сходство придонных частей (практически одинаковые реальные значения диаметра дна и угла отгиба придонной части), которые менее всего подвержены изменениям в ходе смешения гончарных традиций. Это позволяет сделать предположение о единой традиции формообразования изделий. В данной посуде выделяется сосуд из рва кург. № 3; вероятно, изготовивший его мастер был носителем иной традиции.

Бронзовый инвентарь состоит из разнообразных изделий различной степени сохранности. Так, в погр. № 22 находился однолезвийный черенковый нож с намечающимся уступом и обломанной рукоятью (см. рис. 10, 5). Изделия данного типа были широко распространены в Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы, ближайшие их аналоги известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 364, рис. 416, 3], некрополя Старый Сад [Молодин, Мильникова, Нескоров, 2011, с. 197] и др.

Бронзовые неорнаментированные бляшки (5 экз.) можно классифицировать по способу крепления (см. рис. 15): с петлей для крепления (2 экз.), с петлей для крепления и продетым сквозь нее шпеньком (1 экз.), без креплений (1 экз.). Подобные изделия получили распространение на обширной территории в эпохи развитой и поздней бронзы. Аналоги имеются в коллекциях Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 13, 15, 16], некрополя Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95], а также памятников пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье, в частности, могильника Черноозерье II [Жорочкова, 2009, с. 79, рис. 4, 10, 21].

Интерес представляет серьга с длинной разомкнутой петлей, полым раструбом на конце и шаровидным утолщением между дужкой и раструбом (см. рис. 10, 4). Вещи подобного типа были распро-

странены также в эпохи развитой и поздней бронзы, ближайшие аналоги известны в материалах могильников Еловского II [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 5, 6] и Еловского I [Косарев, 1981, с. 155, рис. 59, 6, 20].

Изделия из кости представлены одним черешковым, треугольным в сечении наконечником стрелы из погр. № 22 (см. рис. 10, 14). Как и бронзовые изделия описанного выше комплекса, наконечники подобного типа были широко распространены в Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы. Аналоги известны в комплексах пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2010, с. 97], Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 220, рис. 324, 4], поселения Чекист [Косарев, 1981, с. 156, рис. 60, 24] и др. В детских могилах № 33, 35, 36 обнаружены фаланги жеребят, в каждой по одной (см. рис. 10, 12, 13). Подобные предметы также часто встречаются в погребальных комплексах бронзового века на территории Западной Сибири, например, в захоронениях пахомовской и еловской археологических культур.

Заключение

Рассмотренные комплексы эпохи поздней бронзы некрополя Гришкина Заимка по совокупности элементов погребального обряда и характеристике инвентаря можно отнести к восточному варианту пахомовской культуры и по аналогии с материалами из Тоболо-Иртышья атрибутировать XIV–XII вв. до н.э. или XIV–XI вв. до н.э. [Жорочкова, 2010]. Поскольку могильник Старый Сад и культовый комплекс Тартас-1 датируются переходным периодом от бронзового к железному веку, есть основание предположить, что в восточной части Прииртышья пахомовская культура существовала до этого времени. Памятник Гришкина Заимка, принадлежавший группе населения, мигрировавшей в Барабинскую лесостепь с запада, может быть датирован периодом не ранее XIII в. до н.э., но и не позднее X в. до н.э., во второй половине которого материальная культура пахомовского населения приобрела черты, характерные для переходного времени от эпохи бронзы к железному веку (т.е. вторая половина X – VIII в. до н.э., ориентируясь на серию калиброванных дат, полученных для городища Чича-1 [Молодин, Парцингер, 2009]).

Принадлежность изготовленных, вероятно одним мастером, двух сосудов к разным комплексам (яма 31 и кург. № 4) может свидетельствовать о связи и относительной одновременности последних. Проявления различных традиций морфообразования придонной части отражают либо их смешение, либо динамику гончарства. Если верно первое предположение, то можно говорить о сосуществовании представителей двух гончарных традиций в рамках одного коллектива,

а если второе, то отмеченное разнообразие является хронологическим показателем.

Таким образом, рассмотренные погребальные комплексы могильника Гришкина Заимка маркируют собой начальный этап проникновения в Барабинскую лесостепь представителей восточного варианта пахомовской культуры и начало смешения с автохтонными культурными группами.

Список литературы

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – 233 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. ун-та, 1986. – С. 137–157.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. ун-та, 1988. – С. 5–21.

Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М.: Старый Сад, 1998. – 260 с.

Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М.: ИА РАН, 2010. – 248 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралуриздат, 2010. – 103 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 168 с.

Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. Тюм. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 15–25.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2-я: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи поздней бронзы к железному веку. XIV–VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 54–64.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 195–199.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3. – С. 29–45.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Старый Тартас-4 (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Парциггер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 51–77.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромашенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 62–70.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Мыльникова Л.Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 31–43.

Селин Д.В. Морфологический анализ сосудов эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад // Мат-лы 52-й Междунар. науч. студ. конф.: Археология. – Новосибирск, 2014. – С. 73–74.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1997. – С. 162–191.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Nordström H.A. Cultural Ecology and ceramic technology. – Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1972. – 200 p.

V.I. Molodin¹⁻³, L.N. Mylnikova¹⁻³, Yu.N. Garkusha¹, D.V. Selin^{2,3}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Pr. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; L.mylnikova@yandex.ru; yunga1971@ngs.ru

²Novosibirsk State University

Pirogova St., 2, Novosibirsk, 630090, Russia

³Altai State University

Lenina St., 61, Barnaul, 656049, Russia

E-mail: selin@epage.ru

THE LATE BRONZE AGE BURIAL COMPLEXES OF EASTERN VARIANT IN PAKHOMOVO CULTURE (GRISHKINA ZAIMKA SITE, BARABA)

This work presents the research results of the Late Bronze Age burials and artifacts from the Grishkina Zaimka burial ground (Western Siberia). Their cultural and chronological attribution is given as Eastern variant of Pakhomovo culture. It is determined according to morphological analysis of vessels that bearers of two potters tradition coexisted within one region. As was established matter in the complex in question marks the initial stage of the Pakhomovo population insinuation to the Barabinsk forest-steppe and the beginning of its alligation with the autochthonous cultural groups.

Keywords: archaeology, burial rite, Eastern variant of Pakhomovo culture, Late Bronze Age, cultural intercommunion, morphological analysis of ceramic vessels, Barabinsk forest-steppe.

УДК 903.25

Ю.С. Худяков^{1,2}, К.Ш. Табалдиев³, А.Ю. Борисенко²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, РоссияE-mail: khudjakov@mail.ru
aborisenko2@mail.ru³Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызстан

E-mail: tabaldievk@yahoo.com

ОРУЖИЕ, УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА С ПАМЯТНИКА «КРАСНЫЙ СТРОИТЕЛЬ» В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ КЫРГЫЗСТАНА*

В статье анализируются находки с разрушенного памятника «Красный строитель» на берегу р. Ала-Арча на северной окраине г. Бишкека в Чуйской долине Кыргызстана. В этой местности, где расположена одна из городских свалок, школьники случайно нашли несколько ценных артефактов, в т.ч. изделия из золота и серебра. В результате изучения находок удалось определить их функциональное назначение, время бытования и культурную принадлежность. Эти предметы входили в состав украшений и принадлежностей костюма представителей знати древних кочевых племен, носителей кенкольской культуры, населявших горы и долины Тянь-Шаня и Семиречья на территории современных Кыргызстана, Казахстана, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, Алтайского края России в хунно-сяньбийскую эпоху.

Ключевые слова: золотые украшения, принадлежности костюма, древние кочевники, кенкольская культура, Тянь-Шань, Чуйская долина, Кыргызстан.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.061–072

Введение

Важной частью костюма представителей правящей элиты древних кочевых племен, носителей кенкольской культуры хунно-сяньбийского времени, были разнообразные украшения и принадлежности костюма, в т.ч. изготовленные из драгоценных металлов. Памятники этой культуры, относящиеся к первой половине I тыс. н.э., распространены на обширной территории Тянь-Шаня и Семиречья в пределах современных Кыргызстана, Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

В разные годы в Кыргызстане были обнаружены кенкольские погребения в катакомбах под земляными курганными насыпями, датированные в пределах «гуннского времени» – первой половины I тыс. н.э. [История..., 1968, с. 79–88; История..., 1984, с. 165–171]. В составе сопроводительного инвентаря некоторых богатых захоронений имелись разнообразные железные и костяные детали предметов вооружения, золотые и серебряные украшения и принадлежности костюма, элементы конской сбруи, металлическая посуда. Отдельные подобные памятники были вскрыты случайно и первоначально определены как «клады». В дальнейшем их исследовали археологи и выяснили, что это захоронения. К числу таких памятников относится известный Шамшинский клад, представлявший собой богатое женское погребение, которое было обнаружено случайно и

*Исследование проведено по проекту № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.).

разграблено колхозниками в ходе полевых работ в 1958 г. Это захоронение находилось в Шамшинском ущелье, расположенном к югу от г. Токмака в Чуйской долине Кыргызстана. Как позднее удалось установить археологам П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Виннику, изучившим остатки разграбленного кургана, в могиле, которая ранее перекрывалась крупной курганной насыпью диаметром ок. 20 м, была погребена знатная женщина. Она была захоронена в дощатом гробу в катакомбе. В области черепа и грудной клетки погребенной находилась лицевая маска из листового золота, украшения головного убора, перстни, медальон, наконечники подвески, принадлежности пояса, кружка и детали конской сбруи из драгоценных металлов [Мокрынин, 1986, с. 73–75; Мокрынин, Плоских, 1992, с. 56–62; Kozomberdieva, Kozomberdiev, Kozemjako, 1998, S. 451–471]. Головной убор и украшения знатной женщины были реконструированы археологами [История..., 1968, с. 84–85; История..., 1984, с. 167–168, 170; Амброз, 1981, с. 21, рис. 10, 14–18]. Серебряные бляшки из шамшинской коллекции, украшенные зернью и вставками из красного стекла, оформлены в полихромном стиле [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 58].

В 1968 г. на могильнике Джалпак-Дюбе на Алайском высокогорном плато в Кыргызстане археологом А.К. Абетековым был раскопан кенотаф. В могильной яме оказалась деревянная чурка, на одном конце которой находилась маска из золотой фольги с отверстиями для глаз, ноздрей и рта. В могиле найдены медальон и серьга со вставками из граната, пряжки со вставками, обрамленными зернью, перстень, круглые и квадратные нашивные бляшки, подвеска и цепочка из золота и стеклянная, богато украшенная чаша [Абетеков, 1982; Памятники..., 1983, с. 14, 41–42; Мокрынин, Плоских, 1992, с. 60–61].

В соседних с Кыргызстаном районах Казахстана и Синьцзяна известно несколько интересных коллекций золотых украшений в полихромном стиле со случайно обнаруженных археологических памятников. В 1938 г. А.Н. Бернштам нашел спиралевидные золотые серьги в курганах на Берккаринском могильнике у оз. Бийли-Куль (Джамбульская обл. Казахстана). Эти находки отнесены к I–II вв. н.э. [Бернштам, 1951, с. 226]. В 1939 г. в ущелье Каргалы неподалеку от г. Алма-Аты были найдены золотая диадема с изображениями реальных и фантастических диких копытных и хищных животных, бляшки с изображением горных козлов и круглые бляшки [Акишев, 1983, с. 158–172]. А.Н. Бернштам определил диадему как принадлежность костюма шаманки, датировал I–III вв. н.э. и отнес к культуре усуней [1940]. К.А. Акишев отметил аналогии изображениям горных козлов на золотых бляшках в культуре саков и датировал находки II–I вв. до н.э. [1983, с. 29].

В 1988 г. в ауле Жалаулы в Алма-Атинской обл. был обнаружен клад, включавший пектораль, принадлежности пояса, пластины с изображениями животных и другие предметы из золота. Этот клад был отдан известному казахскому археологу Б.Н. Нурмуханбетову, который передал его в Центральный государственный музей Казахстана. Разломанная на две части золотая пектораль в виде «сплошной полулуницы» украшена напаянными фигурами архаров, бляхи и наконечники наборного пояса – изображениями тех же животных [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 88–90].

В конце 1990-х гг. на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая китайские археологи продолжили исследование кургана в местности Бома, на границе с Казахстаном в северных предгорьях Тянь-Шаня. Среди находок – лицевая маска, украшенная рубиновыми вставками, перстень с кабошоном из рубина, украшенный зернью, трехлепестковые подвески; золотые и серебряные сосуды; фрагмент обкладки ножен с рубиновыми вставками, железные трехлопастные наконечники стрел, фрагмент кольчатого доспеха, обрывки шелковой материи и кожаной обуви. Памятник отнесен к IV–V вв. н.э. [The ancient culture..., 2008, p. 258–261; Алкин, 2000, с. 16–17].

За пределами ареала памятников кенкольской культуры в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе аналоги украшений, выполненных в полихромном стиле, встречаются в степных и лесостепных районах Казахстана и Западной Сибири. Отдельные подобные изделия найдены в степном и Горном Алтае, Монголии. В 1928 г. в Северном Казахстане в 6 верстах к северу от современного г. Щучинска, в окрестностях оз. Борового, в сосновом бору во время каменоломных работ было случайно обнаружено древнее погребение с предметами, выполненными в полихромном стиле. Остатки сильно разрушенного скелета находились в могиле, засыпанной щебнем и перекрытой массивными каменными плитами в три слоя. В заполнении ямы найден бронзовый котел. В погребении обнаружены железный кинжал или наконечник копья, наконечники стрел, удила, золотые и серебряные пластинки с инкрустацией и зернью, бронзовые пряжки, серьги, бусы. Коллекция находок была изучена и опубликована А.Н. Бернштамом, датировавшим ее IV–V вв. н.э. Он отметил сходство украшений со вставками из цветного стекла из этого погребения и Кенкольского могильника, который определил как памятник гуннов, проникших на территорию Средней Азии и воспринявших «новый стиль» у кушан-юэчжей [Бернштам, 1951, с. 224–225; Акишев, 1983, с. 30, 188–201]. Кинжал и ножны из погребального комплекса у оз. Борового были реконструированы И.П. Засецкой, датировавшей его V – первой половиной VI в. н.э. [1995, с. 97–104, рис. 3, 2].

В 1959 г. рабочие кирпичного завода случайно обнаружили в карьере на берегу р. Чарыш, в окрестностях с. Тугозвонова Алтайского края погребение воина эпохи Великого переселения народов. Исследовавший памятник А.П. Уманский установил, что человек был захоронен в грунтовой могиле в вытянутом положении, головой на востоко-юго-восток. Согласно заключению антропологов, это был высокий мужчина богатырского телосложения, с кольцевой деформацией черепа. В погребении найдены железный палаш с богато украшенной рукоятью, кинжал с обоймами, оба в ножнах, нож, костяные накладки лука, железные и костяные наконечники стрел; золотая гривна с зооморфными окончаниями, поясные и обувные пряжки, бляхи, перстень, зооморфное окончание серебряной гривны. Многие предметы украшены вставками из цветных камней и зернью [Уманский, 1978, с. 131–156].

В 1977 г. монгольский археолог Д. Цэвээндорж в процессе раскопок нарушенного грабителями хуннского захоронения на памятнике Тэбш-уул в центральной части Монголии обнаружил «золотое украшение в виде тонкой пластины, на одной стороне которой сделаны пять гнезд», окаймленные зернью. В этой могиле также найдены подвеска из лазурита и пронизь, фрагменты костяных накладок лука и обломки железных предметов [Цэвээндорж, 1985, с. 62, рис. 10, 5].

В ходе раскопок Тютринского могильника саргатской культуры в Тюменской обл. в 1981 и 1982 гг. А.В. Матвеевым и Н.П. Матвеевой были обнаружены золотые украшения, в т.ч. серьги и бляшки [1987, с. 192–196]. В 1986 г. В.И. Матющенко раскопал богатое воинское захоронение этой культуры на памятнике Сидоровка в Омском Прииртышье. В составе сопроводительного инвентаря были керамическая и металлическая посуда, доспех из железных пластин, железный палаш, кинжал в ножнах, топор, копье, железные наконечники стрел, костяные накладки лука, серебряные фалары с изображением грифонов, пряжки, нашивки, золотые застежки, поясные пластины с изображениями животных и вставками из цветных камней, гривна и другие предметы [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 12–13].

В 1989 г. на многослойном памятнике Сопка-2 в Барабе В.И. Молодин исследовал уникальное для этого района Западной Сибири захоронение воина с конем, череп которого был перевернут, а часть позвонков и ребер сдвинута в кучу. Под черепом находились костяные псалий и застежка. Взрослый мужчина был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток. Рядом с ним находился железный палаш. От ножен сохранился длинный серебряный наконечник и фрагменты деревянной обкладки, окрашенной в красный цвет. В области

рукояти лежали нефритовая скоба для портупейного ремня и навершие в виде хрустального граненого диска со сферическим набалдашником, украшенное перегородчатой эмалью и зернью. По мнению В.И. Молодина, к навершию должны относиться нефритовый диск и длинный бронзовый гвоздь. В погребении также найдены серебряная пряжка и два наконечника ремня, железный однолезвийный нож, рамка от железной пряжки, костяная застежка и лошадиная бабка. Захороненный в этой могиле воин был центрально-азиатским монголоидом [Молодин, Чикишева, 1990, с. 162–167].

В 2009 г. на памятнике Аржан-Бугузун на Юго-Восточном Алтае были раскопаны четыре пологие округлые каменные насыпи на прямоугольной площадке, окаймленной валом и рвом. Под ними не оказалось ям и погребений. В одном кургане в зольном пятне были найдены бронзовые бляшки, украшенные зернью и вставками из полудрагоценных камней, и одна золотая бляшка со вставкой из граната [Кубарев Г.В., Слюсаренко, Кубарев В.Д., 2009; Кубарев, 2010].

Судя по территории распространения памятников, на которых встречались изделия из благородных металлов, украшенные зернью и вставками из цветных камней и стекла, подобные украшения были в употреблении у многих кочевых племен Степного пояса Евразии. В настоящее время эта территория может быть расширена и должна включать ареалы разных кочевнических культур конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона.

Описание и анализ находок

В 1985 г. на прибрежной террасе левого берега р. Ала-Арча, на северо-восточной окраине г. Бишкека, на площади, превращенной в городскую свалку, школьники нашли несколько костяных и железных предметов вооружения, бронзовых, золотых и серебряных изделий. Находки были переданы в Кыргызский государственный исторический музей, а местонахождение обследовали археологи Б.В. Помаскин, Л.Г. Ставская и Л.М. Ведутова. В специальной и научно-популярной литературе, изданной в Кыргызстане, этот памятник обозначен как курган «Красный строитель» [Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 46]. В ходе обследования местонахождения удалось выяснить, что на небольшом останце, образовавшемся в результате выборки экскаватором грунта с южной стороны естественного глиняного холма, на глубине ок. 3 м от поверхности находились остатки древнего захоронения. Судя по собранным археологами сведениям об этой интересной наход-

ке, школьниками был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на дне могилы или катакомбы черепом на север. В нарушенном строительными работами погребении собрана значительная коллекция предметов сопроводительного инвентаря, в т.ч. изделия из драгоценных металлов. В числе железных предметов трехлопастные наконечники стрел, фрагменты кинжала с кольцевым навершием, обломок клинка однолезвийного палаша, миниатюрные ножи, панцирная пластина, застежка от одежды, округлое пластинчатое навершие в виде шляпки гвоздя и скобы, которыми скреплялось деревянное гробовище. Среди находок был небольшой кувшинообразный бронзовый сосуд с яйцевидным туловом, низкой горловиной и широким раструбом отогнутого наружу венчика. На поверхности тулова выявлены следы ремонта [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 49–51].

Некоторые предметы, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея Кыргызстана,

были изучены одним из авторов настоящей статьи при содействии музейных работников. Среди этих находок имеется представительная коллекция предметов вооружения. К оружию дистанционного боя относятся две костяные концевые накладки лука. Они сохранились не полностью: одна на 5,5 см в длину, другая на 10,5 см. У обеих слегка закругленные верхние концы и арочные вырезы для крепления петли тетивы. Накладки плавно сужаются к нижнему концу. Ширина в верхней части 2,2 см (рис. 1, 1, 2). Примечательно, что не только внутренняя, но и внешняя сторона накладок покрыта косыми резными линиями. Они наносились для более прочного приклеивания к деревянной основе кибита лука. Нарезка на внешней поверхности накладок может свидетельствовать о том, что они обклеивались каким-то покрытием сверху. Ранее такая особенность оформления концевых накладок на луках кенкольской культуры не прослеживалась [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78].

В коллекции более 10 железных наконечников стрел. Все черешковые. Большая часть наконечников трехлопастные с остроугольным острием. По форме пера среди них выделяется несколько типов. К первому можно отнести наконечники с удлиненно-шестиугольным пером и покатыми плечиками (рис. 1, 3–6, 20) – 5 экз. Длина пера у них 4,5 см, ширина – 2, длина черешка 3,5 см. Второй тип – наконечники с удлиненно-ромбическим пером и пологими плечиками (рис. 1, 10–12) – 3 экз. Длина пера 5 см, ширина – 2,5, длина черешка 2 см. К третьему типу можно отнести наконечник с выделенной боевой головкой и короткой шейкой (рис. 1, 8). Длина пера 4 см, ширина – 1,2, длина черешка 1 см. Среди трехлопастных наконечников немало сильно корродированных и поврежденных, форму которых в отдельных случаях определить невозможно (рис. 1, 14). В коллекции также имеются два бронебойных наконечника с округлым в сечении пером и остроугольным острием. По форме пера они относятся к разным типам. Один имеет выделенную боевую головку, покатые плечики и короткую шейку с упором (рис. 1, 13). Длина пера 2,8 см, ширина – 1,2, длина черешка 2,5 см. У другого удлиненно-ромбическое перо длиной 2,2 см, шириной 1,2 см, черешок обломан (рис. 1, 15). Спектр типологического разнообразия трехлопастных наконечников в рассматриваемой коллекции находит аналогии прежде всего в ранее изученных кенкольских материалах, где широко представлены удлиненно-ромбические формы и встречаются экземпляры с выделенной боевой головкой [Там же, с. 81]. В то же время в коллекции достаточно много удлиненно-шестиугольных наконечников, которые в других комплексах кенкольской культуры не отмечены. Отличаются своеобразием и бронебойные наконечники, также не зафиксированные на других памятниках этой культуры [Там же, с. 81–87].

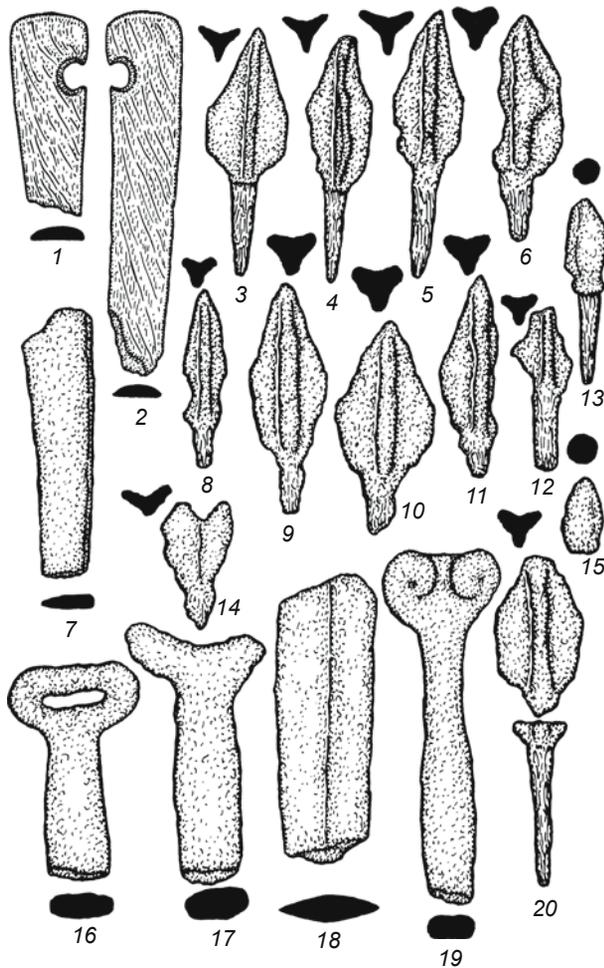

Рис. 1. Предметы вооружения.

1, 2 – костяные концевые накладки лука; 3–6, 8–12, 14, 20 – железные трехлопастные наконечники стрел; 7 – железный нож; 13, 15 – железные округлые наконечники стрел; 16, 19 – рукояти клинкового оружия; 17 – рукоять меча; 18 – обломок клинка меча.

В составе железных предметов из кургана «Красный строитель» имеется обломок колчанного крюка с поперечной перекладиной на его нижнем конце (рис. 2, 11). Длина сохранившейся части 2,5 см, ширина перекладины 2,4 см. Подобные колчаные крюки не были выявлены в составе кенкольского воинского снаряжения. Однако они встречаются в материалах культур хунно-сяньбийской эпохи в Саяно-Алтае: кокзельской в Туве и кок-пашской на Восточном Алтае [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10, 27, 32; 12, 6; 15, 16; 16, 41]. Отдельные подобные находки известны в древнетюркских погребальных комплексах на территории Тувы [Грач, 1966, рис. 30, 1].

Длинноклинковое оружие в коллекции из кургана «Красный строитель» представлено фрагментом клинка двулезвийного меча (см. рис. 1, 18). Он имеет уплощенно-ромбическое сечение. Длина фрагмента 8,3 см, ширина 2,8 см. В коллекции имеются три железные рукояти от клинкового оружия. У одной из них частично сохранилось дуговидное навершие (см. рис. 1, 17). Длина сохранившейся части рукояти 7,2 см, ширина 2 см. Вероятно, именно эта рукоять могла принадлежать мечу, представленному обломком. Вторая рукоять снабжена кольцевым навершием овальной формы. Она сохранилась на 6 см в длину, ее ширина 1,9 см (см. рис. 1, 16). Эта рукоять могла быть частью палаша с однолезвийным клинком, упомянутого в описании находок из кургана «Красный строитель», но отсутствующего в коллекции [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 49–51]. Третья рукоять снабжена навершием со спирально загнутыми навстречу друг другу концами. Она подпрямоугольная в сечении, зауженная под навершием и несколько расширенная при подходе к клинку. Длина сохранившейся части 10 см, ширина – 1,5 см (см. рис. 1, 19). Эта рукоять могла принадлежать кинжалу. В коллекции имеется фрагмент ножа с однолезвийным клинком, острие и черен рукояти обломаны. Длина сохранившейся части 7,5 см, ширина клинка 2 см (см. рис. 1, 7). В описании предметов вооружения из кургана «Красный строитель» упомянуты кинжал и нож [Там же]. Среди клинкового оружия воинов кенкольской культуры представлены двулезвийные мечи с уплощенно-ромбическим в сечении клинком, однолезвийные палаши и кинжалы [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 88–91]. В перечне находок из рассматриваемого комплекса значатся железные панцирные пластины, которых в изученной коллекции не оказалось [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 49–51].

Из походной утвари, обнаруженной в кургане «Красный строитель», самостоятельный интерес представляет бронзовый кувшин. Он склепан из металлического листа (на одной стороне сохранился вертикальный шов), дно в виде округлой пластины прикреплено крупными бронзовыми заклепками.

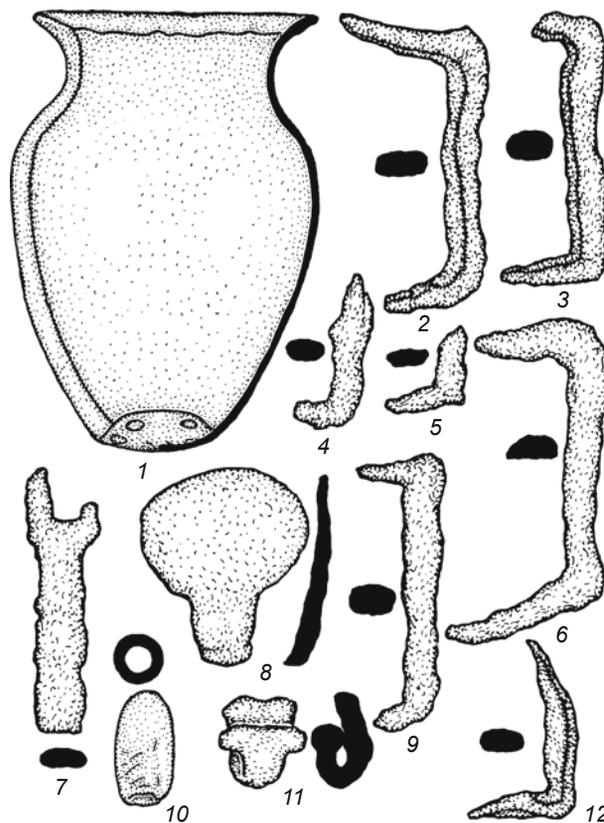

Рис. 2. Бронзовые (1, 10) и железные (2–9, 13) предметы. 1 – кувшин; 2–6, 9, 12 – скобы гробовища; 7, 8 – пластины; 10 – набалдашник; 11 – колчаный крюк.

Тулово профилированное, с зауженной горловиной и отогнутым венчиком. Часть венчика повреждена (см. рис. 2, 1). Среди других бытовых предметов отметим овальную в сечении железную пластину с раздвоенным концом, которая могла быть вилок (см. рис. 2, 7). Еще один железный предмет представляет собой диск с боковым ответвлением (см. рис. 2, 8). В качестве чего он мог служить, сказать трудно. Также не ясно назначение бронзового полого предмета овальной формы с отверстием с одной стороны (см. рис. 2, 10). Возможно, он являлся набалдашником деревянной рукоятки.

В изучаемом кургане найдено несколько скоб, которыми скреплялись между собой деревянные доски гробовища. Они изготовлены из железных стержней с перпендикулярно загнутыми концами. Длина полностью сохранившихся скоб до 8 см, загнутых концов – от 3,5 до 5,0 см (см. рис. 2, 2–6, 9, 12).

Особый интерес представляют ювелирные украшения. Среди них имеется нашивная золотая пластина в виде горизонтально расположенного полумесяца с нешироким трапециевидным выступом в нижней части (рис. 3). Размеры изделия 6,5 × 6,0 см. Его поверхность украшена низким барельефным орнаментом в виде ромбического сетчатого узора. По краю

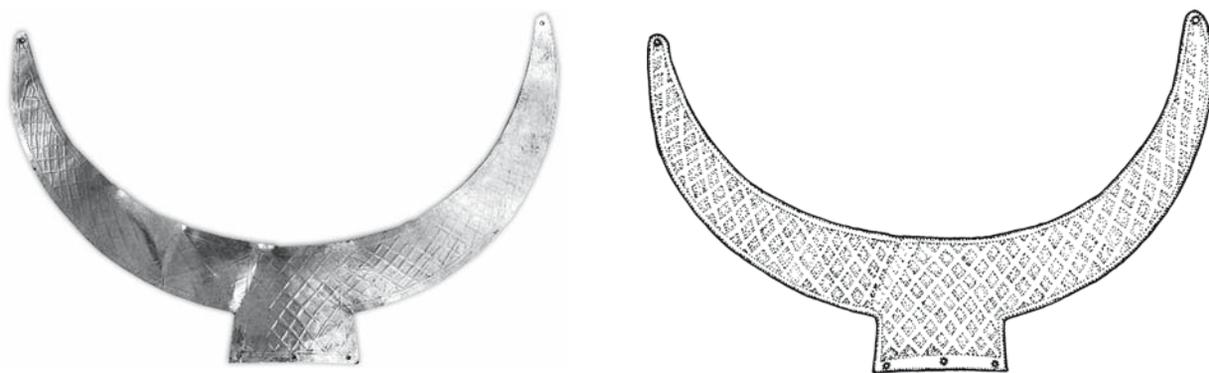

Рис. 3. Нашивная нагрудная золотая пластина с тисненым орнаментом и ее прорисовка.

пластины идет узкая полоска, лишенная орнамента. Она несколько шире вдоль основания трапециевидного выступа [Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 48]. На обоих концах полукруглой пластины имеется по одному небольшому округлому отверстию для прикрепления к какой-то, вероятно, органической основе, например к матерчатой одежде на груди у человека. Три отверстия вдоль нижнего края выступа могли служить для подвешивания каких-либо украшений. В научно-популярных изданиях эта пластина названа «гривной», «пекторалью», «нагрудным украшением» [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 48]. Последнее определение представляется наиболее точным, соответствующим назначению предмета.

Бронзовые пластинчатые гривны, одна из которых с загнутыми в виде колец концами и прямоугольным выступом в нижней части, были обнаружены в области шеи в трех мужских и одном женском погребениях на могильнике верхнеобской культуры Ближние Елбаны XII в Верхнем Приобье [Грязнов, 1956, с. 119, 122]. На других памятниках этой культуры найдены бронзовая гривна в виде несомкнутой полуовальной пластины без отверстий для крепления и обломки железной, овальной в сечении [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30, рис. 15, 1, 2]. «Нагрудное украшение из толстой бронзовой проволоки с надетой на нее реповидной бусиной и загнутыми в петлю окончаниями» известно в материалах раскопок могильника Айрыдаш I в Горном Алтае [Суразаков, 1986, с. 203]. Бронзовая гривна с бусиной и отверстиями на концах, в которых сохранились обрывки ремешка, найдена в погребении в колоде на могильнике Курайка III–V вв. на Юго-Восточном Алтае [Соенов, Эбель, 1998, с. 115, 135, рис. 9; 10, 3]. Бронзовая и золотая витые гривны с подвесками и бляхой происходят из захоронений Кок-Паша на Восточном Алтае [Елин, Васютин, 1984, рис. 1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 28, 177–178]. Проволочная гривна с загнутыми в одну сторону концами была обнаружена в кургане с «усами» на мо-

гильнике Зевакино IV–V вв. в Восточном Казахстане [Арсланова, 1975, табл. I, 12; 2013, с. 248, табл. I, 12]. Аналогии подобным гривнам прослежены в материалах памятников Горного Алтая и Восточной Европы [Соенов, 1997; Засецкая, 1994, с. 76, 77, табл. 10, 1; 15, 9; 20, 3; 42, 5; 43, 1].

Близкие по форме нашивные пластины, в т.ч. одна золотая, были обнаружены в ходе раскопок памятников бурхотуйской культуры Соцал, Токчин, Улан-Сар и Хорбой в Восточном Забайкалье. На этих памятниках выделены погребения ононского типа, часть которых относится к первой половине и середине I тыс. н.э. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 96–97, 108–109, табл. XXX, 1–5]. Исследователи отметили, что подобные пластины найдены в немногих погребениях взрослых мужчин и отдельных детских захоронениях. Они считают эти предметы символами власти или знатности [Там же, с. 45].

В числе находок из кургана «Красный строитель» имеются три нашивные прямоугольные золотые бляшки (рис. 4, 4–6). Все одинаковые. Украшены невысокой барельефной рамкой, повторяющей контур бляшки. В центральной части имеется небольшое округлое отверстие, по два еще меньших расположено по краям каждой из сторон [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 49].

В коллекции есть полый золотой шарик, склепанный из двух половинок (рис. 4, 2). Верхняя часть несколько шире нижней и перекрывает ее, образуя в месте соединения невысокий бортик. В центре верхней части к поверхности шарика прикреплен петелька для подвешивания [Там же].

В набор украшений входят два одинаковых золотых браслета (рис. 4, 1, 3). Они представляют собой узкие, согнутые в несомкнутое кольцо пластины, украшенные с внешней стороны продольными бороздами [Там же]. Очень отдаленным по времени аналогом может быть несомкнутый пластинчатый серебряный браслет с четырьмя горизонтальными ба-

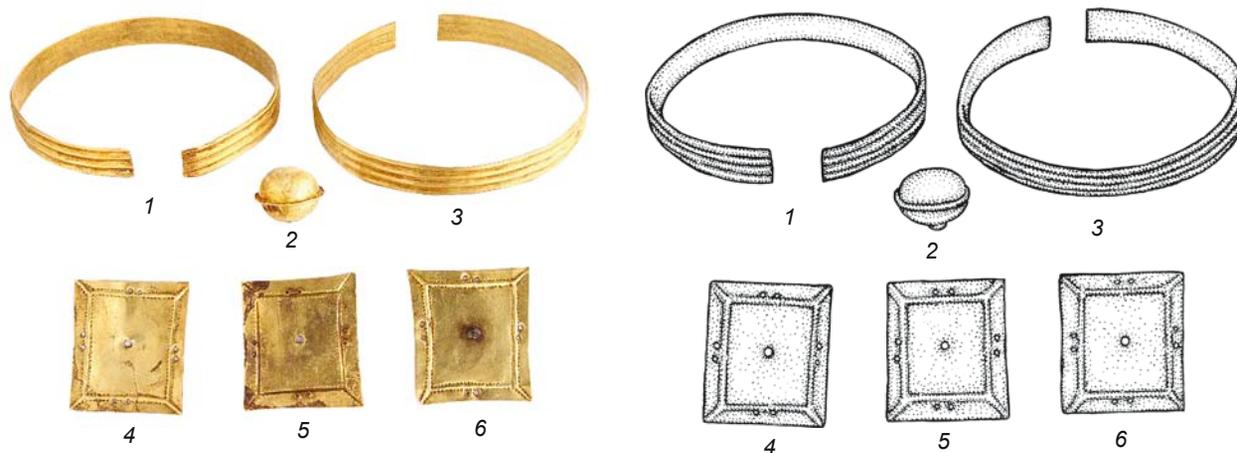

Рис. 4. Золотые браслеты (1, 3), бубенец (2), нашивные бляшки (4–6) и их прорисовки.

рельефными валиками и фигурой в виде косо-го креста в средней части, обнаруженный на городище Отгар эпохи развитого Средневековья [Katalog..., 2013, S. 1071].

Среди находок из рассматриваемого кургана выделяется золотая цилиндрическая трубка высотой 5,5 см, имеющая в нижней части четыре отогнутые лопасти с округлыми отверстиями для крепления к органической основе и увенчанная семью плавно изогнутыми в стороны и вверх полосами, разделенными на два конца, каждый из которых загнут в кольцо (рис. 5). Исследователи определили этот предмет как навершие головного убора, представляющее собой стилизованное изображение дерева жизни [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 47].

Помимо золотых изделий, в числе находок имеется серебряная ажурная пластина размером 7,5 × 10,0 см (рис. 6). Она включает ком-

Рис. 5. Золотое навершие головного убора.

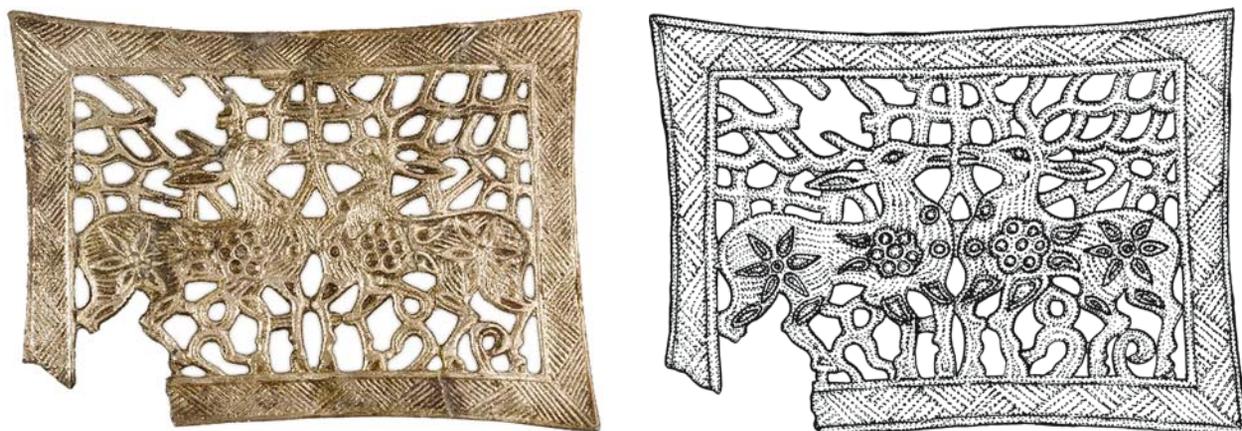

Рис. 6. Серебряная поясная пластина с изображением оленей.

позицию из двух противостоящих друг другу стилизованных профильных изображений благородных оленей с ветвистыми рогами. Фигуры декорированы розетками. Композиция окаймлена полосой, орнаментированной разнонаправленными косыми линиями, образующими треугольники [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 46]. Вероятно, эта пластина является принадлежностью воинского наборного пояса. Близкие по форме бронзовые поясные пластины с противостоящими или ориентированными в противоположные стороны фигурами диких копытных животных известны в числе «ордосских бронз», часть которых относится к хуннскому и сяньбийскому времени: в материалах хуннской культуры в Забайкалье и Монголии, тесинского этапа тагарской в Минусинской котловине, комплексах культуры сяньби в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии [Дэвлет, 1980, с. 10–11, рис. 1, 2; табл. 1, 1; 3, 5, 6; 4, 7–10; 5, 11, 12; 6, 13–15, 19; 7, 20, 21, 23; Кан Ин Ук, Богданов, Леонтьев, 1999, с. 159–160, рис. 1; 2, 2, 8; Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, с. 165, рис. 1; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 376, 377, 380, 386, 388, 402]. Некоторое сходство изображений оленей на поясной пластине из кургана «Красный строитель», по стилю оформления, прослеживается с профильной фигурой марала на известной каргалинской диадеме [Акишев, 1983, с. 159]. Это может свидетельствовать о переработке данного центрально-азиатского по происхождению сюжета в местной сакской культурной среде.

Установление хронологии и культурной принадлежности комплекса из кургана «Красный строитель» представляет определенные сложности, поскольку не все предметы были собраны и оказались доступны для изучения. Исследовав остатки захоронения, В.П. Мокрынин и В.М. Плоских высказали предположение, что это погребение в катакомбе или подбое [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 50]. Подобная конструкция могильной ямы и наличие в числе находок костяных накладок лука, железных трехлопастных наконечников стрел, рукоятей с кольцевыми навершиями и обломка клинка меча дают основания отнести курган к кенкольской культуре хунно-сяньбийского времени, существовавшей в пределах первой половины I тыс. н.э. [История..., 1968, с. 79; История..., 1984, с. 165].

Вещевой комплекс из рассматриваемого разрушенного захоронения включает лук и колчан со стрелами, меч, кинжал и другое оружие, металлическую бляху пояса, нагрудную нашивную пластину и парадное навершие в виде древа жизни, что указывает на высокий статус погребенного, вероятно, знатного мужчины, вождя или военачальника высокого ранга, возможно, предводителя отдельного кочевого объединения. Сложнее судить о принадлежности прямо-

угольных золотых бляшек, которые могли быть нашиты на пояс. Золотые несомкнутые браслеты, носившиеся на запястьях обеих рук у кочевых народов, обычно ассоциируются с аксессуаром женского костюма. Однако, судя по описанию захоронения, в могиле на месте разрушенного кургана находился один скелет взрослого человека. Вероятнее всего, в этом кургане был погребен знатный предводитель или военачальник одного из кенкольских кочевых племен, населявших Чуйскую долину в хунно-сяньбийскую эпоху. Присутствие в составе поясного набора бляхи со стилизованными изображениями оленей, выполненной в зверином стиле, и нагрудной пластины («гривны») может указывать на политические и культурные контакты родоплеменной знати кенкольских племен с правящей элитой среднеазиатских саков и центрально-азиатских хуннов и сяньби. О наличии таких контактов между населением Средней Азии и хуннами в период возвышения державы последних свидетельствуют предметы торевтики греко-бактрийского производства в курганах хуннской знати в Ноин-Уле (Монголия) [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2011, с. 110–117].

В составе золотых и серебряных украшений, обнаруженных в кургане «Красный строитель», отсутствуют изделия, выполненные в полихромном стиле, украшенные зернью и вставками из драгоценных и поделочных камней, цветного стекла. Это несколько необычно, т.к. данный стиль был наиболее характерным для оформления украшений, костюма, конской сбруи и парадного оружия у номадов, населявших евразийские степи от Алтая и Тянь-Шаня до Центральной Европы. Разнообразные подобные изделия имели широкое распространение у многих европейских и азиатских кочевых и оседлых племен и народов эпохи Великого переселения народов в середине I тыс. н.э. [Засецкая, 1978, с. 53–68; 1979, с. 5–14; Амброз, 1981]. Из археологов Кыргызстана по проблеме происхождения полихромного стиля у номадов гуннского времени наиболее определенно высказался В.П. Мокрынин. Он полагал, что истоки этого стиля в кенкольской культуре восходят к декоративно-прикладному искусству среднеазиатских саков. На территории Кыргызстана «полихромный стиль появился в позднесакское время» [Мокрынин, 1986, с. 76–79]. Отсутствие таких изделий в составе сопроводительного инвентаря на памятнике «Красный строитель» может свидетельствовать о том, что набор украшений в нем сохранился не полностью.

Обсуждение результатов

Памятники древних кочевников хунно-сяньбийского времени на территории Тянь-Шаня и Семиречья

начали изучаться в конце XIX в. Первые научные исследования курганов кенкольского типа провел финский археолог Г. Гейкель в 1898 г. в Таласской долине Кыргызстана [Heikel, 1918]. В ходе раскопок были обнаружены отдельные изделия, оформленные в полихромном стиле. По мнению М.В. Воеводского и М.В. Грязнова, изучавших подбойные памятники Семиречья в последующие годы, эти погребальные комплексы принадлежали усуням [1938, с. 174–178]. После проведения раскопок на могильнике Кенкол в конце 1930-х гг. А.Н. Бернштам отнес памятник к культуре среднеазиатских гуннов [1997, с. 41]. По его мнению, «господство гуннов на Тянь-Шане» продолжалось два века, с 50-х гг. до н.э. до 130 г. н.э. [Бернштам, 1998, с. 390]. Распространение среди «гуннского» кочевого населения Средней Азии полихромного стиля с использованием для вставок цветного стекла А.Н. Бернштам объяснил влиянием среднеазиатских юэчжей, которые умели качественно изготавливать такое стекло [1951, с. 228]. В 1950-х гг. С.С. Сорокин, в отличие от своего предшественника, отнес катакомбные и подбойные памятники к культуре местного кочевого населения Средней Азии [1956, с. 3–14]. Изучение могильника Кенкол было продолжено И.К. Кожомбердиевым. Он пришел к выводу, что по обряду погребения и предметному комплексу этот могильник имеет сходство с такими памятниками Средней Азии, как Куанчи и Вереvская, которые связаны с культурой сарматов, в то время как «физический тип погребенных Кенкола свидетельствует о связях с Востоком» [Кожомбердиев, 1960, с. 75]. Ю.А. Заднепровский выделил среди подбойных и катакомбных захоронений четыре территориальные группы. Он выразил согласие с мнением М.Г. Левиной и Б.А. Литвинского, которые относили кенкольские памятники к куанчинской культуре Среднеазиатского междуречья [Заднепровский, 1975, с. 162]. В дальнейшем в результате своих изысканий Ю.А. Заднепровский пришел к заключению, что носители кенкольских традиций принадлежали к кочевым племенам Средней Азии или смешанному кангюйско-хуннскому населению. Им же высказывались предположения о принадлежности среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений кангюйцам, либо усуням, либо юэчжам [Заднепровский, 1992, с. 107; 1996, с. 158–159]. Эта гипотеза была поддержана антропологом С.С. Тур, которая отметила, что, судя по краниологическим данным, носители кенкольской культуры мигрировали на территорию Тянь-Шаня и Семиречья из центральных районов Средней Азии [1996, с. 20]. Н.Г. Горбуновой подчеркнута сходство среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений с памятниками разных вариантов культуры сарматов [1991, с. 28]. В отличие от других исследователей,

А.К. Амброз многие археологические объекты с изделиями, выполненными в полихромном стиле, датировал V – первой половиной VIII в. и относил к культуре тюрков периода Первого Тюркского каганата [1981, с. 21–22]. Однако, если принять его точку зрения, памятники древних тюрков на разных этапах должны радикально отличаться друг от друга.

В составе предметного комплекса кенкольской культуры хунно-сяньбийского времени наряду с характерными видами оружия и воинского снаряжения широко представлены золотые и серебряные украшения, в т.ч. изделия, выполненные в полихромном стиле, которые, по мнению исследователей, были типичны для культур готов, европейских гуннов и сарматских номадов. Они имели очень широкое распространение в западной части Степного пояса Евразии вплоть до Центральной и Западной Европы [Засецкая, 1979, с. 14; 1999, с. 163, 165]. В Центрально-Азиатском историко-культурном регионе и южных районах Сибири подобные изделия широко представлены в кенкольской культуре, в ареал которой входит и Чуйская долина. Особенности погребального обряда

Рис. 7. Реконструкция костюма кенкольского вождя или военачальника.

и предметного комплекса в кургане «Красный строитель» позволяют отнести памятник к этой культуре древнего кочевого населения Средней Азии.

Заключение

Находки из кургана «Красный строитель» дают возможность существенным образом расширить представления о комплексе престижных предметов военно-дружинной субкультуры, характерных для правящей элиты кочевого населения Тянь-Шаня и Семиречья в период бытования кенкольской культуры хунно-сяньбийского времени. Несмотря на то что на площади данного памятника были обнаружены далеко не все предметы, входившие в состав вооружения и воинского убранства погребенного, имеющиеся находки позволяют реконструировать набор оружия и украшений парадного костюма. Очевидно, что захороненный в кургане вождь или военачальник носил головной убор с навершием в виде невысокой цилиндрической золотой трубки с раструбом из семи пластин, раздвоенные концы которых загнуты в кольцо. Возможно, в эту трубку пропускалась заплетенная коса или пучок волос. На груди у вождя или военачальника была золотая гривна, прикрепленная к одежде через отверстия на концах. Не исключено, что она прикреплялась к концам ремешка. Эта гривна в виде лежащего полумесяца с трапециевидным выступом и тремя округлыми отверстиями в нижней части орнаментирована тиснением. Верхняя одежда вождя или военачальника была подпоясана наборным поясом. В состав поясного набора входили серебряные пластина и пряжка с изображениями оленей, золотые нашивные бляхи. Сложнее судить о принадлежности золотого бубенца. Вероятно, такие бубенцы могли подвешиваться к выступу гривны либо к нашивным бляхам пояса. Воин или военачальник носил орнаментированные несомкнутые золотые браслеты. Судя по составу оружия, к поясу подвешивались меч и нож в ножнах, саадак с луком и стрелами (рис. 7). Присутствие в изученном наборе большого количества значимых золотых украшений свидетельствует о высоком социальном статусе мужчины, погребенного в кургане «Красный строитель».

Список литературы

- Абетеков А.К.** Античная чаша из Алая // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1982. – С. 33–36.
- Акишев К.А.** Древнее золото Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1983. – 264 с.
- Алкин С.В.** К вопросу о выделении древностей гунно-сарматского времени в Северном При Тяньшанье (Восточный Туркестан) // Древность: историческое знание и специфика источника: мат-лы конф., посвящ. памяти

Э.А. Грантовского (3–5 октября 2000 г.). – М.: Когелет, 2000. – С. 15–19.

Альимова А.К., Притеева Н.А., Шаршеналиева А.Ш. Золото древнего Кыргызстана. – Бишкек: Гос. ист. музей, 2008. – 60 с.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23. – (Археология СССР).

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1975. – С. 116–123.

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана: Фил. Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – Т. III. – С. 244–252.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.

Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. – 1940. – Вып. V. – С. 23–31.

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. XIII. – С. 216–229.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. I. – С. 19–62.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов // Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Айбек, 1998. – Т. II. – С. 319–486.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.

Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: (К истории усуней) // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 162–179.

Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э.) // СА. – 1991. – № 3. – С. 20–30.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – С. 81–107.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 227 с. – (МИА; № 48).

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 67 с. – (САИ; вып. Д4-7).

Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюрокского времени из Восточного Алтая // Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1984. – С. 35–39.

Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии

древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 159–167.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 101–107. – (Археология СССР).

Заднепровский Ю.А. Узловые проблемы этнической истории кочевников Киргизстана древнего периода // Кыргыз: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – С. 150–163.

Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи: (Постановка вопроса) // СА. – 1978. – № 1. – С. 53–71.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. – М.: Наука, 1979. – С. 5–17. – (КСИА; вып. 158).

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб.: Техн. кн., 1994. – 221 с.

Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 95–110.

Засецкая И.П. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // Археологический сборник. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – Вып. 34: К 100-летию Михаила Илларионовича Артамонова. – С. 161–171.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. I. – 708 с.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. I: С древнейших времен до середины XIX в. – 798 с.

Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 1999. – № 4. – С. 159–163.

Кожомбердиев И. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 70–75.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 27–31.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование поминального комплекса V – начала VI века Аржан-Бугузун на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 312–316.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 191–201.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидорова в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 128 с.

Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. – Бишкек: Илим, 1992. – 176 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 161–179.

Памятники культуры и искусства Киргизии: каталог выставок. – Л.: Искусство, 1983. – 80 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.

Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // РА. – 1997. – № 4. – С. 181–185.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 1998. – № 3. – С. 113–135.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 3–14.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш I // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 203.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Тур С.С. Антропологические материалы из Кенкольского могильника и некоторые дискуссионные вопросы этнической истории населения Кыргызстана в I половине I тыс. н.э. // Кыргыз: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – С. 7–21.

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 129–163.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 1999. – № 4. – С. 163–169.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51–87.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгэрийн илд: Хурэл зэвсгийн уе, хунну гурний хурал эд олгийн соёл. – Улаанбаатар хот: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. – 496 тал. (на монг. яз.)

Heikel H.J. Alttertumer aus dem Tale des Talas in Turkistan // Kansatieteellisia julkaisuja (Trqavaex ethnographiques). – 1918. – Bd. VII. – S. 1–37.

Katalog: Objekte 691–801. Städte und Staaten an der Seidenstraße // Unbekanntes Kasachstan: Archaeologie im Herzen Asiens. – Bochum: Deutsches Bergau-Museum Bochum, 2013. – Bd. II. – S. 533–1098.

Kozomberdieva E.I., Kozomberdiev I.K., Kozemjako P.N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. – 1998. – Bd. 4. – S. 451–471.

The ancient culture in Xinjiang Along the Silk Road / comp. by Qi Xiaoshan, Wang Bo – Urumchi: [s.n.], 2008. – 304 p.

*Материал поступил в редколлегию 12.05.14 г.,
в окончательном варианте – 19.06.14 г.*

Yu.S. Khudyakov^{1,2}, K.Sh. Tabaldiev³, A.Yu. Borisenko²

*¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Pr. Akademika Levrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia*

*²Novosibirsk State University
Pirogova St., 2, Novosibirsk, 630090, Russia*

E-mail: khudjakov@mail.ru

aborisenko2@mail.ru

³Kyrgyz-Turkish University "Manas"

Pr. Mira, 56, Bishkek, 720044, Kyrgyzstan

E-mail: tabaldievk@yahoo.com

WEAPONS, ADORNMENTS AND ELEMENTS OF COSTUME FROM THE "KRASNYJ STROITEL" SITE IN THE CHUY VALLEY OF KYRGYZSTAN

The article presents the analysis of finds from the destroyed "Krasnyj stroitel" site by the side of the Ala-Archa River at the northern skirts of Bishkek in the Chuy Valley of Kyrgyzstan. In this place where the city dump is situated the school children stumbled across a few valuable artifacts, including the golden and silver objects. The functional purposes, the existence time and the cultural attribution of these artifacts were determined as a result of their examination. These objects were a part of the adornments and elements of costume, which was worn by the nobles of ancient nomadic tribes. They were the bearers of Kenkolskaya culture and occupied the mountains and valleys of Tien Shan and Semirechye at the territory of modern Kyrgyzstan, Kazakhstan, Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China, Altai Territory in Russia during the Xiongnu-Xianbei epoch.

Keywords: golden adornments, elements of costume, ancient nomads, Kenkolskaya culture, Tien Shan, Chuy Valley, Kyrgyzstan.

Д.П. Волков¹, С.В. Коваленко¹, И.А. Ермацанс², А.И. Палажченко³

¹Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
пер. Уралова, 5, литер А2, Благовещенск, 675000, Россия

E-mail: volk-d@yandex.ru

stas_ko17@mail.ru

²Амурский научный центр ДВО РАН
пер. Релочный, 1, Благовещенск, 675000, Россия

E-mail: irina@amurnc.ru

³Институт геологии и природопользования ДВО РАН
пер. Релочный, 1а, Благовещенск, 675000, Россия

E-mail: science@ascnet.ru

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ ИЗ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

В статье впервые дано описание нательного креста, найденного в результате спасательных археологических раскопок на территории Албазинского острога в 2013 г. Приведены результаты археологических, морфологических, палеографических, иконографических исследований, химического анализа металла, которые позволили предварительно датировать нательный крест последней третью XVII в.

Ключевые слова: крест нательный, Албазинский острог, голгофская тематика, медное литье.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.073–080

Введение

Албазинский острог – крупнейшее укрепленное поселение русских на Амуре периода позднего Средневековья (1665–1689 гг.). Эта крепость как место столкновения геополитических интересов двух крупнейших держав Евразии – царской России и маньчжурского Китая – давно привлекает внимание дальневосточных исследователей. Первое упоминание об Албазине связано с именем землепроходца XVII в. Е.П. Хабарова, казаки которого в 1650 г. на р. Амуре заняли острог даурского князя Албазы, потеряв при взятии четырех человек. Отсюда они совершали походы вниз по реке, а уходя в 1651 г., по приказанию Е.П. Хабарова, сожгли городок [История..., 2008, с. 173–213].

В 1665–1666 гг. в верховья р. Амура бежала группа казаков во главе с Н.Р. Черниговским, убившим илимского воеводу Л. Обухова. К ним присоединились промышленные люди и крестьяне. Беглецы обосновались на бывшем Албазинском городище, построили острог,

за которым закрепилось название «Албазин». С этого времени начался этап хозяйственного и культурного освоения данных территорий. Албазин постепенно упрочивал свое положение: распространяя влияние на коренное население близлежащей местности, он наладил сбор пушнины, благодаря чему восстановил отношения с Нерчинском и Москвой, нарушенные из-за убийства царского воеводы и бегства от царского гнева и справедливого наказания. В Албазине и за его пределами строились церкви (Воскресенская, Свято-Николаевская), был основан Спасский монастырь (1671). В 1682 г. острог стал центром Албазинского уезда. Этап хозяйственного освоения оказался недолгим и завершился военным столкновением с маньчжурскими войсками в 1685–1687 гг., гибелью большей части защитников крепости и, наконец, первым мирным договором между Китаем и Россией, подписанным в Нерчинске в 1689 г. Согласно его условиям, русские покинули территории незадолго до этого образованного Албазинского воеводства (1682),

а укрепления самого острога уничтожили [Полное собрание..., 1830, с. 31–32].

Русское население вернулось сюда лишь в середине XIX в., когда в 1854–1857 гг. начались «сплавы» под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. До этого времени изучение истории Албазинского острога было возможно только по письменным источникам, собранным преимущественно Г.Ф. Миллером в 1733–1743 гг. [Акты исторические, 1841, 1842; Дополнения к актам..., 1848–1875]. Описание места бывшего Албазинского городища сделали участники «муравьевских сплавов», ученые, исследовавшие Приамурье и опубликовавшие впоследствии свои воспоминания или отчеты об экспедициях. Некоторые из них, помимо описания, зафиксировавшего состояние памятника на момент осмотра, упоминали о находках – остатках бытовых предметов, а также православных нательных крестах [Маак, 1859, с. 66–68; Максимов, 2011, с. 37; Богданов, 1900, с. 61, 68]. Казак Р.К. Богданов, сопровождавший Н.Н. Муравьева при передвижениях по Амуру в 1854–1859 гг., вспоминал, как во время остановки на этом месте в 1854 г. генерал-губернатор приказал установить крест в память о погибших албазинцах «около цитадели», имея в виду «местность, обнесенную земляным валом» [Богданов, 1900, с. 33]. Н.Н. Муравьев полагал, что данное место стало последней опорой удерживавших оборону казаков, и не ошибся. Его предположение подтвердилось, когда в 1858 г. здесь начали строить Свято-Троицкую церковь. При выемке земли под фундамент нашли останки людей, погребенных в гробах и без них, некоторые были с православными медными нагрудными крестами, их перехоронили под алтарем церкви, остальных – под центральной частью храма [Там же, с. 61, 68]. То есть под алтарем здания находились останки защитников Албазина, погибших или умерших в период между 1685 и 1689 гг., с нательными крестами XVII в. Единичные предметы обнаружил Р.К. Маак, который осмотрел остатки Албазинского острога в 1855 г. во время исследования р. Амура по заданию Сибирского отдела Русского географического общества. Он составил план укрепления и подробное описание местности [Маак, 1859, с. 66–68]. Старые укрепления и находки на месте Албазинского острога привлекли внимание и проезжавшего по Амуру в 1860–1861 гг. писателя и этнографа С.В. Максимова, участника этнографической экспедиции, организованной Морским ведомством: «Большая и главная часть нынешней станицы (Албазинской. – Авт.) выстроена внутри тех укреплений, которые построил выходец из Великого Устюга Хабаров. Несколько нынешних домов лежат позади этих укреплений отдельной слободкой. Укрепления до сих пор изумительно хорошо сохранились и во рвах, и в насыпях... На горе, внутри крепости,

нынешним казакам селиться, сказывают, заказано. Распахивая под поля нови, казаки находили внутри нижнего большого городка землю разрыхленную, мягкую, вероятно, вспаханную прежними казаками Хабарова. Откопали топор, сошники, находили кресты нательные: один серебряный, другой медный» [2011, с. 37].

Жители с. Албазина периодически находят на его территории и в окрестностях бытовые и хозяйственные предметы, в т.ч. обнаружили и небольшую уникальную меднолитую прорезную икону Николая Можайского. В 1949 г. обследование района бывшего Албазинского острога провела экспедиция Амурского областного музея во главе с Г.С. Новиковым-Давурским, который составил план местности и указал остатки маньчжурских укреплений. Он первым ввел в научный оборот и описал предметы, характеризовавшие различные стороны жизни албазинцев (быт, религию, хозяйство), установил их территориально-административные взаимосвязи [Новиков-Давурский, 1953, 1961].

История археологического изучения Албазинского острога

Стационарные археологические исследования на территории острога начались в 1970-х гг. и продолжаются до настоящего времени. Условно их можно разделить на три этапа: 1974–1980, 1989–2002, 2003–2013 гг. Первый связан с работами отряда Североазиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством С.В. Глинского и В.В. Сухих в 1974–1976 и 1979–1980 гг. [Сухих, 1976, 1977, 1978; Глинский, Сухих, 1992]. Наиболее полно их результаты представлены в диссертации В.В. Сухих [1980]. В 1980 г. С.В. Глинским впервые были найдены кресты-тельники, изображения которых опубликованы в монографии В.А. Александрова [1984, с. 51].

На втором этапе раскопки осуществлялись Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева. В 1990-х гг. были найдены единичные православные нательные кресты, и только один – в мужском погребении [Артемьев, 1999, с. 291–292]. Позже в небольшой полуземлянке (6,0 × 3,5 м), ставшей «братской могилой» для 57 защитников крепости, среди которых оказались женщины и дети, вместе с остатками одежды обнаружили 25 нательных крестов: 22 бронзовых, 3 серебряных, один из них инкрустирован золотом [История..., 2008, с. 209].

Третий этап связан со спасательными работами Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Проведенный в 2003 г. мони-

торинг памятника показал, что ежегодно при паводковом подъеме воды в р. Амуре происходит разрушение его западной части, которая также подверглась антропогенному воздействию в ходе строительства инженерно-технических сооружений пограничной заставы Албазино. В 2007 г. здесь были проведены работы на единственном еще неисследованном участке с сохранившимся культурным слоем, на площади 38,5 м² (11,0 × 3,5 м), включая большую часть оврага, разрушающего памятник. Общее количество артефактов составило 113 ед. Представлены оружие (свинцовые пули и свинцовая заготовка для их изготовления, ружейные кремни в сопровождении коррозированного металла), предметы быта (фрагменты гончарной посуды, берестяные изделия, железные ножи, ножны), одежды, обувь, украшения (бронзовые пуговицы, ременные пряжки, накладки в виде фигуры птицы с вытянутой шеей и крупным туловищем, железные сапожные подковы, серебряная проволочная серьга, пастовые бусины). Исследованы части сооружений и построек: остатки печи, плохо сохранившиеся деревянные конструкции в виде горизонтально уложенных жердей, фрагменты оконной слюды, в т.ч. в костяной рамке, грани которой выполнены из широких реберных костей животных, обрезанных на стыке под углом 45° и скрепленных между собой. Неординарная находка – серебряная копейка с частично сохранившейся надписью на аверсе «...кня...лексе...» и изображением Георгия Победоносца на реверсе. Ее размеры 0,12 × 0,10 см, толщина 0,0045 см, масса 0,3451 г.

В 2011–2013 гг. исследования Албазинского острога проводились Албазинской археологической экспедицией Фонда «Петропавловск» совместно с Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Геофизические изыскания позволили определить участки сохранившегося культурного слоя и перспективы дальнейшего изучения памятника. Проведены спасательные археологические раскопки его прибрежной, разрушающейся части [Черкасов и др., 2011; Черкасов, Беляков, Вальчак и др., 2012].

Валы острога, за исключением западного, уничтоженного рекой, хорошо сохранились и вместе с береговой линией образуют геометрическую фигуру в виде параллелограмма общей площадью 0,8 га. Они имеют ширину в основании от 2,5 до 3,5 м и возвышаются над поверхностью внутри городища на 1,5–2,0 м. С восточной стороны прослеживаются остатки рва, укрепленного посадками тополя в 1970-х гг. Они представляют собой сильно нивелированное углубление шириной до 2 м, глубиной 30–50 см.

Во время исследования в 2013 г. разрушающейся, западной части острога у берегового обрыва на площади 32 м² (8 × 4 м) из слоя XVII в. получена коллекция предметов – 44 артефакта. Среди них – нательный крест редкой формы (рис. 1).

Рис. 1. Крест нательный. Албазинский острог, раскоп 2013 г.

Описание креста-тельника

Данный нательный крест по типу иконографии относится к наиболее распространенным до XVII в. образцам с голгофской тематикой. Он четырехконечный, с прямыми концами. От средокрестия диагонально отходят «лучи сияния», прямоугольные в сечении. На верхнем конце расположено массивное ушко, шестигранное в плане, со сквозным отверстием овальной формы в центре. Все надписи и изображения выполнены в низком рельефе, напоминающем резьбу.

Длина вертикальной планки 50 мм, горизонтальной – 35, ширина обеих 7,0–8,5 мм, толщина пластины 2 мм. Высота ушка 8 мм, ширина 6, толщина 3,5 мм, диаметр отверстия 2,5 мм. Длина диагональных лучей 9,5 мм, толщина 2 мм. Нижний правый обломан, сохранившаяся часть 3 мм, у левого утрачен кончик. Угол наклона диагональных лучей 40,93°.

На изделии фиксируется утрата 70 % темно-синей эмали по фону на обеих сторонах и 20 % зеленой в области Голгофского креста. Поверхность покрыта патинной зеленой окраской, в местах утраты эмали – светло-коричневого и коричневого (цвет коррозии железа).

На лицевой стороне креста в области средокрестия изображен восьмиконечный крест на горе Голгофе (рис. 2)*, слева и справа от него параллельно вертикальной планке – копьё и трость – орудия страстей Христовых. Подножие Голгофского креста ступенчатое. Под ним гора Голгофа, символически показанная

*Благодарим доктора исторических наук В.П. Мильникова (ИАЭТ СО РАН) за помощь в оформлении иллюстраций.

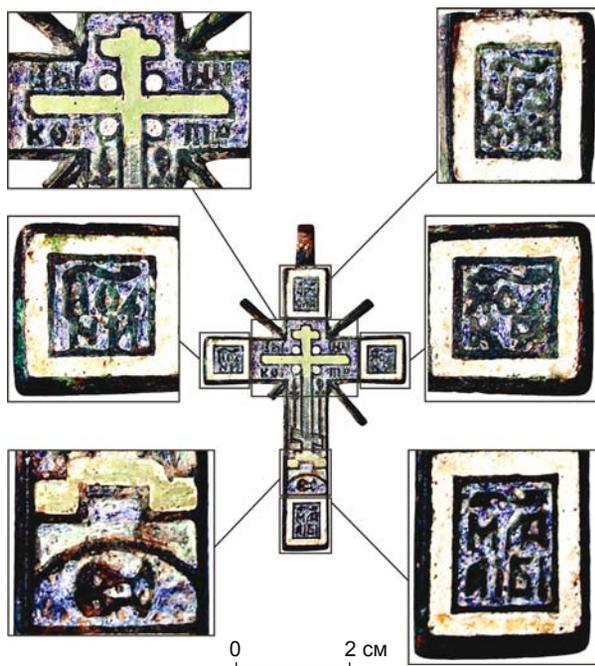

Рис. 2. Лицевая сторона нательного креста
(фото В.П. Мильникова).

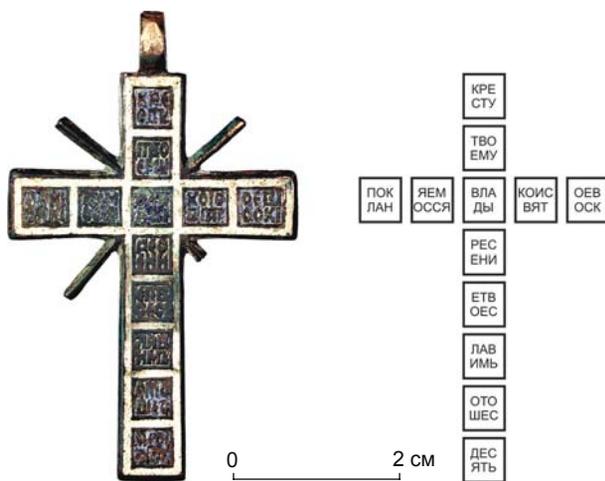

Рис. 3. Обратная сторона нательного креста
(фото В.П. Мильникова).

дугой, с черепом Адама. На обеих сторонах креста имеются надписи, выполненные в две строки и расположенные в основном в ячейках квадратной или прямоугольной формы, за исключением тех, которые находятся в области Голгофского креста.

На лицевой стороне надписи в ячейках расположены следующим образом:

– на верхнем конце вертикальной планки (здесь и далее под титлом) – **ЧРЬ/СЛА** (ЦАРЬ СЛА[ВЫ]), слог «ВЫ» перенесен на горизонтальную перекладину и находится над левой ветвью Голгофского креста);

– на нижнем – **МЛР/АБ** (М[ЕСТО] Л[ОБНОЕ] РА[Й] Б[ЫСТЬ]). На русских крестах данная надпись появляется с XVI в. [Покровский, 1892];

– на горизонтальной перекладине слева – **ИСЬ/НИ**, справа – **ХСЬ/КА** (ИИСУС ХРИСТОС, НИКА – победитель).

В области Голгофского креста верхняя строка слева – **ВЫ** (второй слог слова «СЛАВЫ»), справа – **ИНЧ** (ИИСУС НАЗОРЕЙ ЦАРЬ [СЛАВЫ]), нижняя строка слева – **КОП** (КОПИЕ), справа – **ТР** (ТРОСТЬ).

На оборотной стороне в 12 квадратных ячейках (восемь по вертикали и пять по горизонтали) размещен текст тропаря кресту: «**Кре/сту/тво/ему/пок/лан/яем/осся/вла/ды/коис/вят/оев/оск/рес/ени/етв/оес/лав/имь/ото/шес/дес/ять**». Чтение следует начинать с двух верхних ячеек вертикальной планки, затем перейти на горизонтальную, читая слева направо, далее – на нижнюю часть вертикальной. Пока неясно значение текста в двух нижних ячейках (рис. 3).

Простой по форме, по-видимому, мужской крест выполнен в техниках литья и выемчатой эмали. Фоном служила глухая (непрозрачная) белая эмаль, которая подчеркивает контуры квадратных ячеек на обеих сторонах изделия, а также внутреннее пространство в средокрестии Голгофского креста. Она просвечивает из-под верхнего слоя прозрачной темно-синей эмали, фрагментарно сохранившейся на обеих сторонах. Эффект цвета последней достигнут темно-синими вкраплениями в прозрачную стекловидную массу. Глухая светло-зеленая (цвета молодой зелени), точнее желто-зеленая, эмаль заполняет Голгофский крест и ступенчатое подножие горы Голгофы.

Обсуждение результатов

Впервые кресты-тельники на территории Албазинского острога были найдены экспедиционным отрядом С.В. Глинского [Александров, 1984, с. 51], следующие 25 – экспедиционным отрядом А.Р. Артемьева [История..., 2008, с. 209]. При визуальном осмотре крестов установлено, что некоторые из них имеют аналоги, атрибутированные как северорусские XVII в. [Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1899, табл. XV, № 163; 1900, табл. XXXII, № 353, 355; Тютюгина, 2003]. Подобные кресты есть в коллекции Псковского музея-заповедника [Колпакова, 2003; Колпакова, Костючук, 2011], что предполагает наличие среди албазинских казаков выходцев из Пскова. Это подтверждает замечательный памятник книжной культуры XVII в., созданный в Албазине, – «Повесть о чудеси святых благоверных князей Всеволода и Довмонта, во святом крещении нареченных Гавриила и Тимофея, псковских чудотворцев». По мнению Е.К. Ромодановской, исследовавшей повести об ико-

нах XVII–XVIII вв., она создавалась не в официальных церковных кругах, а в демократической среде [1968, с. 84]. Кроме псковитян, среди казаков были присланные из Москвы пушкари, стрельцы и боярские люди; прибывшие с Афанасием Бейтоном «новоприборные» из Тобольска, Тюмени, Туры; а также ссыльные украинцы и поляки [Степанов, 2011]. Традиции мест выхода этих людей, оказавшихся навсегда связанными с историей Албазинского острога, несомненно, наложили отпечаток на предметы материальной культуры, которые, в свою очередь, отражают не только самые разные сферы их жизни, но и изменения государственного, социального, религиозного устройства.

Анализ морфологии албазинского креста позволяет установить аналогии с экземплярами из псковской коллекции, на примере которых Ю.В. Колпакова проследила хронологию появления отдельных конструктивных элементов: «прямоугольные лопасти» появились не ранее XIV в., «лучи сияния (и короткие, и длинные) в средокрестии» – не ранее второй половины XVI в. [2003].

Голгофская тематика, по мнению С.В. Гнутовой, распространялась по различным регионам России из Москвы [1994]. Появление этой тематики без орудий страстей на крестах псковской коллекции Ю.В. Колпакова относит к XIV–XV вв., «горки с полукруглым верхом и головой Адама» – ко второй половине XV в., «горки в виде незамкнутого полукруга» – ко второй половине XVII в., орудий страстей «копья» и «трости», изображенных параллельно вертикальной оси креста, – к XV в., а основной их массы – к XVI в. [2003]. Однако С.В. Гнутова считает, что в русской иконографии тема страстей Христовых появилась во второй половине XVII в. Она и исследователь илимской коллекции крестов-тельников В.И. Молодин связывают это с проникновением через Польшу, Украину, Белоруссию произведений западных мастеров XIV–XVI вв. То есть со второй половины XVII в. изображения орудий страстей, в частности копья и трости, воспроизводились на иконах, потирах, антиминых, крестах и т.д., но наибольшее их распространение приходится на конец XVII в. [Гнутова, 1994, с. 78; Молодин, 2005, с. 152; 2007, с. 85].

Палеографический анализ надписей на албазинском кресте показал следующее. Соотношение ширины и высоты букв на обеих его сторонах в основном близко к 1:1. Используются приемы сокращения длины текста, типичные для византийской вязи XV–XVII вв.: лигатуры – *тy*, *тв*, *ят* (трехмачтовая «*т*» соединяется с «*у*»), «*в*», «*я*» по одной вертикальной мачте); буквы «*мъ*», «*ля*», «*вл*» соединены в точке [Щепкин, 1918, с. 30–41].

Характерное употребление буквы «*ч*» вместо «*ц*» отсылает нас к новгородским и псковским текстам,

«*и*» вместо «*і*» – новгородская черта, «*а*» вместо «*о*» (только в одном случае – в слове «покланяюся») – московская черта, «*у*» идентична греческой скорописи, т.е. развернута в обратную сторону. Почти все перечисленные орфографические особенности надписей на данном кресте в XVI–XVII вв. являлись скорее исключением, чем правилом. В рукописях замена «*ч*» на «*ц*» и наоборот прослеживается до конца XVI в., употребление «*и*» вместо «*і*», «*а*» вместо «*о*» – до XVII в. [Соболевский, 1908, с. 88–89]. В текстах на памятниках меднолитой пластики, датированных XVII в., некоторые из перечисленных черт также встречаются. Кресты с заменой «*ц*» на «*ч*», «*і*» на «*и*» мы обнаружили в опубликованных коллекциях Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова (образцы № 5, 6) [Тютюгина, 2003] и Псковского музея-заповедника [Колпакова, 2003; Колпакова, Костючук, 2011].

Албазинский крест сочетает в себе московские, псковские, новгородские палеографические традиции. Местом их локализации могла быть Москва. Именно сюда после подавления сопротивления в конце XV в. переселили семейства новгородцев, а в начале XVI в. – псковитян. Москвичи были переселены, соответственно, в Новгород и Псков, что стало актом подчинения этих свободолюбивых городов Москве.

Особо стоит обратить внимание на одновременное размещение на кресте двух надписей: «**ЦРЬ/СЛА**» (ЦАРЬ СЛАВЫ) и «**ІНЦ**» (ИИСУС НАЗАРЯНИН, ЦАРЬ [ИУДЕЙСКИЙ]) – явление достаточно редкое для нательных крестов данного времени. Э.П. Винокурова отмечает лишь один датированный XVII в. крест (тип VII, подтип I), на котором монограмма «**ІНЦ**» расположена под надписью «**ЦРЬ СЛА**» или «**ЦРЬ СЛВ**» [Винокурова, 1999, с. 345, 354; Самигулов, 2008]. В опубликованных материалах коллекции, насчитывающей 119 крестов из Пскова и Изборска, исследованных Ю.В. Колпаковой и Л. Костючук, подобного мы не встретили. Появление надписи «**ІНЦ**» обычно относят к началу XVII в. и связывают с проникновением культуры Юго-Западной Руси, которая, в свою очередь, испытывала влияние христианского Запада [Покровский, 1892, с. 349; Введение..., 1993; Молодин, 2005]. Кроме того, после церковной реформы, начатой патриархом Никоном в 1654 г., вместо надписи «**ЦРЬ СЛВ**», широко распространенной до XVII в., в качестве обязательной вводилась монограмма «**ІНЦ**», не признанная за истинную ревнителями древнего благочестия. Н.В. Покровский, который первым соотносил евангельские и литургические тексты с памятниками искусства, считал, что протест против данной надписи несостоятелен с догматической точки зрения и «отражает в себе древнерусское иконографическое предание» [1892, с. 349]. Упоминает он и кресты с этой монограммой, принадлежавшие патриарху

Никону и царю Федору Михайловичу. К XVIII в. места расположения основных надписей на нательных крестах фактически приобрели каноничность – обычно область в верхней части вертикальной планки.

Декорирование эмалью по меди известно на Руси с III–V вв.; со второй половины XI–XII вв. используются перегородчатые эмали по золоту и серебру [Техника..., 1986, с. 6]. К середине XVI в. получила распространение техника эмали по скани, ее центрами стали Москва и Новгород. Новгородские мастера, бежавшие после разгрома Новгорода Иваном Грозным в северные города Сольвычегодск и Великий Устюг, основали в них местные эмальерные промыслы [Бочаров, Выголов, 1983, с. 15]. Крупные центры медного литья в XVII в. сосредоточились в Киеве, Новгороде, Москве, Твери, северорусских городах, таких как Сольвычегодск и Великий Устюг [Гнутова, 1993; Гнутова, Зотова, 2000, с. 11–12]. Исследователь медного литья В.Н. Перетц обратил внимание, что качество эмалей, способ их наложения и комбинации по цвету отличались в разные эпохи. Для XVI–XVII вв. характерно использование белой эмали с зелеными пятнами, чисто белой и синей, в XIX в. были распространены голубая, синяя, а на поморском литье, кроме того, желтая и зеленая [Перетц, 1933]. Традиции же последнего восходят к Сольвычегодску и Великому Устюгу. Для великоустюжских памятников характерны нанесение желтых и черных точек по белому эмалевому фону и покрытие Голгофского креста голубой или зеленой эмалью [Русская эмаль..., 1994, с. 9–10].

Химический состав металла

Химический состав материала креста изучен в Аналитическом центре минералого-геохимических исследований Института геологии и природопользования ДВО РАН (г. Благовещенск) неразрушающим методом рентгеноспектрального локального анализа. Использовался растровый электронный микроскоп JSM 6390LV JEOL (Япония), оснащенный системой микроанализа Oxford INCA Energy 350 – Wave (Англия) с дисперсией по энергии и длине волны. Анализ проводился по зачищенной поверхности со сбором сигнала по выделенному участку с применением энергодисперсионного спектрометра. Параметры зонда при съемке – 20 keV, 67 А. Накопления спектров с экспозицией 60 с, количественная оптимизация выполнена на кобальте. Изучение микрофазовой неоднородности с использованием изображения контраста отраженных электронов показало, что сплав имеет области расслоения состава с выделением зон, обогащенных свинцом, непостоянного состава.

Металл, из которого изготовлен крест, представляет собой сложный сплав меди с цинком (~ 18 %) и оловом (~ 3 %) с примесями свинца, сурьмы, висмута, железа, никеля и марганца (см. таблицу). По существующей классификации сплавы меди и цинка относятся к латуни, а меди и олова – к бронзам. Металл, из которого отлит крест, имеет смешанный бронзово-латунный состав.

Химический состав металла креста из Албазина, %*

Участок анализа	Cu	Zn	Sn	Pb	Mn	Fe	Ni	Sb	Bi	Сумма
1	78,54	17,92	2,52	0,20	0	0,20	0,08	0,18	0,08	99,72
2	78,21	18,19	2,49	0,83	0,01	0,15	0	0,11	0	99,99
3	78,06	18,12	2,85	0,62	0	0,20	0,04	0	0,08	99,97
4	77,60	18,45	2,70	0,82	0,04	0,07	0,05	0,23	0	99,96
5	77,56	18,44	2,83	0,65	0,05	0,28	0,05	0,11	0	99,97
6	77,49	17,59	2,61	1,80	0,08	0,17	0,12	0,13	0	99,99
7	77,48	18,33	2,81	0,44	0	0,10	0,17	0,32	0,22	99,87
8	77,44	18,47	2,96	0,69	0,05	0,15	0,01	0	0,14	99,91
9	77,36	18,27	3,04	0,38	0,02	0,20	0,12	0,31	0,28	99,98
10	76,75	17,91	2,88	2,04	0	0,22	0,14	0	0	99,94
11	76,51	18,67	2,77	1,48	0,03	0,19	0,08	0,18	0,03	99,94
12	75,07	17,53	3,01	3,54	0	0,29	0,01	0,54	0	99,99
13	74,24	17,50	3,09	4,80	0,02	0,23	0	0	0	99,88
Среднее	77,10	18,11	2,81	1,41	0,02	0,19	0,07	0,16	0,06	99,93

*За исключением зон обогащения свинцом.

Заключение

Сопоставив данные морфологии, палеографии, эпиграфики, иконографии, химического анализа бронзового литья и эмалей, отметим, что полных аналогов рассмотренного нательного креста пока не обнаружено ни в албазинской, ни в псковской коллекции, ни в ряде существующих каталогов крестов-тельников. Данная находка не привязана к какому-либо погребальному комплексу или единичному захоронению на территории Албазинского острога. Стратиграфически место ее обнаружения связано с культуросодержащим горизонтом XVII в. Крест мог принадлежать представителю казачьей, крестьянской, ремесленной среды острога. В качестве мест их выхода с определенной уверенностью можно назвать такие города, как Москва, Псков, Тобольск, Тюмень, Тура, Усть-Илим; а также Украину, Польшу. Экстраполяция этих мест на культурные традиции населения Албазина очерчивает довольно обширный круг художественных приоритетов.

Иконографические особенности креста-тельника, а именно наличие орудий страстей Христовых, ограничивают возможность его появления второй половиной или концом XVII в. Использование эмалей чисто белого и темно-синего цвета в сочетании с зеленым (цвета молодой зелени) указывает на это же время, а также на вероятное место изготовления – Москва, Сольвычегодск, Великий Устюг. Палеографические особенности текстов, сочетающие локальные московские, псковские, новгородские черты, обозначают временную границу не ранее XVII в. Конкретизирует время изготовления креста, по нашему мнению, одновременное исполнение надписей «ЦАРЬ СЛАВЫ» и «ИИЦ[І]». Расположение последней над правой ветвью Голгофского креста может свидетельствовать о внесении изменения в литейную форму по требованию, когда место для данной надписи еще окончательно не было определено, а отливать тельники с предписанной монограммой стало необходимо. Именно в Москве, по-видимому, их начали изготавливать раньше, чем в других регионах России, – в последней трети XVII в. С учетом всего вышеизложенного можно с определенной долей условности отнести представленный крест к этому времени, а возможным местом изготовления считать литейные и эмальерные мастерские Москвы.

Список литературы

Акты исторические. – СПб.: Археогр. комиссия, 1841. – Т. III – 538 с.; 1842. – Т. IV. – 604 с.; Т. V. – 580 с. – URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8011/457197> (дата обращения: 29.01.2014).

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 272 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. – 335 с.

Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1889 год // Зап. Приамур. отд. ИРГО. – Хабаровск, 1900. – Т. 5, вып. 3. – С. 1–109.

Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьма. – Л.: Искусство, 1983. – 334 с. – URL: <http://www.rusarch.ru/bocharov2.htm> (дата обращения: 10.02.2014).

Введение: (Из корректуры книги В.Г. Дружинина о поморском литье) // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 2. – С. 106–120.

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.

Глинский С.Г., Сухих В.В. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Зап. Амур. обл. краевед. музея и об-ва краеведов. – Благовещенск, 1992. – Вып. 7. – С. 17–25.

Гнутова С.В. Мелкая пластика Древней Руси: (Типология и бытование) // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 7–20.

Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения. – М.: [б.и.], 1994. – Вып. V: Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII веков, 8–11 июля 1993 г. – С. 68–86.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Медное художественное литье XI – начала XX века: Кресты, иконы, складни: Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. – М.: Интербук-Бизнес, 2000. – 136 с.

Дополнения к актам историческим. – СПб.: [Тип. Э. Праца], 1848–1875. – URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8011/457197> (дата обращения: 29.01.2014).

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск: РИО, 2008. – 424 с.

Колпакова Ю.В. Нательные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли: мат-лы науч. семинаров за 2001–2002 гг. – Псков, 2003. – С. 57–66. – URL: <http://arheologi.livejournal.com/125084.html> (дата обращения: 10.02.2014).

Колпакова Ю.В., Костючук Л.Я. Псковские нательные кресты с надписями XIV–XVIII вв.: Предварительные итоги изучения // Вестн. Псков. гос. пед. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки – 2011. – № 13 – С. 119–137.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела в 1855 г. – СПб.: [Тип. Вульфа], 1859. – 577 с.

Максимов С.В. На Амуре: Первые путевые впечатления // Словесница Искусств. – 2011. – № 2 (28). – С. 35–43. – URL: http://www.slovoart.ru/sites/default/files/images/pdf/SI_28.pdf (дата обращения: 12.02.2014).

Молодин В.И. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса Христа в илимской коллекции // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 148–153.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Новиков-Даурский Г.С. Открытие Амура и начало освоения края // Зап. Амур. обл. музея краеведения. – Благовещенск, 1953. – Т. 2. – С. 26–51.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки, статьи, воспоминания. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. – 192 с.

Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья // Изв. ГАИМК. – 1933. – Вып. 73. – С. 3–53.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии (преимущественно византийских и русских). – СПб.: [Тип. Департамента уделов], 1892. – 496 с.

Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Собр. 1-е. – Т. III: 1689–1699 гг. – 694 с.

Ромодановская Е.К. Сибирские повести об иконах (XVII – начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1968. – С. 82–96.

Русская эмаль XVII – начала XX века / И. Верещагина, С. Гнутова. – М.: Панорама, 1994. – 304 с.

Самигулов Г. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 202–221.

Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. – 2-е изд. – СПб.: Имп. археол. ин-т, 1908. – 162 с. – URL: <http://books.google.com> (дата обращения: 29.01.2014).

Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. – 2011. – № 12. – С. 53–58.

Сухих В.В. О месторасположении памятников археологии XVII в. в верхнем течении Амура и Зеи // Изв. СО АН СССР. – 1976. – № 1: Сер.: обществ. наук, вып. 1. – С. 89–93.

Сухих В.В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке // География Верхнего Приамурья. – Благовещенск: Благовещен. гос. пед. ин-т, 1977. – С. 8–42.

Сухих В.В. Землянки Албазинской крепости // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. – С. 133–144.

Сухих В.В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII в. (по материалам раскопок Албазинской крепости): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1980. – 15 с.

Техника художественной эмали, чеканки и ковки: учеб. пособие / А.В. Флеров, М.Т. Демина, А.Н. Елизарова, Ю.А. Шемянов. – М.: Высш. шк., 1986. – 191 с.

Тютюгина Н.В. Серебряные кресты в собрании Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова // Ставрографический сборник. – М.: Изд-во Моск. Патриархии; Древлехранилище, 2003. – Кн. II: Крест в православии. – С. 287–312.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские: Кресты и образки. – Киев: [Фототипия и тип. С.В. Кульженко], 1899. – Вып. I. – 32 с.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские: Кресты и образки. – Киев: [Фототипия и тип. С.В. Кульженко], 1900. – Вып. II. – 25 с.

Черкасов А., Беляков А., Вальчак С., Чхаидзе В., Волков Д. Археологические исследования в Албазино: от амурского неолита до русского средневековья // Родина. – 2012. – № 12. – С. 28–30.

Черкасов А., Зайцев Н., Онищук В., Сухоруков Н. Албазинская экспедиция: Современные геофизические методы в исследовании Албазинского острога // Родина. – 2011. – № 12. – С. 59–63.

Щепкин В.Н. Учебник русской палеографии. – М.: Об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1918. – 182 с.

*Материал поступил в редколлегию 25.02.14 г.,
в окончательном варианте – 11.03.14 г.*

D.P. Volkov¹, S.V. Kovalenko¹, I.A. Yermatsans², A.I. Palazhchenko³

¹Center for Preservation of Historic-Cultural Heritage of Amur Province

Uralov Lane, 5, build. A2, Blagoveshchensk, 675000, Russia

E-mail: volk-d@yandex.ru

stas_ko17@mail.ru

²Amur Scientific Center FEB RAS

Relochny Lane, 1, Blagoveshchensk, 675000, Russia

E-mail: irina@amurnc.ru

³Institute of Geology and Nature Management FEB RAS

Relochny Lane, 1A, Blagoveshchensk, 675000, Russia

E-mail: science@ascnet.ru

A NEXT-TO-SKIN CROSS FROM THE ALBAZINO FORT: PROBLEMS OF ATTRIBUTION

The description of the next-to-skin cross is first given in this article. The object was found in consequence of archaeological rescue excavations at the territory of Albazino fort in 2013. The results of archaeological, morphological, paleographic and iconographic studies and the chemical analysis of the metal allow the preliminary dating of the next-to-skin cross from the last third of the XVIIth century.

Keywords: *next-to-skin cross, Albazino fort, Golgotha theme, copper cast.*

О.В. Кардаш¹, А.В. Соколов²¹Институт археологии Севера
а/я 398, Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru²Центр историко-культурного наследия ХМАО–Югры
ул. Ленина, 40, Ханты-Мансийск, 628011, Россия
E-mail: mail@iknugra.ru

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ХОЛЯТО-1 НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ

Ритуальный комплекс Холято-1 находился на п-ове Ямал, близ устья р. Юрибей. Его составляли антропоморфная скульптурка и располагавшиеся за ней полукругом наконечники стрел, скопление костей и рогов северного оленя. Непосредственно под культовым комплексом находилось погребение. Памятник датируется рубежом XVII–XVIII вв. и интерпретируется как воинское захоронение части тела или кенотаф воина, возможно вождя, где было устроено культовое место, функционировавшее в рамках поминальной обрядности, а впоследствии как обрядовое место военного сбора общинного ополчения.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Ямало-Ненецкий автономный округ, п-ов Ямал, р. Юрибей, самоеды, святилище, погребение, военные ритуалы.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.081–091

В настоящее время количество известных на п-ове Ямал археологических объектов не превышает 112. Из них лишь семь – долговременные поселения, а остальные – кратковременные стоянки [Косинская, Федорова, 1994, с. 33–48; Кардаш, 2006, с. 98–100], причем стационарными раскопками изучено лишь 12 и только пять введено в научный оборот. Незначительное число исследованных на арктическом полуострове памятников определяет большую значимость каждого нового объекта для изучения древней истории субарктических регионов Западной Сибири. Особое место занимают ритуальные и культовые памятники позднего Средневековья (XVI–XVIII вв.), которых на всей территории Северо-Западной Сибири изучено единицы.

Археологический объект Холято-1 выявлен в 1989 г. и первоначально, по нескольким фрагментам средневековых сосудов, определен как средневековая стоянка [Соколов, 1989, с. 10]. Раскопки этого памятника проводились в июле 1990 г. экспедицией Тобольского государственного педагогического института (ТГПИ) под руководством А.В. Соколова. Работы выполнялись по заданию Ленгипротранса в связи с расположением объекта в зоне строительства железной дороги Лабитнанги–Бованенково [Соколов, 1991; 1992, л. 3].

Памятник находится в Ямальском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа в 308 км к северо-востоку от г. Салехарда, в 262 км к северу от районного центра пос. Яр-Сале и в 18,4 км к северу от фактории Усть-Юрибей (рис. 1). Ритуальный комплекс размещался на останце террасы левого коренного берега р. Ясавэй-яха в 20,5 км к северо-востоку от устья и в 1,5 км от современного русла, на северном берегу большого пойменного оз. Холято в 100 м от уреза воды (рис. 2). Останец имел вид полусферической возвышенности, окруженной пойменным болотом. Часть его разрушена в результате ветровой эрозии, на остальной поверхности сохранилась тундровая растительность (рис. 3, 4). Окружающая пойменная долина поросла травой и кустарником.

В 1990 г. на верхней площадке останца был заложен раскоп размером 10 × 6 м, вытянутый по линии 3–В вдоль края обрыва [Соколов, 1992, л. 11]. Координатная сетка сформирована квадратами 2 × 2 м, в качестве нулевого репера принят юго-восточный угол раскопа*. Предполагалось исследовать центральную,

*Далее в тексте и чертежах уровень нахождения артефактов и фиксации очертаний дан в сантиметрах от этой условной произвольной пространственной точки.

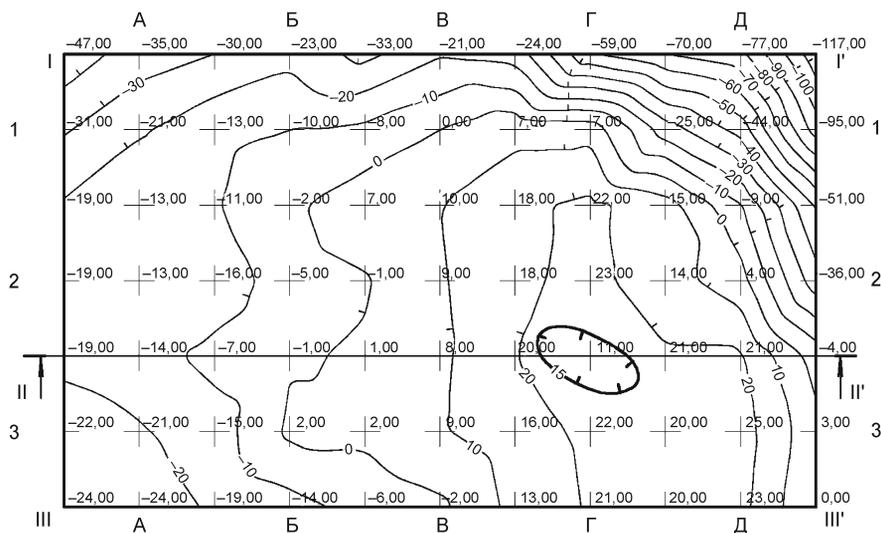

Рис. 5. План нивелировочных отметок.

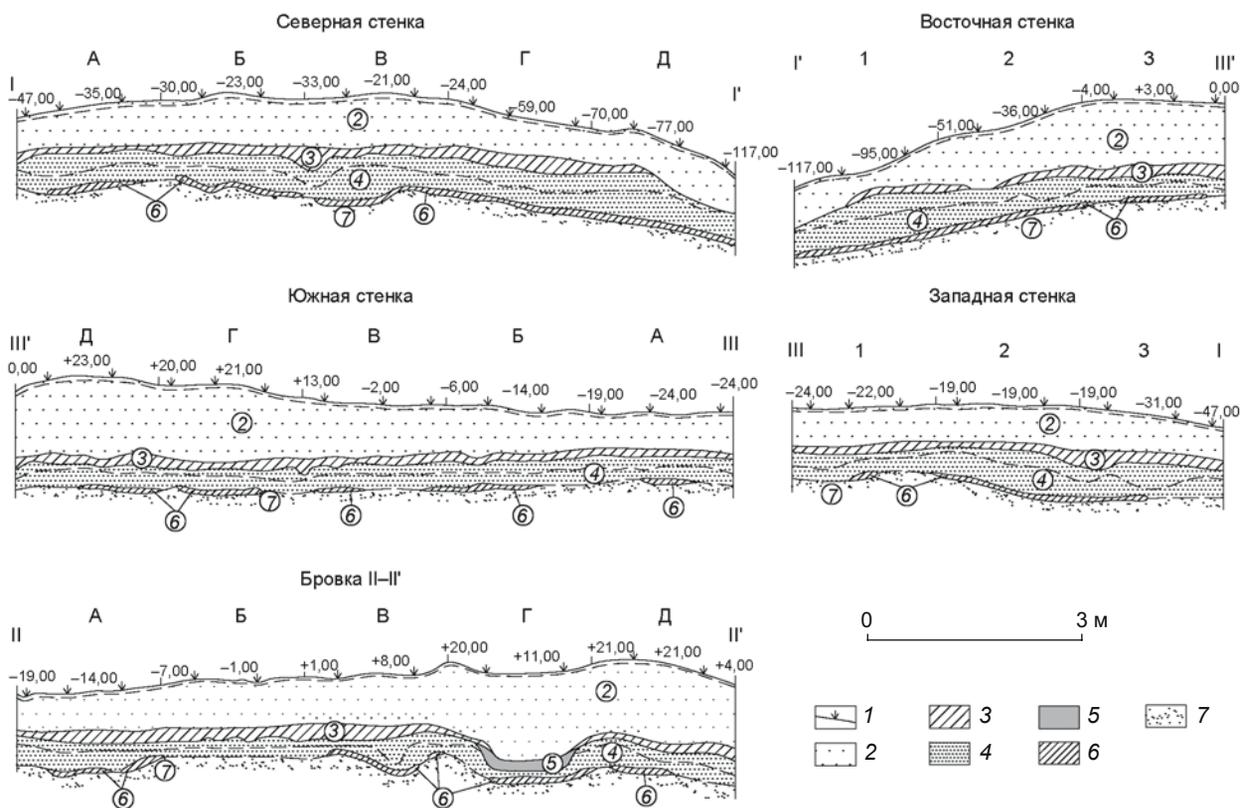

Рис. 6. Стратиграфические разрезы.

1 – дерн; 2 – серая супесь (переотложенный слой); 3 – темно-коричневая супесь – погребенный дерн; 4 – супесь серо-желтая; 5 – серо-коричневая; 6 – коричневая; 7 – желтая супесь – материковый слой.

ментирован наклонными рядами параллельных оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 7, б). Этот сосуд соотнесен с зеленогорской археологической культурой и датирован VI–VII вв. н.э. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 48–51, рис. 15].

Культурный комплекс был обнаружен в юго-восточной части раскопа на участке В–Д/2–3. На уровне –65 см в кв. В–В/3 проявился небольшой участок темно-коричневой супеси (слой 3). Здесь найдены фрагменты костей оленя, камень и кусок дерева. На уровне

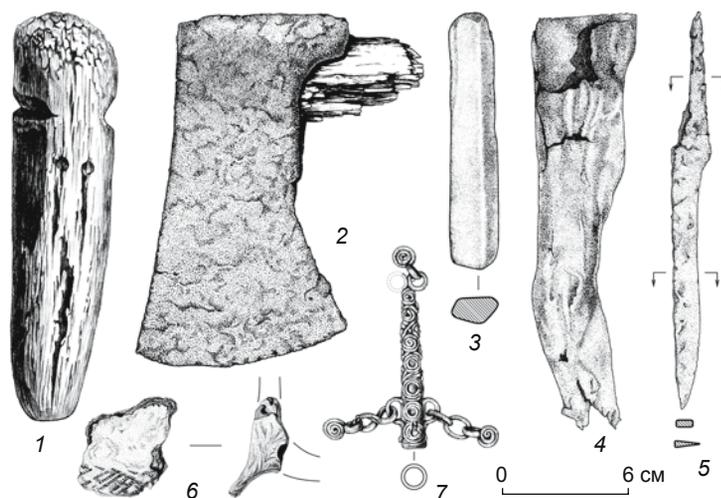

Рис. 7. Предметы культового и погребального комплексов.

1 – антропоморфная скульптура из бивня мамонта; 2 – железный топор с остатками деревянного топорщица; 3 – точильный каменный брусок; 4 – ножны из телячьей кожи; 5 – клинок железного ножа; 6 – фрагмент керамического сосуда; 7 – навершие из белой бронзы.

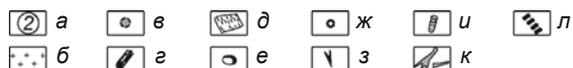
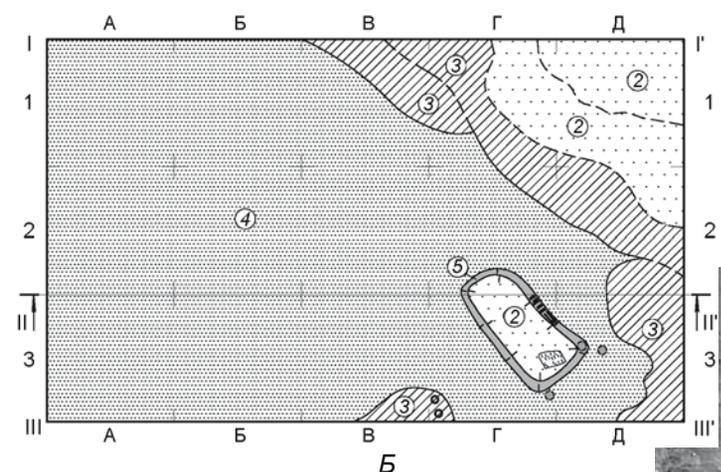
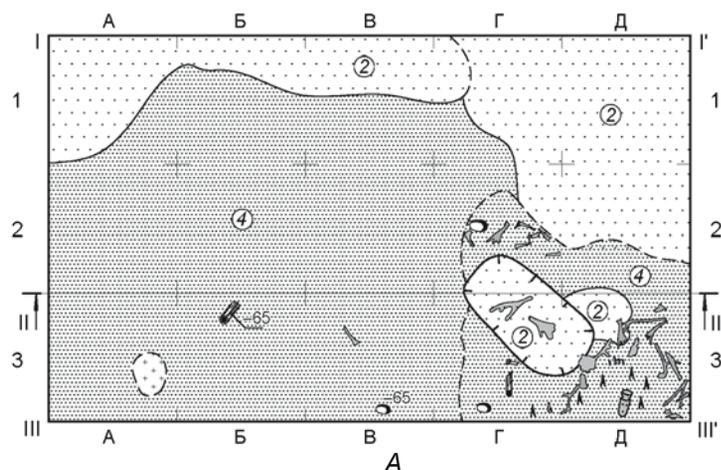

Рис. 8. Планы раскопа на уровнях –80 см (А) и –105 см (Б). а – номер слоя (усл. обозн. см. рис. 6); б – углистое пятно; в – пятно на рыжей ожелезненной супеси; г – дерево; д – береста; е – камень; ж – фрагмент керамического сосуда; з – железный вильчатый наконечник стрелы; и – антропоморфная фигурка; к – кость, рог; л – позвонки.

–80 см слой 3 обнажился на большей части раскопа. На участке Г–Д/2–3, где на уровне современной поверхности фиксировалась небольшая впадина, проявились очертания овальной ямы размером 2×1 м с нечеткими границами. К юго-востоку от этой ямы, частично перекрывая ее, в кв. Д/3 концентрировался комплекс артефактов, явно связанный с культовой практикой (рис. 8, А). Он включал антропоморфную скульптурку, за которой полукругом располагались шесть наконечников стрел, а за ними – кости и рога северного оленя (рис. 9). Эта часть комплекса повреждена осыпью, тем не менее диаметр участка наибольшей концентрации предметов и костных остатков можно определить в пределах 4 м, а максимальный – 6 м.

Скульптурка, маркировавшая центр культового комплекса, выполнена из фрагмента бивня мамонта и имеет длину 19,5 см, диаметр 5,5 см (см. рис. 7; 1). Голову фигуры размером $5,5 \times 5,5$ см и плечи формовали два поперечных паза. Из-за плохой сохранности наличие мелких деталей на верхней части изделия невозможно определить. На передней стороне туловища на 2,5 см ниже уровня плеч находятся два полусферических углубления, которые, вероятно, маркируют грудь, ниже них на 7,5 см – еще одно аналогичное. Какие-либо другие детали туловища не выражены. С большой

Рис. 9. Реконструкция культового комплекса – святилища (?). Вид с юга.

долей условности эту фигурку можно определить как женскую. Ее иконография не имеет прямых аналогий, в целом скульптурка близка по форме изображениям ненецких *хэ-хэ* [Иванов, 1970, с. 73–75, рис. 61, 63].

Располагавшиеся за антропоморфной фигуркой железные наконечники стрел были вертикально воткнуты в грунт. Все они относятся к типу плоских вильчатых. Размеры различны и колеблются в пределах 6,0–16,0 см при ширине боевой части от 1,5 до 3,5 см. Такие наконечники бытовали у народов Северо-Западной Сибири с VI–VII вв. до середины XX в. [Карачаров, 1993, рис. 1, 10; Мартин, 2004, с. 52–53, рис. 40–43, табл. 1, 9–11].

В квадрате А/3 в 7,5 м к западу от культовой скульптуры было зафиксировано овальное углистое пятно размером 0,7 × 0,5 м с плохо выраженными следами прокаленной почвы (см. рис. 8, А). Поскольку в его заполнении не обнаружено фрагментов раннесредневековых сосудов, то происхождение пятна, вполне вероятно, связано с культовым комплексом.

В составе культового комплекса обнаружен 101 экз. костей животных. Их определение производил сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцев. Считаем уместным воспроизвести результаты, чтобы представить их исторический анализ. Среди обнаруженных при раскопках ритуального комплекса костных остатков 96 экз. принадлежат северному оленю (минимальное число особей – 20), 3 – млекопитающим, ближе не определимым (вероятнее всего, это также кости северного оленя), 2 – птицам [Косинцев, 2006, С. 52–53, табл. 29].

Представлены следующие элементы скелета северного оленя: целый череп – 1, фрагменты мозговой коробки – 7, верхняя челюсть – 10 (четыре целых зубных ряда и шесть фрагментов), фрагменты лицевого отдела черепа – 3, нижняя челюсть – 27 (15 целых зубных рядов и 12 фрагментов), изолированные зубы – 5, фрагменты рогов – 23, позвонок – 1, лопатка – 1, бедренная кость – 2, берцовая – 5, лучевая – 2, кости запястья – 3, пястная – 1, плюсневая – 2, фаланга I – 2, фаланга II – 1. Почти все кости, кроме одной берцовой, костей запястья и фаланги II, представлены фрагментами, что является следствием как разделки туш животных, так и действия естественных факторов. Среди нижних челюстей 14 правых и 13 левых частей, которые принадлежали минимум семи самкам и восьми самцам. Представлены фрагменты как правых, так и левых конечностей, определена одна берцовая кость новорожденной особи. На шести фрагментах лобной кости имеются основания рогов, отрубленных острым орудием. Возраст животных, определенный по состоянию зубов нижней челюсти, составляет: 4 месяца – 3/2 (число зубов челюстей / вероятное число особей); 6 – 3/3; 9 – 2/1; 12–18 – 2/2; 24–28 месяцев – 1/1; ок. 3 лет – 1/1; >3 (взрослые) – 10/7; >5 лет (старые) – 2/2 [Там же].

Современный уровень изученности морфологии северного оленя не позволяет определить, к домашней или дикой форме относятся костные остатки [Там же, с. 78]. Поскольку ритуал жертвоприношения у аборигенов Севера Западной Сибири предусматривает убийство животного и кровопролитие, можно считать, что большинство костей северного оленя в культовых комплексах принадлежит особям домашней формы.

Судя по составу скелетных остатков, после жертвоприношения на культовом месте оставались преимущественно целые головы, а части туловища гораздо реже. Не исключено, что оставляли шкуры животных с головами и дистальными частями ног. У ряда групп северных хантов и ненцев такая форма приношений духам бытует до настоящего времени. Она хорошо известна по этнографической литературе. Мы лично наблюдали несколько вариантов размещения таких приношений, которые различались в зависимости от места обитания божеств. В лесной зоне, ханты рек Пим и Тром-Аган, шкуры оленей, принесенных в жертву небесным божествам, развешивают на ветвях священного дерева, подземным – закапывают в землю. В тундре, ненцы п-ова Ямал, шкуры жертвенных животных помещают на пирамиды из оленьих черепов, оставшихся от прежних жертвоприношений, или на длинные шесты – хореи. Пол жертвенного животного имеет определенное значение в ритуальной практике народов Севера Сибири, но эта зависимость основывается на статусе персонажа духовного пантеона. По археологическим источникам установить ее крайне сложно, мы можем лишь отметить, что при жертвоприношениях на культовом месте Холято-1 самки и самцы использовались с равной частотой.

Судя по возрасту особей, приношение животных совершалось в разные сезоны. Вместе с тем выделяются три периода: первый – конец осени (октябрь–ноябрь), когда было убито наибольшее число особей, второй – конец зимы (февраль–март), третий – начало лета (июнь–июль). Опираясь на этнографические данные о хозяйственном цикле оленеводческих общин ямальских ненцев, первый и третий периоды можно соотнести со временем сезонных перекочевков, связанных с выпасом стад домашнего оленя [Хомич, 1995, с. 52–53]. Факт же зимнего жертвоприношения свидетельствует о специальном посещении этого места, в каком-то неординарном случае.

Погребальный комплекс был обнаружен на участке Г–Д/2–3. На уровне –90 см на фоне темно-коричневой супеси – древней погребенной поверхности (см. рис. 6, *слой 3*) отчетливо проявились очертания прямоугольной ямы, заполненной супесью серого цвета (см. рис. 6, *слой 2*). На остальной площади раскопа обнажился нижележащий слой серо-желтой супеси, не содержащий артефактов. На уровне –105 см проявились четкие границы ямы размером 2,0 × 1,0 м,

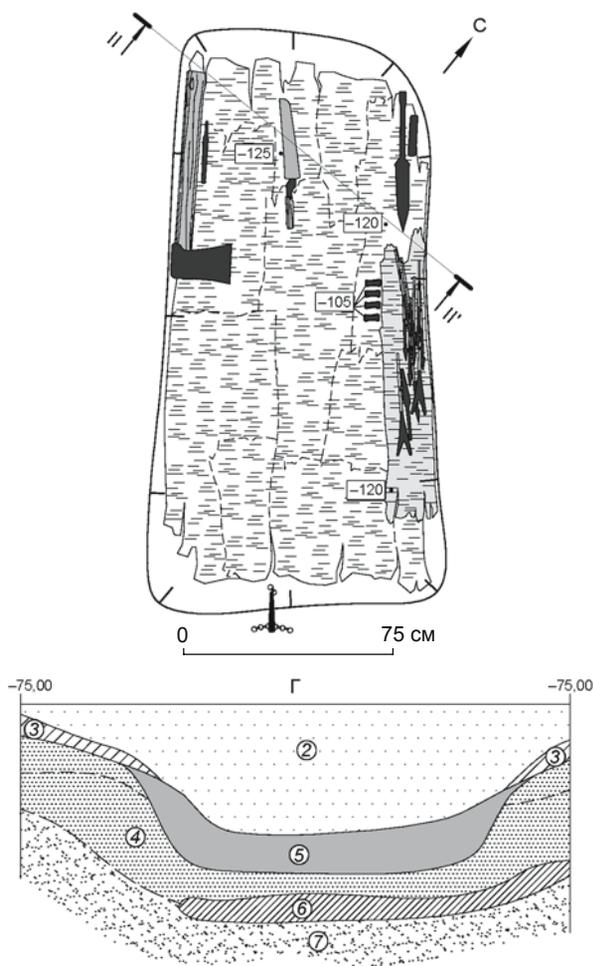

Рис. 10. План и стратиграфический разрез погребения (усл. обозн. слоев см. рис. 6).

заполненной серо-коричневой супесью. В юго-восточной части фиксировались круглые пятна рыжего цвета размером 8×8 см, глубиной 3 см, там же найдены обрывки бересты (см. рис. 8). В северо-восточной части в заполнении ямы были найдены два железных наконечника стрел, близ них – четыре позвонка*. На уровне $-120 \dots -125$ см был обнаружен комплекс артефактов (рис. 10). Предметы располагались вдоль стенок в слое серо-коричневой супеси. В ее составе фиксировались многочисленные волоски кожи северного оленя и остатки истлевшей древесины, очевидно, от конструкции стенок склепа и его перекрытия. В центральной части находились истлевшие фрагменты ткани, вероятно сукна, что вместе с волосками кожи можно интерпретировать как остатки одежды. Дно погребения, зафиксированное на уровне -125 см, было плоским, на нем сохранились

*К сожалению, они утрачены, но, по устному описанию, могли принадлежать как человеку, так и млекопитающему близкого размера, к примеру нерпе.

листы бересты – возможно, нижняя часть берестяного гроба (саркофага), в который были уложены предметы. Всего в комплексе 21 артефакт.

Навершие посоха из белой (оловянистой) бронзы (см. рис. 7, 7) находилось в заполнении погребения на границе юго-восточной стенки ямы. Изделие выполнено в технике литья по восковой модели. Оно представляет собой вытянутый конус с наружным диаметром 1,3 см, внутренним – 1,0 и длиной 8,5 см. К верхнему концу примыкают два кольца, одно из которых обломано, а другое фиксирует привеску диаметром 1,2 см со спиралевидным декором. Поверхность конуса орнаментирована вертикальными рядами рельефных колец и спиралей из тонких жгутов, наложенных в процессе изготовления восковой модели и отлитых одновременно с изделием. На лицевой и оборотной сторонах четыре кольцевидных элемента и три спирали, а на боковых в нижней части конуса вместо второго кольца две симметричные петли, в каждой из которых при помощи двух звеньев закреплены парные круглые привески со спиралевидным орнаментом.

Прямых аналогов данного предмета в опубликованных материалах средневековых памятников Северо-Западной Сибири и Северо-Восточной Европы не известно. Идентификация изделия как навершия жезла и, возможно, жреческого предположительна. Известные по материалам раскопок Надымского городка жреческие посохи также имеют небольшое среднее сечение, от $2,2 \times 1,6$ до $3,5 \times 1,4$ см, и отличаются лишь особым декором навершия [Кардаш, 2011]. Когда и где мог быть сделан данный предмет, позволяет определить технология изготовления. Украшения костюма, отлитые из бронзы по выплавляемым моделям, орнаментированные тонкими жгутами и снабженные привесками различной формы, были широко распространены в X–XIV вв. на территории Северо-Западной Сибири и Северо-Восточной Европы [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 60–65, рис. 19, 20; Семенова, 2001, с. 70–71, табл. 47, 13, рис. 31, 12; Савельева, 1987, с. 98; Голубева, 1966]. Отдельные предметы подобного вида продолжали бытовать до XV – первой трети XVIII в. [Семенова, 2001, с. 73, табл. 59; Кардаш, 2009а, с. 144–146, рис. 3.13, 6–24]. Ремесленные центры, производившие такие вещи с языческой символикой, большинство исследователей локализуют в Северо-Восточной Европе и одним из вероятных регионов называют Пермское Приуралье [Оборин, 1976, с. 16].

Топор с деревянной рукоятью находился в западном углу ямы и был уложен вдоль стены острием внутрь. Он имеет размеры $20,0 \times 14,0 \times 6,0$ см и относится к типу плотницких топоров с широким обухом, вытянутым вдоль рукояти (см. рис. 7, 2). По форме он соответствует русским топорам XVII в., известным по материалам раскопок Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 81, табл. 72, 1–10]. Одним из са-

мых крупных на Севере Руси центров – поставщиков топоров «средней» и «малой руки» считается Устюг Великий [Там же, с. 82; Зиняков, 2005, с. 74]. Топор датирован в пределах XVII–XVIII вв.

Железный напильник находился рядом с топором. Его плоская рабочая часть с поперечными насечками имеет длину 16,0 см, сечение $1,8 \times 0,5$ см, тонкий насад – соответственно 5 и $0,5 \times 0,5$ см (рис. 11, 11). Напильник – крайне редкая находка на памятниках Севера Сибири. Например, в коллекции Надымского городка из 1500 железных предметов конца XVI – первой трети XVIII в. нет ни одного такого инструмента. На их бытование в данный период указывают лишь четыре деревянные игрушечные модели [Кардаш, 2009а, с. 161–167, табл. 1, с.184–185, рис. 3.67, 10–13].

Нож в кожаных ножнах находился в центре погребально комплекса, ближе к северной его части. Рукоять не сохранилась, очевидно, она была полностью деревянная. Клинок размером $19,0 \times 2,0$ см имеет прямое лезвие (13,0 см) и длинный черенок (6,0 см), выделенный с двух сторон четкими уступами (см. рис. 7, 5). Такая же форма у клинков из Падракурского посада XVII в. Холмогор, ставших еще в первой половине XVI в. наряду с Великим Устюгом одним из крупнейших северорусских центров металлообработки Московского государства [Ясински, Овсянников, 1998, с. 14, рис. 1–7]. Естественно, эта форма имела более широкое распространение и не являлась уникальной для одного ремесленного центра. Около 90 % ввозимых в Сибирь ножей было произведено кузнецами Мезени, Соли Вычегодской и Устюга Великого [Зиняков, 2005, с. 74]. Ножны размером 20×5 см, простой формы, с небольшим расширением в верхней части изготовлены из телячьей кожи (см. рис. 7, 4). По форме они аналогичны русским ножнам из Мангазеи, с о-ва Фаддея, побережья залива Симса и относятся к XVII в. [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 79–80; Окладников, 1951, с. 12–30; с. 232, табл. II, 10–12]. Судя по материалам Надымского городка, такие ножи и ножны бытовали в конце XVI – первой трети XVIII в. у аборигенного населения региона. Если клинки данного типа широко использовались в обиходе, то кожаные ножны являлись редкостью [Кардаш, 2009а, с. 161–163, рис. 3.31. 1–5].

Наконечник копья находился в северном углу вдоль северо-восточной стенки и был обращен острием на юго-запад. Он лежал поверх колчана со стрелами. Наконечник копья общей длиной 44 см и шириной 4 см снабжен пером в форме вытянутого прямоугольника, завершающегося треугольным острием, длиной 22 см, ромбического сечения и стержневидным черенком с плоским насадом. Место перехода от черенка к перу имеет расширение в виде маленьких плечиков (см. рис. 11, 1). Данный предмет вооружения является довольно редкой находкой. На территории Северо-Западной Сибири (в Среднем и Нижнем Приобье) извест-

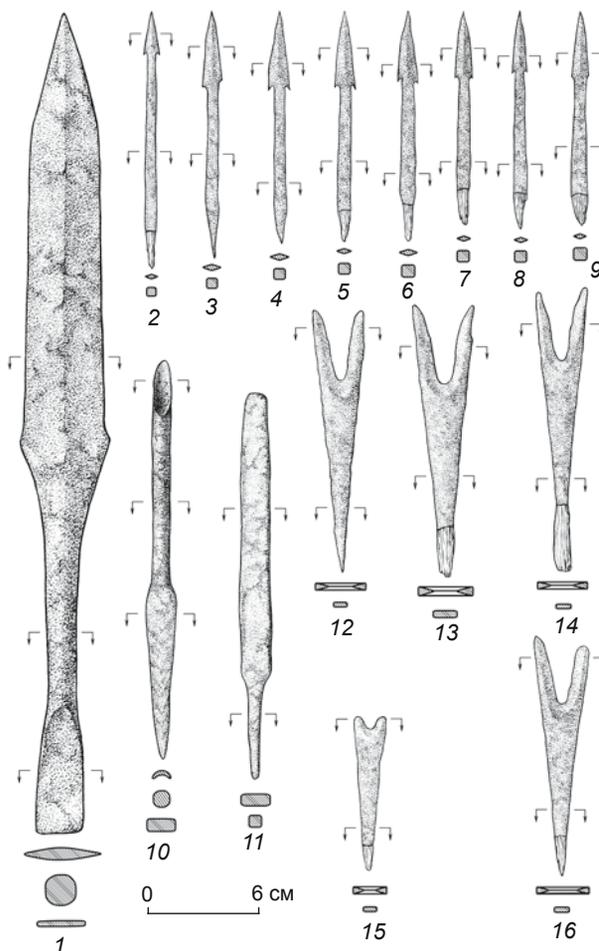

Рис. 11. Предметы вооружения из погребального комплекса. 1 – наконечник копья; 2–9, 12–16 – наконечники стрел; 10 – сверло от дрели; 11 – напильник.

но ок. 14 черешковых наконечников. Они имеются в материалах могильника Сайгатинский IV, датированного XIII–XV вв., погребений XV–XVI вв. могильника Усть-Балык, а также Надымского городка, в составе «клада оружия» первой трети XVIII в. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 63, рис. 20, 17; Семенова, 2001, с. 45, рис. 12, 7; Кардаш, 2009а, с. 156, рис. 3.25, 1]. На других территориях подобные изделия известны в комплексах XVI–XVII вв. [Соловьев, 1987, с. 100]. Наиболее близкий аналог – черешковый наконечник размером $29,0 \times 4,5$ см из селькупского могильника Пыль-Карамо I (р. Тым), датированного XVII–XVIII вв. [Кондрашов, 2002, с. 65–66, рис. 2, 3]. Основное его отличие от найденного нами заключается в длине, которая значительно меньше. Близость формы позволяет отнести наконечник копья к XVII–XVIII вв.

Каменный брусок (оселок) для заточки лезвия находился в северном углу погребения рядом с копьем. Он имеет форму вытянутого прямоугольника длиной 12,2 см и сечением $2,2 \times 1,2$ см (см. рис. 7, 3). Оселок изготовлен из мелкозернистого сланца. Такие орудия

применялись для шлифовки лезвий и снятия заусенцев. В коллекции Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII в. их 88 [Кардаш, 2009а, с. 163, рис. 3.31, 9–12].

Стрелы с деревянными древками и железными наконечниками лежали вдоль северо-восточной стенки погребения. Поскольку поверх стрел и под ними сохранились берестяные листы, возникло предположение о наличии колчана, но достоверно этого определить не удалось. Древки истлели, их размеры и система оперения точно не восстанавливаются, в любом случае, они были длиной не более 0,8–0,9 м, диаметром 0,9–1,0 см. Комплект составляли 13 стрел. В качестве наконечника одной из них было использовано железное сверло от ручной дрели – пёрка, что определило его описание в рамках этой функциональной группы (см. рис. 11, 10). Все остальные наконечники по формальным признакам относятся к двум типам.

Первый тип – наконечники с треугольным пером ромбического сечения, снабженным шипами и длинным черенком – 8 экз. (см. рис. 11, 2–9). Общие размеры от 11,5 × 1,1 до 14,5 × 1,1 см, пера – от 2,5 × 1,1 × 0,3 до 4,5 × 1,3 × 0,4 см. Такие наконечники стрел имели широкое распространение на территории Северо-Западной Сибири с III–IV до XVII–XVIII вв. [Соловьев, 1987, с. 33–34, 39, 46; Семенова, 2001, с. 40, табл. 16]. Они были в наборе русских промышленников, потерпевших кораблекрушение у о-ва Фаддея [Руденко, Станкевич, 1951, с. 98, рис. 3; с. 234, табл. IV, 17, 18].

Второй тип – плоские наконечники с поражающей (боевой) частью в форме широкой развилки с заточенным внутренним (вогнутым) краем, т.н. вильчатые срезни – 5 экз. (см. рис. 11, 12–16). Их длина колеблется в пределах 9,5–15,2 см при ширине боевой части от 1,8 до 3,5 см. Такие наконечники бытовали на территории Северо-Западной Сибири довольно долгий период – с VI–VII до начала XX в. [Карачаров, 1993, рис. 1, 10; Мартин, 2004, с. 52–53, рис. 40–43, табл. 1, 9–11]. Они входили в комплект охотничьего вооружения русских промышленников XVII в. [Руденко, Станкевич, 1951, с. 97; С. 234, табл. IV, 13–16].

Наконечник стрелы из пёрки (см. рис. 11, 10) – это первый зафиксированный случай использования сверла в таком качестве. Судя по материалам раскопок Надымского и Войкарского городков, ручные дрели отсутствовали в наборе инструментов аборигенного населения нижней Оби XVII–XVIII вв. Вместе с тем такие сверла использовались в быту, но монтировались в обычную деревянную или костяную рукоять как нож [Кардаш, 2009а, с. 164, рис. 3.33, 12–14; Брусницина, 2005, с. 27–32; Федорова, 2006]. Массовое появление этих изделий на археологических памятниках коренных жителей приходится на XVIII в., что, очевидно, связано с колонизацией территории и увеличением импорта продукции русского кузнечного производства.

Ниже dna погребения и слоя темно-коричневой супеси зафиксированы два слоя: серо-желтой и коричневой супеси (см. рис. 6, *слои 4 и 6*). В обоих артефакты отсутствовали. Первоначально возникло предположение, что эти стратиграфические горизонты сформировались в результате ветровой эрозии. В настоящее время по имеющимся материалам невозможно однозначно установить, является ли цвет слоев следствием почвенной эрозии или отражает процесс ожелезнения. В любом случае можно считать условия формирования слоев 4 и 6 естественными и определить эти слои как материковые.

Культурно-хронологическая интерпретация.

Анализ вышеприведенных материалов позволяет сделать ряд выводов о хронологии, типологии, функционировании и культурной принадлежности ритуального комплекса Холято-1, включающего погребение и святилище. Размеры и конструкция грунтового захоронения, устроенного на вершине естественной сопки, соответствуют параметрам полноценного погребения человека. Кладбища с могильными сооружениями в виде углубленного в землю деревянного склепа известны на территории таежной зоны Северо-Западной Сибири по раскопкам ряда памятников XVII–XVIII вв. и являются характерными для этого периода [Семенова, 2001, с. 129–130]. Судя по материалам могильников Кинтусовский-4, Усть-Балык и др., умерших вместе с сопровождающим инвентарем укладывали в берестяной короб, который помещали либо непосредственно в погребальную яму, либо в могилу, оборудованную деревянным саркофагом с крышкой [Там же]. Последнее, очевидно, отражало имущественный и, возможно, социальный статус погребенных. Таким образом, конструкция могильного сооружения Холято-1 в целом соответствует элементам погребального обряда аборигенного населения средней и нижней Оби, характерным для XVII–XVIII вв.

Поскольку в описанном погребении не обнаружено никаких достоверных костных останков человека, за исключением неопределимых позвонков, наиболее логично сделать вывод, что это было захоронение части тела либо кенотаф. С такой формой погребений нам приходилось сталкиваться при этнологических исследованиях в бассейне р. Казым*. Для погибших людей, чье тело не было обнаружено, в частности утонувших, вдалеке от общинного кладбища устраивался обычный погребальный обряд. Создавалось полноценное могильное сооружение, куда укладывался весь необходимый инвентарь. Вполне вероятно, что погребальный комплекс Холято-1 является остатками захоронения человека, погибшего при неординарных обстоятельствах, чье тело не было возможности предать земле.

*В частности, при обследовании кладбищ и святилищ, принадлежавших жителям юрт Ай-харсангхум.

Временной интервал формирования вышеописанного набора предметов, несмотря на широкий хронологический диапазон бытования большинства изделий, можно локализовать, основываясь на типологических признаках топора и копья, в пределах XVII–XVIII вв. Наличие наконечника копья позволяет определить захоронение как воинское. На территории Северо-Западной Сибири в позднем Средневековье такое древковое оружие, как копье с черешковым наконечником, было специфическим элитным предметом вооружения. Вероятнее всего, оно могло принадлежать общинным, родовым вождям или их ближайшему окружению. Наличие такого копья может маркировать статус владельца как члена общины, выполнявшего важные общественные функции, в т.ч. ритуальные [Кардаш, 2009б]. На это же указывает присутствие в наборе вещей художественного бронзового изделия. Интерпретация его как навершия жреческого жезла предположительна. Но даже использование данного предмета в качестве элемента костюма маркировало определенный социальный статус владельца.

Возникший на месте захоронения культовый комплекс, который функционировал в течение некоторого времени, также свидетельствует о неординарности погребения. По составу элементов скелета животных этот комплекс отличается от современных священных мест ненцев, где отмечаются только черепа и рога. Отлична и форма святилища. Анализ возрастного состава животных показал, что жертвоприношения совершались неоднократно. Небольшое количество остатков позволяет охарактеризовать ритуальный комплекс как святилище небольшой группы населения. Причина прекращения его функционирования могла быть связана либо с исчезновением общины, либо с завершением цикла поминальной обрядности. Последнее нам представляется наиболее вероятным.

На современном этапе анализа материалов раскопок остается окончательно не решенным вопрос о формировании верхнего слоя серой переотложенной супеси. Не ясно, каким образом на верхней площадке останца сформировалась песчаная насыпь диаметром 20–25 м, высотой до 1 м, объем которой составляет ориентировочно 200–300 м³. Первоначально сложилось мнение, что этот слой образовался в XX в. в результате ветровой эрозии. Сейчас же, после обобщения и анализа всех материалов исследований памятника, возникло иное предположение. Судя по стратиграфическим разрезам, погребение было совершено на верхней площадке хорошо задернованной возвышенности. Возникший на том же месте ритуальный комплекс и обрядовые действия не оставили следов радикального нарушения слоя дерна. Процессы ветровой эрозии, в результате которых перемещаются большие массы песка, не редкость на п-ове Ямал, особенно в последнее время, но образование вследствие этого

холмов или дюн характерно прежде всего для обширных пространств береговых террас. Останец, где находится памятник, удален от ближайшей террасы на 1 км, окружен водоемами и заболоченной поймой, т.е. в непосредственной близости отсутствует территория, откуда могла бы переместиться песчаная масса. Следующий признак – наличие на вершине насыпи могильной впадины, которая указывает на ориентировочное время формирования слоя. Он образовался до разрушения деревянных конструкций погребальной камеры, т.е. немного спустя после захоронения. Хорошая сохранность костей оленей из состава культового комплекса также свидетельствует о небольшом временном интервале между прекращением жертвоприношений и образованием верхнего слоя серой супеси. Еще одним признаком, не характерным для естественной эрозии, является равномерность распространения данного слоя по площади раскопа и, соответственно, вершине останца. Все эти наблюдения позволяют выдвинуть гипотезу об искусственном образовании насыпи над ритуальным комплексом Холято-1. В любом случае, существует вероятность имитации некой курганной формы захоронения. Тем более, что такая форма зафиксирована в погребальной обрядности селькупов, предки которых заселили бассейн р. Таз в XVII–XVIII вв. Военные конфликты селькупов с северными самоедами – населением нижней Оби и побережья Обской губы известны по фольклорным данным [Пелих, 1981, с. 44; Головнев, 2004, с. 118–119, 138–142]. В этой связи, возможно, не случайна типологическая близость наконечников копья из погребения Холято-1 и селькупского могильника Пыль-Карамо I.

Совокупность приведенных выше данных позволяет атрибутировать ритуальный комплекс Холято-1 как захоронение в форме кенотафа, совершенное в память погибшего необычным образом военного вождя общины или рода самоедов – предков современных тундровых ненцев, проживавших на территории от нижней Оби до среднего Ямала. На месте погребения, вероятно, в связи с неординарными способностями и высоким социальным статусом этого человека было устроено культовое место для исполнения поминального обряда и обращения, не исключено, что посредством «духа умершего», к верховным божествам.

Планировка ритуального комплекса Холято-1, а также состав сакральных предметов, как ни странно, находят наиболее близкие параллели с жертвенными местами саамов XVII в. Их святилища были описаны и зарисованы западно-европейскими исследователями, что позволяет выделить основные общие признаки [Schefferus, 1673, p. 108]. Культовое место размещалось на верхней площадке обособленной возвышенности. Центральное изображение святилища имело очень условный антропоморфный облик и было небольшого размера, вероятно, требующего поклоне-

Рис. 12. Ритуальное место саамов – *сиейди*, иллюстрация из книги [Schefferus, 1673].

ния на коленях. За идолом на незначительном расстоянии полукругом размещались верхние части черепов оленей с рогами (рис. 12).

Подобные погребальные и культовые сооружения не известны в традиционной культуре современного аборигенного населения п-ова Ямал – ненцев. Единственную синхронную региональную параллель Холято-1 представляет ритуальная площадка Надымского городка, где черепа и кости жертвенных оленей были размещены полукругом у кострища [Кардаш, 2009а, с. 59–61, рис. 2.98–2.100]. Вместе с тем эти памятники имеют сходство со святилищами норвежских саамов того же времени [Schefferus, 1673, p. 108]. Становится очевидным, что такие ритуальные объекты были распространены у аборигенного населения Субарктики от Скандинавского полуострова до п-ова Ямал. У тундровых кочевников Северо-Западной Сибири на протяжении XVIII–XIX вв. произошли существенные изменения в сфере религии. Трансформировалась форма погребального обряда – захоронения стали наземными. Святилища в большинстве своем приобрели вид своеобразных столбов, сформированных из черепов принесенных в жертву оленей, соответственно удлинились изображения духов – *хэ-хэ*. Этим фактам можно попытаться найти объяснения.

Ритуальный комплекс Холято-1 мог принадлежать древнему автохтонному населению, которое утратило свои религиозные и погребальные традиции, войдя в состав ненецкого этноса. Наиболее вероятно, что изменения в ритуальной практике носили чисто морфологический характер и были связаны с радикальной трансформацией системы хозяйства и ландшафтно-климатическими изменениями. По мнению ряда исследователей, крупностадное оленеводство начало формироваться в XVII в. и сложилось не ранее XVIII в. [Головнев, 2004, с. 88–89; Крупник, 1989, с. 146–163]. Возможно, именно этот процесс привел к изменениям в религиозной практике.

В завершение следует отметить, что трансформация ритуальных традиций не была связана с идеологическим воздействием Русского государства и православной церкви на коренное население Севера Сибири в первой половине XVIII в. Изменения, в первую очередь, явились отражением внутренних процессов, происходивших в аборигенной среде, на что лишь косвенно, в экономическом плане могло повлиять нахождение региона в составе Московского государства и впоследствии Российской империи.

Список литературы

- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазeya: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2. – 147 с.
- Брусница А.Г.** Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: мат-лы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение». Салехард, апрель 2005 г. – Екатеринбург: ПА АРТмедиа, 2005. – С. 22–32.
- Головнев А.В.** Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
- Голубева Л.А.** Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. – 1966. – № 3. – С. 80–98.
- Зиняков Н.М.** Русские металлические изделия на Сибирском рынке XVII в.: номенклатурный и качественный состав // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 72–76.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Карачаров К.Г.** Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН. – 1993. – С. 110–118.
- Кардаш О.В.** Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 126–129.
- Кардаш О.В.** Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009а. – 360 с.
- Кардаш О.В.** Позднесредневековые копья Северо-Западной Сибири // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: в 2 т. – СПб.; М.: ИИМК РАН, 2009б. – Т. 1. – С. 363–371.
- Кардаш О.В.** Посохи «жреца» из Надымского городка XVI–XVII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 104–112.
- Кондрашов А.Н.** Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо 1 и поселения Усть-Порос на севере Томской области // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 63–69.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта ЯНАО. – Препр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 114 с.

Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири: Источники. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 272 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

Мартин Ф. Р. Сибирика: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. – Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2004. – 144 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 192 с.

Окладников А.П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. – С. 7–40, 229–246.

Пелих Г.И. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории. – Новосибирск: Наука, 1981. – 177 с.

Руденко С.И., Станкевич Я.И. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. – С. 97–102, 234–235.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Наука, 1987. – 200 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Соколов А.В. Отчет об археологических раскопках, разведках в Ямальском, Шурышкарском районах Тюменской области. Тобольск, 1989. 62 л. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15942.

Соколов А.В. Памятник средневековой арктической культуры на Ямале // Проблемы историко-культурной сре-

ды Арктики: тез. докл. Междунар. симп. (Сыктывкар, 16–18 мая 1991 г.). – Сыктывкар, 1991. – С. 124–125.

Соколов А.В. Отчет об археологических раскопках в Ямальском районе ЯНАО, Тюменской обл. Тобольск, 1992. 33 л. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16663.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Федорова Н.В. Войкарский Городок: Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Салехард, 2006. – Вып. 4: Науч.-практ. конф. «Обдорья: история, культура, современность». – С. 11–17.

Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. – СПб.: Русский Двор, 1995. – 336 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.

Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. – Т. II. – 432 с.

Schefferus J. Joannis Schefferi Argentoratensis Lapponia: id est, regionis Lapponum et gentis nova et venissima descriptio. In qua multa de origine, superfitione, facrismagicis, victu, cultu, negotiis Lapponum, item Animalium, metallorumque indole, quae in terries eorum proveniunt, hactenus incognita. Produuntur, eiconibus, adjectis, cum cura illustrantur. – Francofurti: ex Officina Christiani Wolffii, typis Joannis Andreae, anno M.DC.LXXIII [1673]. – 378 p.

Материал поступил в редколлегию 27.02.14 г.

O.V. Kardash¹, A.V. Sokolov²

¹*Institute of Archaeology of the North
P.O.Box 398, Nefteyugansk, 628305, Russia*

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

²*Center of Historic-Cultural Heritage of KhMAD – Yugra*

Lenina St., 40, Khanty-Mansiysk, 628011, Russia

E-mail: mail@jknugra.ru

KHOLYATO-1 RITUAL COMPLEX ON THE YAMAL PENINSULA

The Kholiyato-1 ritual complex was situated in the Yamal peninsula near the Yuribej River mouth. The complex contained an anthropomorphic sculpture. Behind it the arrowheads and assemblage of reindeer bones and antlers were situated in shape of a semicircle. The burial was immediately under the cultic complex. The site is dated to the turn of XVII – XVIII centuries and is interpreted as a military grave of the body parts or cenotaph of a soldier, maybe a chief. Here the cultic place had been organized and functioned as a part of obit, and afterwards as a ceremonial place of banal military training.

Keywords: North-Western Siberia, the Yamalo-Nenets Autonomous District, Yamal peninsula, Yuribej River, Samoyeds, sacrarium, burial, military rites.

А.П. Бородавский

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: altaicenter2011@gmail.com

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ЛИЧИНА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ НОВОСИБИРСКА КАК ЧАСТЬ ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Бронзовые личины эпохи Средневековья из Западной Сибири занимают особое место в металлопластике. В современной археологической литературе их предназначение и хронология бытования трактуются неоднозначно. Основной ареал бронзовых личин сосредоточен в северной части Западной Сибири, на средней и нижней Оби. Находки за пределами этих территорий крайне редки и любопытны не только в пространственном контексте, но и в рамках удаленных связей различных западно-сибирских регионов. Бронзовая личина, случайно найденная на верхней Оби (Крохалевка-57 в окрестностях Новосибирска), безусловно, представляет интерес как одна из категорий средневекового транскультурного предметного комплекса, выявленная на далекой от территории основного распространения южной периферии. Уникальная морфология этого изделия позволяет поставить вопрос об его большей древности в сравнении с ранее известными бронзовыми личинами эпохи Средневековья из Западной Сибири.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Средневековье, антропоморфная металлическая личина, транскультурный предметный комплекс, случайные археологические находки.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.092–096

Введение

Кудряшовский бор и его окрестности – одна из самых насыщенных археологическими объектами территорий в Новосибирской обл. [Молодин, Бородавский, Троицкая, 1996; Троицкая, Сумин, Адамов, 2012; Сумин и др., 2013]. Среди всех разновидностей археологических источников особое значение здесь имеют случайные находки [Росляков, 1990], которые являются косвенными признаками наличия еще не выявленных различных памятников (погребальных и культовых комплексов), а также предметами, имеющими особую музейную ценность. Следует подчеркнуть, что обретение таких предметов в окрестностях Кудряшовского бора, судя по письменным ис-

точникам, насчитывает не одну сотню лет, начиная с первой четверти XVIII столетия [Messerschmidt, 1962, S. 74–78].

Описание личины

Археологический памятник Крохалевка-57, расположенный в Коченевском р-не Новосибирской обл., был открыт и паспортизирован Е.А. Сидоровым в 1985 г. Он атрибутирован как поселение без рельефных признаков на дюнной возвышенности, вытянутой вдоль поймы р. Чик, рядом с впадением р. Камышенки. Территория памятника длительное время распахивалась, его границы были установлены по распространению подъемного материала. Протяженность объекта с севера на юг 300 м, с запада на восток 150 м, общая площадь 5,12 га. Среди подъемных материалов, об-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

наруженных ранее, представлены фрагменты ирменской керамики эпохи бронзы, кости животных [Сумин и др., 2013, с. 120].

Весной 2012 г. в центральной части дюны на выпасах была обнаружена антропоморфная личина из «белой бронзы» (рис. 1). Размеры предмета $9 \times 3,1 \times 0,2$ см, масса 26,35 г. Личина имеет ромбовидные очертания и уплощенный рельеф изображения. Показан шлемовидный головной убор с округлым выступом, на котором отчетливо выражен небольшой желобок. Аналогичный выступ имеется на подбородке личины, но на нем желобок только слегка намечен по краям. Не исключено, что эти детали использовались для крепления металлического предмета на какую-то основу.

Верхняя часть личины со «шлемом» выполнена в технике низкого барельефа. Она плавно переходит в нос или в прикрывающую его деталь шлема. Внутри контура шлемовидной части личины расположен декоративный кант в виде углубления, который прерывается на участке носа, что, возможно, подчеркивает принадлежность указанной выше детали изображения к конструкции «шлема». Глаза и рот личины выполнены эллипсоидными углублениями.

Предмет отлит из цветного металла, который условно можно характеризовать как «белую бронзу». Проведенный мультиэлементный анализ состава сплава на электронном микроскопе Hitachi TM 3000 с приставкой для энергодисперсионной спектроскопии Bruker Quantax 70 (оператор М.М. Игнатов) позволил установить его основные качественные характеристики. На участке в районе верхней части носа на лицевой стороне изделия (рис. 2) в металле содержание меди – 45,8 %, олова – 48,4, свинца – 5,7 %; на обороте – соответственно 46,0; 49,2; 4,8 %. Таким образом, анализируемый предмет изготовлен из оловянистого сплава, соответствующего характеристикам «белой бронзы». Литник личины, скорее всего, располагался в районе ее нижнего края – выступа у подбородка.

Аналоги и период бытования

Говоря об аналогах рассматриваемого предмета, следует подчеркнуть, что их основной ареал локализуется на значительном расстоянии к северо-западу от Верхнего Приобья, в бассейне средней и нижней Оби. Случайные подобные находки известны в Сургутском Приобье на Барсовой горе [Карачаров, 2002, с. 44, рис. 20]. Судя по материалам Сайгатинского III могильника, бронзовые личины были частью погребальных кукол [Зыков и др., 1994, с. 82, № 65, 66; Карачаров, 2002]. Ранее выдвигались предположения об их принадлежности изображениям предков-воинов, которым поклонялись, а затем хоронили [Черкасова, 1987, с. 24], а также об использовании личин в качес-

Рис. 1. Личина из Крохалевки-57.

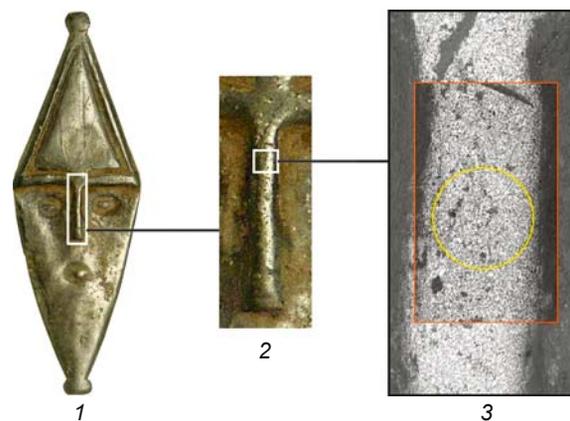

Рис. 2. Участок личины из Крохалевки-57, подвергнутый энергодисперсионному анализу.

тве масок-накладок, скрывающих лица кукол [Зыков, Федорова, 2001, с. 61, 62]. В целом такие предметы, безусловно, имели ритуальное предназначение.

Достаточно актуально обсуждение периода бытования средневековых бронзовых личин Западной Сибири. По мнению А.И. Соловьева, на многих из них изображены металлические шлемы, морфологию которых вполне можно соотносить с реальными прототипами, что открывает определенные перспективы для датировки личин [Соловьев, 1987, с. 61–64, табл. XV]. К.Г. Карачаров датирует их в достаточно узких пределах VIII–IX вв. (возможно, самое начало

X в.) [2002, с. 49, 50]. В целом верхняя граница периода бытования личины из Крохалевки-57 может соответствовать тимиразевскому и юрт-акбалыкскому этапам (VII–IX вв.) верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье [Троицкая, Новиков, 1998, с. 134, 135]. Этому не противоречит датировка (VII–X вв.) ее наиболее точного аналога – личины с городища Стрелка в Сургутском Приобье [Кардаш, Пономарева, 2010, с. 318] (рис. 3). Близкие по форме ромбовидные головы с выступом вверху представлены на парной антропоморфной отливке X в. из могильника Барсовского I (Барсов городок) [Зыков и др., 1994, с. 82, № 64; с. 133].

Несмотря на достаточно большое количество известных к настоящему времени бронзовых антропо-

Рис. 3. Бронзовая личина с городища Стрелка в Сургутском Приобье.

Рис. 4. Бронзовые личины из Сургутского Приобья (сборы).

Рис. 5. Бронзовая личина с Парабельского культового места.

Рис. 6. Железный шлем из Истяцкого клада.

морфных личин эпохи Средневековья из Западной Сибири, предмет из Крохалевки-57 относится к кругу не часто встречаемых изделий. Можно привести только три более близких аналога, которые происходят с городища Стрелка в Сургутском р-не ХМАО [Кардаш, Пономарева, 2010, с. 319, ил. 10] и из сборов со средней Оби (рис. 4). Сходные по конструкции предметы из могильников Сайгатинского III [Карачаров, 2002, с. 35, рис. 11, 2; с. 36, рис. 12, 2; с. 38, рис. 14, 2; с. 39, рис. 15, 3] и Барсовского I [Там же, 2002, с. 42, рис. 18, 2] имеют более округлые или эллипсоидные очертания. Бронзовая личина такой же формы известна среди случайных находок с Барсовой горы [Там же, 2002, с. 44, рис. 20, 1]. По форме изделие из Крохалевки-57 близко к более ранней бронзовой личине с Парабельского культового места (рис. 5), на которой, возможно, воспроизведен шлем гунно-сарматского времени (начала I тыс. н.э.) [Чиндина, 1984, с. 240, рис. 34, 1; Соловьев, 2003, с. 112, рис. 33, а, б; с. 113, рис. 34]. Верхняя шлемовидная часть рассматриваемого предмета, действительно, сходна по своим очертаниям со шлемом из Истяцкого клада [Чиндина, 1984, с. 240, рис. 34, 3]. Кроме того, ее желобчатое орнаментальное оформление очерчивает центральную пластину, которая также характерна для конструкции этого шлема (рис. 6). Истяцкий клад датируется третьей четвертью I тыс. до н.э. – первой четвертью I тыс. н.э. [История..., 2001, с. 9, № 45], в связи с чем следует подчеркнуть, что на территории Западной Сибири встречаются личины ромбовидного типа (с. Няксимволь Березовского р-на), относящиеся к тому же периоду (вторая половина I тыс. до н.э. – первая четверть I тыс. н.э.) [Там же, с. 6, № 22; с. 7, № 24]. В дополнение к этому следует отметить определенное сходство эллипсоидных изображений глаз и рта у личины из Крохалевки-57 с аналогичными элементами кулайской антропоморфной металлопластики [Чиндина, 1984, с. 223, рис. 18, 1; с. 240, рис. 34, 1; с. 241, рис. 35, 1–5]. Отличие заключается в том, что в первом случае они выполнены углублениями, а во втором представлены в рельефе. По способу крепления бронзовая личина из Крохалевки-57 (выступы на противоположных краях) также близка к образцам более ранней западно-сибирской антропоморфной металлопластики (Елькаевское культовое место) [Соловьев, 2003, с. 188, рис. 22].

Обстоятельства нахождения большинства антропоморфных средневековых изображений, по мнению К.Г. Карачарова, подтверждают их преднамеренное захоронение в земле или могилах людей [2002, с. 44, рис. 20]. Это может свидетельствовать о наличии на территории памятника Крохалевка-57, ранее идентифицированного как поселение позднего бронзового века (ирменская культура) [Сумин и др., 2013, с. 120], ритуального комплекса или погребений эпохи Средневековья. В таком случае Крохалевка-57 является комп-

лексом разновременных и разнотипных археологических объектов. Таких памятников в Кудряшовском бору и его окрестностях выявлено уже достаточно много. Среди них Крохалевка-4 [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980] и -13 [Троицкая, Сумин, Адамов, 2012], Черное Озеро-1, Десятый Кордон-3, Черный Борок-20 и -21, Малый Оеш-1 [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996]. Поскольку археологический памятник Крохалевка-57 подвержен активному антропогенному воздействию и находится в аварийном состоянии, проведение на нем раскопок давно является необходимостью. При планировании этих исследований необходимо учесть комплексность объекта и возможное наличие, кроме поселенческого слоя эпохи поздней бронзы (ирменская культура), средневековых захоронений и культовых мест.

Заключение

Металлическая личина из Крохалевки-57 входит в состав транскультурного предметного комплекса эпохи Средневековья Западной Сибири и Урала. Впервые такой феномен (сейминско-турбинский) сформировался на территории Западно-Сибирского региона и ряда сопредельных районов еще в эпоху развитой бронзы. Спустя почти 1500 лет, с раннего железного века в Западной Сибири начинают последовательно формироваться транскультурные предметные комплексы металлопластики (кулайский, «пермский»), отражающие различные векторы влияния (северный и южный). В эпоху Средневековья на этих обширных пространствах отчетливо представлены такие комплексы, связанные с проникновением юго-восточных (тюркских) и северо-западных (зауральско-ломоватовских) традиций [Borodovskij, 2001; Троицкая, 2002; Ширин, 2014, с. 450].

Основными признаками транскультурного феномена, выявленного еще на основе сейминско-турбинской предметной среды, являются: 1) принадлежность предметов к воинским атрибутам; 2) их происхождение из археологических памятников, расположенных на крупных водных магистралях; 3) распространение таких вещей на значительных пространствах; 4) их существование в окружении множества культур; 5) наличие тесных культурных контактов в контексте распространения этих предметов; 6) подвижность носителей элементов предметного комплекса; 7) взаимодействие культурного синтеза и миграционной активности; 8) значение металла и металлургического фактора [Черных, 2013, с. 269–287].

В эпоху Средневековья на территории Западной Сибири бронзовые личины с возможным изображением шлема стали частью транскультурного предметного комплекса. Следует заметить, что в Средние

века металлические шлемы, кроме защитной функции, имели еще статусное, а также психологическое значение [Грант, 2008, с. 76]. По сути, именно наличие этой детали защитного вооружения формировало образ воина, широко транслируемый в изобразительной традиции различных эпох.

Уникальная морфология личины из Крохалевки-57 дает основание поставить вопрос о ее большей древности в сравнении с ранее известными образцами средневекового антропоморфного литья Западной Сибири. Сходство с формой более ранних аналогичных предметов, а также вероятное изображение шлема, известного еще с гунно-сарматского времени, позволяет рассматривать возможность датировки изделия из Крохалевки-57 периодом ближе к середине I тыс. н.э. Кроме того, небезосновательно можно предположить, что данная личина относится к южному кругу металлопластики. Именно этим могут объясняться ее стилистические особенности и нахождение за пределами основного ареала (Среднее и Нижнее Приобье) аналогичных предметов.

В свою очередь, если изделие из Крохалевки-57 соотносится с верхнеобской культурой, то оно может быть связано с формированием ряда составляющих транскультурного предметного комплекса на юге Западной Сибири с последующим распространением на более северные территории. По крайней мере для верхнеобской культуры некоторые исследователи [Ширин, 2014, с. 450] не исключают вектор ее влияния на Притоболье и Среднее Приобье. По материалам бронзовых средневековых личин это достаточно наглядно представлено в близких аналогах данных предметов из Кипо-Кулары [Тайны..., 1986, кат. 26] и Крохалевки-57.

Благодарности

Выражаю искреннюю признательность д-ру ист. наук А.В. Бауло за предоставленные фотографии шлема из Истяцкого клада и бронзовых личин из сборов в Среднем Приобье, использованные в публикации.

Список литературы

Грант Р. Дж. Сражения на море: 3000 лет непрерывных боев. – М.: Астрель, 2008. – 360 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

История северной цивилизации: Археология. Палеонтология. Графика: каталог выставки. – СПб.: Методологический консультационный центр, 2001. – 16 с.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.

Кардаш О.В., Пономарева Т.М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО–Югры // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.* – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 312–321.

Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1996. – 192 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 2).

Росляков С.Г. Новые находки плоского литья в Новосибирском Приобье // *Изв. СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия.* – 1990. – Вып. 2. – С. 62–63.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2003. – 224 с.

Сумин В.А., Ефтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2013. – 272 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 9).

Тайны древних курганов: каталог. – Омск: [б.и.], 1986. – 56 с.

Троицкая Т.Н. Урало-сибирский стиль в металлической пластике верхнеобской культуры // *Археология, антропология и этнография Евразии.* – 2002. – № 4. – С. 102–105.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А. Древности Кудряшовского бора: Крохалевка-13 – комплекс археологических памятников. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2012. – 76 с.

Черкасова Н.В. Средневековые тонгхи Западной Сибири // *Духовная культура Урала: тез. докл. студ. науч. конф.* – Свердловск, 1987. – С. 23–24.

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – Т. 1. – 367 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Ширин Ю.В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г.* – Казань: Отечество, 2014. – Т. II. – С. 449–452.

Borodovskij A.P. Frühmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am Oberen Ob, Sibirien // *Eurasia Antiqua.* – 2001. – Bd. 7. – S. 569–584.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – В.: Akademie-Verlag, 1962. – Bd. 1. – 395 S.

Материал поступил в редколлегию 19.01.15 г.

A.P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Pr. Akademika Levrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

MIDDLE AGES METAL MASK FROM THE NOVOSIBIRSK SUBURBS AS A PART OF A TRANSCULTURAL MATERIAL COMPLEX OF WESTERN SIBERIA

The bronze masks of the Middle Ages in Western Siberia have a special place in repoussage. Their appropriation and chronology of existence are interpreted in the modern archaeological literature ambiguously. The main area of the bronze mask distribution is situated in the northern part of Western Siberia, in the Middle and Upper Ob. The finds are very rare outside this territory and are interesting not only in the space context, but also as a part of the long-distant connections between different Western Siberian regions. The bronze mask was stumbled across in the Upper Ob River (Krokhalyovka-57 in the Novosibirsk suburbs) and is of interest as one of the categories of the Middle Ages transcultural material complex because this rank was detected at the southern circumference, back from the territory of main distribution. The unique morphology of this artifact allow to raise a question about its more ancient age in comparison with the already known bronze masks of the Middle Ages in Western Siberia.

Keywords: Western Siberia, Middle Ages, anthropomorphic metal mask, transcultural material complex, incidental archaeological findings.

И.В. Ковтун

Институт экологии человека СО РАН
 Ленинградский пр. 10, Кемерово, 650065, Россия
 E-mail: ivkovtun@mail.ru

И.Г. ГМЕЛИН И ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА (к 305-летию со дня рождения исследователя)

Статья посвящена посещению в октябре 1734 г. и копированию под руководством И.Г. Гмелина Томской писаницы. В работе описывается примечательный эпизод путешествия части академического отряда Второй Камчатской – Великой Северной экспедиции. Высказано предположение о зарисовке художником И.Х. Беркганом на фоне Томской писаницы экспедиционной группы И.Г. Гмелина, сплававшейся на лодках из Кузнецка в Томск.

Ключевые слова: И.Г. Гмелин, Томская писаница, И.Х. Беркган, лодки, скала.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.097–100

12 августа 2014 г. исполнилось 305 лет со дня рождения выдающегося исследователя Сибири Иоганна Георга Гмелина [Белковец, 1990, с. 11] (рис. 1). Среди многих открытий, сделанных этим ученым-энциклопедистом, значатся описание и филигранная графическая фиксация первого летописного памятника наскального искусства Северной Азии – Томской писаницы.

2 октября 1734 г. около 6 часов вечера по реке на Томскую писаницу прибыл И.Г. Гмелин и его спутники [Gmelin, 1751, S. 303–306; Радлов, 1894, с. 67–68; С.П. Крашенинников..., 1966, с. 52], входившие в академический отряд Второй Камчатской – Великой Северной экспедиции. Из числа участников посещения памятника, оставивших его описание или зарисовки, помимо самого И.Г. Гмелина, известны С.П. Крашенинников [С.П. Крашенинников..., 1966, с. 39–40, 52], художники И.Х. Беркган и И.В. Люрсениус.

Описание Томской писаницы И.Г. Гмелиным – это и отчет стремившегося оставаться беспристрастным руководителя экспедиционного отряда, и впечатления заинтересованного очевидца. Фрагмент в переводе В.В. Радлова с незначительными корректировками В.Н. Добжанского по первоисточнику начинается с отплытия из Верхотомского острога: «После обеда (2 окт. 1734 г.) в 2 часа я снова отправился

в путь (из Сосновского острога) и вечером в 6 часов прибыл к “Писанному камню”. Он находится на правом [возвышенном. – В.Д.] берегу (Томи) у самой реки и получил свое название от некоторых вырезанных на нем фигур. Я приказал принести из лежащей на этой горе, по близости, деревни [того же названия. – В.Д.] большие лучины и, зажегши их, стал карабкаться на скалу [взобрался с зажженными факелами на гору. – В.Д.]. Но увидел, что на ней вырезано очень много [фигур. – В.Д.], чего в ночной темноте нельзя было ясно разобрать, я проночевал там до следующего утра [я остался там же на всю ночь тихо лежать до следующего дня. – В.Д.]. С разсветом я опять отправился на то место, где находились изображения. Скала, на которой они вырезаны, состоит из зеленого известковатого шифера [сланца. – В.Д.], который к 3 [в западном направлении. – В.Д.], примерно под 60-м градусом, спускается в глубину и местами пересекается поперек еще более известковатым шифером, смешанным с кварцем [сланцем, перемешанным с кварцем. – В.Д.]. Высота скалы, по моему расчету, не более 10 саж. Место, на котором находятся изображения, несколько выдается вперед и обращено прямо на Ю. Пространство от этого места до подошвы скалы [подножия горы. – В.Д.], доходящей до самой воды, имеет приблизительно

Рис. 1. И.Г. Гмелин.

2 саж. вышины. Дорога к фигурам довольно затруднительна, и чтобы добраться до них, нужно взбираться по некоторым выступам, находящимся там в скале. Перед самими фигурами скала снизу выдается на добрую полусажень, так что там можно спокойно стоять и удобно разсматривать фигуры. Та часть скалы, на которой больше всего разных фигур, в этом отношении имеет преимущество. На ней, как и на остальных частях, вырезаны острым орудием очертания разных местных животных, как-то: оленей, коз, лошадей и лосей, да нескольких человеческих фигур и рыбы. Видавший китайские рисунки может составить себе лучшее понятие об этих изображениях. Стену, о которой я здесь говорю, вышеупомянутый, смешанный с белым кварцем, шифер, разделяет, благодаря уже самой природе, на две части, верхнюю и нижнюю, и не трудно заметить, что каменотесы или те, которые некогда распорядились работою, соображались с этим обстоятельством, потому что изображения на верхней стене – которые, вследствие того, что до них нельзя добраться иначе, как устроивши предварительно леса или спустившись сверху на канатах, сохранились очень хорошо – совершенно отличаются от изображений на нижней стене. Обе стены вместе вышиною в 3 сажени.

На лево от этой стены находится другое место, которое гораздо меньше выдается вперед и на $\frac{2}{3}$ ниже предыдущаго; на нем точно такая-же фигуры. Пространство от крайняго конца этой стены до крайняго конца вышеупомянутой стены составляет 7 саж. Между этими двумя стенами, как-бы в углу скалы, но в том-же самом направлении, на высоте 2-х саж., находится еще третья стена, до которой нельзя добраться иначе, как через щель, образовавшуюся между слоями шифера; благодаря трудности доступа к ней, она до сих пор была посещаемая лишь немногими и, вследствие этого, также сохранилась весьма хорошо. На ней изображены привязанные друг к другу животные, сопровождаемые человеком. В настоящее время при рассмотрении таких остатков старины большую выгоду представляет то обстоятельство, что шифер, в котором вырезаны изображения, снаружи на вид желтоват, а внутри темнозеленого цвета. Это дает возможность еще хорошо видеть очертания фигур, так как они другого цвета, чем остальная часть шифера. К сожалению, многие неблагонамеренные люди местами расцарапали фигуры и от себя прибавили другие новыя изображения, которыя, однакоже, при внимательном рассмотрении, легко отличить от старых. Я приказал срисовать те фигуры, которыя несомненно вырезаны древними, остальное же, в избежание путаницы, пропускать. В таких местах, в которыя всякий может пробраться без особеннаго труда, очертания фигур на рисунке часто отчетливее, чем они являются в подлиннике, но я допустил это только там, где был уверен в этих очертаниях. Напротив, на рисунке окажутся некоторыя неясныя места, потому что и на оригинале я никак не мог розыскать что-нибудь толковое» [Gmelin, 1751, S. 303–306] (перевод по: [Радлов, 1894, с. 67–68]).

Согласно примечанию, рисунок памятника И.Г. Гмелин «передал проф. Миллеру, которому поручено было собиране исторических материалов и который в свое время издаст его» [Там же, с. 68] (в переводе В.Н. Добжанского: «Этот рисунок я передал проф. Миллеру, т.к. ему было поручено собирать предметы истории (вещи) и он, вероятно, будет предьявлен миру в свое время» [Gmelin, 1751, S. 306]). И.Г. Гмелин – исторически первый описатель Томской писаницы, увидевший здесь «новыя изображения», которые добавили портившие древние рисунки неизвестные ему «неблагонамеренные люди».

Детальная и филигранная копия Томской писаницы, судя по записям И.Г. Гмелина и рисунку, хранящемуся в РГАДА (рис. 2), была снята И.Х. Беркганом 3 октября 1734 г. к 2 часам дня: «В 2 часа пополудни, когда рисунок был готов, я снова отплыл» [Ibid., S. 307] (перевод В.Н. Добжанского). Но С.П. Крашенинников пишет, что от писаницы экспедиция отплыла еще «поутру» (?) [С.П. Крашенинников..., 1966,

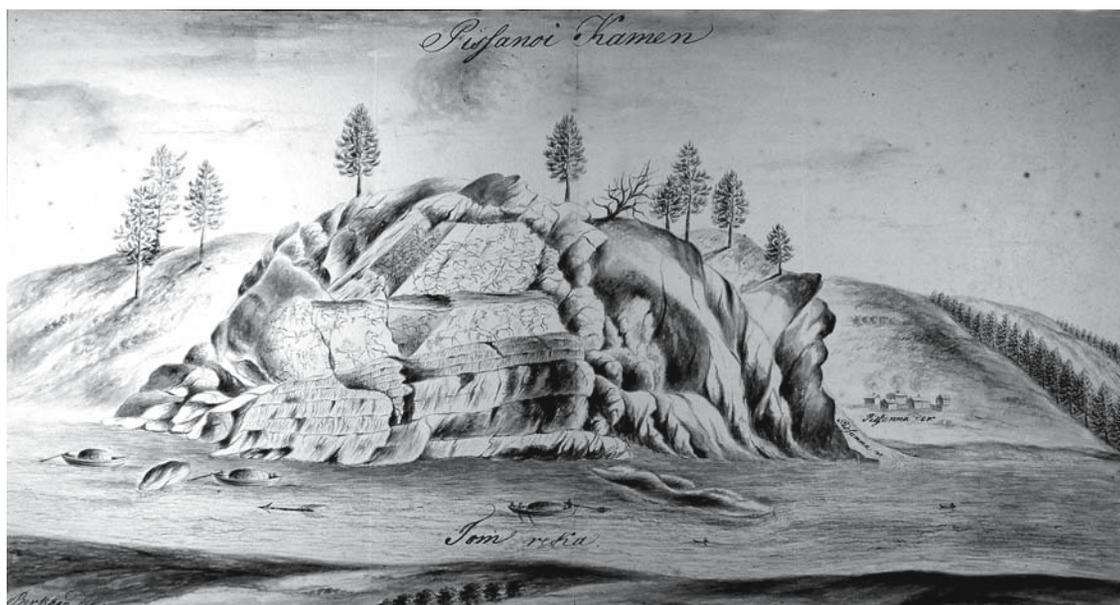

Рис. 2. Томская писаница. 3 октября 1734 г. И.Х. Беркган (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 2. П. 794. Л. 3).

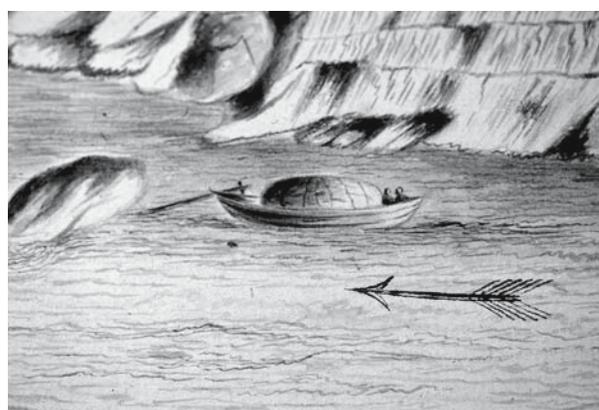

Рис. 3. Изображения экспедиционного отряда. И.Х. Беркган (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 2. П. 794. Л. 3).

с. 53]. Копию с этого рисунка сделал И.В. Люрсениус [Рисунки Сибирских древностей..., л. 3, 4].

На рисунках, выполненных в экспедиции И.Г. Гмелина, запечатлено то же солнцеголовое существо, что и на схематичной копии Томской писаницы, опубликованной Ф.И. Страленбергом [Strahlenberg, 1730, S. 339, Tab. VIII A; Ковтун, 2013, с. 33, табл. 8, ср. с. 65, табл. 20]. Примечательно, что параллели этому персонажу были обнаружены на другой писанице р. Томи только спустя 270 лет [Ковтун, Русакова, 2005, с. 354, табл. 2].

Описание И.Г. Гмелина внешнего вида экспедиционных лодок при отплытии из Кузнецка напоминает изображения И.Х. Беркгана (рис. 3): «Суда, на

которых мы ехали, не отличались удобствами. Это были лодки, несколько больше обычных, крытые берестой. Вследствие этого на них нельзя было развести огня и под крышей нельзя было стоять выпрямившись. Суда же большего размера в это время не плавали, так как вода была очень мелкой» [Гмелин, 2003, с. 107]. Не исключено, что И.Х. Беркган запечатлел не только использовавшиеся экспедиционным отрядом водные транспортные средства, но и схематичные фигуры самих участников экспедиции. Пожалуй, это единственное «автопортретное» изображение собственно экспедиционного академического отряда Второй Камчатской – Великой Северной экспедиции.

Список литературы

Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. – М.: Наука, 1990. – 144 с.

Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 года // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – Вып. 5. – С. 86–107.

Ковтун И.В. Письмагора: (История открытия и исследований: 1630–1956 гг.). – Кемерово: Азия-Принт, 2013. – 159 с.

Ковтун И.В., Русакова И.Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 352–354.

Радлов В.В. Из «Исторических замечаний» Миллера (рукоп. Архива Конференции Импер. Акад. Наук, № 73), с извлечениями и рисунками из его исследования «De scriptis Tanguticis in Sibiria reperitis» // Радлов В. Сибирские

древности. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1894. – Т. 1, вып. 3. – Прил. – С. 55–106. – (Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией; № 15).

Рисунки Сибирских древностей И.В. Люрсениуса с письмом его от 29 марта 1736 г. на имя профессора Г.Ф. Миллера // РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 2. П. 794.

С.П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. – М.; Л.: Наука, 1966. – 239 с.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: Abram Vandenhoecks seel., 1751. – Bd. I. – 476 S.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 474 S.

*Материал поступил в редколлегию 06.02.14 г.,
в окончательном варианте – 17.02.14 г.*

I.V. Kovtun

Institute of Human Ecology SB RAS

Pr. Leningradskiy, 10, Kemerovo, 650065, Russia

Tomsk State University

Pr. Lenina, 36, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: ivkovtun@mail.ru

I.G. GMELIN AND TOMSKAYA PISANITSA
(on the Occasion of the 305th Birthday of the Researcher)

The article is devoted to the visit and copying of Tomskaya Pisanitsa under the direction of I.G. Gmelin in October 1734. This work describes a notable episode which was happened with part of academic team of the Second Kamchatka – the Great Northern expedition during the travel. It was suggested that perhaps artist I. Kh. Berkgan had drawn the expeditionary group of I.G. Gmelin on the back of Tomskaya Pisanitsa when they had gone down a river in the boats from Kuznetsk to Tomsk.

Keywords: I.G. Gmelin, Tomskaya Pisanitsa, I.Kh. Berkgan, boats, cliff.

Р.Г. Курманов¹, А.Р. Ишбирдин²¹Институт геологии УНЦ РАН
ул. К. Маркса, 16/2, Уфа, 450077, Россия
E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru²Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди, 32, Уфа, 450076, Россия
E-mail: ishbirdin@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ РАСТИТЕЛЬНОСТИ НА ГОРОДИЩЕ УФА II И ПРИЛЕГАЮЩИХ ЛАНДШАФТОВ ПО ДАННЫМ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА

В статье дана палинологическая характеристика четырех разрезов городища Уфа II. В составе 68 отобранных образцов идентифицированы пыльца и споры 58 таксонов, которые отнесены преимущественно к лесной, луговой и рудеральной ценоотическим группам. Палиноспектры характеризуются доминированием пыльцы травянистых растений. Выявлены этапы смены растительности с момента начального освоения данной территории. Описаны периоды чередования максимумов комплексов широколиственных лесов, опушечных и рудеральных сообществ, связанные с колебаниями интенсивности антропогенного воздействия на ландшафты.

Ключевые слова: палинология, факторный анализ, корреляционный анализ, реконструкция растительности и ландшафтов, этапы освоения территории, городище Уфа II.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.101–109

Введение

Городище Уфа II находится в историческом центре г. Уфы, на правом берегу р. Белой, на мысу, образованном двумя глубокими оврагами (рис. 1). Этот историко-археологический объект является опорным памятником Урало-Поволжского региона. Культурный слой городища датирован (преимущественно по образцам из археологического раскопа 2008 г.) радиоуглеродным методом в пределах первой половины II – второй половины VII в. [Levchenko, Sungatov, 2013]. На территории памятника обнаружены артефакты и более поздних периодов, культурные слои которых разрушены в результате закладки и развития г. Уфы в XVIII в. и в последующее время [Мажитов, Султанова, Сунгатов, 2007].

Городище Уфа II было открыто в 1953 г. известным уфимским краеведом П.Ф. Ищериковым. В 1958 г. его изучение продолжил Н.А. Мажитов [Ищериков, Мажитов, 1962]. Комплексные исследования памятника с

использованием естественно-научных методов начали проводиться сравнительно недавно.

Впервые спорово-пыльцевой анализ отложений городища Уфа II был проведен нами в 2011 г. [Курманов, Ишбирдин, 2011]. В трех образцах из предматерикового и материкового слоев раскопа 2008 г., заложенного для исследования устройства вала, доминировала пыльца древесных растений, а в четырех пробах из культурных слоев раскопа 2011 г. – разнотравья с преобладанием семейств, насыщенных синантропными видами. Небольшой объем изученного материала не позволил сделать выводы об этапах освоения территории, поэтому работа в этом направлении была продолжена.

Объект изучения и методы

В 2012 г. с целью реконструкции растительности, произраставшей на городище Уфа II во время его функционирования, и выявления этапов освоения данной

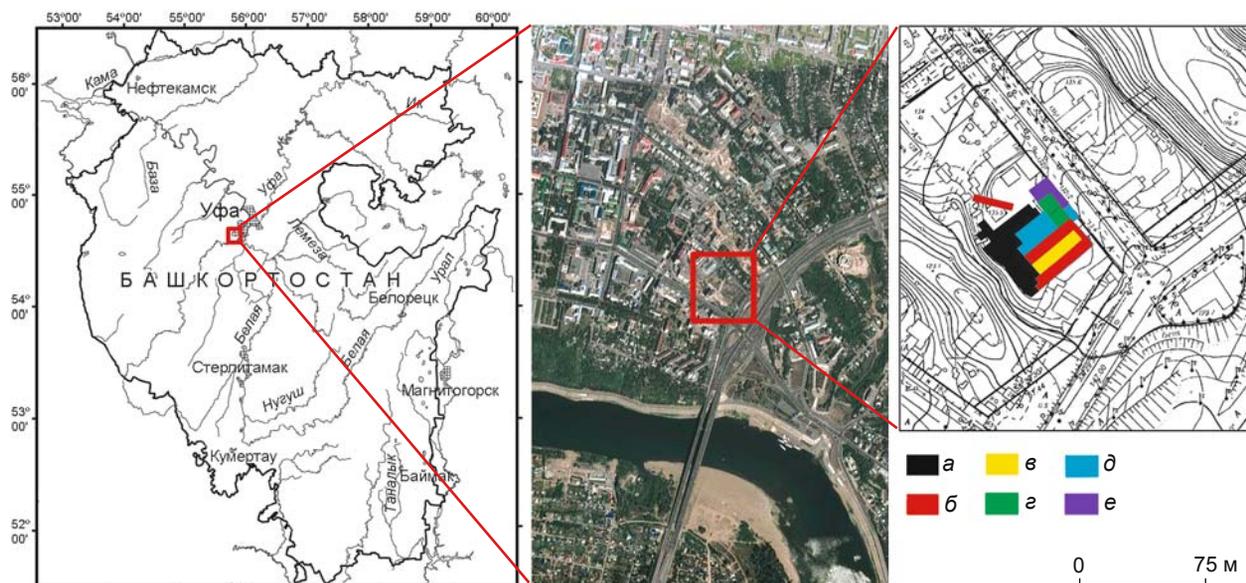

Рис. 1. Местонахождение городища Уфа II и расположение археологических раскопов.
Раскопы: а – 2006–2007 гг.; б – 2008 г.; в – 2009; г – 2010; д – 2011; е – 2012 г.

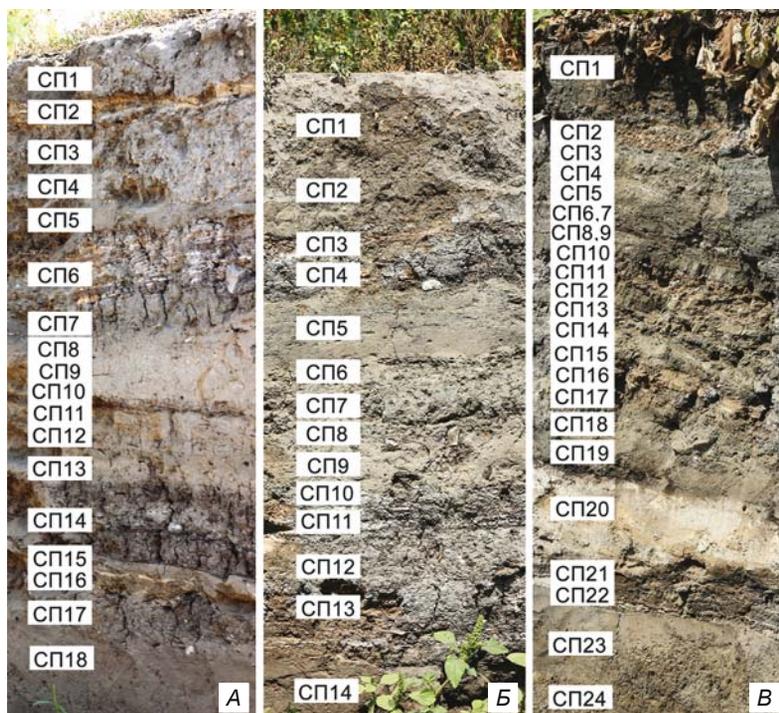

Рис. 2. Места отбора проб для спорово-пыльцевого анализа в разрезах 2 (А), 3 (Б) и 4 (В).

территории был проведен палинологический анализ 68 образцов отложений из четырех разрезов, заложенных на месте раскопа 2011 г. Они отбирались по слою (рис. 2) Р.И. Бахшиевым, А.А. Ишбирдиным, Р.Г. Курмановым. Стратиграфическая колонка залегания точек отбора образцов включала погребенную почву и культурные слои от ее уровня.

Лабораторная обработка проб (мацерация) проводилась по стандартной методике [Гричук, Заклинская, 1948, с. 127–129]. Для получения мацератов использованы пробы навеской 100 г. Расчет результатов анализа производился по группам: пыльца древесных и кустарниковых, травянистых и кустарничковых, споры. Сначала вычисляли общее процентное соотношение этих групп (за 100 % брали сумму всех зарегистрированных пыльцевых зерен и спор), а затем долю пыльцы и спор каждого вида, рода или семейства. Минимальное количество пыльцевых зерен и спор, необходимое для расчета процентного соотношения, равно 50 шт., что обусловлено низким их содержанием в отложениях четвертичного периода Южного Урала. Большинство полученных палиноспектров (61 образец) содержало репрезентативное число палиноморф. По результатам анализа построены четыре спорово-пыльцевые диаграммы (рис. 3–6).

Результаты

Палинологический анализ 68 образцов позволил идентифицировать пыльцу и споры 60 таксонов, которые могут быть объединены в пять ценотических групп (см. таблицу). Наиболее многочисленная ($\approx 40\%$

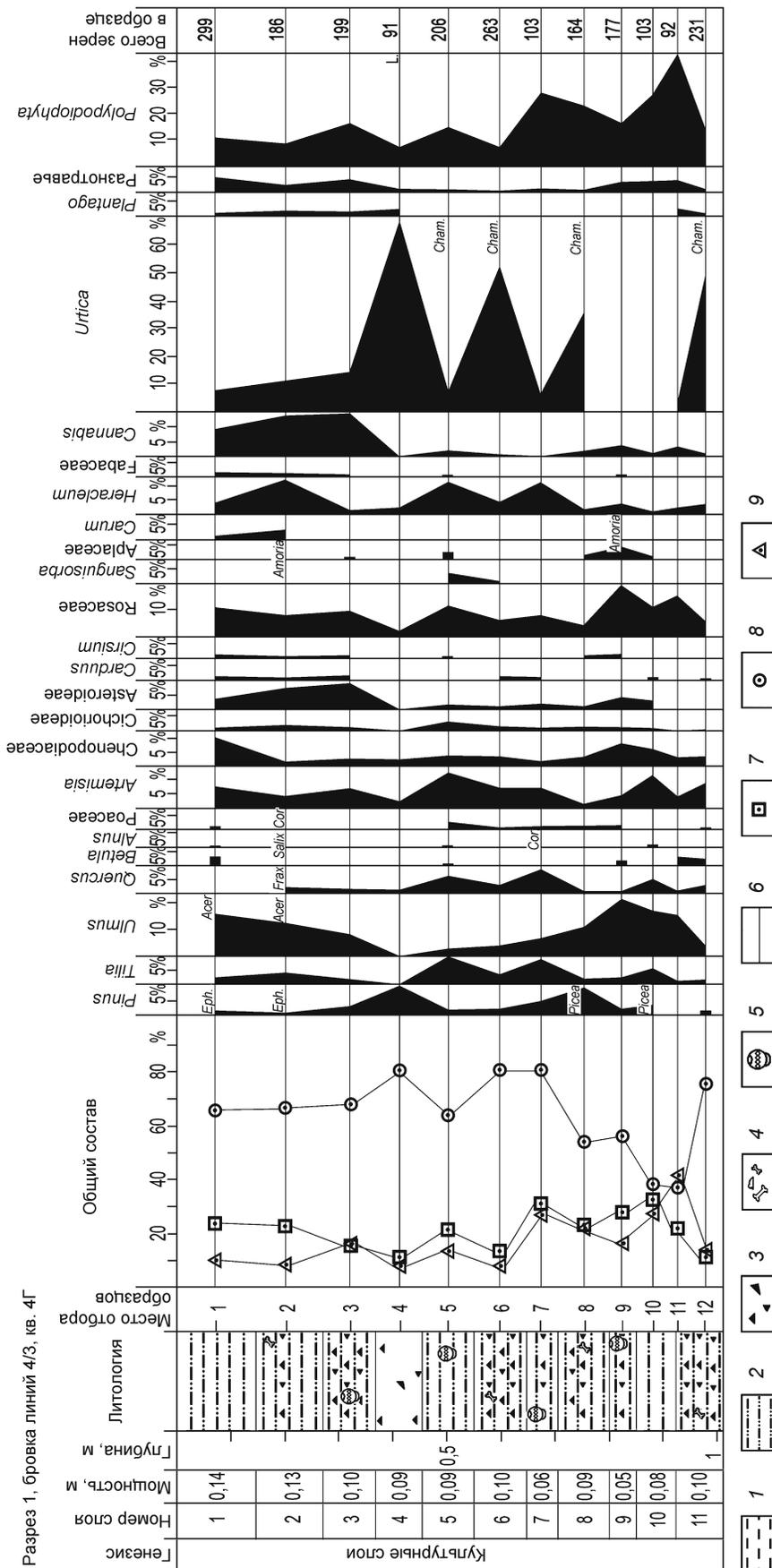

Рис. 3. Разрез 1 и спорово-пыльцевая диаграмма по образцам из него.
 1 – глина; 2 – сулесь; 3 – растительные макроостатки (тлен дерева и т.п.); 4 – костные остатки крупных и мелких млекопитающих; 5 – керамика; 6 – границы стратиграфических подразделений, слоев; 7 – древесные; 8 – травянистые; 9 – споровые растения.
 На строчках диаграмм указаны таксоны, представленные пыльцевыми зернами, сокращенные названия растений: Frax. – *Fraxinus* sp; Cham. – *Chamaerion angustifolium*; Cor. – *Corylus avellana*; Eph. – *Ephedra* sp.; Sang. – *Sanguisorba officinalis*; L. – *Lycosodium* sp. Знаком + отмечены места единичных находок.

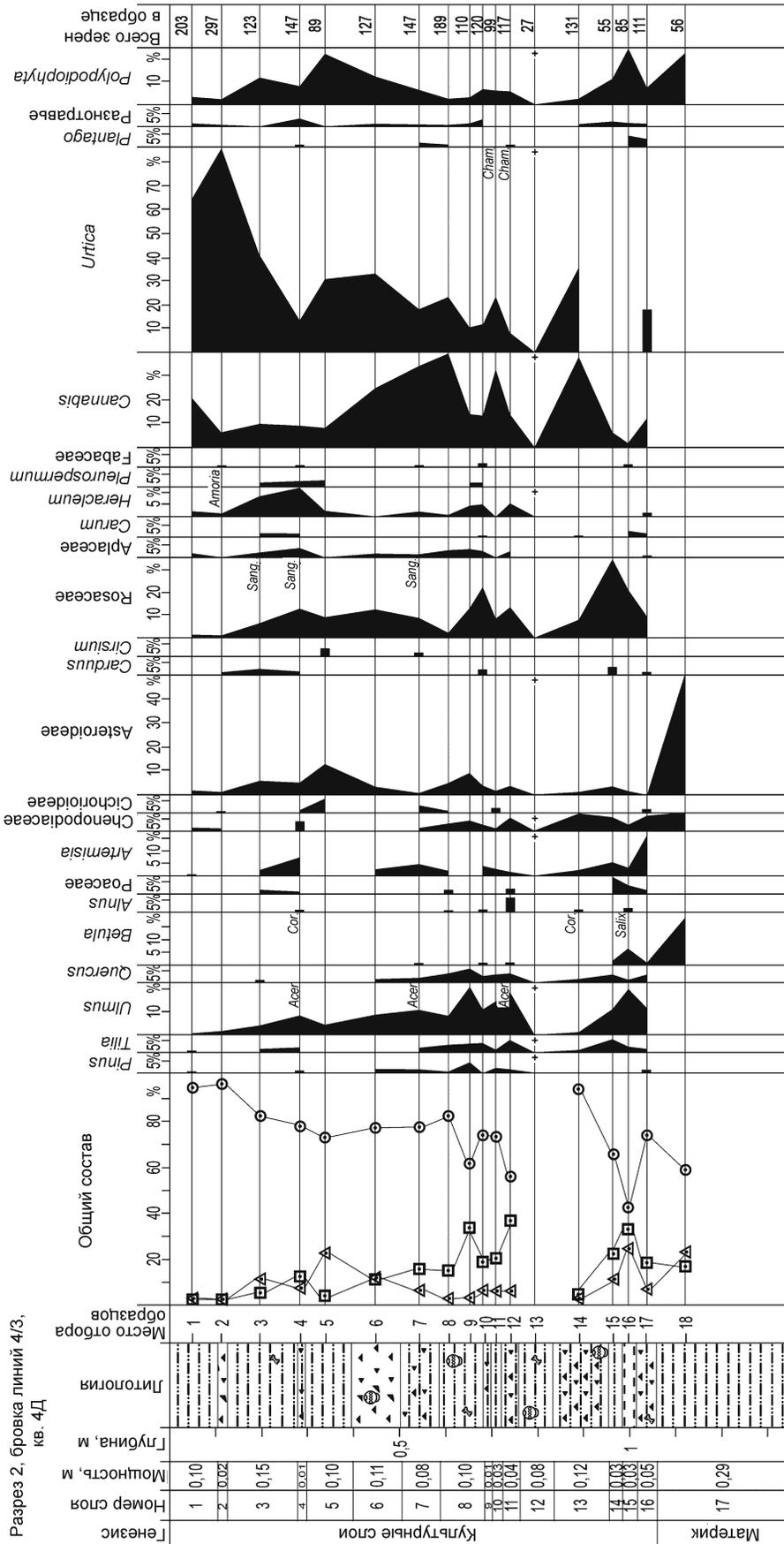

Рис. 4. Разрез 2 и спорово-пыльцевая диаграмма по образцам из него. Усл. обозн. см. рис. 3.

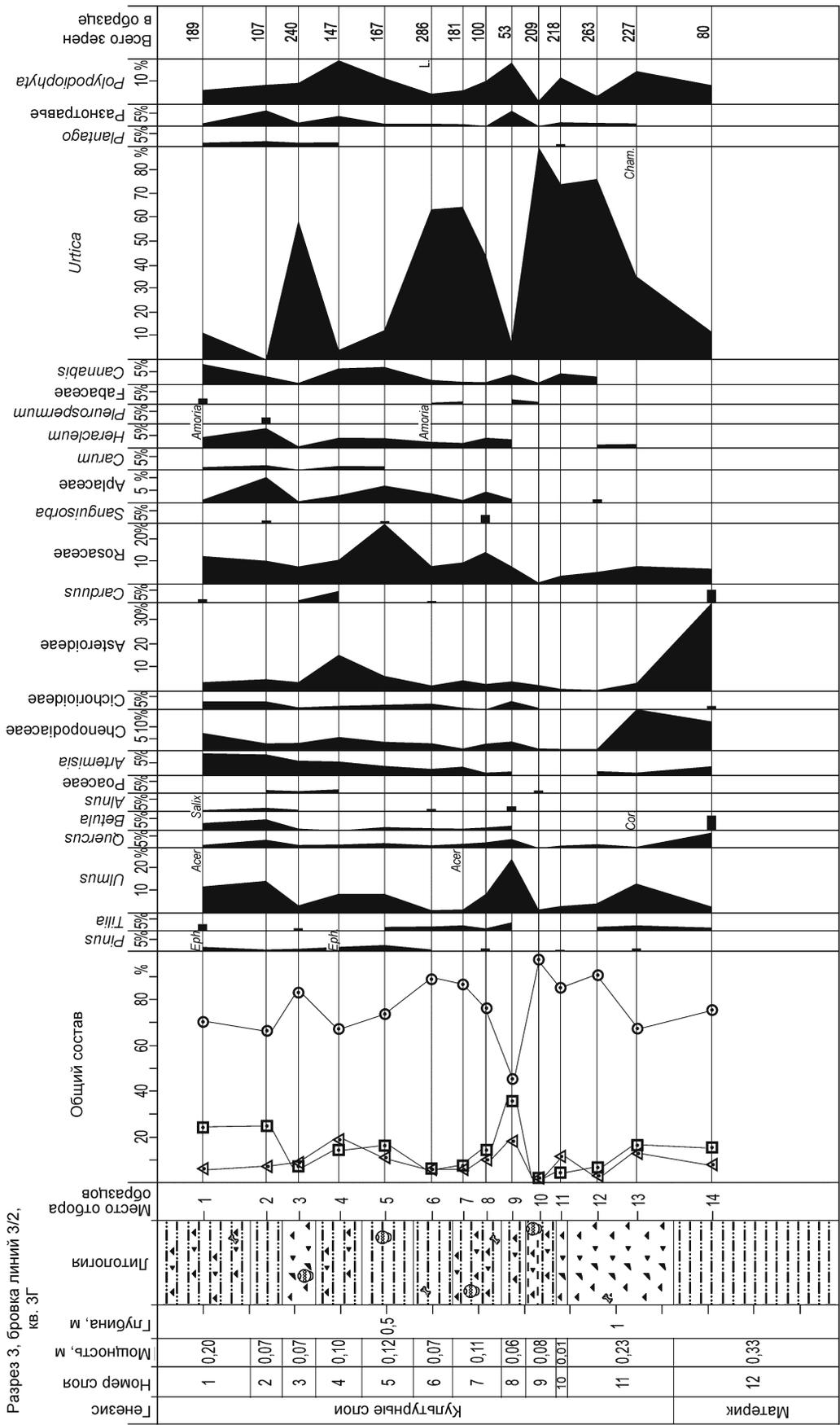

Рис. 5. Разрез 3 и спорово-пыльцевая диаграмма по образцам из него. Усл. обозн. см. рис. 3.

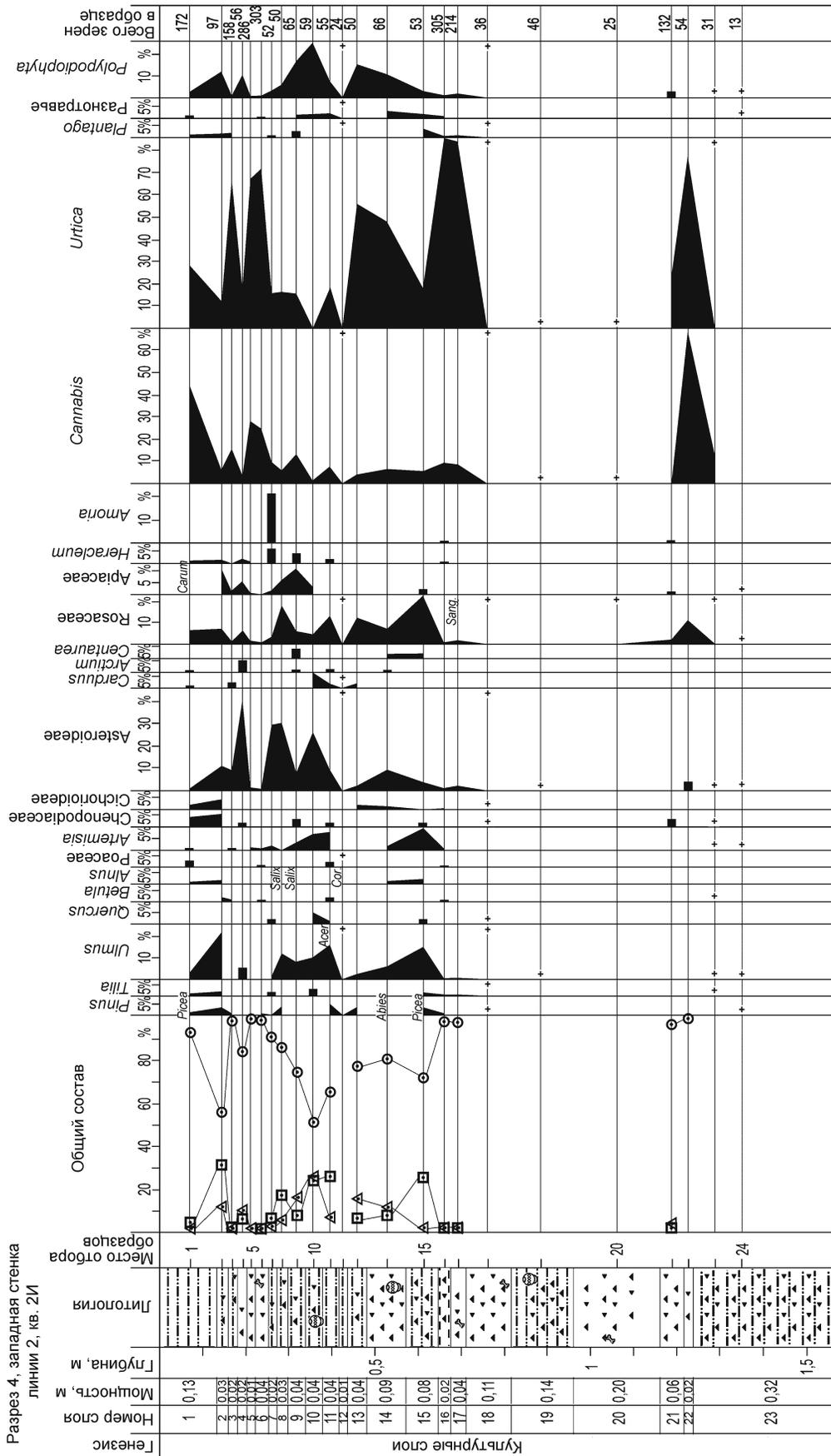

Рис. 6. Разрез 4 и спорно-пыльцевая диаграмма по образцам из него.
Усл. обозн. см. рис. 3.

Ценотические типы флоры на городище Уфа II

Ценотип	Число таксонов	Таксоны
Рудеральные	14	<i>Arctium tomentosum</i> , <i>Artemisia vulgaris</i> , <i>Cannabis ruderalis</i> , <i>Carduus crispus</i> , <i>Carum carvi</i> , <i>Chamerion angustifolium</i> , <i>Chenopodiaceae</i> , <i>Chenopodium album</i> , <i>Cirsium setosum</i> , <i>Rumex</i> sp., <i>Sonchus</i> sp., <i>Taraxacum</i> sp., <i>Urtica dioica</i> , <i>Urtica urens</i>
Пасквальные	3	<i>Amoria repens</i> , <i>Plantago</i> sp., <i>Polygonum aviculare</i>
Лесные	16	<i>Abies</i> sp., <i>Acer</i> sp., <i>Alnus</i> sp., <i>Betula pubescens</i> type, <i>Corylus avellana</i> , <i>Fraxinus</i> sp., <i>Lycopodium</i> sp., <i>Picea</i> sp., <i>Pinus sylvestris</i> , Polypodiophyta, <i>Quercus robur</i> , <i>Rosaceae</i> , <i>Salix</i> sp., <i>Symphytum officinale</i> , <i>Tilia cordata</i> , <i>Ulmus</i> sp.
Луговые	26	<i>Achillea</i> sp., <i>Apiaceae</i> , <i>Asteroidaeae</i> , <i>Bistorta major</i> , <i>Bupleurum</i> sp., <i>Cichorioideae</i> , <i>Centaurea scabiosa</i> , <i>Fabaceae</i> , <i>Fragaria viridis</i> , <i>Geranium</i> sp., <i>Heracleum sibiricum</i> , <i>Knautia</i> sp., <i>Lamiaceae</i> , <i>Lathyrus</i> sp., <i>Linum</i> sp., <i>Pleurospermum uralense</i> , <i>Poaceae</i> , <i>Polemonium caeruleum</i> , <i>Ranunculus</i> sp., <i>Rubiaceae</i> , <i>Sanguisorba officinalis</i> , <i>Scrophulariaceae</i> , <i>Stellaria</i> sp., <i>Thalictrum</i> sp., <i>Valeriana</i> sp., <i>Vicia</i> sp.
Горно-степные	1	<i>Ephedra</i> sp.

идентифицированных таксонов) луговая группа, на втором месте (25 %) – лесная. Высока доля синантропной флоры, представленной преимущественно рудеральными видами. К пасквальным отнесены три таксона, сеgetальные не обнаружены.

Для анализа сопряженной встречаемости видов в палиноспектрах был проведен корреляционный анализ (коэффициент Пирсона для параметрических данных). Он показал статистически значимые связи содержания пыльцы липы сердцелистной (*Tilia cordata*) и дуба черешчатого (*Quercus robur*) ($r = 0,76$), липы сердцелистной и борщевика сибирского (*Heracleum sibiricum*) ($r = 0,73$); клевера ползучего (*Amoria repens*) и земляники зеленой (*Fragaria viridis*) ($r = 0,97$). Это позволяет предположить, что в ландшафтном комплексе, включающем территорию памятника, в определенные периоды были лесоопушечные сообщества. Одновременное присутствие пыльцы клевера ползучего и земляники зеленой указывает на их совместное произрастание, свидетельствующее об экстенсивном использовании ландшафтов в окрестностях городища.

Если рассматривать доленое участие пыльцы выявленных таксонов в палиноспектрах, то можно констатировать доминирование травянистых растений. При этом наибольшая доля приходится на борщевик сибирский, коноплю сорную (*Cannabis ruderalis*), полынь обыкновенную (*Artemisia vulgaris*), виды крапивы (*Urtica*), сложноцветные (*Asteraceae*), розоцветные (*Rosaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*). Среди пыльцы древесных и кустар-

никовых растений преобладают пыльцевые зерна широколиственных пород: дуба черешчатого, липы сердцелистной, вяза (*Ulmus* sp.). Большинство спор принадлежат папоротникам (Polypodiophyta).

Матрица данных, включающая показатели долевого участия в репрезентативных палиноспектрах отдельных таксонов ранга вида для проб всех четырех разрезов, была подвергнута факторному анализу (анализ главных компонент, программа Statistica 10; рис. 7). Фактор 1 определяет 57,1 %, а фактор 2 – 24,5 % нагрузки – корреляции между исходной переменной и фактором. Первый идентифицирован как «интенсивность антропогенного воздействия», второй – «нитрификация». Палиноспектры образовали демонстрирующие взаимодействие факторов векто-

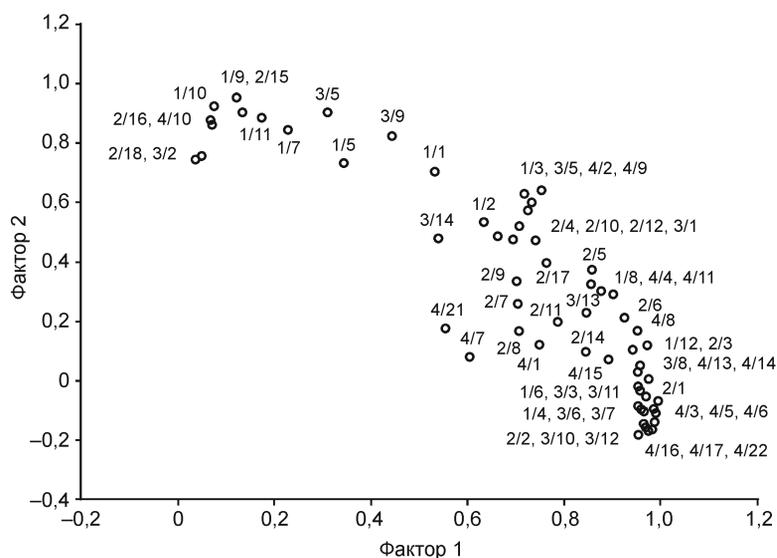

Рис. 7. Результаты факторного анализа изученных палиноспектров. Первая цифра – номер разреза, вторая – номер пробы.

ризованные скопления, которые характеризовали природные (слабые антропогенное влияние и нитрификация) и антропогенные (сильные антропогенное влияние и нитрификация) условия. В спорово-пыльцевых спектрах первого скопления численно преобладала пыльца дуба черешчатого, липы сердцелистной, борщевика сибирского, полыни обыкновенной, мари белой (*Chenopodium album*); второго – крапивы жгучей (*Urtica urens*) и двудомной (*U. dioica*), конопля сорной.

Палиноспектры материкового слоя отражают смешение комплексов, характеризующих «холодную» плейстоценовую березовую лесостепь (береза пушистая (*Betula pubescens* type), маревые, сложноцветные) [Курманов, 2013] и поляны широколиственных лесов (дуб черешчатый, липа сердцелистная, вяз, розоцветные, папоротники), что связано с перемешиванием верхнего горизонта почвы в период закладки поселения. Данный факт первичного освоения территории хорошо иллюстрируют спорово-пыльцевые диаграммы разрезов 2 и 3 (слой 17, образец 18; слой 12, образец 14) (см. рис. 4, 5).

Спорово-пыльцевые диаграммы разрезов 1 и 3 (см. рис. 3, 5) отражают смену растительности на окраине городища Уфа II. Они схожи друг с другом, что объясняется близким расположением разрезов. Диаграммы разрезов 2 и 4 (см. рис. 4, 6), иллюстрирующие смену растительности на территории, близкой к центральной части городища, незначительно отличаются от предыдущих двух по видовому составу. Если двигаться от периферии к центру, то разнообразие таксонов снижается.

Интерпретация

Анализ характера смены растительности показал, что на начальном этапе освоения территории были представлены растительные комплексы широколиственных лесов и их опушек, однолетние рудеральные растения (марь белая, конопля сорная, крапива жгучая). В дальнейшем роль однолетников в целом снижается и периодически возрастает за счет видов, характеризующих сильные нарушения, в т.ч. пожары (марь белая). Можно отметить тенденцию совместного появления в палиноспектрах пыльцы этих видов и пиропфита иван-чая, или кипрея узколистного (*Chamerion angustifolium*). В дальнейшем происходило вытеснение однолетних рудеральных растений многолетними видами, такими как крапива двудомная, полынь обыкновенная, подорожник (*Plantago*), чертополох курчавый (*Carduus crispus*), лопух войлочный (*Arctium tomentosum*).

Хотя во всех спорово-пыльцевых спектрах доминирует пыльца трав, в некоторых из них наблюдается

увеличение доли пыльцевых зерен древесных и кустарниковых видов (разрез 1, слои 1, 2, 5, 7, 10, образцы 1, 2, 5, 7, 10; разрез 2, слои 5, 8, 11, 15, образцы 5, 9, 12, 16; разрез 3, слои 1, 2, 5, 8, образцы 1, 2, 5, 9; разрез 4, слои 2, 8, 10, 11, 15, образцы 2, 8, 10, 11, 15). Это можно объяснить процессом демуляции, разнообразностью вторичной сукцессии, направленной на восстановление сообществ прежнего состава. Демуляция происходит в экосистеме, где биоценоз разрушен или находится в состоянии дигрессии по антропогенным или естественным причинам, например, из-за вырубки, пожара. Она также может быть обусловлена снижением интенсивности либо снятием антропогенного воздействия.

К основным маркерам освоенности территории относятся такие рудеральные растения, как конопля сорная, крапива жгучая и двудомная, маревые. Первые три вида произрастают на богатых органическими веществами почвах. Они характерны для длительно осваиваемых территорий. При этом крапива двудомная предпочитает более влажные местообитания и может косвенно характеризовать плотность застройки (растет преимущественно у построек на затененных участках с достаточно увлажненной почвой) или свидетельствовать о заброшенности территории. Маревые являются показателем интенсивных нарушений. Их присутствие может указывать, например, на разрушение жилищ либо зарастание территории после пожара.

Заключение

По результатам спорово-пыльцевого анализа отложений городища Уфа II можно заключить, что освоение территории началось в условиях естественных ландшафтов, представленных широколиственными лесами с доминированием липы, дуба и открытыми пространствами опушек и полей, где произрастали борщевик сибирский, розоцветные, мареновые, злаковые. Самые первые этапы связаны с уменьшением доли природных сообществ и появлением ассоциаций однолетних растений, характеризующих интенсивные нарушения почвы. В дальнейшем наблюдается чередование максимумов комплексов широколиственных лесов, опушечных и рудеральных сообществ. Всего выявлено четыре таких периода. Это связано, во-первых, с колебаниями интенсивности воздействия на ландшафты, приводившими к появлению однолетников после масштабных разрушений и пожаров, доминированию крапивы и конопля в периоды интенсивного хозяйственного освоения и нитрификации почв в местах, непосредственно прилегающих к городищу (например, бытовые свалки), или сукцессионного восстановления растительных сообществ после на-

рушений; во-вторых, с периодическим изменением соотношения естественной лесной и лугово-опушечной растительности, которое также может отражать освоение прилегающих ландшафтов, приводящее к уменьшению (отдалению) лесопокрытых площадей и увеличению открытых пространств.

Список литературы

Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. – М.: Географгиз, 1948. – 223 с.

Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1962. – Т. 1. – С. 140–150.

Курманов Р.Г. Реконструкция растительности Южного Урала в квартере по данным спорово-пыльцевого анализа // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и ос-

новные направления дальнейших исследований: VIII Всероссий. совещ. по изучению четвертичного периода (г. Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 344–346.

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Палинологическая характеристика отложений городища Уфа II // Археология в БашГУ: итоги и перспективы: мат-лы регион. науч. конф., посвящ. 50-летию археологической экспедиции БашГУ. – Уфа, 2011. – С. 97–102.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Средневековый город Башкорт (Уфа) // Вестн. Академии наук РБ: науч. и обществ.-полит. журн. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 39–44.

Levchenko V.A., Sungatov F.A. Building the radiocarbon chronology for the archaeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive “Bashkort” of medieval sources? // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55, N 2/3. – P. 1278–1285.

*Материал поступил в редколлегию 26.06.13 г.,
в окончательном варианте – 24.12.13 г.*

R.G. Kurmanov¹, A.R. Ishbirdin²

¹Institute of Geology USC RAS
K. Marx St., 16/2, Ufa, 450077, Russia
E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru

²Bashkir State University
Zaka Validi St., 32, Ufa, 450076, Russia
E-mail: ishbirdin@mail.ru

RECONSTRUCTION OF VEGETATION IN THE UFA II HILL FORT AND ADJACENT LANDSCAPES ACCORDING TO THE SPORE-POLLEN ANALYSIS

The article presents palynological characteristics of four cross-sections from Ufa II hill fort. The structure of 68 obtained samples included pollen and spores of 58 taxa, which had relegated to the forest, the pratal and the ruderal coenotic groups. The palynospectra are characterized by dominance of grass pollen. The stages of vegetation shifts were detected from the time of initial occupation of this territory. The alternative periods of maxima among complexes of broad-leaved forests, forest edge and ruderal communities were described. They were associated with intensity fluctuations of anthropogenic effects on the landscapes.

Keywords: *palynology, factor analysis, correlation analysis, reconstruction of vegetation and landscapes, stages of land invasion, Ufa II hill fort.*

УДК 571.471.3

**Горлова Е.Н., Крылович О.А., Тиунов А.В., Хасанов Б.Ф.,
Васюков Д.Д., Савинецкий А.Б.**

*Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН
Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия*

E-mail: gorlova.k@gmail.com

okrylovich@gmail.com

a_tiuinov@mail.ru

bulatfk@gmail.com

tipa2128506@gmail.com

arkadybs@rambler.ru

ИЗОТОПНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА*

В статье обсуждаются возможности использования изотопного состава углерода (соотношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) и азота (соотношение $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) для таксономической диагностики костных остатков животных из археологических памятников и других древних отложений. Представлен обзор мировой литературы, раскрываются особенности изотопного анализа с точки зрения изучения экологии позвоночных животных и методологические трудности работы с ископаемым материалом. Приводятся также конкретные примеры успешного применения изотопного анализа для видовой идентификации археозоологических остатков, в частности, костей бурого и белого медведей, крупных морских млекопитающих и нескольких видов гусеобразных.

Ключевые слова: стабильные изотопы, кости животных, таксономическая диагностика, археозоология, Ursus, Hydrodamalis gigas.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.110–121

Введение

Археозоологическим материалом называют субфоссильные остатки животных, живших в последние тысячелетия [Reitz, 2008]. В обычных условиях этими остатками чаще всего являются элементы внутреннего и внешнего скелета позвоночных и беспозвоночных животных. Они сохраняются в составе естественных отложений (в скальных нишах, береговых наносах, мерзлотных толщах, гудроновых озерах, норах млекопитающих и т.д.), но наиболее массовые и многочисленные захоронения фауны прошлого встречаются в культурных слоях археологических памятников [Динесман, 1979; Антипина, 2003; Reitz, Wing, 2008].

Изучение костных остатков археофауны важно по многим причинам. При воссоздании истории экосистем археозоологический анализ позволяет получить информацию о видовом составе, численности, пространственном распределении, возрастной и половой структуре отдельных видов, живших в прошлом, а также динамике этих показателей во времени. При реконструкции истории человеческих обществ изучение остатков животных помогает выявить особен-

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (№15-04-09024, 15-04-07969, 15-04-04721, 14-04-01824) и программ Президиума РАН и ОБН «Живая природа: современное состояние и проблемы», «Происхождение биосферы и эволюция геобиологических систем» и «Биологические ресурсы России: динамика в условиях глобальных климатических и антропогенных воздействий».

ности экономики, торговых связей, основные стратегии прожиточного минимума, установить характер эксплуатации популяций животных, его формы, значение, сезонность и т.д. Кроме того, важнейшей задачей, объединяющей оба этих направления исследований, является определение степени взаимного влияния популяций животных, человека и окружающей среды.

Для достижения вышеперечисленных целей необходима точная таксономическая диагностика изучаемого археозоологического материала. Определение остатков животных производится, как правило, на базе эталонных сравнительных коллекций скелетов современных животных с четкой видовой принадлежностью, известным полом, возрастом, местом сбора и т.д. Дополнительно привлекаются справочная литература, определители [Громова, 1950; 1960; Gilbert, Martin, Savage, 1985; Hillson, 1986; Gilbert, 1993; и др.] и электронные ресурсы с трехмерными изображениями скелетных элементов (например, <http://bones.iri.isu.edu>). Однако нередко определение по внешним морфологическим признакам до вида невозможно. В таких случаях чаще всего приходится ограничиваться определением до семейства/отряда/класса или прибегать к генетическому анализу ископаемого материала.

В данной статье рассматривается возможность использования изотопного анализа для идентификации видов животных, сходных по строению скелета, но сильно различающихся по экологии питания.

Общие принципы изотопного анализа

Многие биогенные элементы представлены несколькими стабильными, т.е. не подверженными радиоактивному распаду, изотопами (^1H и ^2H , ^{12}C и ^{13}C , ^{14}N и ^{15}N и т.д.). Различия в соотношении легкого и тяжелого изотопов в разных экологических средах, между видами или в разных тканях формируются в результате целого ряда физико-химических процессов. Связано это преимущественно с тем, что молекулы разной массы (например, $^{13}\text{CO}_2$ и $^{12}\text{CO}_2$) различаются по активности и силе внутренних связей и с разной вероятностью принимают участие в химических реакциях и фазовых переходах [Koch, 2007; Sulzman, 2007]. Изотопный состав элемента обычно измеряют в относительных единицах (δ), которые отражают отличия изотопного состава элемента в исследуемом веществе от международного стандарта. Поскольку изменения изотопного состава невелики, величину δ принято умножать на 1000 и выражать в промилле (‰).

В экологических исследованиях чаще всего используют изотопный состав азота (соотношение

$^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) и углерода (соотношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$). Изотопный анализ широко применяется в экологии, однако в данной работе мы ограничимся рассмотрением его использования при изучении экологии питания животных и определении их трофических связей. Изотопный состав элементов в тканях консументов в целом соответствует изотопному составу потребляемой ими пищи [DeNiro, Epstein, 1978; 1981]. Однако в процессе перехода с одного трофического уровня на другой происходит небольшое изменение изотопного состава. Величина, на которую изменяется изотопный состав ($\Delta^{13}\text{C}$ или $\Delta^{15}\text{N}$), определяется как разница между изотопным составом тканей животного и изотопным составом его пищи ($\delta_{\text{консумента}} - \delta_{\text{диеты}}$) и называется трофическим фракционированием или коэффициентом трофической дискриминации [Martínez del Río et al., 2009; Bond, Hobson, 2012]. Таким образом, изотопный состав азота и углерода тканей животного зависит от его положения в трофической цепи и от изотопного состава первичных продуцентов, находящихся в основании пищевой пирамиды в данной экосистеме.

Различиями в величинах $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ первичных продуцентов определяются различия между всеми последующими консументами в разных пищевых цепях. Изменчивость изотопного состава продуцентов связана со способами фиксации биогенных элементов, с физическими и климатическими условиями среды, в которой этот процесс происходит, а также с региональной изменчивостью изотопного состава самих биогенных ресурсов [Heaton, 1999; Marshall, Brooks, Lajtha, 2007]. Поэтому в изотопном составе тканей животного помимо информации о его трофическом положении потенциально заложена информация об особенностях местообитаний, в которых оно питалось.

Углерод. Значительные различия $\delta^{13}\text{C}$ тканей животных (от -28 до -6 ‰) связаны главным образом с сильной изменчивостью $\delta^{13}\text{C}$ первичных продуцентов, находящихся в основании пищевых цепей [Kelly, 2000; Koch, 2007]. Определяется эта вариабельность особенностями фиксации CO_2 разными типами растений в разных средах.

Все растения в процессе фотосинтеза дискриминируют ^{13}C в пользу ^{12}C , поэтому их ткани обеднены ^{13}C по сравнению с углеродом CO_2 атмосферного воздуха. Степень дискриминации различается у растений, использующих разные пути фотосинтеза [Park, Epstein, 1960; O'Leary, 1988]. Дискриминация против ^{13}C наиболее сильно выражена у растений с циклом Кальвина (C3-растения: большинство наземных и водных продуцентов) и наименее сильно – у растений с циклом Хэтча-Слейка (C4-растения: некоторые злаки, осоки и представители других групп покрытосеменных растений, в основном из южных аридных

местообитаний). Отбор изотопов углерода происходит как на стадии ферментативного карбоксилирования, так и в процессе устьичного дыхания. [Heaton, 1999; Marshall, Brooks, Lajtha, 2007].

Величина $\delta^{13}\text{C}$ С3-растений в среднем составляет -27‰ (от -35 до -21‰), а С4-растений равняется -13‰ (от -14 до -10‰) [Craig, 1953; Ehleringer, Rundel, 1989; Kelly, 2000; Marshall, Brooks, Lajtha, 2007].

Водные растения, как правило, имеют С3 тип фотосинтеза, однако по изотопному составу они обычно обогащены ^{13}C по сравнению с наземными. В среднем значение $\delta^{13}\text{C}$ фитопланктона равно -22‰ , бентосной растительности -18‰ , а общий разброс значений $\delta^{13}\text{C}$ морских и пресноводных продуцентов очень широк: от -32 до -4‰ [Dienes, 1980; Keeley, Sandquist, 1992; France, 1995; Kelly, 2000]. Различия между морскими и наземными С3-растениями объясняются в первую очередь тем, что скорость диффузии углекислого газа в воде примерно в 10 000 раз меньше, чем в воздухе. Поэтому концентрация CO_2 в прилегающем к фотосинтезирующему растению слое воды быстро уменьшается. В силу этого снижается избирательность карбоксилирующего фермента и падают темпы направленного отбора $^{12}\text{CO}_2$ [O'Leary, 1988; Kelly, 2000]. Сходные процессы обеспечивают и высокую региональную изменчивость $\delta^{13}\text{C}$ растительности в океаническом бассейне. В районах с высокой плотностью растительного покрова или высокой продуктивностью (прибрежные или мелководные заросли макрофитов, подледные леса или апвеллинговые зоны) концентрация $^{13}\text{CO}_2$, растворенного в воде, резко увеличивается, по сравнению с менее продуктивными районами, что приводит к повышению значения $\delta^{13}\text{C}$ фитопланктона или водорослей [France, 1995; Schell, Barnett, Vnette, 1998; McRoy et al., 2004; Newsome, Clementz, Koch, 2010]. Кроме того, высокая вариабельность величины $\delta^{13}\text{C}$ морских продуцентов может объясняться различиями в степени использования растворенного в воде бикарбоната, который обогащен ^{13}C по сравнению с углекислым газом [Kelly, 2000; Szpack et al., 2012]. Размеры и вид водной растительности также влияют на изотопный состав углерода [Goericke, Fry, 1994].

Степень трофической дискриминации изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ невелика. В среднем значение $\Delta^{13}\text{C}$ небольшое ($0,5$ – $2,0\text{‰}$) и подвержено значительным колебаниям на разных трофических уровнях [Peterson, Fry, 1987; Kelly, 2000; Post, 2002]. Для многих морских сообществ показано, что трофическое обогащение ^{13}C происходит только в начале пищевой цепи, тогда как $\delta^{13}\text{C}$ консументов второго, третьего порядков и выше соответствует значениям $\delta^{13}\text{C}$ их диеты [Rau et al., 1983; Wada et al., 1987; Hobson, Welch, 1992; Dehn, 2005]. Поэтому соотношение стабиль-

ных изотопов углерода в тканях обычно не используется для определения трофического уровня животного. Напротив, благодаря слабому изменению изотопного сигнала при продвижении по пищевой цепи, величина $\delta^{13}\text{C}$ тканей животных хорошо отражает усредненный изотопный состав его жертв и первичных продуцентов.

Азот. Изменчивость значений $\delta^{15}\text{N}$ позвоночных животных заключена в интервале от -5 до $+25\text{‰}$ [Kelly, 2000; Koch, 2007] и зависит как от их положения в цепи питания, так и от изотопного состава азота первичных продуцентов. Значения $\delta^{15}\text{N}$ растений определяются в первую очередь доступностью и концентрацией ресурсов азота в окружающей среде и их изотопным составом [Marshall, Brooks, Lajtha, 2007]. Тип почвы, режим увлажнения, глубина корневой системы, наличие или отсутствие микоризы – все эти факторы оказывают большое влияние на величину $\delta^{15}\text{N}$ продуцентов [Hedges, Stevens, Koch, 2006].

Значения $\delta^{15}\text{N}$ тканей большинства наземных растений варьируют в пределах от -8 до $+18\text{‰}$ [Kelly, 2000]. Поскольку величина $\delta^{15}\text{N}$ атмосферного азота принята за 0, среднее значение $\delta^{15}\text{N}$ тканей азотфиксирующих растений обычно колеблется в более узких пределах (от -7 до $+7\text{‰}$). Морской фитопланктон, как правило, содержит больше ^{15}N по сравнению с наземными продуцентами ввиду более высоких значений $\delta^{15}\text{N}$ растворенных нитратов [Sigman, Kash, Casciotti, 2009]. В среднем его значение $\delta^{15}\text{N}$ составляет $+7\text{‰}$ (от $+1$ до $+16\text{‰}$), за исключением районов океана с преобладанием азотфиксирующих продуцентов [Kelly, 2000].

Величина $\delta^{15}\text{N}$ в тканях животных увеличивается в среднем на 2 – 5‰ с каждым трофическим уровнем [Minagawa, Wada, 1984; Hobson, Welch, 1992; Post, 2002]. Механизм трофического фракционирования изотопов азота у животных связан с образованием продуктов выделения. Аминогруппы, содержащие легкие атомы ^{14}N , активнее участвуют в реакциях аминирования и дезаминирования и несколько быстрее выводятся из организма при формировании продуктов азотного обмена. Таким образом, продукты выделения животных обеднены ^{15}N , по сравнению с тканями тела, которые, напротив, обогащены ^{15}N , по сравнению с диетой [Minagawa, Wada, 1984; Fogel et al., 1997; Balter et al., 2006].

Благодаря трофическому фракционированию, величина $\delta^{15}\text{N}$ может служить показателем положения животного в трофической цепи или его трофического уровня. Так, ткани хищников более обогащены ^{15}N , по сравнению с тканями травоядных [Bocherens et al., 1997; Kelly, 2000], а ткани высших консументов длинных трофических цепей обогащены, по сравнению с тканями высших консументов коротких трофических цепей [Chamberlain et al., 2005; Dehn, 2005].

Конкретная величина $\Delta^{15}\text{N}$ может колебаться в довольно широких пределах, в зависимости от таких факторов, как пол, класс, качество диеты, репродуктивный статус, стадия роста. Азот поступает в организм животного преимущественно из белков, поэтому количество белка в рационе может также влиять на интенсивность фракционирования изотопов азота [Pearson et al., 2003; Robbins, Felicetti, Sponheimer, 2005].

Ввиду особенностей выделительной системы разных групп позвоночных значения коэффициента трофической дискриминации для них могут различаться. Так, у птиц в отличие от млекопитающих основным продуктом выделения является не мочевины, а мочевая кислота, которой соответствует меньшая величина $\Delta^{15}\text{N}$ [Mizutani, Kabaya, Wada, 1991; Hobson, 1993].

Физиологическое состояние животных также может влиять на величину $\Delta^{15}\text{N}$. Например, при длительном голодании начинают расходоваться собственные резервы организма, что обуславливает рост содержания ^{15}N [Hedges, Stevens, Richards, 2006; Newsome, Clementz, Koch, 2010]. У самок млекопитающих в период лактации и беременности наблюдается снижение значений $\delta^{15}\text{N}$ быстровозобновимых тканей тела. Детеныши, питающиеся молоком матери, наоборот, обогащены ^{15}N по сравнению со взрослыми, т.к. фактически стоят на один трофический уровень выше [Hobson, Sease, 1998; Newsome et al., 2006; Горлова и др., 2012]. Таким образом, при использовании $\delta^{15}\text{N}$ в качестве инструмента для оценки трофического положения животного следует учитывать целый ряд факторов и стараться использовать как можно более однородную выборку, в т.ч. по возрасту особей.

Особенности изотопного состава коллагена костей. Трофическое фракционирование, сохранность изотопного сигнала и специфика получаемой информации о питании в большой степени зависят от типа изучаемой ткани. Кость состоит из кристаллов биоапатита, встроенных в органический матрикс, главным образом в структурированный белок коллаген [Fratzl, 2008]. В изотопных исследованиях используют и минеральную, и органическую составляющие кости, однако для реконструкции диеты животных чаще всего измеряют изотопный состав коллагена [Hedges, Stevens, Koch, 2006].

Коллаген кости обладает относительно стабильной структурой и может оставаться в неизменном виде длительное время. В умеренном климате изотопный сигнал коллагена костей сохраняется в течение 30–50 тыс. лет [Hedges, Stevens, Richards, 2006], а в условиях хорошей сохранности – 1 млн лет и более [Koch, 2007]. Это делает возможным изучение экологии животных, живших в далеком прошлом [Bocherens et al., 1997; Stevens et al., 2008; Misarti et al., 2009]. Степень сохранности коллагена принято оценивать по его элементному составу. В норме моле-

кула коллагена, не подвергавшаяся диагенетическим изменениям, включает ок. 10 % азота (по массе), а атомарное соотношение C/N находится в интервале от 2,9 до 3,6 [DeNiro, 1985; Ambrose, 1990]. Отклонение от этих величин указывает на плохую сохранность коллагена.

Изотопный состав организма является отражением изотопного состава его пищи, усредненного за определенный интервал времени. Скорость обмена, т.е. время, за которое после перемены питания изменяется атомарный состав ткани, зависит от скорости ее возобновления [Kelly, 2000]. Быстровозобновимые ткани, такие как кровь и печень практически полностью обновляются в течение нескольких дней или недель [Tieszen et al., 1983; Hobson, Clark, 1992]. Обновление мышечной и костной ткани происходит значительно медленнее. Как показали лабораторные исследования, у птиц коллаген кости после смены диеты обновляется в пределах года [Hobson, Clark, 1992]. У млекопитающих скорости обмена в несколько раз ниже [Tieszen et al., 1983]. Наиболее быстро состав кости меняется в процессе интенсивного роста, но изменения продолжают, даже после наступления половой зрелости: происходят резорбция старой костной ткани (как биоапатита, так и коллагена) и отложение новой [Ромер, Парсонс, 1992]. Однако доля таких метаболических и репарационных изменений составляет всего 0,1–0,2 % в год [Hesslein, Hallard, Ramlal, 1993]. Соответственно, полное изменение состава коллагена кости в ответ на изменения изотопного состава пищи занимает от нескольких месяцев в период интенсивного роста до нескольких лет у медленно растущих или окончивших свой рост животных.

Отдельные аминокислоты в составе белков несколько отличаются по величине $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. В силу этого особенности аминокислотного состава разных тканей влияют на их изотопный состав и на степень трофической дискриминации. Ввиду высокого содержания глицина коллаген, как правило, обогащен ^{13}C на 2–4 ‰ по сравнению с мышечными белками или кровью и примерно на 5 ‰ – по сравнению с углеродом диеты в целом [Hedges, Stevens, Koch, 2006]. При сопоставлении значений изотопного состава коллагена костей разных видов рекомендуют использовать коэффициенты трофической дискриминации 0–2 ‰ для углерода и 3–5 ‰ для азота [Bocherens, Drucker, 2003].

Изменения изотопного состава атмосферы во времени. Изотопный состав атмосферы существенно менялся на протяжении последних столетий и ранее. Доказано, что в последние 150 лет произошло антропогенное снижение $\delta^{13}\text{C}$ CO_2 , называемое также эффектом Зюсса [Keeling, Moor, Tans, 1979; Francey et al., 1999; Marshall, Brooks, Lajtha, 2007]. Сжигание ископаемого топлива и изменения в землепользовании в

индустриальный период привели к росту поступления в атмосферу обедненного ^{13}C углекислого газа, тогда как его концентрация возросла примерно на 30 %, что обеспечило снижение $\delta^{13}\text{C}$ атмосферного углекислого газа примерно на 1,5 ‰ [Francey et al., 1999; IPCC, 2001; Marshall, Brooks, Lajtha, 2007]. Изотопный состав углерода на всех уровнях трофической цепи отражает изотопный состав исходного ресурса, поэтому снижение $\delta^{13}\text{C}$ на протяжении последних 150 лет наблюдается в тканях растений [Feng, 1999; Bale et al., 2011; Yakir, 2011] и животных [Hirons, Schell, Finney, 2001; Bump et al., 2007; Newsome et al., 2007]. Существенное увеличение концентрации CO_2 в плейстоцене, после окончания последнего оледенения 12–15 тыс. л.н. [Idermühle et al., 1999], также вызвало снижение $\delta^{13}\text{C}$ на всех уровнях пищевой цепи [Bump et al., 2007]. Таким образом, при сравнении изотопного состава в разные периоды необходимо использовать поправку, учитывающую изменения $\delta^{13}\text{C}$ атмосферного углекислого газа во времени.

Материал и методы

В данном исследовании для изотопного анализа использованы кости современных и древних животных. Современные образцы были отобраны из скелетов 12 бурых медведей (*Ursus arctos*), 10 белых медведей (*U. maritimus*), 2 белолобых гусей (*Anser albifrons*), 1 гуменника (*A. fabalis*), 2 белых гусей (*A. caerulescens*), 4 гусей-белошеев (*A. canagica*) и 1 малой канадской казарки (*Branta hutchinsii*). Они взяты из сравнительной эталонной остеологической коллекции лаборатории биогеоценологии и исторической экологии (ИПЭЭ РАН) им. В.Н. Сукачева и материалов полевых сборов.

Древние образцы получены в результате раскопок археологического памятника Канискак (побережье Берингова прол., Чукотка) и нескольких береговых отложений Командорско-Алеутской гряды. Из древнего поселения Канискак, формирование культурных слоев которого датируется 2500±200 л.н., проанализировано 28 субфоссильных костных фрагментов представителей медвежьих. Из береговых отложений на Командорских и Алеутских о-вах получено 50 фрагментов костей морской коровы (*Hydrodamalis gigas*), из каждого был взят образец для изотопного анализа. Кости млекопитающих для изотопного анализа отбирались таким образом, чтобы исключить из рассмотрения остатки молодых животных, питавшихся или недавно переставших питаться молоком матери.

Из каждой кости были выделены образцы коллагена модифицированным методом, рекомендуемым для подготовки радиоуглеродных образцов [Longin, 1971; Jørgkov, Heinemeier, Lynnerup, 2007]. При по-

мощи электрического гравера с поверхности кости срезали верхний загрязненный слой, затем вырезали фрагмент компактной части кости весом примерно 0,2–0,5 г. Минеральную составляющую кости удаляли в 1М растворе соляной кислоты в течение 48 ч при температуре 2–4 °С, после чего образец тщательно отмыли от солей дистиллированной водой. Далее при температуре 90 °С в течение 24 ч коллаген растворяли в соляной кислоте (pH=2,5), высушивали в сушильном шкафу и измельчали. Современные образцы перед декальцинацией обезжиривали 10 %-м раствором бутанола [Nagai, Suzuki, 2000].

Навески сухого коллагена по 450–550 мкг упаковали в оловянные капсулы. Определение изотопного состава проводили на элементном анализаторе (Thermo Flash 1112) и изотопном масс-спектрометре Thermo DeltaV Plus в Центре коллективного пользования при ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН.

Изотопный состав азота и углерода выражали в тысячных долях отклонения от международного стандарта, δ , ‰:

$$\delta X = [(R_{\text{образца}} / R_{\text{стандарта}}) - 1] \times 1000,$$

где X – это ^{15}N или ^{13}C , а R – соответствующие соотношения $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ или $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$.

Для азота в качестве международного стандарта был принят N_2 атмосферного воздуха, для углерода – «венский» эквивалент белемнита PeeDee формации (VPDB). Оборудование было откалибровано относительно стандартных материалов, предоставленных МАГАТЭ (глутаминовая кислота USGS 40 ($\delta^{15}\text{N} = -4,5$ ‰; $\delta^{13}\text{C} = -26,4$ ‰), USGS 41 ($\delta^{15}\text{N} = +47,6$ ‰; $\delta^{13}\text{C} = +37,6$ ‰) и целлюлоза IAEA-CH₃ ($\delta^{13}\text{C} = -24,7$ ‰)). В качестве рабочего лабораторного стандарта использовали ацетанилид ($\delta^{15}\text{N} = -4,7$ ‰; $\delta^{13}\text{C} = -26,8$ ‰). Аналитическая погрешность измерения была в пределах < 0,2 ‰ для $\delta^{15}\text{N}$ и < 0,15 ‰ для $\delta^{13}\text{C}$.

Вместе с определением изотопного состава во всех пробах устанавливались общее содержание углерода и азота (% N, % C) и атомарное соотношение C/N, служащих индикаторами сохранности белка. Образцы коллагена, в которых общее содержание азота составляло менее 10 % или атомарное соотношение C/N не укладывалось в интервал 2,9–3,6, были исключены из рассмотрения [DeNiro, 1985; Ambrose, 1990].

При сравнении величин $\delta^{13}\text{C}$ современных и древних образцов была введена поправка на эффект Зюсса. Для современных животных из наземных экосистем мы использовали величину, равную изменению $\delta^{13}\text{C}$ атмосферного CO_2 в индустриальный период, что составило +1,5 ‰ [Francey et al., 1999; Yakir, 2011], для современных животных из морских экосистем – поправку +1,2 ‰, рассчитанную для северной части Тихого океана [Misarti et al., 2009].

Использование анализа стабильных изотопов для таксономической диагностики

Медвежьи в добыче древних зверобоев Чукотки. В последние тысячелетия в прибрежных районах Чукотского п-ова была распространена культура морских зверобоев [Диков, 1979; Крупник, 1989; Бронштейн, Днепровский, 2001, 2012]. Остеологические спектры из культурных слоев древних поселений показывают, что основой жизнеобеспечения населения являлась охота на морских млекопитающих и птиц; тундровый промысел был второстепенным, но постоянным занятием [Динесман и др., 1996; Динесман, Савинецкий, 2003; Горлова, Васюков, 2013].

Помимо охоты на тюленей, моржей, китообразных, песца и северного оленя традиционным занятием в жизни берегового населения был промысел медвежьих [Арутюнов, Сергеев, 1975; Динесман и др., 1996]. В количественном отношении доля медведей в общей добыче была невелика (менее 1 % от всех млекопитающих) и не могла конкурировать с объемами промысла основных промысловых видов – тюленей и моржей. Однако кости медвежьих встречаются в культурных слоях разных периодов бытования зверобойной культуры, т.е. охота на медведей, по-видимому, была регулярным занятием аборигенного населения на протяжении тысячелетий.

Определяя остеологический материал из древних поселений зверобойной культуры, мы столкнулись с проблемой таксономической диагностики медвежьих. В современных экосистемах Чукотского п-ова обитает два вида медведей – бурый и белый. Из обнаруженных при раскопках древнего поселения Канискак (66°02' с.ш., 169°56' з.д.) 28 фрагментов костей медвежьих 5 ед. визуальным способом были определены как принадлежавшие белому медведю и 1 ед. – бурому. Остальные 22 фрагмента до вида определить не удалось, т.к. они представляли собой плохо определимые элементы скелета (преимущественно фаланги пальцев).

Для точной видовой диагностики костных остатков и выявления соотношения двух видов медведей в добыче древних охотников использовался изотопный анализ. Как уже отмечалось, содержание тяжелых изотопов азота и углерода в морских экосистемах значительно выше, чем в наземных [Kelly, 2000; Chamberlain et al., 2005; Dehn, 2005]. Белый медведь – морской хищник, основной добычей которого являются морские млекопитающие [Hobson, Welch, 1992]. Бурый медведь всеяден, но в его рационе, даже в примор-

ских экосистемах, преобладают наземные ресурсы [Барышников, 2007]. Изотопный состав тканей этих двух видов различается и поэтому служит хорошим индикатором видовой принадлежности.

Результаты изотопного анализа коллагена костей современных медвежьих из прибрежных экосистем Чукотского п-ова наглядно продемонстрировали различия в питании между видами (рис. 1). По изотопному сигналу белый медведь – высший консумент в морской трофической сети, тогда как изотопный состав бурого медведя отражает смешанное питание. Изотопный анализ субфоссильных образцов позволил с точностью установить, что все обнаруженные в культурном слое остатки медвежьих, в т.ч. образец, первоначально идентифицированный по морфологическим признакам как кость бурого медведя, принадлежали белому медведю.

Полное отсутствие остатков бурого медведя на поселении довольно неожиданно, поскольку в современных экосистемах Чукотки бурый медведь является видом, постоянно присутствующим в безледный период, тогда как белый медведь – лишь эпизодически [Туманов, 2003; Барышников, 2007]. Одной из причин, объясняющих отсутствие бурого медведя в остатках добычи древних морских зверобоев, может быть относительно недавнее изменение распространения этого хищника. Возможно, 2500±200 л.н. граница ареала бурого медведя проходила южнее и не включала приморские районы полуострова. Натураллисты братья Краузе, работавшие летом 1881 г. в

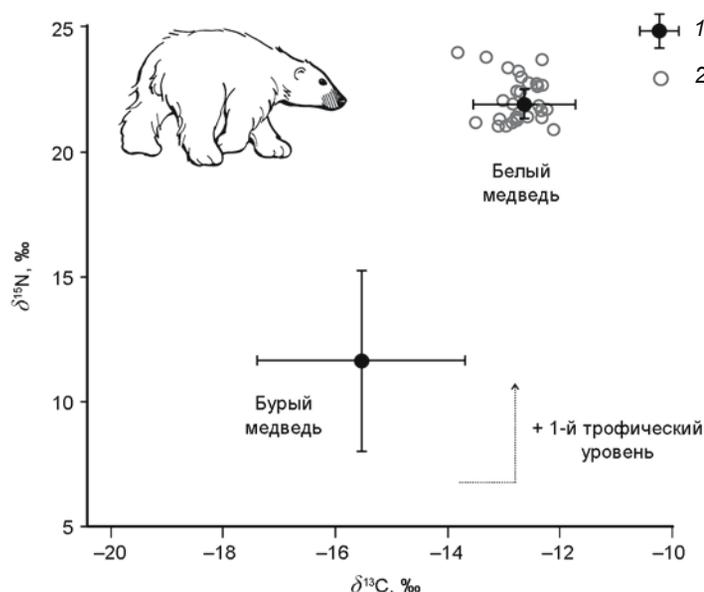

Рис. 1 Изотопный состав коллагена костей современных бурого (n = 12) и белого (n = 10) медведей Чукотки и медведей из древнего поселения Канискак (n = 28). Величины $\delta^{13}\text{C}$ современных животных скорректированы с учетом изменения состава атмосферы. 1 – современные (среднее ± стандартное отклонение); 2 – древние.

приморских районах Северо-Восточной Чукотки, в своих путевых заметках отмечали отсутствие бурого медведя [To the Chukchi peninsula..., 1993]. Сегодня бурый медведь в прибрежных районах полуострова встречается повсеместно.

Расширение ареала бурого медведя могло быть следствием культурно-экономических изменений в регионе. Широкое применение современным местным населением огнестрельного оружия и промышленные выловы морских млекопитающих обусловили увеличение отходов промысла. На протяжении тысячелетий традиционным оружием морского зверобоя был гарпун, который прочно закоривается в теле жертвы, не давая ей уйти от охотника. В XIX в. среди населения стало распространяться огнестрельное оружие. При охоте с ружьем или винтовкой вероятность того, что раненое животное уйдет от преследователя или утонет до того, как охотник успеет подплыть к нему на каяке, гораздо выше [Файнберг, 1991]. Бурых медведей могли привлечь береговые свалки, появившиеся в связи с возросшими объемами промысла, а также увеличившиеся выбросы раненых и погибших морских млекопитающих. По своему изотопному сигналу измеренные нами бурые медведи полуострова занимают промежуточное положение между морскими и наземными хищниками, что свидетельствует об активном питании морскими выбросами и не противоречит нашей гипотезе.

Определение остатков морской коровы. До середины XVIII в. на Командорских о-вах обитала ныне вымершая морская, или Стеллерова, корова. По описанию Георга Стеллера – первого и единственного натуралиста, видевшего этих животных живьем, – морские коровы были крупными морскими млекопитающими, по размерам превосходящими всех современных сиреновых. В длину они достигали более 7 м и весили несколько тонн. Это были медлительные животные, питавшиеся только морскими водорос-

лями в прибрежной зоне [Гептнер и др., 1967]. Считается, что причиной их полного исчезновения стал интенсивный промысел. Вид был открыт экспедицией Беринга в 1741 г. По приблизительным оценкам на тот момент командорская популяция насчитывала 1,5–2,0 тыс. особей. В последний раз коров видели на о-ве Медном в 1754 г., на о-ве Беринга – в 1768 г. [Там же]. Морская корова в голоцене обитала также на Алеутских о-вах, но время ее исчезновения неизвестно [Corbett et al., 2008]. Наиболее поздний образец морской коровы (один фрагмент ребра) был обнаружен в 1998 г. в ходе археологических раскопок на о-ве Кыска. Его радиоуглеродная дата 910 л.н.

Представители рода *Hydrodamalis* в плейстоцене были распространены от Калифорнии до Японии [Whitmore, Gard, 1977], но большое количество костей *H. gigas* голоценового времени встречается только в береговых отложениях на Командорских о-вах [Савинецкий, 1992], несколько фрагментов было найдено при археологических раскопках на Алеутских о-вах [Corbett et al., 2008]. Остеологические остатки морской коровы включают в основном фрагменты ребер, которые хорошо определяются по следам пахиостоза (сильное разрастание компактной части кости) [Гептнер и др., 1967]. Однако пахиостоз характерен и для некоторых китообразных, в связи с чем определение небольших фрагментов ребер плохой сохранности визуальным способом может быть ошибочным.

Применение изотопного анализа для идентификации костей морской коровы было предложено Д. Корбет с соавторами [Corbett et al., 2008]. Морская корова – единственное травоядное морское млекопитающее в этом районе и поэтому хорошо отличается от китообразных по изотопному составу коллагена (рис. 2). Гренландский (*Balaena mysticetus*), серый (*Eschrichtius robustus*) и синий (*Balaenoptera musculus*) киты, питающиеся зоопланктоном, а также хищные

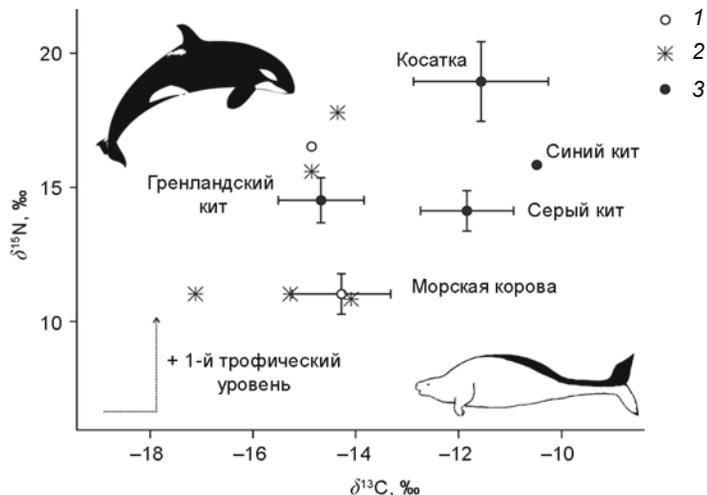

Рис. 2. Изотопный состав (среднее ± стандартное отклонение) коллагена костей из голоценовых отложений Командорско-Алеутской гряды: «морских коров» (n = 49 – наши данные (1), n=3 – по: [Corbett et al., 2008] (2)) и современных китообразных Берингова моря (3): гренландский кит (n = 3) [Schoeninger, DeNiro, 1984], серый кит (n = 3) [Newsome et al., 2009], синий кит (n = 1) [Schoeninger, DeNiro, 1984], а также зубного дентина косатки (n > 200) [Newsome et al., 2009]. Значения δ¹³C современных животных скорректированы с учетом изменений состава атмосферы. Три образца, первоначально отнесенные к морской корове, принадлежали китообразным.

костатки (*Orca orca*) относятся к более высоким трофическим уровням, им соответствуют большие значения $\delta^{15}\text{N}$ [Schoeninger, DeNiro, 1984; Newsome et al., 2009].

В работе Корбет с соавторами [Corbett et al., 2008] приводятся данные измерений обнаруженных в голоценовых отложениях пяти ребер, которые были определены как принадлежавшие морской корове. На основании изотопного состава подтверждена видовая принадлежность только трех ребер; определения для двух ребер оказались ошибочными, ребра относились к другим видам морских млекопитающих, занимающим более высокий трофический уровень.

Нами измерен изотопный состав коллагена 50 фрагментов ребер из голоценовых отложений на Командорских и Алеутских о-вах; визуально они были определены как принадлежавшие морской корове. Было установлено, что 49 обломков принадлежали травоядному млекопитающему и хорошо отличались по изотопному составу от костей остальных морских животных региона. Только один фрагмент кости из материала с о-ва Булдырь не соответствовал диапазону, характерному для морской коровы и, видимо, относился к киту.

Определение костей гусиных. Изотопный анализ проводился только на современных образцах, однако он также продемонстрировал возможности таксономической идентификации на основании различий величин $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$.

При определении остатков авифауны с поселений древних жителей Берингоморья было невозможно разделить некоторые виды гусиных. Например, гусь-белошей и малая канадская казарка имеют большое сходство по морфологии костей. Однако эти два вида четко различаются по поведению и питанию. Если казарка, как большинство гусиных этого региона, в течение всего года предпочитает держаться тундровых районов, то белошей во время пролета и на зимовке кормится в основном в прибрежной зоне морской растительностью и беспозвоночными [Petersen, 1983; Eichholz, Sedinger, 2006; Hupp, Schmutz, Ely, 2008].

Изотопный состав коллагена костей этих птиц отражает различия в питании (рис. 3). В нашем распоряжении имелся, к сожалению, только один скелет малой канадской казарки, поэтому мы измерили изотопный состав некоторых других гусиных, которые, как и казарка, большую часть года придерживаются внутренних районов и питаются тундровой растительностью [Портенко, 1972]. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ большинства гусеобразных соответствуют первичным консументам наземной трофической сети, тогда

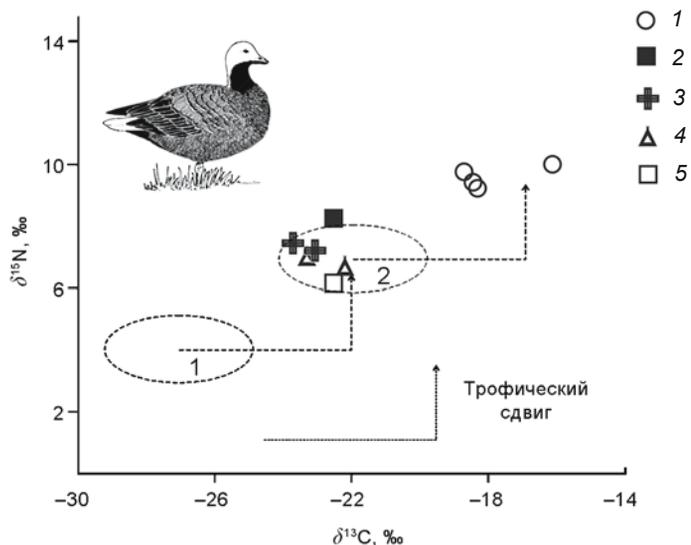

Рис. 3. Изотопный состав коллагена костей современных гусеобразных Берингоморского региона. Трофический сдвиг показывает значения $\Delta_{\text{диета-коллаген}}$ для птиц.

Примерные средние значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ растительности: 1 – наземной; 2 – морской.

1 – белошей; 2 – малая канадская казарка; 3 – белый гусь; 4 – белолобый гусь; 5 – гуменник.

как белошей отличаются от них и отвечают морским консументам. Эти различия могут быть использованы при определении костей гусеобразных из археологических памятников.

Заключение

Изотопный анализ может служить инструментом таксономической диагностики и быть доступной альтернативой палеогенетическому методу в тех случаях, когда рассматриваются виды, занимающие резко различные местообитания и/или имеющие большие различия в питании. Например, морские и наземные животные настолько хорошо отличаются от травоядных и хищных по изотопному составу, что эти различия не перекрывает внутривидовая вариабельность изотопного состава. Применение данного метода к видам, имеющим не столь радикальные различия в экологии, зависит от соотношения диапазона внутри- и межвидовой изменчивости, а также требует подробного исследования изотопного состава современных представителей видов.

Список литературы

Антипина Е.Е. Методические проблемы изучения остатков животных из археологических памятников // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию

со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славян. культуры, 2003. – С. 7–33.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.

Барышников Г.Ф. Медвежья (Carnivora, Ursidae). – СПб.: Наука, 2007. – 541 с. – (Фауна России и сопредельных стран. Нов. сер., № 147; т. 1: Млекопитающие, вып. 5).

Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология. – М.: Наука, 2001. – С. 587–619.

Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Эквен: история изучения (1961–2011) // Вехи на мысах: к 80-летию чл.-кор. РАН С.А. Арутюнова. – М.: Изд-во Гос. музея Востока, 2012. – С. 20–31.

Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б., Слудский А.А., Чиркова А.Ф., Банников А.Г. Отряд морских коров, или сирен. – М.: Высш. шк., 1967. – С. 15–46. – (Млекопитающие СССР; т. 2, ч. 1: Морские коровы и хищные).

Горлова Е.Н., Васюков Д.Д. Три вида ластоногих в добыче морских зверобоев северо-восточного побережья Чукотки // Зоол. журнал. – 2013. – Т. 92, вып. 9. – С. 1064–1076.

Горлова Е.Н., Крылович О.А., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Экология кольчатой нерпы (*Pusa hispida*) Берингова пролива в позднем голоцене // Изв. РАН. Сер. биол. – 2012. – Вып. 5. – С. 546–553.

Громова В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Вып. 1: Определитель по крупным трубчатым костям. – 240 с. – (Тр. Комис. по изуч. четвертич. периода; т. 9).

Громова В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 2: Определитель по крупным костям заплюсны. – 117 с. – (Тр. Комис. по изуч. четвертич. периода; т. 16).

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Динесман Л.Г. Изучение истории биогеоценозов по нормам млекопитающих // Общие методы изучения истории современных экосистем. – М.: Наука, 1979. – С. 76–101.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. – М.: Аргус, 1996. – 189 с.

Динесман Л.Г., Савинецкий А.Б. Количественный учет костей в культурных слоях древних поселений людей // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славян. культуры, 2003. – С. 34–56.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 270 с.

Поргенко Л.А. Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля. – Л.: Наука, 1972. – Ч. 1. – 424 с.

Ромер А., Парсонс Т. Анатомия позвоночных. – М.: Мир, 1992. – Т. 1. – С. 192–196.

Савинецкий А.Б. Вековая динамика численности морской коровы (*Hydrodamalis gigas* Zimm., 1780) в позднем голоцене // Докл. АН. – 1992. – Т. 326, № 4. – С. 570–572.

Туманов И.Л. Биологические особенности хищных млекопитающих России. – СПб.: Наука, 2003. – 448 с.

Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера: Индейцы и эскимосы. – М.: Наука, 1991. – 184 с.

Ambrose S.H. Preparation and characterization of bone and tooth collagen for isotopic analysis // J. of Archaeol. Sci. – 1990. – Vol. 17, N 4. – P. 431–451.

Bale R.J., Robertson I., Salzer M.W., Loader N.J., Leavitt S.W., Gagen M., Harlan T.P., McCarroll D. An annually resolved bristlecone pine carbon isotope chronology for the last millennium // Quaternary Research. – 2011. – Vol. 76, N 1. – P. 22–29. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.yqres.2011.05.004>

Balter V., Simon L., Fouillet H., Lécuyer C. Box-modeling of $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ in mammals // Oecologia. – 2006. – Vol. 147. – P. 212–222.

Bocherens H., Billiou D., Patou-Mathis M., Bonjean D., Otte M., Mariotti A. Paleobiological implications of the isotopic signatures (^{13}C , ^{15}N) of fossil mammal collagen in Sceldina Cave [Sclayn, Belgium] // Quaternary Research. – 1997. – Vol. 48, N 3. – P. 370–380. – URL: <http://dx.doi.org/10.1006/qres.1997.1927>

Bocherens H., Drucker D. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in bone collagen: case studies from recent and ancient terrestrial ecosystems // International J. of Osteoarchaeol. – 2003. – Vol. 13, N 1/2. – P. 46–53.

Bond A.L., Hobson K.A. Reporting stable-isotope ratios in ecology: recommended terminology, guidelines and best practices // Waterbirds. – 2012. – Vol. 35, N 2. – P. 324–331. – URL: <http://dx.doi.org/10.1675/063.035.0213>

Bump J.K., Fox-Dobbs K., Bada J.L., Koch P.L., Peterson R.O., Vucetich J.A. Stable isotopes, ecological integration and environmental change: wolves record atmospheric carbon isotope trend better than tree rings // Proceedings of the Royal Society Biol. Sci. Ser. B. – 2007. – Vol. 274, N 1624. – P. 2471–2480. – URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2007.0700>

Chamberlain C.P., Waldbauer J.R., Fox-Dobbs K., Newsome S.D., Koch P.L., Smith D.R., Church M.E., Chamberlain S.D., Sorenson K.J., Risebrough R. Pleistocene to recent dietary shifts in California condors // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2005. – Vol. 102, N 46. – P. 16707–16711. – URL: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.0508529102>

Corbett D.G., Causey D., Clementz M., Koch P.L., Doroff A., Lefevre C., West D. Aleut Hunters, Sea Otters, and Sea Cows: Three Thousand Years of Interactions in the Western Aleutian Islands, Alaska // Human Impacts on Ancient Marine Ecosystems: A Global Perspective / eds. C.R. Torben, J.M. Erlandson. – Berkeley: Univ. of California Press, 2008. – P. 43–76.

Craig H. The geochemistry of stable carbon isotopes // Geochimica et Cosmochimica Acta. – 1953. – Vol. 3. – P. 53–92.

Dehn L.-A. Trophic relationships in an Arctic marine food web and implications for trace element dynamics: PhD. – Fairbanks, 2005. – 290 p.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of *in vivo* bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. – 1985. – Vol. 317, N 31. – P. 806–809.

DeNiro M.J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of carbon isotopes in animals // Geochimica et Cosmochimica Acta. – 1978. – Vol. 42, N 5. – P. 495–506.

- DeNiro M.J., Epstein S.** Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. – 1981. – Vol. 45. N 3 – P. 341–351.
- Dienes P.** The isotopic composition of reduce organic carbon // *Handbook of Enviromental isotope Geochemistry* / eds. P. Fritz, J.C. Fontes. – Amsterdam: Elsevier, 1980. – P. 329–406.
- Ehleringer J.R., Rundel P.W.** Stable isotopes: history, units, and instrumentation // *Stable isotopes in ecological research* / eds. P.W. Rundel, J.R. Ehleringer, K.A. Nagy. – N. Y.: Springer Verlag New York Inc. – 1989. – P. 1–15. – (Ecological studies; vol. 68).
- Eichholz M.W., Sedinger J.S.** Staging, migration, and winter distribution of Canada and cackling geese staging in interior Alaska // *The J. of Wildlife Management*. – 2006. – Vol. 70, N 5. – P. 1308–1315. – URL: [http://dx.doi.org/10.2193/0022-541X\(2006\)70\[1308:SMAWDO\]2.0.CO;2](http://dx.doi.org/10.2193/0022-541X(2006)70[1308:SMAWDO]2.0.CO;2)
- Feng X.H.** Trends in intrinsic water-use efficiency of natural trees for the past 100–200 years: a response to atmospheric CO₂ concentration // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. – 1999. – Vol. 63. – P. 1891–1903. – URL: [http://dx.doi.org/10.1016/S0016-7037\(99\)00088-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0016-7037(99)00088-5)
- Fogel M.L., Tuross N., Johnson B.J., Miller G.H.** Biogeochemical record of ancient humans // *Organic Geochemistry*. – 1997. – Vol. 27. – P. 275–287.
- France R.L.** Carbon-13 enrichment in benthic compared to planktonic algae: foodweb implications // *Marine Ecol. Progress Ser.* – 1995. – Vol. 124. – P. 307–312.
- Francey R.J., Allison C.E., Etheridge D.M., Trudinger C.M., Enting I.G., Leuenberger M., Langenfelds R.L., Michel E., Steele L.P.** A 1000-year high precision record of $\delta^{13}\text{C}$ in atmospheric CO₂ // *Tellus*. – 1999. – Vol. 51. – P. 170–193. – URL: <http://dx.doi.org/10.1034/j.1600-0889.1999.t01-1-00005.x>
- Fratzl P.** Collagen Diversity, Synthesis and Assembly // *Collagen: Structure and Mechanics* / ed. by P. Fratzl. – N.Y.: Springer Science+Business Media, LLC, 2008. – P. 1–15.
- Gilbert M.** Mammalian Osteology. – Woodson Way: Missouri Archaeol. Soc., Inc. Press., 1993. – 428 p.
- Gilbert B.M., Martin L.D., Savage H.G.** Avian Osteology. – Laramie: Modern Printing Co, 1985. – 253 p.
- Goericke R., Fry B.** Variations of marine plankton $\delta^{13}\text{C}$ with latitude, temperature, and dissolved CO₂ in the world ocean // *Global Biogeochemical Cycles*. – 1994. – Vol. 8. – P. 85–90.
- Heaton T.H.E.** Spatial, species, and temporal variations in the $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ ratios of C₃ plants: implications for palaeodiet studies // *J. of Archaeol. Sci.* – 1999. – Vol. 26, N 6. – P. 637–649. – URL: <http://dx.doi.org/10.1006/jasc.1998.0381>.
- Hedges R.E.M., Stevens R.E., Koch P.L.** Isotopes in bones and teeth // *Isotopes in palaeoenvironmental research* / ed. M.J. Leng. – Dordrecht: Springer, 2006. – Vol. 10. – P. 117–146.
- Hedges R.E.M., Stevens R.E., Richards M.P.** Bone as a stable isotope archive for local climatic information // *Quaternary Sci. Rev.* – 2004. – Vol. 23, N 7/8. – P. 959–965. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.quascirev.2003.06.022>
- Hesslein R.H., Hallard K.A., Ramlal P.** Replacement of sulfur, carbon, and nitrogen, in tissue of growing broad whitefish (*Coregonus nasus*) in response to a change in diet traced by $\delta^{34}\text{S}$, $\delta^{13}\text{C}$, and $\delta^{15}\text{N}$ // *Canad. J. of Fisheries and Aquatic Sci.* – 1993. – Vol. 50, N 10. – P. 2071–2076. – URL: <http://dx.doi.org/10.1139/f93-230>
- Hillson S.** Teeth. – L.; N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1986. – 376 p.
- Hirons A.C., Schell D.M., Finney B.P.** Temporal record of $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ in North Pacific pinnipeds: inferences regarding environmental change and diet // *Oecologia*. – 2001. – Vol. 129, N 4. – P. 591–601. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s004420100756>
- Hobson K.A.** Trophic relationships among high Arctic seabirds: insights from tissue-dependent stable-isotope models // *Marine Ecol. Progress Ser.* – 1993. – Vol. 95. – P. 7–18.
- Hobson K.A., Clark R.G.** Assessing avian diets using stable isotopes I: turnover of ^{13}C in tissues // *The Condor*. – 1992. – Vol. 94, N 1. – P. 181–188. – URL: <http://dx.doi.org/10.2307/1368807>
- Hobson K.A., Sease J.L.** Stable isotope analyses of tooth annuli reveal temporal dietary records: an example using steller sea lions // *Marine Mammal Sci.* – 1998. – Vol. 14, N 1. – P. 116–129. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1748-7692.1998.tb00694.x>
- Hobson K.A., Welch H.E.** Determination of trophic relationships within a high Arctic marine food web using $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ analysis // *Marine Ecol. Progress Ser.* – 1992. – Vol. 84. – P. 9–18. – URL: <http://dx.doi.org/10.3354/meps084009>
- Hupp J.W., Schmutz J.A., Ely C.R.** The annual migration cycle of emperor geese in Western Alaska // *Arctic*. – 2008. – Vol. 61, N 1. – P. 23–34. – URL: <http://dx.doi.org/10.14430/arctic4>
- Idermühle A., Stocker T.F., Joos F., Fischer H., Smith H.J., Wahlen M., Deck B., Mastroianni D., Tschumi J., Blunier T., Meyer R., Stauffer B.** Holocene carbon-cycle dynamics based on CO₂ trapped in ice at Taylor Dome, Antarctica // *Nature*. – 1999. – Vol. 398. – P. 121–126. – URL: <http://dx.doi.org/10.1038/18158>
- IPCC 2001:** Climate Change 2001: The Scientific Basis. Contribution of Working Group I to the Third Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / eds. J.T. Houghton, Y. Ding, D.J. Griggs, M. Noguer, P.J. Linden, van der, X. Dai, K. Maskell, C.A. Johnson. – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001. – 881 p.
- Jørkov M.L., Heinemeier J., Lynnerup N.** Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // *J. of Archaeol. Sci.* – 2007. – Vol. 34. – P. 1824–1829. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2006.12.020>
- Keeley J.E., Sandquist D.R.** Carbon: freshwater plants // *Plant, Cell & Environment*. – 1992. – Vol. 15. – P. 1021–1035. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1365-3040.1992.tb01653.x>
- Keeling C.D., Moor W.G., Tans P.P.** Recent trends in the $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ ratio of atmospheric carbon dioxide // *Nature*. – 1979. – Vol. 277. – P. 121–123.
- Kelly J.F.** Stable isotopes of carbon and nitrogen in the study of avian and mammalian trophic ecology // *Canad. J. of Zoology*. – 2000. – Vol. 78, N 1. – P. 1–27. – URL: <http://dx.doi.org/10.1139/z99-165>
- Koch P.L.** Isotopic study of the biology of modern and fossil vertebrates // *Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science* / eds. R.H. Michener, K. Lajtha. – Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2007. – P. 99–154.
- Longin K.** New method of collagen extraction for radiocarbon dating // *Nature*. – 1971. – Vol. 230. – P. 241–242.

- Marshall J.D., Brooks J.R., Lajtha K.** Sources of variation in the stable isotopic composition of plants // *Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science* / eds. R.H. Michener, K. Lajtha. – Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2007. – P. 22–60.
- Martínez del Río C., Wolf N., Carleton S.A., Gannes L.Z.** Isotopic ecology ten years after a call for more laboratory experiments. // *Biol. Rev.* – 2009. – Vol. 84, N 1. – P. 91–111. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-185X.2008.00064.x>
- McRoy C.P., Gradinger R., Springer A.M., Bluhm B., Iverson S.J., Budge S.** Stable isotopes reveal food web shifts due to arctic sea ice decline // *Eos Trans. AGU.* – 2004. – Vol. 85, N 17. – abstract#B34A-05. – URL: <http://abstractsearch.agu.org/meetings/2004/SM/sections/B/sessions/B34A/abstracts/B34A-05.html>
- Minagawa M., Wada E.** Stepwise enrichment of ^{15}N along food chains: Further evidence and the relation between $\delta^{15}\text{N}$ and animal age // *Geochimica et Cosmochimica Acta.* – 1984. – Vol. 48. – P. 1135–1140. – URL: [http://dx.doi.org/10.1016/0016-7037\(84\)90204-7](http://dx.doi.org/10.1016/0016-7037(84)90204-7)
- Misarti N., Finney B., Maschner H., Wooller M.J.** Changes in northeast Pacific marine ecosystems over the last 4500 years: evidence from stable isotope analysis of bone collagen from archeological middens // *The Holocene.* – 2009. – Vol. 19. – P. 1139–1151. – URL: <http://dx.doi.org/10.1177/0959683609345075>
- Mizutani H., Kabaya Y., Wada E.** Nitrogen and carbon isotope compositions relate linearly in cormorant tissues and its diet // *Isotopenpraxis Isotopes in Environmental and Health Studies.* – 1991. – Vol. 27, N 4. – P. 166–168. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10256019108622500>
- Nagai T., Suzuki N.** Preparation and characterization of several fish bone collagens // *J. of Food Biochemistry.* – 2000. – Vol. 24. – P. 427–436. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-4514.2000.tb00711.x>
- Newsome S.D., Clementz M.T., Koch P.L.** Using stable isotope biogeochemistry to study marine mammal ecology // *Marine Mammal Sci.* – 2010. – Vol. 26, N 3. – P. 509–572. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1748-7692.2009.00354.x>
- Newsome S.D., Etnier M.A., Kurle C.M., Wald-bauer J.R., Chamberlain C.P., Koch P.L.** Historic decline in primary productivity in western Gulf of Alaska and eastern Bering Sea: isotopic analysis of northern fur seal teeth // *Marine Ecol. Progress Ser.* – 2007. – Vol. 332. – P. 211–224. – URL: <http://dx.doi.org/10.3354/meps332211>
- Newsome S.D., Etnier M.A., Monson D.H., Fogel M.L.** Retrospective characterization of ontogenetic shifts in killer whale diets via $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ analysis of teeth // *Marine Ecol. Progress Ser.* – 2009. – Vol. 374. – P. 229–242. – URL: <http://dx.doi.org/10.3354/meps07747>
- Newsome S.D., Koch P.L., Etnier M.A., Auriolles-Gamboa D.** Using carbon and nitrogen isotope values to investigate maternal strategies in northeast Pacific otariids // *Marine Mammal Sci.* – 2006. – Vol. 22, N 3. – P. 556–572. – URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1748-7692.2006.00043.x>
- O'Leary M.H.** Carbon isotopes in photosynthesis // *Bioscience.* – 1988. – Vol. 38. – P. 328–336.
- Park R., Epstein S.** Carbon isotope fractionation during photosynthesis // *Geochimica et Cosmochimica Acta.* – 1960. – Vol. 21. – P. 110–126.
- Pearson S.F., Levey D.J., Greenberg C.H., Martínez del Río C.M.** Effects of elemental composition on the incorporation of dietary nitrogen and carbon isotopic signatures in an omnivorous songbird // *Oecologia.* – 2003. – Vol. 135, N 4. – P. 516–523. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s00442-003-1221-8>
- Petersen M.R.** Observations of emperor geese feeding at Nelson Lagoon, Alaska // *Condor.* – 1983. – Vol. 85. – P. 367–368.
- Peterson B.J., Fry B.** *Stable Isotopes in Ecosystem Studies* // *Annual Rev. of Ecol. Systems.* – 1987. – Vol. 18. – P. 293–320.
- Post D.M.** Using stable isotopes to estimate trophic position: models, methods, and assumptions // *Ecology.* – 2002. – Vol. 83, N 3. – P. 703–718. – URL: [http://dx.doi.org/10.1890/0012-9658\(2002\)083\[0703:USITET\]2.0.CO;2](http://dx.doi.org/10.1890/0012-9658(2002)083[0703:USITET]2.0.CO;2)
- Rau G.H., Mearns A.J., Young D.R., Olson R.J., Schafer H.A., Kaplan I.R.** Animal $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ correlates with trophic level in pelagic food webs // *Ecology.* – 1983. – Vol. 64. – P. 1314–1318.
- Reitz E.J.** *Archaeozoology* // *Encyclopedia of Archaeology* / ed. D.M. Pearsall. – San Diego: Elsevier/Academic Press, 2008. – P. 501–508.
- Reitz E.J., Wing E.S.** *Zooarchaeology.* – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2008. – 533 p.
- Robbins C.T., Felicetti L.A., Sponheimer M.** The effects dietary protein quality on nitrogen isotope discrimination in mammals and birds // *Oecologia.* – 2005. – Vol. 144. – P. 534–540. – URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s00442-005-0021-8>
- Schell D.M., Barnett B.A., Vinette K.A.** Carbon and nitrogen isotope ratios in zooplankton of the Bering, Chukchi and Beaufort seas // *Marine Ecol. Progress Ser.* – 1998. – Vol. 162. – P. 11–23. – URL: <http://dx.doi.org/10.3354/meps162011>
- Schoeninger M.J., DeNiro M.J.** Nitrogen and carbon isotopic composition of bone collagen from marine and terrestrial animals // *Geochimica et Cosmochimica Acta.* – 1984. – Vol. 48. – P. 625–639.
- Sigman D.M., Kash K.L., Casciotti K.L.** Ocean process tracers: nitrogen isotopes in the ocean // *Encyclopedia of Ocean Science* / eds. J.H. Steele, K.K. Turekian, S.A. Thorpe. – Amsterdam: Elsevier, 2009. – P. 4138–4153.
- Stevens R.E., Jacobi R., Street M., Germonpre M., Conard N.J., Munzel S.C., Hedges R.E.M.** Nitrogen isotope analyses of reindeer (*Rangifer tarandus*), 45,000 BP to 9,000 BP: Palaeoenvironmental reconstructions // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology.* – 2008. – Vol. 262, N 1/2. – P. 32–45. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.palaeo.2008.01.019>
- Sulzman E.W.** *Stable isotope chemistry and measurement: a primer* // *Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science* / eds. R.H. Michener, K. Lajtha. – Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing Ltd, 2007. – P. 1–21.
- Szpak P., Orchard T.J., McKechnie I., Gröcke D.R.** Historical ecology of late Holocene sea otters (*Enhydra lutris*) from northern British Columbia: isotopic and zooarchaeological perspectives // *J. of Archaeol. Sci.* – 2012. – Vol. 39, N 5. – P. 1553–1571. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2011.12.006>
- Tieszen L.L., Boutton T.W., Tesdahl K.G., Slade N.A.** Fractionation and turnover of stable carbon isotopes in animal tissues: Implications for $\delta^{13}\text{C}$ analysis of diet // *Oecologia.* – 1983. – Vol. 57. – P. 32–37.

To the Chukchi peninsula and to the Tlingit Indians 1881/1982: journals and letters by Aurel and Arthur Krause / ed. by M.W. Falk. – Fairbanks: Univ. of Alaska Press, 1993. – 230 p. – (The Rasmuson Library Historical Translation Ser.; vol. III).

Wada E., Teragaki M., Kobaya Y., Nemoto T. ^{15}N and ^{13}C abundances in the Arctic Ocean with emphasis on the biogeochemical structure of the food web // *Deep-Sea Researches*. – 1987. – Vol. 34. – P. 829–841.

Whitmore F.C., Jr., Gard L.M., Jr. Steller's Sea Cow (*Hydrodamalis gigas*) of Late Pleistocene Age from Amchitka,

Aleutian Islands, Alaska // *Geol. Survey Professional Paper*. – 1977. – Vol. 1036. – P. 1–19.

Yakir D. The paper trail of the ^{13}C of atmospheric CO_2 since the industrial revolution period // *Environmental Research Letters*. – 2011. – Vol. 6, N 3. – Lett. 034007. – URL: <http://dx.doi.org/10.1088/1748-9326/6/3/034007>

Материал поступил в редколлегию 09.06.2014 г.

Ye.N. Gorlova, O.A. Krylovich, A.V. Tiunov, B.F. Khasanov, D.D. Vasyukov, A.B. Savinetskiy

A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS

Pr. Leninskiy, 33, Moscow, 119071, Russia

E-mail: gorlova.k@gmail.com

okrylovich@gmail.com

a_tiunov@mail.ru

bulatfk@gmail.com

tipa2128506@gmail.com

arkadybs@rambler.ru

ISOTOPIC ANALYSIS AS A METHOD OF TAXONOMIC IDENTIFICATION OF ARCHEOZOOLOGICAL MATERIALS

The article discusses the opportunities of carbon (ratio $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) and nitrogen (ratio $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) isotopic signature usage for taxonomic diagnostics of animal bone remains from archaeological sites and other ancient deposits. This work presents the world literature review, reveals the features of isotopic analysis in the context of vertebrate animal ecology and the methodological hardships at work with fossil material. The particular cases also show the successful usage of isotopic analysis for specimen identification of archeozoological remains, especially bones of brown and polar bears, large marine mammals and a few specimens of anseriformes.

Keywords: stable isotopes, animal bones, taxonomic diagnostics, archeozoology, Ursus, Hydrodamalis gigas.

Ю.Е. Березкин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия
E-mail: berezkin1@gmail.com, berezkin@kunstkameras.ru

СИБИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НА-ДЕНЕ*

Удалось выявить шесть фольклорных мотивов, общих для носителей языков на-дене в Северной Америке и народов Южной Сибири. В подобном сочетании данные мотивы больше нигде не встречаются. Проникновение на-дене в Америку связано с миграцией носителей дюктайской культуры; отсутствие параллелей фольклору на-дене на территории Якутии, Колымы, Чукотки и Камчатки закономерно – дюктайцы ушли на Аляску, а их наследие было стерто волнами нового населения. Фольклорные мотивы, общие для на-дене и народов Сибири, восходят к традициям южных соседей дюктайцев. На пространстве от Алтая до Забайкалья демографическая плотность была выше, чем на территории, лежащей севернее, поэтому остатки «палеолитического» фольклора могли сохраниться, несмотря на многократную смену языка.

Ключевые слова: заселение Америки, фольклор Сибири, фольклор индейцев Америки, дене-енисейская гипотеза, синокавказская гипотеза, атапаски, дюктайская культура.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.122–134

Введение:

дене-енисейская гипотеза и ее критика

Вопрос о происхождении языков на-дене входит в комплекс проблем, связанных с заселением Нового Света. Большинство представителей этой языковой семьи живут либо жили до недавних пор на территориях внутренних районов Аляски и Западной Канады [Краусс, 1980, р. 910]. В основном это атапаски. К семье на-дене относится также недавно вымерший язык эяк на юге Аляски и язык тлинкитов на побережье и островах Юго-Восточной Аляски. Э. Сэпир, первым описавший семью на-дене, включил в нее и язык хайда на о-вах Королевы Шарлотты. Статус хайда неясен, большая часть лингвистов доводы Сэпира отвергает [Campbell, 1997, р. 114–115; Foster, 1996, р. 76–77; Kari, Potter, 2010, р. 26].

*Работа поддержана грантом РФФИ 14-18-03384; благодарим Дж. Бенгтсона, Э. Вайду, Д.Н. Дувакина, И. Пейроса, Г.С. Старостина и М.П. Дьяконову за критические замечания и предоставленные материалы.

Считается, что атапаскские языки начали расходиться ок. 3 тыс. л.н., эяк отделился от протоатапаскского во II тыс. до н.э., тлинкитский разошелся с эяк-атапаскским тысячелетием раньше [Краусс 1981, с. 154–155; Campbell, 1997, р. 110; Foster, 1996, р. 76; Golla, 2007, р. 71–72; Краусс, 1973, р. 953; 1980, р. 951]. Дж. Кэри – один из ведущих специалистов в данной области – предположил, что по ряду причин атапаскские языки менялись медленнее других и появление протоатапаскского можно датировать чуть ли не финальным плейстоценом [Kari, 2010, р. 208–209]. Остальные лингвисты сомневаются в правоте Кэри, но важно другое: какие-то языки на-дене, чьи потомки не сохранились, на протяжении тысячелетий могли использоваться примерно на той же территории Субарктики, на которой бытовали северные атапаскские языки в недавнее время. Об этом свидетельствует отсутствие заметных изменений в археологических материалах Западной Субарктики эпохи голоцена. Следов доатапаскской топонимики на данной территории также не найдено [Boraas, 2007].

В 804 г. н.э. в результате взрывного извержения вулкана Черчилл на границе Аляски и Юкона значительная территория Западной Субарктики оказалась покрыта пеплом. Предполагается, что именно это событие вызвало миграцию атапасков на юг – в районы близ берега Тихого океана (Вашингтон, Орегон и север Калифорнии) и во внутриконтинентальные районы в направлении к американскому Юго-Западу [Gilmore, 2006, p. 2]. По современным данным, обе миграции происходили одновременно [Magne, Matson, 2010, p. 225], хотя ранее считалось, что продвижение в прибрежные районы началось раньше [Krauss, 1980, p. 919]. Небольшие тихоокеанские группы оказались в инокультурном окружении, и выявить в их фольклоре принесенные с севера элементы проблематично. Иная ситуация с южными атапасками – апачами и навахо. Около 500 л.н. их предки заняли те территории на американском Юго-Западе, которые после засухи XII–XV вв. почти обезлюдили. Результаты генетического анализа свидетельствуют о смешении южных атапасков с пуэбло [Cavalli-Sforza, Menozzi, Piazza, 1994, p. 323–324, figs. 6.9.2, 6.10.1, 6.10.2], а этнографического – о культурном влиянии пуэбло на атапасков, однако в фольклоре апачей и навахо легко выявляются традиции, принесенные из Канады [Tuhurst, 1975]. К южной ветви относится и язык тех атапасков, которые оказались на Великих Равнинах в симбиозе с кайова. Фольклор кайова-апа-

чей в основном отражает влияние соседних степных племен (рис. 1).

Языки на-дене занимают в Америке особое положение. Даже Дж. Гринберг, объединивший остальные индейские языки в одну суперсемью, оставил на-дене за ее пределами [Greenberg, Turner, Zegura, 1986]. И если для большинства других индейских языков гипотезы, касающиеся их родства с языками Евразии, высказывались редко, и к ним мало кто относился всерьез, то для семьи на-дене подобные сопоставления предлагались многими крупными лингвистами [Bengtson, Starostin, 2012, p. 1–3; Krauss, 1980, p. 963–964]. На-дене сопоставляли с теми семьями и языковыми изолятами Старого Света, которые С.А. Старостин объединил в рамках сино-кавказской макросемьи [1984], хотя сам изучением на-дене специально не занимался. В 2007 г. американский лингвист Э. Вайда привел доказательства близости к на-дене енисейской семьи, большинство языков которой, кроме кетского, вымерли [Vajda, 2010a, b]. Ранее к выводу о близости енисейцев и на-дене пришел М. Рулен, работавший по другой методике [Ruhlen, 1998]. Выводы Вайды вызвали большой резонанс среди американских лингвистов. На состоявшейся в 2009 г. конференции по проблеме связей енисейских и на-дене языков (Athabaskan/Dene Language Conference, Berkeley, California) дене-енисейская гипотеза была признана по сути доказанной.

Рис. 1. Ареалы енисейских и на-дене языков в Сибири и Америке (1–7), аналогий фольклору на-дене на юге Сибири (8).

1 – енисейские языки в XVII в. [Долгих, 1960, вкл. после с. 515]; 2 – эяк; 3 – тлинкитский; 4 – северные атапаскские; 5 – тихоокеанские атапаскские; 6 – южные атапаскские (апачские); 7 – кайова-апачский.

Вскоре после этого многие (хотя и не все) доводы, приведенные Вайдой в пользу родства енисейцев и на-дене, были отвергнуты Г.С. Старостиным. Он пришел к выводу, что енисейская ветвь хотя и является частью дене-кавказской макросемьи, но либо занимает в ней наиболее удаленное положение и противопоставлено остальным, либо сближается с сино-тибетскими, однако никак не с енисейскими языками [Starostin, 2012, p. 136–137; Bengtson, Starostin, 2012, p. 4–5]. С учетом вероятного времени миграции предков на-дене в Америку (финальный плейстоцен, о чем ниже) и наличия в ряде других сино-кавказских языков общей лексики, отражающей зарождение производящего хозяйства («собака», «свинья», «просо») [Ibid., p. 20–21], первое предположение исторически наиболее правдоподобно.

Организаторы конференции в Беркли надеялись, что археологи, генетики и фольклористы представят собственные данные, указывающие на древние контакты представителей рассматриваемых языковых семей. Однако специалисты по смежным дисциплинам такой поддержки лингвистам не оказали. Кеты в некоторых отношениях генетически близки к индейцам, но конкретных параллелей с на-дене у них нет [Scott, O'Rourke, 2010, p. 123–127]. Фольклорных мотивов, эксклюзивно связывающих кетов и на-дене, выявить также не удалось [Berezkin, 2010].

Южно-сибирские параллели в фольклоре на-дене

Отсутствие у кетов и атапасков черт близкого сходства в фольклоре не означает, однако, возможности отдаленного языкового родства между ними. Кеты лишь недавно продвинулись далеко на север, а енисейские языки ранее были распространены в более южных районах Сибири (рис. 1). Известный нам кетский фольклор близок к фольклору селькупов, ненцев и других народов Западной Сибири. Фольклор же енисейских народов, живших в предгорьях Саян и в междуречье Ангары и Енисея, безвозвратно утрачен. Если же особая близость енисейцев и на-дене в пределах дене-кавказской семьи иллюзорна (часть лингвистов сомневается даже в существовании самой этой семьи), то и поиски связей между носителями енисейских и на-дене языков, основанные на материалах других дисциплин, бессмысленны.

Важен другой аспект проблемы. Фольклор отдельных групп американских аборигенов нередко обнаруживает системные параллели с фольклором жителей определенных регионов Старого Света, например, обитателей Великих Равнин, алгонкинов, сэлишей, эскимосов и даже индейцев востока Южной Америки [Berezkin, 2003, 2005, 2010a, в; Berezkin,

2002; Yamada, 2009; и др.]. И только для языковой семьи, локализованной почти у самого Берингова пролива, евразийские фольклорные аналоги отсутствуют. Мы имеем в виду не совпадение отдельных мотивов (они есть между почти любыми парами фольклорных традиций) и не сходство групп мотивов в тех случаях, когда соответствующие тексты не специфичны для на-дене, а характерны для других языковых семей, в частности эскимоско-алеутской. Речь идет о комплексе элементов, специфичном именно для на-дене и определенного региона в пределах Старого Света.

Систематический анализ данных по фольклору Евразии позволил, наконец, обнаружить такие связи. Прослежено распространение шести мотивов, получивших в нашем электронном каталоге (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>) номера H23 («жирные рога»), B50 («ложь кровососа»), I6 («птицы, несущие бурю»), K27уу («за птицей на дерево»), K27р1 («антагонист в облике зверя») и L99 («принеси шампур!»). Все они связывают на-дене с территориями от Алтая до Прибайкалья. В Евразии у некоторых мотивов есть далекий западный «шлейф» (вплоть до Атлантики), который нас сейчас не интересует, важно, что эти мотивы представлены на юге Сибири, причем именно южно-сибирские варианты более всего напоминают индейские.

Начнем с мотива H23: съедобный объект, содержащий жир или костный мозг, стал несъедобным (рис. 2). На американском Юго-Западе мотив отмечен у навахо [Haile, 1984, p. 78–81; Matthews, 1994, p. 96–97; O'Bryan, 1956, p. 40–44], западных апачей [Goddard, 1919, p. 138; Goodwin, 1994, p. 173, 175–176], а также у хопи [Wallis, 1936, p. 43], которые атапаскам не родственны, но на протяжении 500 лет находятся с ними в контакте. Во всех случаях говорится о том, как охотник на горных баранов решил оставить себе рога, содержавшие костный мозг. Койот, чьи надежды получить лакомство не оправдались, сделал рога костяными. В Субарктике параллель этому мотиву есть в мифе каска Юкона, в фольклоре которых вообще полнее всего представлены мотивы, связывающие северных атапасков с южными. В варианте каска две сестры становятся женами сверхъестественного охотника, главная пища которого – состоящие из жира рога диких баранов. Теща жадно ест этот жир и умирает [Teit, 1917, p. 466–467]. Согласно мифу атапасков коюкон на северо-западе Аляски, из жира состояли не бараньи рога, а древесные грибы на березе. Ворон решил, что люди, имея столь богатый источник пищи, перестанут работать, и сделал березовый гриб несъедобным [Nelson, 1983, p. 56]. В кетском варианте вместо ворона действует персонаж по имени Kalmisim. Чтобы жизнь людей не стала чересчур беззаботной, он сделал напоминав-

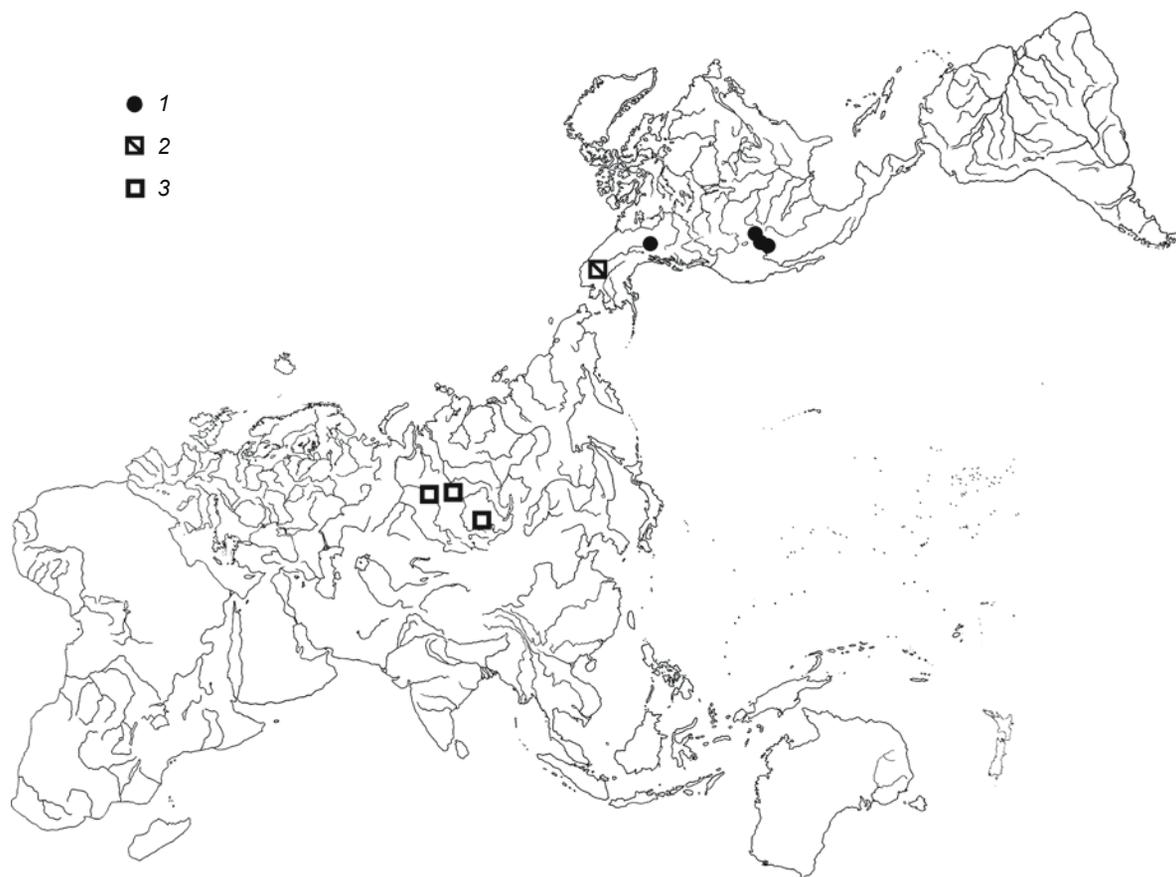

Рис. 2. Ареалы мотива «жирные рога» (H23).

1 – рога горных баранов были наполнены костным мозгом, вкусны и питательны; 2 – древесные грибы состояли из жира; 3 – сердцевина стволов деревьев была как жир или костный мозг.

шую костный мозг сердцевину древесных стволов жесткой и несъедобной [Donner, 1933, p. 92]. Тот же мотив есть у хантов: некий персонаж хотел внести в деревья съедобную сердцевину и сделать древесные грибы пригодными в пищу [Карьялайнен, 1995, с. 279]. В саянском варианте, записанном у тофаларов [Рассадин, 1996, с. 18], женщина, запачкавшая одежду при извлечении жира из стволов, стала сердиться. За это бурхан сделал деревья несъедобными, поместив весь жир в кедровые шишки.

Сходство сибирских вариантов с вариантом коюкон столь же несомненно, как и сходство вариантов южных атапасков и записанных у каска. В мифах достаточно близко родственных по языку каска и коюкон меньше общих деталей, но основной мотив одинаков – ныне жесткий и несъедобный объект был жирным и вкусным. Следует подчеркнуть, что речь не идет о любых представлениях об утраченном изобилии – они встречаются по всему миру. В определенных регионах эти представления отражены, однако, в конкретных сюжетах, которые регионально всегда специфичны [Березкин, 2013, с. 120–126]. Вариант со съедобными рогами, грибами и древеси-

ной характерен только для на-дене, тофаларов, кетов и хантов. Поскольку данных мотивов у манси и других финно-угров нет, можно предположить, что они попали в северные районы Сибири из Саяно-Алтайского региона.

Тексты с мотивом B50 повествуют о том, как опасный персонаж хочет узнать у насекомого-кровососа, где оно напилось крови или чья кровь или плоть вкуснее. Насекомое намеренно лжет либо другой персонаж не дает ему сказать правду (вырывает язык). Поэтому опасный персонаж выбирает объектом своей агрессии не людей, а животных или растения (рис. 3).

В Америке мотив «ложь кровососа» зафиксирован не только у на-дене, однако версии на-дене (танайна, талтан и эяк) наиболее разнообразны. В мифе аляскинских танайна герой попадает к людям, которые варят кровь, и говорит дятлу, что это пихтовый сок. Если бы герой сказал правду, дятлы долбили бы не деревья, а людей [Tenenbaum, 1984, p. 73–75]. В варианте талтан комар лжет древоточцу, будто напился крови деревьев, по этой причине древоточцы питаются древесиной, а не человеческой плотью [Teit, 1919, p. 243].

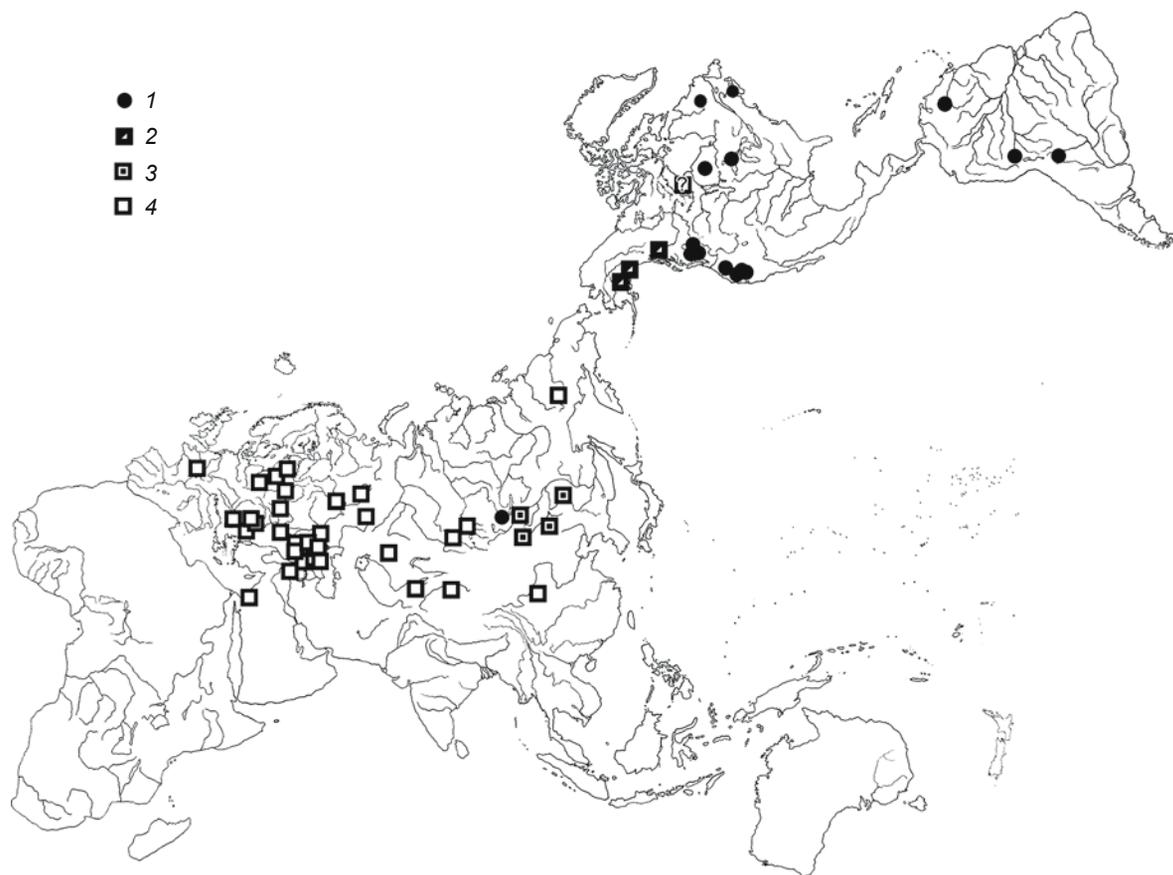

Рис. 3. Ареалы мотива «ложь кровососа» (B50).

1 – гром спрашивает комара, тот намеренно лжет либо не может ответить (у матако комар лжет грому, но не для того, чтобы отвести от людей угрозу); 2 – другие протагонисты, персонаж намеренно лжет, чтобы отвести от людей угрозу; 3 – комара расспрашивает царь птиц, тот не может ответить; 4 – комара расспрашивает змей, черт или иной персонаж, тот не может ответить или лжет не для того, чтобы отвести от людей угрозу (у кри – европейское заимствование).

В варианте эяк комары сказали водяному жуку, что насытились не человеческой кровью, а черной землей, поэтому жуки, которые крупнее комаров, для людей безвредны [Johnson, 1988, p. 70].

Все остальные американские версии стандартны и, вероятно, восходят к единственному прототипу, вследствие чего их обилие не свидетельствует против первоначальной связи мотива с на-дене. Во всех случаях гром спрашивает комара, где тот напился крови. Комар указывает на деревья, а не на людей, поэтому люди во время грозы гибнут редко. Подобные тексты записаны у сэлишей севера Колумбийского плато (томпсон, лиллуэт и шусвап) [Teit, 1898, p. 56; 1909, p. 709; 1912, p. 311–312], у живущих южнее калапуя, чей язык предположительно относится к макросемье пенути [Jacobs, 1945, p. 132], а также у некоторых пенути и хока на севере Калифорнии, включая шаста, винту и майду [Curtis, 1976, vol. 13, p. 206; 1976, vol. 14, p. 176; Dixon, 1912, p. 151–173; DuBois, Demetracopoulou, 1931, p. 393; Shipley, 1991, p. 161–167]. Аналогичные алгонкинские варианты

(северные оджибва, чиппева, наскапи, микмак, кри Северной Манитобы [Barnouw, 1977, p. 158; Clay, 1978, p. 81–84; Millman, 1993, p. 100; Parsons, 1925, p. 84–85; Ray, Stevens, 1971, p. 92; Whitehead, 1988, p. 158–159]) почти наверняка восходят к версии, появившейся благодаря миграции протоалгонкинов с Колумбийского плато на восток Северной Америки [Березкин 2010а, с. 34–36]. При этом у кри на местный вариант наложился европейский, принесенный на территорию Канады французскими или другими переселенцами. В Южной Америке миф о громе и комаре есть у венесуэльских ярупо [Wilbert, Simoneau, 1990, p. 82], перуанских харакмбет [Califano, 1995, p. 186] и в неполном виде у аргентинских матако [Metraux, 1935, p. 141].

Наиболее близкая американским версиям евразийская параллель зафиксирована у бурят [Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, с. 80]. Громовержец посылает осу узнать, в кого бить молнией, и та летит сообщить, что бить следует в человека. Ласточка отрывает осе язык и объясняет громовержцу, что самое

вкусное – это сок лиственниц, в них и надо метать молнии. В других версиях, записанных среди монголоязычных народов (кроме калмыков), речь идет не о громовержце, а о царе птиц [Беннингсен, 1912, с. 21; Попов, Басангов, 1936, с. 31–32; Потанин, 1881, с. 159; Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, с. 78–79; Stuart, Xuewei, Shelear, 1994, p. 83; Taube, 2004, S. 21–22]. Его имя обычно восходит к индийской Гаруде, но нельзя исключать, что в данном контексте этот образ имеет отношение к громовой птице североамериканских индейцев. В остальных версиях, известных вплоть до Франции и Передней Азии, антагонистом является змей, черт и т.п., а мнимый «деликатес» либо вообще не назван, либо это змеи, лягушки, мыши. Западно-евразийские версии часто связаны с историей Ноева ковчега и, скорее всего, распространились недавно. Эвенская версия, территориально ближайшая к Аляске, имеет южное происхождение – в ней действуют те же змея, комар и ласточка, что в казахских или дунганской версиях [Роббек, 2005, с. 190].

Мотивы I6 и K27уу касаются темы трудных задач, которые злой тесть предлагает герою, и нередко

соединены в одном тексте. В повествованиях с мотивом I6 герой встречает могучих птиц, которые мыслятся воплощением погодных явлений и несут с собой снег, ветер, град и т.п. (рис. 4). В американских вариантах самец и самка противопоставлены друг другу как несущие разные виды осадков (ливень и мелкий дождик, дождь и град и т.п.). В Старом Свете то же противопоставление есть у челканцев Алтая [Кандаракова, 1988, с. 44–72]. В остальных евразийских вариантах, записанных от Маньчжурии до Северного Кавказа, речь идет о единственной птице-самке. В Америке мотив в основном зафиксирован у на-дены, в т.ч. у тлинкитов [Swanton, 1909, p. 97], северных атапасков (коюкон, танана, кучин, верхние танана, тагиш, южные тутчони, каска, бивер, хэа, слевы, чипевайян, йеллоунайф [Charman, 1914, p. 101–102; Goddard, 1912, p. 46–49; 1916, p. 232–237; Jetté, 1909, p. 498; Lowie, 1912, p. 189–193; McClelland, 2007, p. 68–71; McGary, 1984, p. 412–415; McKennan, 1959, p. 179–180; 1965, p. 101–103; Moore, Wheelock, 1990, p. 43–48; Norman, 1990, p. 111–113; Peter, Pope, 1976, p. 5–9; Petitot, 1886, p. 141–144, 321–327, 352–361; Schmitter, 1910, p. 21–23; Teit,

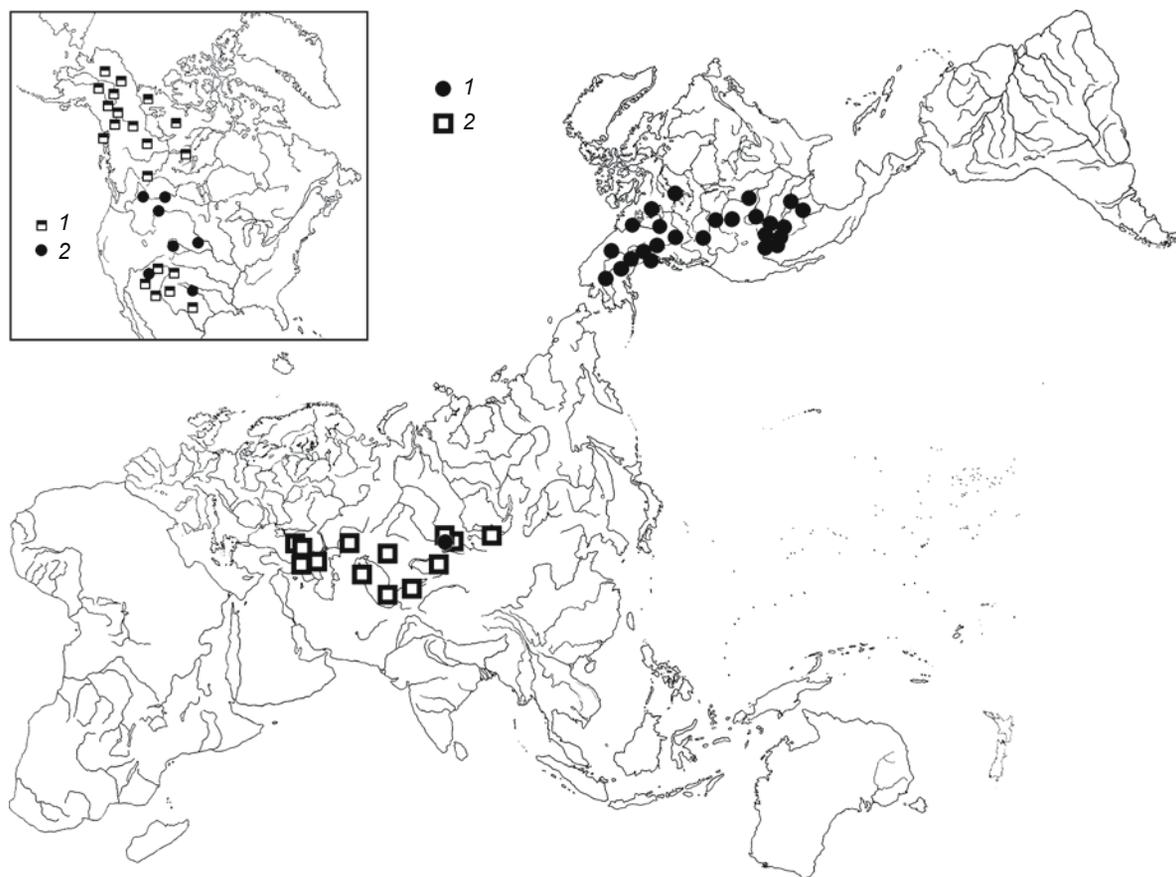

Рис. 4. Ареалы мотива «птицы, несущие бурю» (I6).

1 – самец и самка приносят разные виды осадков (ливень и слабый дождь, дождь и град, и т.п.); 2 – упоминается только самка, несущая дождь, град и т.п. На врезке: 1 – на-дены (атапаски и тлинкиты); 2 – прочие группы.

Рис. 5. Ареалы мотива «за птицей на дерево» (K27yy).

1917, p. 435–441; Workman, 2000, p. 91–100; Wright, 1908]) и южных атапасков (липан, чирикаау, хикарилья, западные апачи, мескалеро, навахо [Goddard, 1918, p. 7–19; 1919, p. 132–135; Goodwin, 1994, p. 12–16; Hoijer, 1938, p. 5–13, 183–188; Matthews, 1994, p. 116–121; Mooney, 1898, p. 200–209; O’Byryan, 1956, p. 87–92; Opler, 1938, p. 57–77; 1940, p. 19–21; 1942, p. 3–13; Russel, 1898, p. 255–258]). Остальные группы индейцев, знакомые с данным мотивом, включая кутенэ, гровантр, кроу, омаха и понка, арапахо, вичита и хопи, скорее всего, контактировали с атапасками после начала их продвижения с территории Канады на юг [Cooper, 1975, p. 482–487; Dorsey G.A., 1904, p. 122–123; Dorsey J.O., 1890, p. 30; Dorsey G.A., Kroeber, 1903, p. 346, 353, 364–368, 381–384; Kroeber, 1907, p. 82–90; Linderman, 1997, p. 90–107; Lowie, 1918, p. 144–148; Stephens, 1929, p. 17–18].

В повествованиях с мотивом K27yy герой, по приказу тестя либо по собственной инициативе, должен достать перо, птенца, кору, плод и т.п. и для этого отправиться к дереву или скале, где его поджидает опасность (рис. 5). В Старом Свете этот мотив представлен лишь на юге Сибири у челканцев, алтайцев и бурят [Дугаров, 1990, с. 223–244; Кандаракова,

1988, с. 44–72; Садалова, 2002, с. 173–201]. В Новом Свете он характерен прежде всего для северных атапасков – верхних танана, кучин, тагиш, внутренних тлинкитов, каска, бивер и слевы [Goddard, 1916, p. 232–237; McClelland, 2007, p. 653–661; McKennan, 1959, p. 179–182; 1965, p. 100–103; Mishler, 2004, p. 147–151; Moore, Wheelock, 1990, p. 43–48; Norman, 1990, p. 109–113; Petitot, 1886, p. 321–327; Schmitter, 1910, p. 21–23; Teit, 1917, p. 435–441]). На американском континенте мотив встречается и за пределами Субарктики, но единственная языковая семья, с которой он связан систематически, это на-дене. Наличие южно-американских версий – довод в пользу того, что мотив проник в Новый Свет в то время, когда миграции из Северной Америки в Южную еще не закончились.

Следующий мотив рассматриваемой группы – «антагонист в облике зверя» (рис. 6). Персонаж, дающий герою трудные поручения, велит убить или укротить опасное животное либо не убивать определенное животное во время охоты. Герой вовремя узнает, что это животное – сам антагонист либо его дочь или жена. В Новом Свете мотив известен почти исключительно северным атапаскам (медведица –

Рис. 6. Ареалы мотива «антагонист в облике зверя» (K27p1).
 Антагонист превращается: 1 – в медведя; 2 – в дикое копытное животное; 3 – в жеребца.

дочь противника). Такие тексты записаны у кучин, атна, хан, верхних танана, тагиш, южных тутчони, талтан, бивер, слев и чилкотин [Farrand, 1900, p. 24–26; Goddard, 1916, p. 232–237; McClelland, 2007, p. 72–77, 369–372; McKennan, 1959, p. 179–182; 1965, p. 100–103; Mishler, 2004, p. 147–151; Petitot, 1886, p. 321–327; Schmitter, 1910, p. 21–23; Tansy, [s.a.], p. 8–14; Teit, 1921, p. 235–236]. Несколько записей сделано в пределах Колумбийского плато и прилегающей части тихоокеанского побережья у элишей (оканагон, коулиц [Adamson, 1934, p. 209–211, 214–215, 225–216; Hill-Tout, 1911, p. 150–152]) и пенути (кус, модок [Curtin, 1912, p. 359–365; Jacobs, 1940, p. 214–221]). В последнем случае антагонист или его сын превращаются не в медведя, а в лося или оленя. В Евразии близкие параллели зафиксированы у бурят (противник, ставший медведем [Баранникова и др., 1993, с. 117–141]), менее близкие – у нанайцев (противник, ставший трехногой косулей [Аврорин, 1986, с. 206–208]). В европейских версиях речь идет не об охоте на диких зверей, а об укрощении жеребца, облик которого принимает антагонист.

Мотив «принеси шампур!» (L99) не имеет столь же четкой привязки к на-дене, как предыдущие, но тоже связывает внутренние районы Аляски с Южной Сибирью (рис. 7). Среди северных атапасков мотив зафиксирован у коюкон и кучин [Camsell, 1915, p. 256–257; Wright, 1908]. Его отсутствие у апачей и навахо, продвижение которых на юг началось не с запада Аляски, а с Юкона, не удивительно. Мотив популярен у алгонкинов (оджибва, степные оджибва и кри, кри Северной Манитобы, малесит, сарси [Ahenakew, 1929, p. 352–353; Brightman, 1989, p. 30–31, 40–45; Clay, 1978, p. 64–67; Dzana-gu, 1921, p. 12; Josselin de Jong, 1913, S. 16–18; Linderman, 1920, p. 59–68; Mechling, 1914, p. 59–62; Skinner, 1916, p. 350; 1919, p. 290]) и известен также сиуязычным ассинибойн [Lowie, 1909, p. 128–129], чей фольклор алгонкинскому вообще близок. Многочисленные эксклюзивные фольклорные параллели между алгонкинами и народами Западной Аляски и Чукотки [Березкин, 2010а, с. 54–64] отражают ход миграции предков носителей этих языков из Берингоморья вглубь Северной Америки. В данном случае атапаскские и алгонкинские варианты также очень похожи.

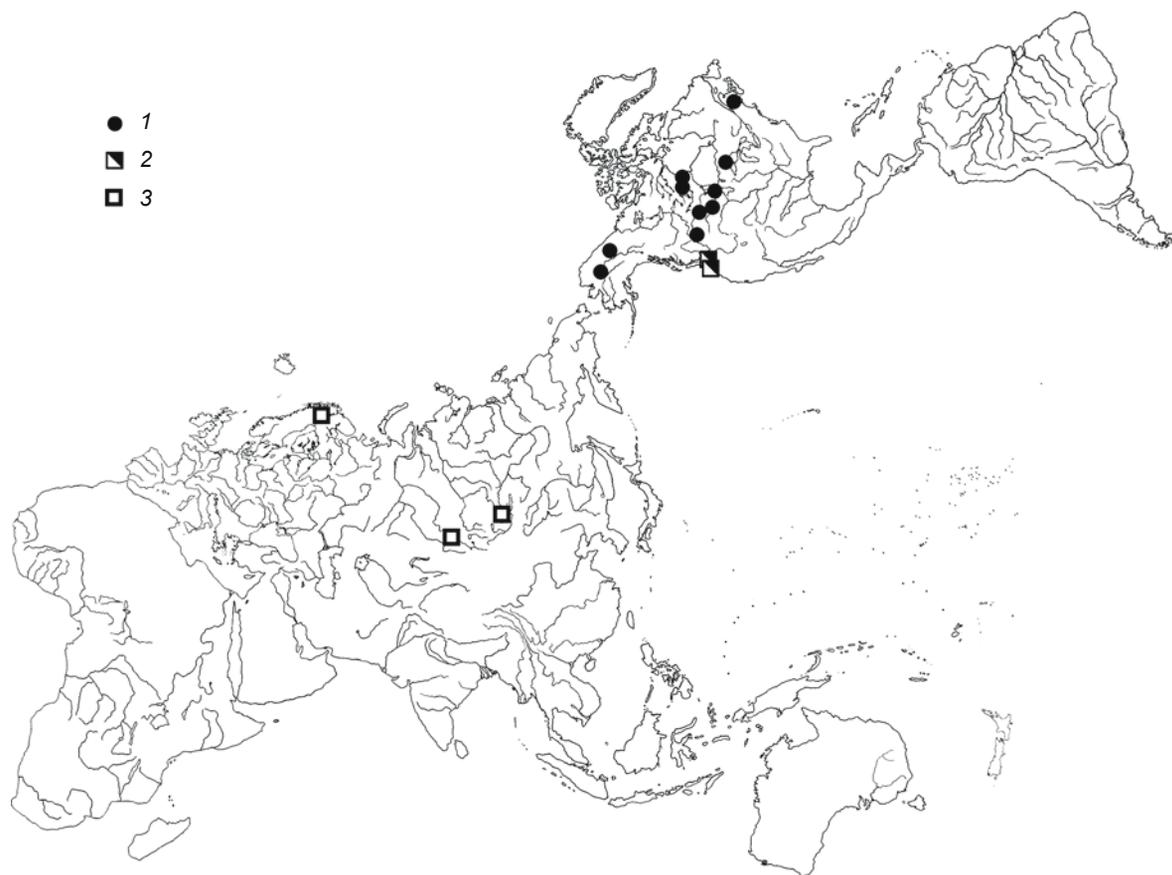

Рис. 7. Ареалы мотива «принеси шампур!» (L99).

1 – герою помогает ласка, горностай или куница-рыболов; 2 – герой – журавль, который то выпрямляет шею, то сгибает ее, мешая людоедке выбрать подходящий шампур; 3 – прочие варианты.

Если все американские версии восходят к общему прототипу, то он должен был быть принесен в Новый Свет до того, как предки алгонкинов ушли с Аляски, поскольку версии элишей и чинук [Adamson, 1934, p. 143–144; Voas, 1894, p. 110–111], равно как алтайская, бурятская и саамская [Дугаров, 1990, с. 282–291; Кандаракова, 1988, с. 125–127; Læstadius, 2002, p. 241–242], содержат другие подробности и должны были разойтись с алгонкинскими и атапаскскими раньше, чем те отделились друг от друга.

Обсуждение и выводы

Археологи появление на-дене в Америке чаще всего связывают с индустрией денали, которая характеризуется микролитической техникой, основанной на клиновидных ядрищах, и восходит к дюктайской культуре Северо-Восточной Азии [Васильев, 2004, с. 112; Foster, 1996, p. 77; Potter, 2010, p. 155–156]. Калиброванные даты позволяют относить начало денали ко второй половине XIII тыс. до н.э. [Васильев, 2004, с. 112; Holmes, 2011], а поздний этап этой тра-

диции связывать с голоценом. В конце V тыс. до н.э. на Аляске появляется арктическая традиция малых орудий (AST), также имеющая, по общему мнению, сибирские корни. Ее создатели принесли в Америку лук и стрелы. В начале III тыс. до н.э. AST достигает Гренландии [Anderson, 2011, p. 6]. Других свидетельств контактов между Сибирью и Аляской в конце плейстоцена – среднем голоцене не обнаружено. Обычно AST связывают с появлением в Америке культур палеоэскимосского типа (индепенденс-1 и саккак в Гренландии), и уже поэтому ассоциация с на-дене более ранних комплексов Аляски выглядит правдоподобнее, чем их ассоциация с AST. Гипотеза раннего проникновения на-дене в Новый Свет подтверждается, кстати, и наличием мотивов «ложь кровососа» и «за птицей на дереве» в Южной Америке. Если бы на-дене были связаны с AST и проникли на Аляску 6 тыс. л.н., как это допускает Д. Дюмонд [Dumond, 2010], южно-американские параллели для соответствующих аляскинских повествований выглядели бы загадочно. В пользу ассоциации на-дене с денали свидетельствует и ареальная корреляция денали с языками на-дене: соответствующая тради-

ция не распространилась в Америке далее Западной Субарктики. Никакие другие археологические материалы подобной корреляции не дают.

Дюктайская традиция не достигла Саяно-Алтайского региона, в фольклоре на-дене нет значимых параллелей с фольклором обитателей Якутии, Забайкалья, Колымы, Чукотки и Камчатки (Ушки VI), где выявлены дюктайские и близкие к ним памятники. Этот факт не противоречит приведенным данным. Если носители дюктайской культуры ушли в Америку, то подобных параллелей и не должно быть. В голоцене на северо-востоке Сибири сменилось несколько культурных традиций, связанных с приходом нового населения – от создателей сумнагинской культуры до тунгусов и якутов. С учетом низкой демографической плотности на Азиатском Северо-Востоке надеяться на сохранение здесь элементов культуры тех охотников-собирателей, которые осваивали регион после ледникового максимума, не приходится. Однако отдельные параллели фольклору на-дене вполне ожидаемы за южной границей ареала дюктайской культуры, где плотность населения всегда была выше и соответствующие традиции могли сохраниться у тех групп, которые контактировали с дюктайцами.

Вопрос о том, на каком языке говорили эти люди, не находится в компетенции археологов и фольклористов. Стоит лишь отметить, что если 15 тыс. л.н. обитатели Саяно-Алтая говорили на «дене-кавказских» языках (что исторически допустимо), то это не могли быть собственно енисейские языки уже потому, что те вряд ли столь рано оформились в особую ветвь. Наши материалы не свидетельствуют и о специфических связях на-дене с сино-тибетцами: соответствующих мотивов в фольклоре сино-тибетских народов пока не обнаружено.

Фольклор на-дене очень своеобразен. Он находит параллели в фольклоре обитателей Южной Сибири и в определенной степени близок к фольклору эскимосов, а кроме того, включает группу мотивов, связанных с объяснением смертной природы людей. Данные мотивы находят соответствия в Южной Америке, Меланезии, Австралии и в Африке южнее Сахары, где они могли появиться десятки тысяч лет назад [Березкин, 2010б; 2013, с. 31–57; Березкин, Боринская, 2014]. Элементы, унаследованные от живших в Азии языковых предков, в культуре исторических на-дене явно соединены с другими, принесенными в Новый Свет в разное время. Поскольку пути всех мигрантов проходили через Аляску, местная фольклорная традиция не может не содержать разновременных наслоений. Но в фольклоре и мифологии атапасков есть и такие мотивы, которые больше вообще нигде не встречаются, и это довод в пользу длительной изоляции.

Наши данные свидетельствуют о том, что какие-то группы людей, чье культурное наследие сохранилось у на-дене, контактировали с населением Южной Сибири. Область от Алтая до Прибайкалья, где сосредоточено большинство параллелей фольклору на-дене, не содержит систематических параллелей ни с одним другим ареальным комплексом мотивов, характерным для Нового Света. Такие параллели сконцентрированы либо в более северных областях Западной и Восточной Сибири, либо в более южных степных районах. Другие же, помимо рассмотренного, комплексы мотивов, содержащиеся в фольклоре тлинкитов, эяк и атапасков, систематических параллелей с фольклором отдельных регионов Евразии не несут.

Список литературы

- Аврорин В.А.** Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л.: Наука, 1986. – 256 с.
- Баранникова Е.В., Бардаханова С.С., Гунгарова.** Бурятские волшебные сказки. – Новосибирск: Наука, 1993. – 341 с.
- Беннингсен А.П.** Легенды и сказки Центральной Азии. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1912. – 168 с.
- Березкин Ю.Е.** Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 94–105.
- Березкин Ю.Е.** Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 141–150.
- Березкин Ю.Е.** Из мифологии алгонкинов и атапасков // Открытие Америки продолжается. – СПб.: МАЭ РАН, 2010а. – Вып. 4. – С. 6–96.
- Березкин Ю.Е.** Мифологические объяснения смертности человека и проблема происхождения на-дене // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. – СПб.: МАЭ РАН, 2010б. – С. 7–50.
- Березкин Ю.Е.** Кадык в культурном пространстве Северной Пацифики // Эскимосы алютинки: (Каталог коллекций Кунсткамеры). – СПб.: Наука, 2010в. – С. 421–450.
- Березкин Ю.Е.** Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 319 с.
- Березкин Ю.Е., Боринская С.А.** О чем говорили наши далекие предки // Природа. – 2014. – № 12. – С. 48–54.
- Васильев С.А.** Древнейшие культуры Северной Америки. – СПб.: ИИМК РАН, 2004. – 144 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Дугаров Б.** Бурятские народные сказки. – М.: Современник, 1990. – 383 с.
- Кандаракова Е.П.** Алтайский фольклор. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. – 216 с.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 284 с.
- Краусс М.Э.** Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Се-

- верной Сибири и Северной Америки. – М.: Наука, 1981. – С. 149–181.
- Попов Н., Басангов Б.** Казахские и ойротские сказки. – М.: Гос. изд-во по вопр. радио, 1936. – 46 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киришбаума], 1881. – Вып. II. – 181 с.
- Рассадин В.И.** Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. – Иркутск: Комитет по культуре Иркут. обл. администрации, 1996. – 249 с.
- Роббек В.А.** Фольклор эвенов Березовки. – Якутск: СО РАН, 2005. – 362 с.
- Садалова Т.М.** Алтайские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 2002. – 454 с.
- Старостин С.А.** Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М.: Ин-т востоковед. АН СССР, 1984. – Ч. 4. – С. 19–38.
- Тугутов И.Е., Тугутов А.И.** Небесная дева лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 368 с.
- Adamson T.** Folk Tales of the Coast Salish. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1934. – 430 p.
- Ahenakew E.** Cree trickster tales // J. of Am. Folklore. – 1929. – Vol. 42. – P. 309–353.
- Anderson J.** From Alaska to Greenland: A comparison of the Arctic Small Tool and Thule Traditions // Totem: The Univ. of Western Ontario J. of Anthropol. – 2011. – Vol. 12, iss. 1. – P. 6–15.
- Barnouw V.** Wisconsin Chippewa Myths and Tales. – Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1977. – 295 p.
- Bengtson J., Starostin G.** The DeneSinoCaucasian hypothesis: state of the art and perspectives. – 2012. – Ms.
- Berezkin Y.E.** Review of “Thomas A. Gregor & Donald Tuzin, eds. Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. 392 p.” // Latin Am. Indian Literatures J. – 2002. – Vol. 18, N 1. – P. 84–91.
- Berezkin Y.E.** Selecting separate episodes of the peopling of the New World: Beringian–Subarctic–Eastern North American folklore links // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 257–276.
- Boas F.** Chinook Texts. – Wash.: Smithsonian Inst., 1894. – 278 p.
- Boraas A.** Dena’ina origins and prehistory // Nanutset ch’u Q’udi Gu. Before Our Time and Now. An Ethnohistory of Lake Clark National Park & Preserve. – Anchorage: Lake Clark National Park & Preserve, 2007. – P. 31–40.
- Brightman R.A.** Ācaōh̄k̄iwinā and Ācimōwinā. Traditional Narratives of the Rock Cree Indians. – Hull (Quebec): Canadian Museum of Civilization, 1989. – 223 p.
- Califano M.** La concepción del mundo entre los *Huachipaire* (Harakmbet). El *KÜREDN-NDÁRI* (cielo) // Scripta ethnologica. – 1995. – Vol. 17. – P. 181–190.
- Campbell L.** American Indian Languages. – N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. – 512 p.
- Camsell C.** Loucheux myths // J. of Am. Folklore. – 1915. – Vol. 28. – P. 249–257.
- Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A.** The History and Geography of Human Genes. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. – 1088 p.
- Chapman J.W.** Ten’a Texts and Tales from Anvik, Alaska. – Leyden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1914. – 230 p.
- Clay C.** Swampy Cree Legends. – Ontario: Pine Ridge Publ., 1978. – 95 p.
- Cooper J.** The Gros Ventres of Montana. Part 2. – Wash.: The Catholic Univ. of Am. Press, 1975. – 491 p.
- Curtin J.** Myths of the Modocs. – Boston: Little, Brown, and Co., 1912. – 389 p.
- Curtis E.S.** The North American Indian: Vols. 1–20. – N.Y.; San Francisco; L.: Johnston Reprinting Corporation, 1976. – Vol. 13. – 316 p.; Vol. 14. – 284 p.
- Dixon R.B.** Maidu Texts. – Leyden: Am. Ethnol. Soc., 1912. – 241 p.
- Donner K.** Ethnological notes about the Yenisey-Ostyak. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. – 104 p.
- Dorsey G.A.** The Mythology of the Wichita. – Wash.: Carnegie Inst. of Wash., 1904. – 351 p.
- Dorsey G.A., Kroeber A.L.** Traditions of the Arapaho. – Chicago: Field Columbian Museum, 1903. – 475 p.
- Dorsey J.O.** The Cegiha Language. – Wash.: Gov. Print Office, 1890. – 794 p.
- DuBois C., Demetracopoulou D.** Wintu myths // Univ. of California Publications in Am. Archaeology and Ethnology. – 1931. – Vol. 28, N 5. – P. 279–403.
- Dumond D.** The Dene arrival in Alaska // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 335–346.
- Dzana-gu.** Tsuut’ina Stories. – Calgary: Internet publication of 2011 by Tsuut’ina Gunaha Inst., 1921. – 51 p.
- Farrand L.** Traditions of the Chilcotin Indians. – N.Y.: Am. Museum of Natural History, 1900. – 54 p.
- Foster M.K.** Language and the culture history of North America // Handb. of North Am. Indians. – 1996. – Vol. 17. – P. 64–110.
- Gilmore K.P.** And miles to go before I sleep: a model for prehistoric Athapaskan migration along the Western High Plains margin / Submitted to the Soc. for Am. Archaeology Student Paper Award Competition, Jan. 2, 2006. – San Juan, Puerto Rico, [s.a.] – 34 p.
- Goddard P.E.** Chipewyan texts // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1912. – Vol. 10, N 1. – P. 1–66.
- Goddard P.E.** The Beaver Indians // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1916. – Vol. 10, N 4. – P. 201–293.
- Goddard P.E.** Myths and tales from the San Carlos Apache // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1918. – Vol. 24, N 1. – P. 3–86.
- Goddard P.E.** Myths and tales from the White Mountain Apache // Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History. – 1919. – Vol. 24, N 2. – P. 87–139.
- Goodwin G.** Myths and Tales of the White Mountain Apache. – Tucson; L.: Univ. of Arizona Press, 1994. – 223 p.
- Golla V.** Linguistic prehistory // Californian Prehistory. – Lanham: Altamira Press, 2007. – P. 71–82.
- Greenberg J.H., Turner C.G., Zegura S.L.** The settlement of the Americas: a comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence // Current Anthropology. – 1986. – Vol. 27. – P. 477–497.
- Haile B.** Navajo Coyote Tales. – Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1984. – 146 p.

- Hill-Tout C.** Report on the ethnology of the Okana'k-ēn of British Columbia // *J. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland.* – 1911. – Vol. 41. – P. 130–161.
- Hoijer H.** Chiricahua and Mescalero Apache Texts. – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1938. – 219 p.
- Holmes Ch.E.** The Beringian and Transitional Periods in Alaska // *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene – Early Holocene Beringia.* – Collage Station: Texas A & M Univ. Press, 2011. – P. 179–191.
- Jacobs M.** Coos myth texts // *Univ. of Wash. Publications in Anthropol.* – 1940. – Vol. 8, N 2. – P. 127–260.
- Jacobs M.** Santiam Kalapuya myth texts // *Kalapuya Texts.* – Seattle: Univ. of Wash., 1945. – P. 83–142.
- Jetté J.** On Ten'a folk-lore // *J. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain.* – 1909. – Vol. 39. – P. 460–505.
- Johnson J.** Eyak Legends. – Anchorage: Chugach Heritage Foundation, 1988. – 110 p.
- Josselin Jong J.P.B., de.** Original Odžibwe-Texts. – Leipzig; Berlin: Teubner, 1913. – 54 S.
- Kari J.** The concept of geolinguistic conservatism in Na-Dene prehistory // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska.* – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 194 – 222.
- Kari J., Potter B.A.** The Dene-Yeniseian connection: bridging Asia and North America // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska.* – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 1–32.
- Krauss M.E.** Na-Dene // *Current Trends in Linguistics.* – 1973. – Vol. 10. – P. 903–978.
- Krauss M.E.** Na-Dene // *Alaska Native Languages.* – Fairbanks: Alaska Native Lang. Center, 1980. – P. 903–978.
- Kroeber A.L.** Gros Ventre myths and tales // *Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History.* – 1907. – Vol. 1, p. 3. – P. 55–139.
- Læstadius L.L.** Fragments of Lappish Mythology. – Beverton: Aspasia Books, 2002. – 335 p.
- Linderman F.B.** Kootenai Why Stories. – Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1997. – 166 p.
- Linderman F.B.** Indian Old Man Stories. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1920. – 169 p.
- Lowie R.H.** The Assiniboine. – N.Y.: Am. Museum of Natural History, 1909. – 270 p.
- Lowie R.H.** Chipewyan tales // *Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History.* – 1912. – Vol. 10, N 3. – P. 173–200.
- Lowie R.H.** Myths and Traditions of the Crow Indians. – N.Y.: Am. Museum of Natural History, 1918. – 308 p.
- Magne M., Matson R.G.** Moving on: expanding perspectives on Athapaskan migration // *Canad. J. of Archaeol.* – 2010. – Vol. 34. – P. 212–239.
- Matthews W.** Navaho Legends. – Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1994. – 303 p.
- McClelland C.** My Old People's Stories: A Legacy for Yukon First Nations. – Whitehorse: Gov. of Yukon, 2007. – 804 p.
- McGary M.J.** Gwich'in Gwandak. – Fairbanks: Univ. of Alaska, 1984. – 998 p.
- McKenna R.A.** The Upper Tanana Indians. – New Haven: Yale Univ., 1959. – 226 p.
- McKenna R.A.** The Chandalar Kutchin. – Montreal: Arctic Inst. of North America, 1965. – 156 p.
- Mechling W.H.** Malecite Tales. – Ottawa: Canada Dep. of Mines, 1914. – 133 p.
- Metraux A.** El universo y la naturaleza en las representaciones míticas de dos tribus salvajes // *Rev. del Inst. de Etnología de la Univ. Nac. de Tucumán.* – 1935. – Vol. 3, N 1. – P. 131–144.
- Millman L.** Wolverine Creates the World. Labrador Indian Tales. – Santa Barbara: Capra Press, 1993. – 253 p.
- Mishler C.** Han, People of the River. – Fairbanks: Univ. of Alaska Press, 2004. – 298 p.
- Mooney J.** The Jicarilla Genesis // *Am. Anthropologist.* – 1898. – Vol. 11. – P. 197–209.
- Moore P., Wheelock A.** Wolverine Myths and Visions. – Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1990. – 259 p.
- Nelson R.H.** Make Prayers to the Raven. A Koyukon View of the Northern Forest. – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1983. – 292 p.
- Norman H.** Northern Tales. – N.Y.: Pantheon Fairy Tale and Folklore Library, 1990. – 347 p.
- O'Bryan A.** The Diné. – Wash.: Smithsonian Inst., 1956. – 187 p.
- Opler M.E.** Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1938. – 406 p.
- Opler M.E.** Myths and Legends of the Lipan Apache Indians. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1940. – 296 p.
- Opler M.E.** Myths and Tales of the Chiricahua Apache Indians. – N.Y.: Am. Folklore Soc., 1942. – 114 p.
- Parsons E.C.** Micmac folklore // *J. of Am. Folklore.* – 1925. – Vol. 38. – P. 55–133.
- Peter K., Pope M.L.** Alaskan Folktales. – Austin: Dissemination and Assessment Center for Bilingual Education, 1976. – 73 p.
- Petitot É.** Traditions Indienne du Canada Nord-Ouest. – P.: Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1886. – 521 p.
- Potter B.A.** Archaeological patterning in Northeast Asia and Northwest North America: an examination of the Dene-Yeniseian hypothesis // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska.* – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 138–167.
- Ray C., Stevens J.** Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. – Toronto: McClelland and Stewart, 1971. – 144 p.
- Ruhlen M.** The origin of the Na-Dene // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* – 1998. – Vol. 95. – P. 13994–13996.
- Russel F.** Myths of the Jicarilla Apache // *J. of Am. Folklore.* – 1898. – Vol. 11. – P. 253–271.
- Schmitter F.** Upper Yukon Native Customs and Folklore. – Wash.: Smithsonian Inst., 1910. – 30 p.
- Shipley W.F.** The Maidu Indian Myths and Stories of Hanc'ibijim. – Berkeley: Heydas Books, 1991. – 181 p.
- Skinner A.** Plains Cree tales // *J. of Am. Folklore.* – 1916. – Vol. 29. – P. 341–367.
- Skinner A.** Plains Ojibwa tales // *J. of Am. Folklore.* – 1919. – Vol. 32. – P. 280–305.
- Scott G.R., O'Rourke D.** Genes across Beringia: a physical anthropological perspective on the Dene-Yeniseian hypothesis // *Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska.* – 2010. – Vol. 5, N 1/2. – P. 119–137.
- Starostin G.** DeneYeniseian: a critical assessment // *J. of Lang. Relationship.* – 2012. – Vol. 8. – P. 117–152.
- Stephens A.M.** Hopi tales // *J. of Am. Folklore.* – 1929. – Vol. 42. – P. 1–72.
- Stuart K., Xuwei L., Shelear.** China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1994. – 176 p.

- Swanton J.R.** Tlingit Myths and Texts. – Wash.: Smithsonian Inst., 1909. – 351 p.
- Tansy J.** Indian Stories. – Cantwell: Alaska Native Lang. Center, [s.a.]. – 89 p.
- Taube E.** Volksmärchen der Mongolen. – München: Biblion Verl., 2004. – 500 S.
- Teit J.A.** Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia. – Boston; N.Y.: Am. Folklore Soc., 1898. – 137 p.
- Teit J.A.** The Shuswap // Memoires of the Am. Museum of Natural History. – 1909. – Vol. 4. – P. 443–813.
- Teit J.A.** Traditions of the Lillooet Indians of British Columbia // J. of Am. Folklore. – 1912. – Vol. 25. – P. 287–371.
- Teit J.A.** Kaska tales // J. of Am. Folklore. – 1917. – Vol. 30. – P. 427–473.
- Teit J.A.** Tahltan tales // J. of Am. Folklore. – 1919. – Vol. 32. – P. 198–250.
- Teit J.A.** Tahltan tales // J. of Am. Folklore. – 1921. – Vol. 34. – P. 223–253.
- Tenenbaum J.M.** Dena'ina Sukdu'a. Traditional Stories of the Tanaina Athapaskans. – Fairbanks: Alaska Native Lang. Center, 1984. – 281 p.
- Tyhurst R.** Comparative analysis of Northern and Southern Athapaskan "Slayer of Monsters" myth // Proceedings of the Second Congress, Canadian Ethnol. Soc. – Ottawa: National Museums of Canada, 1975. – Vol. 1. – P. 149–153.
- Vajda E.J.** A Siberian link with Na-Dene Languages // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010a. – Vol. 5, N 1/2. – P. 33–99.
- Vajda E.J.** Yeniseian, Na-Dene, and historical linguistics // Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska. – 2010b. – Vol. 5, N 1/2. – P. 100–118.
- Wallis W.D.** Folk tales from Shumopovi, Second Mesa // J. of Am. Folklore. – 1936. – Vol. 49. – P. 1–68.
- Whitehead R.H.** Stories from the Six Worlds. Micmac Legends. – Halifax: Nimbus, 1988. – 242 p.
- Wilbert J., Simoneau K.** Folk Literature of the Yaruro Indians. – Los Angeles: Univ. of California, 1990. – 780 p.
- Workman M.** Kwädäy Kwändür. Traditional Southern Tutchone Stories. – Whitehorse: Yukon Native Lang. Center, 2000. – 128 p.
- Wright A.** An Athapascan tradition from Alaska // J. of Am. Folklore. – 1908. – Vol. 21. – P. 33–34.
- Yamada H.** Tales on the mole that shot the Sun: a comparative perspective // Mythologie du ciel. Vent – Oiseau – Etoiles. – Nagoya: Librairie Rakuro, 2009. – P. 27–42.

Материал поступил в редколлегию 25.09.14 г.

Yu.E. Berezkin

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya Embankment, 3, St.-Petersburg, 199034, Russia
European University at St.-Petersburg,
Gagarinskaya St., 3, St.-Petersburg, 191187, Russia
E-mail: berezkin1@gmail.com, berezkin@kunstkameras.ru*

SIBERIAN FOLKLORE AND NA-DENE ORIGIN

Six motives were defined which are common for Na-dene native speakers in Northern America and the inhabitants of Southern Siberia. These motives exist in such composition nowhere. In Northern America Na-dene occupation is associated with the migration of Dyuktai culture bearers. Na-Dene folklore analogies are not presented at Yakutia, Kolyma, Chukotka and Kamchatka. It seems logical: Dyuktai population migrated to Alaska and their heritage was destroyed by the waves of new people. Common for Na-dene and native people of Siberia folkloric motives go up to the traditions of southern neighborhoods of Dyuktai people. The demographic density was higher at the territory from Altai to Transbaikal, than the territory northward. For this reason, the "Paleolithic" folklore remains might have been saved inspite of repeated shifts of language.

Keywords: America occupation, Siberian folklore, folklore of American Indians, Dene-Yenisei hypothesis, Sino-Caucasian hypothesis, Athapascan, Dyuktai culture.

А.Ю. Майничева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru*

«КАК МЕРА И КРАСОТА СКАЖУТ»: ТРАДИЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ГЕОМЕТРИИ ПЛАНОВ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ*

В статье выдвинута гипотеза об использовании для построения планов русских церквей «схемы Троицы», которая представляет собой сочетание квадратов, формирующих ядро здания. Схема семантически нагружена и отражает догматику и идеологию Средневековья. Многочисленные примеры западно-европейской, византийской и русской храмовой архитектуры подтверждают высказанное предположение.

Ключевые слова: русские православные церкви, «схема Троицы», Средневековье, пропорции, геометрия храмовых зданий.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.135–143

Известная формула древнерусских строителей «как мера и красота скажут», казалось бы, исчерпывающе поясняет принципы построения зданий. Меры (локоть, аршин, многочисленные виды сажений) и гармония форм храмов – вот что руководило зодчими, создавшими великолепные образцы русской архитектуры. Анализ соотношения частей стал обязательным в изучении любого здания церкви, но многие поколения историков и искусствоведов, занимавшихся исследованием храмов, так и не пришли к единому мнению об универсальной основе шкалы пропорциональности. В 1970-х гг. А.А. Тиц справедливо заключил, что профессиональные приемы зодчих Руси изучены слабо [1978, с. 16], да и во втором десятилетии XXI в. они еще во многом представляют terra incognita. Сейчас оживление интереса к методам и правилам сооружения церквей прошлых веков происходит благодаря возобновлению храмового строительства. Вопрос о характерных чертах традиционности облика церквей

приобретает вполне современное звучание. Кроме того, для расширения экспозиции в музеях под открытым небом востребованы работы по воссозданию острогов (например, «Ангарская деревня» и «Тальцы» в Иркутской обл.). Однако сведений об утраченных крепостных зданиях осталось крайне мало, что приводит к необходимости обратиться к выявлению закономерностей геометрии сооружений прошлых эпох. Данная статья нацелена на выяснение основ построения планов русских православных церквей.

Главной проблемой в решении вопроса о приемах построения геометрии русских церквей остается то, что до сих пор не выявлен модуль, на основе которого можно было бы воспроизвести алгоритм создания пропорциональных соотношений ряда типологически схожих церквей, т.е. воссоздать, как мастер строил свое здание, взяв за образец имеющиеся аналоги. Пока разница зданий по размерам и пропорциям объясняется исследователями индивидуальностью и свободой выбора зодчего, его опытом и творческими возможностями. Для эпохи средневековой Руси такое допущение представляется революционным, по-

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

скольку именно для этого периода выявлено господство каноничности и следование схеме во всех видах искусства: литературе, иконописи, книжной графике и др. Получается, что архитектура заняла особое, совершенно исключительное место. Это не может не вызвать определенные сомнения, особенно в отношении храмового зодчества, наиболее нацеленного на передачу установленных религиозных норм, правил, традиций. Известный исследователь европейской архитектуры Э. Мале писал: «В средневековом искусстве каждая форма заключает в себе идею; можно сказать, что идея работает в материале и дает ему форму. Форма не может быть отделена от мысли, которая создает и оживляет ее. Средние века – диктат порядка. В это время искусство так же догматично, как образование и наука. Творение создателей храмов было наукой, где действовали фиксированные правила, которые не могли нарушаться диктатом воображения индивидуума» (цит. по: [Lessner, 1957, p. 143]). Было бы привлекательно утвердиться в отходе русской архитектуры от общеевропейского пути, но пока доказательства большей индивидуальной творческой свободы русского мастера по сравнению с западно-европейским чисто умозрительны.

Несмотря на отсутствие решения вопроса об основе пропорционирования зданий, к настоящему времени исследователи храмовой архитектуры все же пришли к некоторым важным заключениям. К.Н. Афанасьев, изучавший методы формообразования в древнерусском зодчестве, проделал колоссальную работу, построив схемы пропорций почти всех христианских культовых сооружений домонгольского периода. Он пришел к выводу, что размеры церквей зависят от величины подкупольного квадрата [Афанасьев, 1961, с. 209]. Однако это не всегда подтверждается конкретными примерами [Тиц, 1978, с. 17]. П.Н. Максимов обратил внимание на широкое использование в деревянном зодчестве пропорций, основанных на квадрате и его производных [1940]. Изучив каменные жилые постройки Руси, Б.А. Рыбаков показал, что в основе мер длины лежит иррациональное отношение стороны квадрата к его диагонали, которое позволя-

ет связать отдельные величины математической зависимостью. Меры длины составляли ряд, образуемый системой вписанных квадратов, причем каждый последующий член ряда относился к предыдущему как сторона квадрата к его диагонали [Рыбаков, 1949]. А.А. Тиц обнаружил, что многие гражданские здания XVII в. строились с использованием своеобразного пропорционального образца в виде вписанных квадратов [1978, с. 18]. Основой этой простой системы согласования размеров служил контур одной из главных палат, имевший квадратную форму. Существенным недостатком данного подхода является то, что к церковным зданиям его трудно применить, поскольку в них часто нельзя выделить подобный «эталонный» квадрат. Исследователи искали закономерное использование квадратов и их соотношений в пропорционировании зданий, ведь формы планов многих церквей основаны на прямоугольной структуре. Благодаря выполненной аналитической работе стало очевидным, что квадрат играет в пропорциях храмов существенную роль.

Для дальнейшего выяснения правил построения русских церквей, видимо, следует отойти от принципа простого измерения и геометрического анализа размеров и обратиться к тем идеям, которые заложены в храмовых зданиях и выражены в их формах, в первую очередь, в планах как основе всего здания. Изучение планов европейских готических храмов позволило установить некоторые принципы их построения по т.н. схеме Троицы (*Trinity diagram*) [Lessner, 1957, p. 143–160], основанной на графическом представлении идеи триединой сущности Бога, основного постулата христианства. Схема строится следующим образом. Три квадрата (причем средний больше двух крайних, одинаковых по размерам) накладываются один на другой так, чтобы одна из диагоналей каждого находилась на единой оси и чтобы образовался один внутренний квадрат, принадлежащий одновременно всем трем (геометрический символ Троицы, единой в трех ипостасях). На квадраты накладывается прямоугольник, располагаясь к ним под углом 45° ; его ширина равна стороне меньшего квадрата, и длина – удвоенной ее величине (рис. 1). Для обнаружения этой закономерности Г. Лесснер рассмотрел пропорции более 120 готических храмов Европы, практически всех, достоверные сведения о которых имеются в настоящее время. Вместе с тем он обратился и к теологии, аккумулировавшей основные идеи, существовавшие в культуре и нашедшие свое выражение в «схеме Троицы»: «Теологи называют четыре угла церкви или четыре угловые башни символами четырех евангелистов (четыре райских рек), что дает еще одно прочтение четырех углам схемы. Три квадрата схемы символизируют ипостаси Троицы, из которых восточный воплоща-

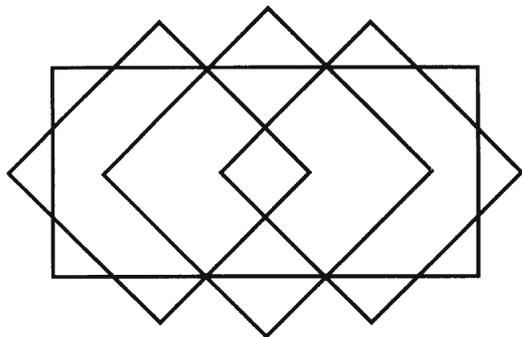

Рис. 1. «Схема Троицы».

ет Сына (в здании это центр хора и место алтаря, где каждый день в таинстве мессы присутствует Христос в хлебе и вине). Центральный квадрат, больший по размерам, символизирует Бога-Отца (воображаемый центр церкви, над которым возвышается глава храма, наибольшая, если глав несколько). Западный квадрат представляет Святого Духа, так как западная часть содержит крестильню, связанную с Духом» [Ibid., p. 147].

По «троичной схеме» в Европе были построены, например, часовня в замке Марбург (Гессен), XIII в., базилика Нотр-Дам-дю-Пор в Клермоне, соборы во Флоренции и Сизе, XIII в., церкви Святого Георгия в Висмаре и Святого Петра в Риге, XV в. Тот же принцип наблюдается в христианских храмовых зданиях средневековой Англии, например, в планах деревянной Гринстедской церкви (Эссекс), построенной в т.н. шотландском стиле XI в., готического храма Темпл в Лондоне, XII в. [Ibid., p. 156–160].

Возведение готических церковных зданий, по мнению Г. Лесснера [Ibid., p. 148], основывалось на двух теологических постулатах: 1) здание каждого земного храма является образом Вселенской церкви, сообщества святых, заполняющих пространство между Землей и Небом и время от творения до Судного дня и начала жизни вечной; 2) Церковь – тело Господа, воплощаемое в храмовой геометрии. Как известно, расцвет готической архитектуры Западной Европы связан со Средневековьем. Схоластическая теология достигла своего зенита в то же время, что и готическая архитектура. Она создала доктрину, сочетающую физический и духовный мир. В Средние века числа считались обладающими оккультной силой, что было наследовано от отцов Церкви, которые переняли ее от школ неоплатоников, основывавшихся на идеях Пифагора. Святой Августин считал числа мыслями Бога. Божественная мудрость отражалась в числах, воздействовавших на все вокруг. Конструирование физического и духовного мира также было основано на «вечных числах», символическое значение которых догматически устанавливалось, а затем постоянно поверялось разделами Писания, где они упоминаются [Ibid., p. 143–145]. По мнению исследователей, все, что нужно было знать человеку, – история мира от его сотворения, иерархия святых, виды наук, искусств и ремесел – преподавалось ему окнами церквей и статуями притвора [Ibid.]. Тот же принцип наблюдается и в русских храмах. Например, в московской церкви Троицы в Никитниках, построенной в XVII в., сюжеты росписей стен включают «страсти», «притчи», «деяния апостолов», «явления Христа после воскресения» [Овчинникова, 1941, с. 150–151]. Это полностью соответствует изобразительно-повествовательным принципам других древнерусских росписей храмов XII–XVII вв. (см., напр.: [Покровский, 1890,

с. 65–67, 167]). Более того, Е.С. Овчинникова замечает, что некоторые композиции были заимствованы из западно-европейского искусства. Образцами служили гравюры голландской Библии Пиксатора 1652–1653 гг. и книги «Беседы Иоанна Златоуста» [Овчинникова, 1941, с. 160]. Это говорит о связи русского искусства с западным.

«Схема Троицы» основана на сочетании квадратов, а, как было уже установлено, исследователи считали их основой для построений. Правда, при прямом геометрическом анализе брались квадраты, образуемые самими стенами зданий, а в данном случае применена отвлеченная схема, в которой стороны квадратов располагаются под углом по отношению к стенам, тем самым задавая ядро композиции. Ближе всех из отечественных исследователей к раскрытию тайны «троичной схемы» подошла Е.Ф. Желуховцева, проверившая на многих произведениях живописи и планах древнерусских храмов возможность использования четырехлепестковой розетки в качестве исходного геометрического построения для определения размеров и композиционной структуры творения [1980]. По сути дела, она, строя розетку, изображала основу «схемы Троицы», но только в виде трех равных кругов, а не квадратов и прямоугольника. К сожалению, при таком подходе предложенная ею система далека от универсальности, ей подчиняются церкви лишь некоторых типов.

По логике средневековой культуры, взаимосвязь формы и чисел должна передавать основные идеологические построения, которые заложены в архитектурных произведениях. Известно, что квадрат воплощает число 4. Если считать четыре угла символизирующими четыре элемента мироустройства (огонь, вода, воздух, земля), а стороны – весь видимый мир, вся «схема Троицы» является выражением сакральных чисел 3 и 4, означающих охват Творцом всего мира. Так в схеме построения геометрии церковью мистически сочетаются 3, 4 и их сумма 7 [Lessner, 1957, p. 146]. Поскольку средневековые схоласты полагали, что 4 – число элементов*, символ материального тела и физического мира, которые являются результатом соединения четырех элементов, а 3 – символ души, созданной по образу Святой Троицы, то 7 (сумма 3 и 4) – число, воплощающее человека, его двоякую (материальную и духовную) сущность. Действительно, в Средневековье бытовали представления, согласно которым все, что касается человека, разделено на семь

*Разумеется, символика числа 4 не исчерпывается приведенной здесь. Так, мыслитель древности Ириней (ок. 180 г.) настаивал, что Евангелий должно быть только четыре, т.к. существуют четыре стороны света, четыре главных ветра, четыре лица херувимов (см.: [Кривелев, 1985, с. 49]).

частей: человеческая жизнь состоит из семи периодов, каждый из них соответствует одной из семи добродетелей; существует семь смертных грехов; семь планет руководят одним из семи возрастов человека; мир был сотворен в семь дней; отведено семь веков от создания мира до его последних дней; гармония всей вселенной отображена в семи нотах [Lessner, 1957, p. 144]. Православие, как и католичество, содержит семеричное число таинств, которые освящают «жизнь человека, как личного, так и родового существа, и обеспечивают ей благодатную полноту» [Сергий Булгаков, 1964, с. 39]. Таким образом, в геометрических построениях церквей, возведенных по «схеме Троицы», символически объединены духовное и материальное, человек и Бог, мир и Творец, что является значимым

в культуре Средневековья и соответствует основным идеологическим догматам.

Вследствие пересечения граней прямоугольника и квадратов образуются восьмиугольники, что также трактуется символически. Восьмиугольник, который можно получить вращением четырехугольника вокруг своего центра, воплощает число **8**, не менее почитаемое, чем **7**. Это символ новой жизни после воскресения, обещанного крещением. Число **8** идет после **7**, показывающего ограниченность жизни человека и бесконечность мира [Lessner, 1957, p. 145]. Нелишним будет напомнить и то, что церковные диатонические лады, на которых строилась музыка раннехристианского мира, были восьмигласными. По мнению теологов Средневековья, **7** – число Ветхого Завета (именно поэтому в средневековых церквях Европы часто изображался семисвечник), а **8** – символ Нового Завета и залога спасения (Христос воскрес на восьмой день, от потопа спаслось, что рассматривается как прообраз акта искупления, восемь человек – Ной с сыновьями и их жены). Числовым символом Христа средневековые гематрики называли 888 или 8880 – «восходящий Христос». В «схеме Троицы» содержатся три восьмиугольника, что соответствует трем восьмеркам [Ibid.].

Если описанная схема использовалась при строительстве европейских зданий в течение столетий, то можно ли ее обнаружить в планах храмов Руси? Графический анализ достоверных и доступных планов русских церквей, построенных приблизительно в тот же период, что и описанные выше европейские, показал: «схема Троицы» характерна для храмового зодчества начиная с Киевской Десятинной церкви (989–996 гг.) и заканчивая зданиями рубежа XVII–XVIII вв. в Сибири, на Русском Севере, в Сольвычегодске, Нижнем Новгороде (рис. 2–5). Как бы ни были разнообразны формы и размеры планов, их объединяет построение по вышеописанной схеме. Более того, ее можно усмотреть даже в типовых проектах XIX – начала XX в., по которым строились здания в сибирских городах и селах. Построение плана церквей в этот период стало шаблонным, практически использовавшим утвердившиеся размеры и формы. Практика выноса проекта здания в натуру уже существенно изменилась и исключила вычерчивание схем на земле, перейдя к отметке лишь реальных габаритов конструктивных элементов сооружения.

Построение планов русских церквей по «схеме Троицы» совершенно не противоречит общеизвестному положению о влиянии Византии на русское зодчество. Обращение к византийской архитектуре и ее наследию (рассмотрены знаменитый Софийский собор в Константинополе, константинопольские же базилика Святого Иоанна, 463 г.,

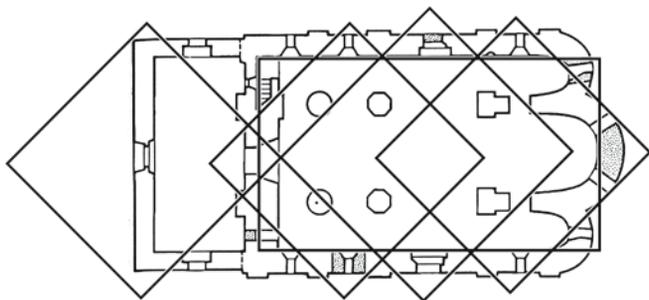

Рис. 2. План каменного собора Иоанна Предтечи в Иоанновском монастыре. Псков. Византийский стиль, ок. 1140 г.

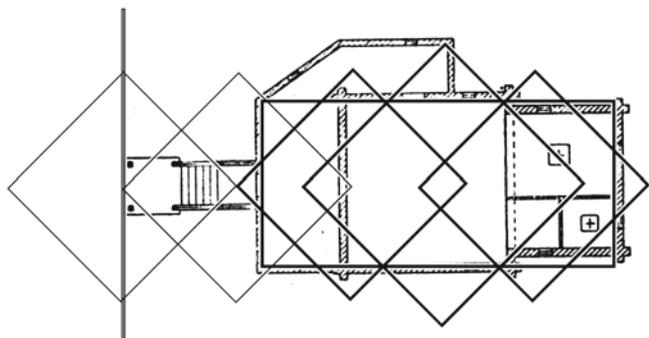

Рис. 3. План Богоявленской церкви Елгомского погоста. Русский Север, 1643 г. (по обмеру архитектора Д.В. Милеева).

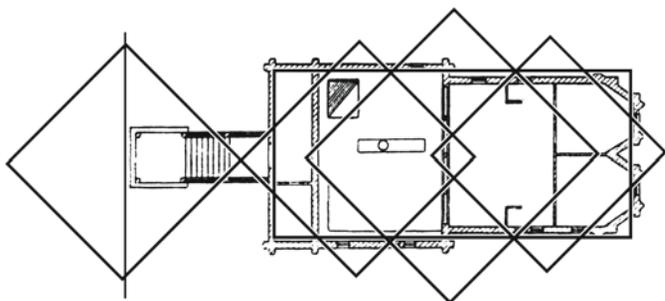

Рис. 4. План Троицкой церкви Елгомского погоста. 1714 г.

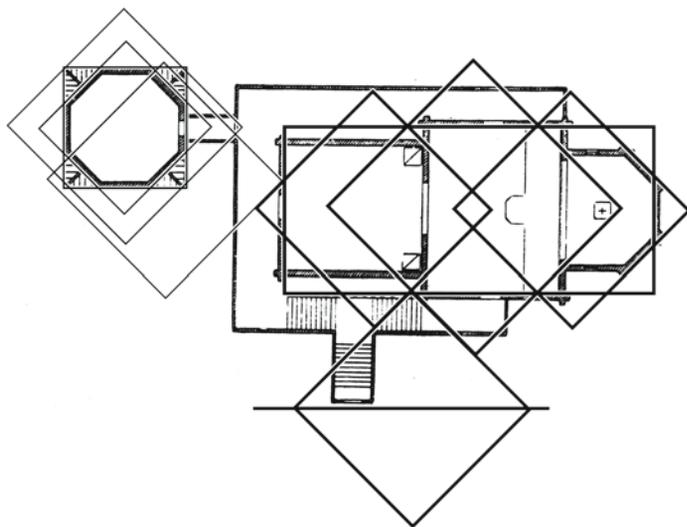

Рис. 5. План Преображенской церкви из с. Спас-Вежи. 1628 г.

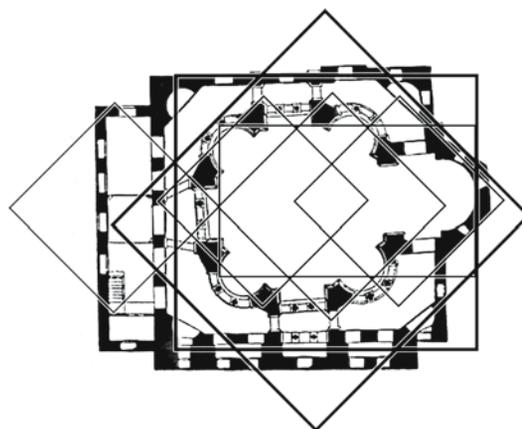

Рис. 6. План церкви Святых Сергия и Вакха в Константинополе.

и церковь Святых Сергия и Вакха, 525 г. (рис. 6); церковь в Каср-ибн-Вардан, Сирия, 564 г.; на территории Турции – церкви в Алахан-монастире, вторая половина V в., и в Дер-Агзы, IX в., Успения Богородицы в Никее, VII – начало VIII в.: греческие – Георгиевская в Баргале, VII в., Порта Панагия, 1283 г., Святого Николая «что в полях», XIII в.; болгарские – в Плиске, IX в. (?), Преславе, начало X в., Станимаке (ныне Асеновоград), конец XII в., в Месембрии (совр. Несебр) Архангельская, вторая треть XIV в., и Иоанна Крестителя, вторая четверть XIV в.), а также христианским храмам Иерусалима показало, что церковные здания строились по «схеме Троицы». Таким образом, можно говорить не столько о заимствовании русскими мастерами строительных приемов Европы, сколько об общей идейной основе построения церквей, сохранявшейся в течение веков. Вероятно, усвоение главных принципов геометрической схемы храмов проходило как часть внедрения христианской культуры через вероучителей, византийских наставников русских зодчих, а затем и приглашенных архитекторов-итальянцев и других иноземцев.

О том, насколько было велико влияние западных мастеров на русскую архитектуру периода Московского государства можно судить по следующим данным. Для обеспечения качественных строительных работ правительство действовало тогда двумя путями: обращалось на Запад (в частности, в Италию) и привлекало мастеров из Пскова, представлявшего в то время вотчину великого государя московского, причем псковичи, наряду с тверичами и ростовцами, составляли одну из основных категорий строителей, а новгородцев брали на второстепенные работы [Воронин, 1934, с. 9–19]. Русские мастера были тесно связаны со своими европейскими коллегами, по-

скольку в Пскове, Новгороде и Твери, волости которых граничили с западными соседями, было принято посылать строителей на учебу за рубеж и привлекать для строительства в этих городах иностранных специалистов [Там же, с. 14], что давало возможность перенять у них необходимые в зодчестве умения и навыки. В Европе в Средние века к строительной деятельности епископа были приобщены вольные мастера-каменщики – франкмасоны, церковные архитекторы, которые в силу своих профессиональных занятий приобретали особые, сакральные знания, недоступные для непосвященных. Секреты их мастерства основывались на применении схем и числовой символики, определявших основные размеры церкви, ее облик, использование конструкций и т.п. [Lessner, 1957, p. 155]. Русские азбуковники XVI в. оставили оригинальную трактовку философии, которая разделяется «в четверо: в грамматику, в риторику, во градовное, в домостройное мышление» [Громов, Козлов, 1990, с. 281]. Если понимать последние два как имеющие непосредственное отношение к строительству, то зодчие трактуются как философы, обладающие особой мудростью. Строители-специалисты, как заключает на основе летописных источников Н.Н. Воронин, пользовались в Великом Новгороде большим почетом и вниманием [1934, с. 13].

На Руси кадры строителей, которыми мог располагать митрополит для возведения храмов, формировались при монастырях и в крупных церковных хозяйствах [Там же, с. 15]. Существование таких мастеров, например, во второй половине XVI в. не подлежит сомнению; таковы «мастера домашней Захарей да Семен» монастыря Саввиной пустыни, «церковный мастер Терентий», работавший в 1591 г. в Болдино-Дорогобужском монастыре, и знаменитый Федор Конь,

строитель московского Белого города и смоленского кремля [Там же, с. 19].

Н.Н. Воронину удалось обоснованно показать, что в Московском государстве, как и в Европе, заказы на строительство делались свободным в феодальном смысле мастерам-ремесленникам, выступавшим как коллектив, но осталось крайне мало свидетельств существования их объединений, имевших характер братства или цеха [Там же, с. 11]. Хотя нет четких данных о том, что мasonicкие корпорации действовали на Руси, без сомнения, русские мастера также владели как технологическими, производственными, художественными секретами возведения зданий, так и теми, которые относятся к сфере сакрального. Например, особенности построенной псковичем Постником Яковлевым (он известен прежде всего как один из строителей московского храма Василия Блаженного) Муромской Космодемьянской церкви говорят о его знакомстве с принципами архитектуры Южной Германии [Там же, с. 29], где в планах храмов последовательно применялась «схема Троицы».

В возведении здания церкви просматриваются две задачи: обеспечение соответствия потребностям литургии и концепциям христианства, а также материальное воплощение идеи в архитектурном решении. Возможно, они решались разными людьми. В Средние века в европейских странах возведением храмов руководил аббат или епископ, озабоченный не только и не столько размерами застраиваемой площадки и будущего здания, сколько правильностью проведения в церкви литургических действий. Он обладал наибольшим авторитетом в выборе принципов устройства храма [Lessner, 1957, p. 154], диктуя необходимые пропорции и размеры. Строительство русских церквей проходило также под патронажем архиепископа, митрополита или другого духовного лица, но утверждать, что они непосредственно участвовали в решении конкретных вопросов построения плана, источники не позволяют. В то же время нельзя отрицать их вклад в выбор идеи и архитектурных прототипов возводимых храмов (например, в случае с Софийским собором в Тобольске и др.).

На нескольких руководителях организации работ лежали разнообразные обязанности – от обеспечения строительства необходимыми материалами до художественного воплощения идеи культового здания средствами архитектуры. В чьи функции входила последняя задача, трудно сказать. Но недаром летописи выделяют несколько руководителей, указывая на некоторых, как на действовавших обычно в паре; иногда, кроме них, особо отмечается какое-либо духовное лицо или ставленник митрополита, в обязанности которого входил надзор за работами. Возможно, кто-то из них был осведомлен о сакральных принципах построения планов церквей и отвечал за правиль-

ность их воспроизведения и согласование внутреннего литургического пространства с архитектурными конструкциями и деталями здания.

А.А. Тиц пишет: «Нашему современнику трудно представить, как даже опытный зодчий может приступить к размерению основания без каких-либо графических схем или предварительных набросков. В этом случае он должен держать в голове не только общую объемно-пространственную композицию, но все размеры и их соотношения, а также способы геометрического построения задуманной архитектурной формы» [1978, с. 10]. Далее он высказывает справедливое предположение о том, что у древнего зодчего были запас определенных типологических схем и освоенный метод их принципиального построения, а также набор приемов взаимосвязи частей и целого. Правда, автор не может привести убедительных доказательств, поскольку «эта начальная стадия творческого процесса – от идеи до ее конкретного вычерчивания в натуральную величину – не оставила после себя почти никаких документов» [Там же]. Если мастер ориентировался на «схему Троицы», то разметка здания и не требовала составления официальных документов, она представляла собой профессиональную тайну и никак не могла иметь «индивидуального, субъективного характера». Зодчий твердо опирался на известную ему как профессионалу каноническую схему, существовавшую в течение веков.

Свидетельств того, как рождался замысел храма, практически не сохранилось. Одним из исключений является недавний (по историческим меркам) легендарный рассказ о начале строительства девятикупольной церкви в Новомосковске в 1773–1779 гг. В нем повествуется о том, что в один из воскресных дней у ктитора собрался совет из почетных сограждан и священнослужителей, куда был приглашен мастер Яким Погребняк, который в ходе обсуждения замысла «намалювал» в своем саду на дорожке фигуру церкви». Рисунок живо обсуждался. Он помог мастеру пояснить свой замысел, т.к. заказчики «долго не могли понять того, что хотя верх церкви будет из четырех сторон и на каждой стороне по три башни, но... всех выйдет не на двенадцать, а девять». Несмотря на то что уже был заключен договор и согласована стоимость работ, мастер усомнился в собственном искусстве и скрылся. По преданию, Яким не появлялся до тех пор, пока ему не было видения, как нужно строить задуманную церковь. Тогда мастер сделал из камыша ее модель, явился в город и приступил к постройке храма, который благополучно и закончил без «одного железного гвоздя» [Фомин, 1916, с. 133–135]. Впоследствии эта модель почти столетие хранилась в Новомосковской церкви. Таким образом, в формировании замысла архитектурного решения храма на первый план выходит не техническое мастерство стро-

ителя, а своего рода озарение, причем для познания сакрального потребовалось длительное уединение, уход от «мирской суеты».

В результате анализа планов церквей, построенных по «схеме Троицы», можно вывести следующие закономерности:

- прямоугольник, символизирующий материальный мир, определяет внутреннее пространство храма, охватывая алтарь, кафоликон, притвор, а в ряде случаев и крыльцо или площадку лестницы;
- стороны восточного квадрата дают абрис формы и размеры главного алтаря (таким образом, становится объяснима его сложная форма);
- вершины большого центрального квадрата указывают на расположение горнего места, колонн, оконных и дверных проемов;
- западный квадрат, идентичный восточному, определяет размеры входного проема или входной части вообще;
- срединный малый квадрат указывает расположение главы;
- за модульные размеры принимаются сами квадраты, которые для получения габаритов пристроек переносятся по плоскости параллельно сами себе.

Из указанных правил следуют важные заключения, поясняющие особенности «творческой лаборатории» русских мастеров-строителей. Кроме важнейшей алтарной части, значимыми оказываются точки пересечений квадратов и прямоугольника, размеры их сторон, диагоналей (причем не обязательно выраженные в универсальных принятых в то время мерах, которые играют подсобную роль, а скорее в виде модулей, представленных «как данное»). Все построение плана сооружения напоминает конструирование из модульных частей. Возможно, именно такие модули отображены в известных «вавилонях» – древних изображениях вписанных друг в друга квадратов с четырьмя линиями, соединяющими их стороны в средней части. Б.А. Рыбаков считал их «символом зодческой мудрости» [1957, с. 83]. Известные науке «вавилонны» обычно нанесены на кирпичах, черепице, каменных и глиняных плитах и находятся на уровне фундаментов зданий. Это позволяет предполагать, что они были связаны с разметкой основания постройки и играли определенную роль в строительстве [Тиц, 1978, с. 20]. Геометрические свойства «вавилонов» давали возможность, не прибегая к вычислениям, получать пропорциональные ряды величин, находить сторону удвоенного или утроенного по площади квадрата, строить правильные треугольники и шестиугольники, равновеликие квадрату, решать задачу квадратуры круга.

В структуре церквей, кроме основной «схемы Троицы», можно обнаружить объяснение формы и размеров приделов и пристроек храма: они определяются

модульными квадратами. Например, церковь Богоявления с Запсковья (1496 г.) имеет придел, план которого вписывается в восьмиугольник, образованный квадратами модульного размера (восточного и западного квадрата), пристройки также кратны указанному модулю. При такой системе в значительной мере теряют смысл частные размеры различных деталей, не требуется сложных измерений, а здание формируется как бы само собой, при разметке сооружения достаточно скрупулезно следовать уже принятому квадрату-образцу.

На первый план по важности выступают такие с позиции современной архитектуры чисто функциональные и мало значимые для формирования структуры сооружения элементы здания, как оконные проемы, входы, ниши в стенах, объяснить расположение которых ранее было крайне сложно. Зная же о «схеме Троицы», можно назвать их своеобразными маркерами, отмечающими узловые точки в материальном здании церкви. Стороны западного квадрата при пересечении с меньшей стороной прямоугольника указывают на размеры и расположение входа, что имеет огромную важность, поскольку вход открывает доступ в сакральное пространство, он не может быть случаен.

Становится ясно, почему для русских строителей были важны внутренние размеры церкви, которые указывались в «задании на строительство», ведь задачей являлось выделение именно внутреннего, освященного пространства, охватываемого прямоугольником. Понятно и почему в росписях сибирских церквей их авторы так «скупались» на приведение размеров: часто давали только размеры трапезной и алтаря, их было вполне достаточно для воспроизведения всех измерений.

Модули плановых размеров, за которые чаще всего принимаются восточный и западный квадраты, используют и для создания ансамблей сооружений, а также для вертикальных измерений храмов, что подтверждается графическим анализом рассмотренных церковных зданий. Повторение части плановой «схемы Троицы» в традиционной форме, носящей название «бочка», очевидно – это внешний абрис пересечения восточного квадрата и двух сторон большого центрального. Например, в маленькой илимской церкви Казанской Божьей Матери нет алтаря, но «троичная схема» была реализована в вертикальном направлении – в завершении здания «бочкой» (реконструкция А.Ю. Майничевой, В.Н. Курилова – см.: [Майничева, 2000, с. 41]).

«Схема Троицы» становится инструментом для проверки верности реконструкции сибирских православных храмов, восстановленных по имеющимся описаниям. Деревянный Софийский собор в Тобольске XVII в. наследует форму плана своих предшественников: киевского (1037–1040 гг.), новгородского

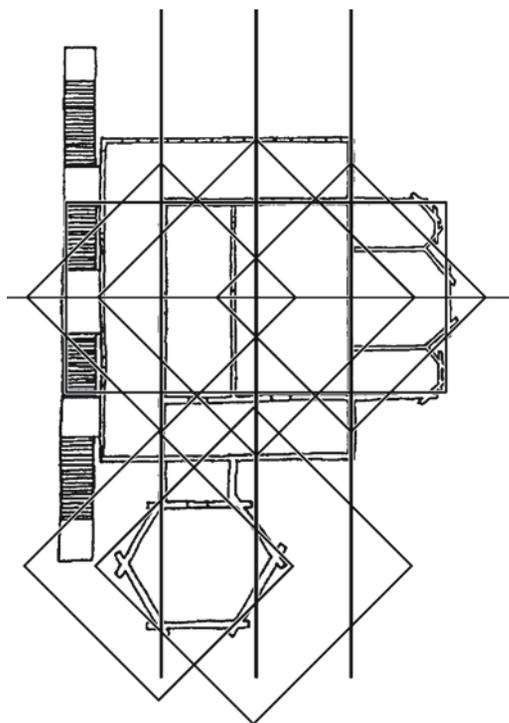

Рис. 7. План деревянного собора Софии Премудрости Слова Божия в Тобольске. 1621–1624 гг.

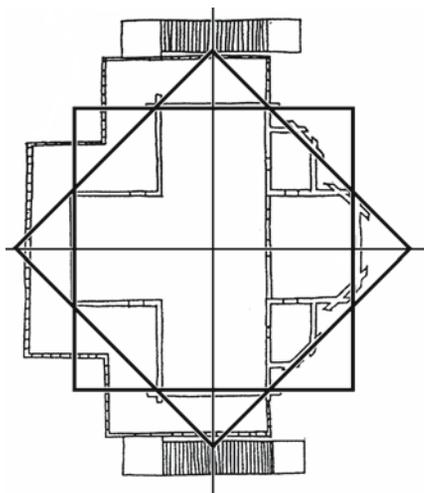

Рис. 8. План деревянного собора Троицы Живоначальной в Томске. 1654 г.

(1045–1050 гг.), полоцкого (середина XI в.), выстроенных с алтарными прирубам, развитыми гульбищами, охватывающими храм с трех сторон, первые два имеют и пристроенные колокольни. Если применить к плану тобольского собора «схему Троицы» (реконструкция А.Ю. Майничей, В.Н. Курилова – см.: [Там же, с. 9–12]), то будут выполнены все основные правила построения планов церквей. Пересечение диагонали восточного квадрата со сторонами большого цен-

трального даст отметки входов в алтарные приделы. Форма главного алтаря (часть восьмигранника) повторяет часть восьмиугольника, образованного сторонами прямоугольника и восточного квадрата. Размеры алтарных прирубов, фланкирующих главный алтарь, диктуются выступом прямоугольника. Срединный малый квадрат укажет размер входа в церковь из притвора. Стороны западного квадрата дадут ширину верхней площадки всхода. Размеры плана колокольни определяются квадратом, полученным наложением центрального на западный (рис. 7).

Крестообразный план томской деревянной церкви Троицы Живоначальной XVII в. (реконструкция А.Ю. Майничей, В.Н. Курилова – см.: [Там же, с. 30–32]) вписывается в большой восьмиугольник, образованный наложением квадрата на другой, повернутый относительно первого на 45° , причем скошенные стены алтарных прирубов совпадают по направлению со сторонами последнего. «Троичной схеме» соответствует центральная часть здания, остальные – модульным восточному и западному квадратам. Такая своеобразная централизация схемы с отсутствием выраженного прямоугольника – «чистая схема Троицы» – вполне соответствует посвящению церкви Троице (рис. 8).

Строительство церковных зданий и сейчас начинается с наметки их размеров и форм на земле. Так и каменных дел мастера средневековой Руси размечали очертания своих построек, о чем говорят, например, следы от разметочных кольев на фундаменте Тьмутараканской церкви XI в. [Рыбаков, 1975, с. 209]. Благодаря тому, что «троичная схема» построена на принципе пересечения квадратов, ее очень легко реализовать в распланировке здания на земле. Зная размеры всей площадки, где должна располагаться церковь, руководствуясь пожеланиями заказчика и правилами схемы, строители намечали прямоугольник внутреннего пространства церкви, затем брали его ширину за величину стороны восточного квадрата (при пересечении сторон получится правильный восьмиугольник). Делая простейшие построения (при работе на бумаге с помощью циркуля и линейки, а на местности – натянутых шнуров и планок, брусьев или бревен), намечали форму и размеры в первую очередь алтарной части, затем притвора или трапезной, гульбищ, колокольни, всходов.

Подводя итог, можно сказать, что геометрической основой традиционности русских православных церквей является универсальное графическое воплощение идеи Троицы, господствовавшее в архитектуре христианских храмов Византии и средневековой Европы. Для «троичной схемы» характерны, с одной стороны, модульность и вариативность индивидуальных решений, а с другой – жесткая каноничность, что отражает особенности мышления людей, идеологию и догматику Средневековья.

Список литературы

- Афанасьев К.Н.** Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 270 с.
- Воронин Н.Н.** Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. – М.; Л.: ОГИЗ, 1934. – 131 с.
- Громов М.Н., Козлов Н.С.** Русская философская мысль X–XVII вв. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – 289 с.
- Желуховцева Е.Ф.** Геометрические структуры в архитектуре и живописи Древней Руси // Естественнонаучные знания в Древней Руси. – М.: Наука, 1980. – С. 23–62.
- Крывелев И.А.** Библия: историко-критический анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 250 с.
- Майничева А.Ю.** Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 64 с. – (Этнография Сибири).
- Максимов П.Н.** Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре // Архитектура СССР. – 1940. – № 1. – С. 16–19.
- Овчинникова Е.С.** Стенопись церкви «Троицы в Никитниках» в Москве серед. XVII в. // Тр. Гос. Ист. музея. – 1941. – Вып. XIII: Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. – С. 147–166.
- Покровский Н.В.** Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. – М.: [Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа], 1890. – 280 с.
- Рыбаков Б.А.** Русские системы мер длины XI–XV вв. // СЭ. – 1949. – № 1. – С. 67–91.
- Рыбаков Б.А.** Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. – 1957. – № 1. – С. 83–112.
- Рыбаков Б.А.** Мерило Новгородского зодчего // Памятники культуры: Новые открытия: ежегодник 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 205–209.
- Сергий Булгаков, прот.** Православие: Очерки учения православной церкви. – Р.: YMCA-Press, 1964. – 403 с.
- Тиц А.А.** Загадки древнерусского чертежа. – М.: Стройиздат, 1978. – 151 с.
- Фомин П.** Церковные древности Харьковского края: ист.-археол. очерк. – Харьков: [Епарх. тип.], 1916. – Вып. 1. – 181 с.
- Lessner G.** Gothic cathedrals and sacred geometry. – L.: A. Tiranti, 1957. – Vol. 1. – 165 p.

Материал поступил в редколлегию 14.01.15 г.

A.Yu. Maynicheva

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Pr. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia
Novosibirsk State University
Pirogova St., 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru*

**“AS PROPORTION AND BEAUTY WILL SAY”:
TRADITIONAL GEOMETRIC PRINCIPLES IN THE ARCHITECTURAL PLANS
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCHES**

The article presents the hypothesis about the “Trinity scheme” usage for the plan construction of Russian churches. This scheme amounts to the composition of quadrates forming the core of the building. The scheme has a semantic meaning and reflects the doctrinal theology and ideology of the Middle Ages. Numerous examples of the West European, Byzantine and Russian temple architecture support the stated supposition.

Keywords: Russian orthodox churches, Trinity scheme, Middle Ages, proportions, temple building geometry.

Т.А. Чикишева, Н.В. Полосьмак, А.В. Зубова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; chikisheva@ngs.ru; zubova_al@mail.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-3*

В статье приводятся новые данные палеоантропологического и археологического исследования погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, известного по захоронению мумии женщины (погр. 2). Погребение располагалось непосредственно над срубом с мумией и включало останки мужчины и подростка. Особенности погребального обряда кургана проливают свет на социальный статус т.н. кара-кобинских комплексов в составе пазырыкской культуры. Обнаруженные у мужчины патологии позволяют говорить о его ограниченных физических возможностях. Его смерть, как установлено, была насильственной.

Ключевые слова: пазырыкская культура, комплексы кара-кобинского типа, *spina bifida occulta*, энтеопатии, ARS-синдром.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.144–154

Введение

Курган 1 могильника Ак-Алаха-3, относящийся к пазырыкской культуре, был изучен в 1993 г. В нем обнаружены два погребения. Основное внимание исследователи сосредоточили на неразрушенном и «замерзшем» захоронении мумии женщины (погр. 2) [Полосьмак, 2001], благодаря которому памятник стал широко известен. Сопровождавшее его погр. 1 осталось в тени. Для более полного понимания уникального погребального комплекса кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 необходимо подробно рассмотреть погр. 1, расположенное на перекрытии листового сруба погр. 2. В склепе, сооруженном из каменных плит и бревен, были похоронены два человека – мужчина и подросток. Захоронение было совершено по кара-кобинскому обряду. Целью данной работы является изложение результатов палеоантропологических и археологических исследований материалов этого погребения.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

Характеристика погребения

Первое по номеру, оно было вторым по очередности, но не впускным. Скорее всего, это погребение совершили одновременно с основным и только затем сложили курганную насыпь. К моменту археологических исследований в 1993 г. она была разрушена строительными работами. После зачистки площади кургана, ограниченной каменной оградой из крупных камней и плит, стали хорошо видны границы большой могильной ямы. В центре этого могильного пятна прямоугольной формы четко прослеживались очертания еще одной ямы – грабительского шурфа. Исследование начали в пределах второго пятна. Оно было квадратной формы и заполнено камнями, из которых сложена насыпь. Грабители, заложив шурф в центре курганной насыпи, вышли прямо на погребальную камеру. Она была ориентирована по линии запад–восток, сложена из тонких, плохо сохранившихся плах и перекрыта восемью плотно уложенными тонкими каменными плитами. Деревянное сооружение имело трапециевидную форму, ширина в головах 1,0 м, в ногах – 0,7, длина 2,2 м. Две небольшие доски лежали

поперек деревянной камеры (одна в головах, другая в ногах) и еще одна – вдоль нее. Они поддерживали каменные плиты. В южной части перекрытия одна из плит была сдвинута грабителями. Через образовавшееся отверстие они вытащили за ноги погребенного – нижняя часть скелета обнаружена за пределами погребальной камеры. Судя по положению костей, во время грабежа они находились в сочленениях, целостность тела была нарушена грабителями. При исследовании погребения ничего из сопровождавших умершего вещей не обнаружено.

Рядом, в т.н. хозяйственном отсеке, пристроенном к северной части погребальной камеры и состоящем из двух, поставленных на торец каменных плит, найдены два раздавленных глиняных сосуда, два железных ножа с кольцевым навершием и кости лошади (несколько ребер и позвонков), вероятно первоначально лежавшие на несохранившемся деревянном блюде. Как выяснилось после ревизии костных остатков из данного погребения, проведенной антропологами, в нем покоились двое – мужчина и подросток, что соответствует набору сопровождающего инвентаря. После того как погребальную камеру с этим захоронением засыпали слоем грунта, сверху вдоль северной стороны могильной ямы в 0,5–1,0 м от ее края (от уровня материка) уложили два трупа лошадей головами на восток, один – сразу за ними поперек ямы. Кони были взнузданы, с ними найдены железные удила и обрывки золотой фольги от несохранившихся деревянных украшений узды.

Особенности палеоантропологических материалов

Как показала ревизия останков, в склепе были захоронены мужчина 25–30 лет и подросток 9–10 лет. От мужчины сохранился относительно полный скелет. Отсутствуют кости стоп и разрушены позвонки средней части грудного отдела позвоночника. Объяснить это можно тем, что грабителей заинтересовала обувь и какие-то предметы, располагавшиеся на груди трупа. От скелета подростка остались лишь полуразрушенные фрагменты теменных и височных костей черепа и нижний моляр, у которого почти по всей поверхности коронки отслоилась эмаль, но сохранились важные для типологической диагностики признаки. Видимо, труп был выброшен грабителями из склепа.

Череп мужчины рассыпался на фрагменты. В большей степени пострадал лицевой отдел, от которого сохранилась левая скуловая кость, верхняя челюсть с утраченными участками передних стенок и разрушенным лобным отростком на правой половине, а также нижняя челюсть. Смерть мужчины наступила от удара тяжелым предметом в затылок. Удар был нанесен с большой силой и проломил чешую затылоч-

ной кости, выбив из нее кусок приблизительно шести- или пятиугольной формы (точная форма отверстия не восстанавливается, т.к. разрушена часть кости, на которой лежала его нижняя грань). Вершина этого многоугольника расположена практически на медиально-сагиттальной линии в 40 мм от лямбды, а примерная середина поперечного сечения отверстия (размер отверстия на этом уровне составляет 34 мм) совпадает с верхней выйной линией (рис. 1). Нанести такой удар можно было лишь сверху при наклонном положении головы жертвы, не проявляющей сопротивления. Это дает основание предположить ритуальное умерщвление мужчины, захороненного в склепе над основным погребением знатной пазырыкской женщины. О причинах смерти погребенного вместе с ним подростка мы не можем сказать ничего.

Краниометрические характеристики индивида представлены на фоне аналогичных данных по каракобинской культуре [Чикишева, 2012] (табл. 1). Череп мужчины имеет среднюю длину, большой поперечный диаметр, среднюю высоту, длинное основание. Величина продольного диаметра взята не строго по точке опистокранион, которая совпала с центром выбитого отверстия, а отступив 15 мм от медианно-сагиттальной линии и в действительности может быть на 2–3 мм больше. Вычисленный по нашим параметрам черепной указатель характерен для брахикранных черепов, а при увеличении продольного диаметра на 3 и даже на 5 мм – для мезокранных. Но в любом случае его значения находятся на границе мезокранный и брахикранный рубрикации признака. Сопоставляя эти основные диаметры черепной коробки и их соотношения

Рис. 1. Череп мужчины со следами смертельного удара.

Таблица 1. Краниометрические характеристики мужчины*

Признак	Ак-Алаха-3, кург. 1, погр. 1	Кара-кобинская серия	
		Средние**	Min – max
1	2	3	4
1. Продольный диаметр	183?	180,0 (4)	176–184
8. Поперечный диаметр	148	142,3 (4)	137,0–149,0
8 : 1. Черепной указатель	80,9?	79,0 (4)	77–81,9
17. Высотный диаметр от базиса	136	137,5 (4)	135–141
5. Длина основания черепа	109	100,8 (4)	97–103
9. Наименьшая ширина лба	96	96,1 (4)	90,7–99,0
10. Наибольшая ширина лба	129	119,5 (4)	118–122
11. Ширина основания черепа	130	132,5 (4)	128–137
12. Ширина затылка	113	109,3 (4)	107–110
29. Лобная хорда	115	109,9 (4)	102,8–133,2
30. Теменная хорда	119	112,8 (4)	110–117
31. Затылочная хорда	103	99,5 (4)	97,6–103
26. Лобная дуга	125	132,0 (4)	125–139
27. Теменная дуга	132	128,5 (4)	121–133
28. Затылочная дуга	115	127,0 (4)	120–133
25. Сагиттальная дуга	372	387,5 (4)	374–405
26 : 25. Лобно-сагиттальный указатель	33,6	34,1 (4)	33,4–34,8
27 : 25. Теменно-сагиттальный указатель	35,5	33,2 (4)	32,4–34,5
28 : 25. Затылочно-сагиттальный указатель	30,9	32,8 (4)	31,8–34,2
28 : 27. Затылочно-теменной указатель	87,1	99,0 (4)	92,3–105,8
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	20	24,7 (4)	23,9–25,3
Sub.NB : 29. Указатель выпуклости лба	17,4	22,6 (4)	21,3–24,3
Высота поперечного изгиба лба	18,5	17,9 (4)	11,3–21,8
Угол поперечного изгиба лба	137,8	139,6 (4)	132,5–152,0
43. Верхняя ширина лица	100	108,8 (4)	105–112
60. Длина альвеолярной дуги	61	53,8 (4)	51–57
61. Ширина альвеолярной дуги	64	67,7 (3)	67–68
61 : 60. Челюстно-альвеолярный указатель	104,9	123,9 (3)	119,3–125,9
63. Ширина неба	31,6	40,5 (3)	39,4–42,0
54. Ширина носа	23,1	26,5 (4)	25,0–29,4
52. Высота орбиты	31	32,8 (4)	31,3–34,5
Бималлярная ширина	110	99,3 (4)	93,2–102,3
Высота назиона над бималлярной шириной	22,5	16,0 (4)	11,0–20,5
77. Назомаллярный угол	135,5	144,6 (4)	135,5–153,4
Форма черепа в вертикальной норме	Овоидная	–	–
Форма черепа в затылочной норме	Сводчатая	–	–
Форма черепа в латеральной норме	Переходная	–	–
Надпереносье (по Мартину 1–6)	5	–	–
Надбровные дуги (1–3)	2	–	–
Сосцевидный отросток (1–3)	3	–	–
Нижний край грушевидного отверстия	Anthropina	–	–

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Передне-носовая ось (по Брока 1–5)	3	–	–
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	112	111,0 (1)	–
79. Угол ветви нижней челюсти	123	115,0 (1)	–
68. Длина нижней челюсти от углов	86	88,0 (1)	–
70. Высота ветви	62	58,0 (2)	57,0–59,0
71а. Наименьшая ширина ветви	35	36,0 (2)	35,0–37,0
65. Мыщелковая ширина	125	134,0 (1)	–
66. Угловая ширина	103	107,0 (1)	–
67. Передняя ширина	49	47,0 (2)	46,0–48,0
69. Высота симфиза	35	35,0 (2)	34,0–36,0
69 (1). Высота тела	32	33,0 (2)	33,0–33,0
69 (3). Толщина тела	15	12,0 (2)	12,0–12,0

*В таблицу вошли только те признаки, которые позволяла измерить сохранность черепа.

**В скобках указана численность серии.

с аналогичными показателями кара-кобинской серии, отметим, что размеры черепа мужчины из Ак-Алахи-3 укладываются в ряд их изменчивости у кара-кобинцев в целом. Исключение составляет более длинное основание, что сопряжено с большей длиной альвеолярной дуги верхней челюсти и предполагает более короткую базальную часть затылочной кости. Соотношения отделов сагиттальной дуги черепного свода, характеризующие укорочение ее затылочного отдела (что опять-таки может быть связано с особенностями основания затылочной кости) и удлинение теменного, выбиваются из картины, наблюдаемой в мужской кара-кобинской краниологической серии, где прослеживается противоположная тенденция.

Ширина лобной кости между фронтотемпоральными точками средняя, между корональными очень большая, выходящая за максимальные значения в вариационном ряду кара-кобинцев. В продольном сечении лоб сильно уплощен и слабо изогнут, в поперечном уплощен умеренно. Широтный диаметр лица в верхнем отделе у мужчины из Ак-Алахи-3 намного меньше, чем у других носителей кара-кобинской культуры. Эта особенность сочетается с малой шириной носа. Плохая сохранность черепа не позволила измерить такой важный диагностический показатель, как скуловой диаметр, характеризующий ширину лица в среднем отделе, но с учетом положительной физиологической корреляции между широтными диаметрами лица и его структурными элементами можно предполагать, что скуловая ширина у данного индивида не была большой. На верхнем уровне лицо отличалось очень резкой профилировкой (гиперклинопией).

Таким образом, сравнительный анализ краниометрических признаков черепа мужчины из Ак-Ала-

хи-3 выделяет его из кара-кобинской мужской серии. Специфика последней заключается в выраженной зуриморфности пропорций лица и ослабленности горизонтального профиля лицевого скелета. Череп из Ак-Алахи-3 отличается лептоморфностью лицевого отдела и его клинопией.

Морфологические особенности обследованного нами черепа отличают его также и от основного антропологического пласта пазырыкской культуры, характеризующегося монголоидно-европеоидной промежуточностью. В индивидуальных вариациях краниометрических признаков пазырыкцев в мозаичном проявлении может выражаться монголоидная примесь палеосибирского типа и примесь южных европеоидов. При этом лицевой отдел остается широким, поскольку все три основных антропологических компонента в составе носителей пазырыкской культуры характеризуются его большими диаметрами.

Комплексы краниологических признаков мужчины из погр. 1 и женщины из погр. 2 (основного) кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 имеют принципиальные отличия типологического уровня. В основе морфологического комплекса женского черепа лежит автохтонный для территории Горного Алтая пласт, на который наслаивается примесь палеосибирского антропологического типа [Чикишева, 2000]. В силу плохой сохранности черепа мужчины мы не располагаем его полным набором краниологических признаков, но их сочетание предположительно тяготеет к европеоидным антропологическим типам. Вероятно, характерной особенностью этого комплекса является сочетание брахикрании с висцеральной лептоморфностью. В антропологических комплексах древнего брахикранного и мезобрахикранного населения Евразии доминирует

эуриморфный лицевой отдел. Мезобрахикrania в сочетании с лептоморфностью лица встречена нами только в двух опубликованных краниологических сериях, относящихся к гунно-сарматскому времени, – из могильника Тузгыр (Приаралье) и суммарной из некрополей Исфаринского оазиса (Ферганская долина) [Алексеев, Гохман, 1984, табл. 20, с. 59; Гинзбург, Трофимова, 1972, табл. 21, 24, с. 154, 170]. Эти памятники находятся на южных границах сарматского ареала. Мы не предлагаем делать далеко идущие выводы и моделировать какие-либо генетические связи на основе одного-единственного фрагментарного черепа, но считаем необходимым отметить его специфику и указать на ее морфологические параллели.

Сохранность зубов погребенного мужчины не очень хорошая. Наблюдаются как посмертные разрушения эмали, так и прижизненные изменения, затрудняющие идентификацию некоторых фенотипов. Сильная прижизненная стертость лингвальной поверхности верхних медиальных резцов, связанная с глубоким псалидонтным прикусом, нивелировала ее рельеф, что не позволило установить степень выраженности краевых гребней и, соответственно, определить наличие или отсутствие у них лопатообразной формы. В целом комплекс одонтологических фенотипов нейтрален, не содержит ярких маркеров, на основе которых его можно было бы отнести к какому-либо из известных типов.

Гораздо более интересную информацию дают нам выявленные патологические особенности. Они относятся к двум категориям: прижизненным механическим повреждениям и заболеваниям. На обоих верхних медиальных резцах выявлен ряд щербинок на режущем крае, имеющих характер не сколов, а проточин со сглаженными краями. Длина каждого такого дефекта составляет 1,0–1,5 мм. Появление щербинок могло быть связано с необходимостью откусывать нитки или протягивать их между зубами. Другой дефект зафиксирован на лингвальной поверхности зубов. Он также имеет вид проточки (глубина ок. 0,12 мм), которая пролегает почти параллельно нижнему краю коронки, повторяя его изгибы, от границы мезиальной и вестибулярной поверхностей до границы дистальной и вестибулярной. Судя по характеру повреждения, оно также могло быть связано с постоянным протаскиванием ниток через центральные резцы. Интересно, что, несмотря на заполированность краев дефекта, которая свидетельствует о неоднократном повторении действия, приведшего к его образованию, на момент смерти индивида бороздка частично была покрыта зубным камнем, в отличие от щербинок на режущем крае. Возможно, этот дефект возник в результате выполнения какой-то долгой, но эпизодической работы.

На других зубах верхней челюсти механических повреждений, связанных с какими-либо технологи-

ческими процессами, не отмечено. С правой стороны на обоих премолярах, первом и втором молярах наблюдались сколы эмали, ассоциируемые с особенностями пищевого рациона. В пришеечной части всех верхних моляров, включая и третьи, примерно на одинаковом расстоянии от эмалево-цементной границы локализуется линейно-точечная гипоплазия эмали. Такое положение дефектов исключает возможность их одномоментного появления в результате сильного эпизодического стресса и свидетельствует о наличии в организме погребенного физиологического сбоя, следствием которого стали системные нарушения процессов кальцификации. На нижних молярах гипопластические повреждения отсутствуют. На постклыковых зубах верхней и нижней челюсти наблюдаются отложения зубного камня, корни всех зубов обнажены в верхней трети из-за нарушений питания пародонта. На первом нижнем правом моляре зафиксирован фиссурный кариес в ямке протостилида.

Что касается одонтологических особенностей обнаруженного в погребении первого нижнего моляра ребенка, то они относятся к наиболее значимым признакам восточного комплекса: шестой бугорок (t6), форма коронки «γ» (γ6), дополнительный мезио-буккальный корень и затек эмали, описываемый баллом 6. Моляры с такими фенотипами могут быть встречены у носителей кара-кобинской культуры.

Длинные кости посткраниального скелета мужчины имеют большие продольные размеры (табл. 2), и реконструируемая по ним длина тела (169,8 см при разбросе величин, рассчитанных по нескольким методам для костей левой и правой стороны, от 167,3 до 173,2 см) является выше средней [Пежемский, 2011]. Лучеплечевой и берцово-бедренный указатели относятся к категории средних величин (табл. 2). Такое сочетание сбалансированности линейных пропорций дистальных и проксимальных сегментов конечностей с большими продольными размерами длинных костей характерно для «степного» морфотипа, выделенного М.Б. Медниковой [1995]. Особенностью скелета является удлиненная нижняя конечность относительно верхней, о чем свидетельствуют низкие значения интермембранного (69,8), плечебедренного (70,7) и лучеберцового (68,7) указателей. Эта черта характерна для носителей культур энеолита и эпохи бронзы южных районов зоны евразийских степей (Средней Азии) и отличает их от населения степей Восточной Европы и Южной Сибири [Медникова, 1995, 2005]. Указатели массивности и сечения длинных костей посткраниального скелета имеют низкие значения (табл. 2). Грацильность посткраниальных серий является стабильной чертой населения Средней Азии эпохи бронзы и железа и обособляет его от обитателей евразийских степей [Медникова, 1995]. Таким образом, морфологические признаки скелета мужчины

Таблица 2. Антропометрические параметры костей посткраниального скелета мужчины*

Признак	Правая сторона	Левая сторона
1	2	3
<i>Плечевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	330	330
2. Общая длина	324	327
3. Ширина верхнего эпифиза	51	51
5. Наибольшая ширина середины диафиза	25	24
6. Наименьшая ширина середины диафиза	18	19
7. Наименьшая окружность диафиза	68	68
7а. Окружность середины диафиза	70	72,5
6 : 5. Указатель сечения	72	79,2
7 : 1. Указатель прочности	20,6	20,6
<i>Лучевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	250	254
2. Физиологическая длина	246	250
4. Поперечный диаметр диафиза	14	14
5. Сагиттальный диаметр диафиза	16	16,5
3. Наименьшая окружность диафиза	43	43
5 : 4. Указатель сечения	114,3	117,9
3:2. Указатель прочности	17,5	17,2
<i>Локтевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	279	275
2. Физиологическая длина	250	250
11. Сагиттальный диаметр	18	17,5
12. Поперечный диаметр	14	12
13. Верхний поперечный диаметр	23	22,5
14. Верхний сагиттальный диаметр	24	22
3. Наименьшая окружность диафиза	37	37
3 : 2. Указатель массивности	14,8	14,8
11 : 12. Указатель сечения	128,6	145,8
13 : 14. Указатель платолении	95,8	102,7
<i>Ключица</i>		
1. Наибольшая длина	149	144
6. Окружность середины диафиза	40	40
6 : 1. Указатель массивности	26,8	27,8
<i>Крестец</i>		
1. Длина тазовой поверхности	140	
2. Передняя высота	120	
5. Верхняя ширина	111	
<i>Таз</i>		
1. Высота таза	217	218
9. Высота подвздошной кости	127	129
10. Высота крыла подвздошной кости	101	101

Окончание табл. 2

1	2	3
15. Высота седалищной кости	93	91
17. Длина лобковой кости	–	93
12. Ширина подвздошной кости	153	–
<i>Бедренная кость</i>		
1. Наибольшая длина	470	469
2. Длина в естественном положении	467	467
21. Мышелковая ширина	81	81
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	31	32
7. Поперечный диаметр середины диафиза	27,5	27,5
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	31	31
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	30	29
8. Окружность середины диафиза	92	92
8 : 2. Указатель массивности	19,7	19,7
6 : 7. Указатель пиллястрии	112,7	116,4
10 : 9. Указатель платимерии	96,8	93,5
<i>Большая берцовая кость</i>		
1. Полная длина	–	370
2. Мышелково-таранная длина	–	355
1а. Наибольшая длина	–	374
5. Ширина верхнего эпифиза	76	78
6. Ширина нижнего эпифиза	53	51
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	–	26,5
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	33	31
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	–	22,5
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	28,5	26,5
10. Окружность на уровне середины диафиза	–	83
10b. Наименьшая окружность диафиза	75	72
9а : 8а. Указатель сечения	86,4	85,5
10b : 1. Указатель массивности	–	19,5
<i>Пропорции скелета</i>		
Интермембральный указатель (H1 + R1) : (F2 + T1)	–	69,8
Берцово-бедренный указатель (T1 : F2)	–	79,2
Лучеплечевой указатель (R1 : H1)	75,8	77
Плечебедренный указатель (H1 : F2)	70,7	70,7
Лучеберцовый указатель (R1 : T1)	–	68,7
<i>Длина тела</i>		
По Л. Мануврие	169	168,8
По К. Пирсону и А. Ли	167,3	167,8
По А. Телькя	171,4	170,6
По С. Дюперткю и Д. Хэддену	173,2	172,5
По В.В. Бунаку	–	169,5
По Г.Ф. Дебецу	–	168,2
Средняя		169,8

*В таблицу вошли только те признаки, которые позволяла измерить сохранность скелета.

из Ак-Алахи-3 в целом представляют собой хорошо идентифицируемый комплекс, специфичный для степного населения Средней Азии.

Остановимся на особенностях патологического статуса посткраниального скелета. Прежде всего отметим отсутствие каких-либо изменений дегенеративно-дистрофической этиологии. В то же время у этого человека имелась врожденная патология, связанная с крестцовой костью (*os sacrum*). Срастание крестцовых позвонков начинается примерно в 16 лет с последних (S5 и S4). Постепенно в этот процесс, который заканчивается к 30 годам, вовлекаются вышележащие позвонки, и крестцовый отдел позвоночника становится единой костью. На крестце мужчины из Ак-Алахи-3 наблюдается срастание S2 и S3, тогда как S5, S4 и S1 остались свободными (рис. 2). Другой особенностью крестца являются расщепленные дуги его позвонков – *spina bifida* (рис. 2). Различают закрытую и открытую форму расщепления. Последняя является тяжелым и довольно редким дефектом позвоночника, сочетающимся с нарушениями развития спинного мозга. Через имеющееся расщепление мозговое вещество выпячивается, и иногда грыжевой мешок не покрыт мышцами и кожей. Чаще встречается закрытое расщепление (*spina bifida occulta*) либо в последнем поясничном позвонке (L5), либо в первом крестцовом (S1). В большинстве случаев эта патология не сопровождается неврологическими расстройствами. У данного индивида L5 посмертно разрушен, и мы не можем охарактеризовать состояние его дуги. Также разрушены дуги на уровне от S1 до середины S3. Однако начиная от середины S3 и далее у S4 и S5 фиксируется отсутствие сращения остистых отростков и формирования среднего крестцового гребешка.

Рис. 2. Крестец мужчины со следами несращения позвонков и признаками *spina bifida occulta*.

Таким образом, мы можем предполагать, что этот человек имел аномалию развития *spina bifida occulta* как минимум на всем протяжении крестца. Возможно, она сопровождалась нерезкими болями в пояснично-крестцовой области. Зачастую такая форма патологии настолько умеренно выражена, что не вызывает каких-либо беспокойств. Современные больные узнают об этом пороке развития лишь после рентгенографии.

На костях пояса верхних и нижних конечностей и в проксимальных отделах плечевых костей выявлены признаки усиленных физических нагрузок, выраженные в виде энтесопатий – пограничных с патологией гипертрофированных реакций костной ткани в местах прикрепления мышц и соединительной ткани. На костях таза фиксируются следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На местах прикрепления верхней (*ligamentum pubicum superius*) и дугообразной (*ligamentum arcuatum pubis*) связок лобка сформировались энтесопатии; на суставных поверхностях лобковых костей (*symphysis pubica*), особенно на левой, выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–3 мм (рис. 3). Причиной их возникновения может быть лобковый симфизит, являющийся частью многокомпонентного ARS-синдрома (*adductor, rectus, symphysis*) – патологического состояния сухожильно-мышечного комплекса вследствие длительных однотипных нагрузок, связанных с асимметричным сокращением приводящих мышц бедер (*m. adductor longus et (or) brevis, m. gracilis*) и дистальной части прямой мышцы живота (*m. rectus abdominis*). В современных популяциях ARS-синдром встречается у профессиональных спортсменов, как правило, у мужчин, в основном у футболистов, регбистов и хоккеистов, среди физических нагрузок ко-

Рис. 3. Лобковые кости мужчины с энтесопатиями на местах прикрепления связок лонного сочленения и признаками лобкового симфизита.

торых имеются беговые ускорения, резкие выпады бедра в сторону и удары ногой по мячу. К травматизации может приводить также передвижение по резкопересеченной местности, требующее наклона тела вперед при фиксации голени в прямом или согнутом положении.

Патологической особенностью крестца мужчины из Ак-Алаха-3 является отсутствие (полное либо частичное) сращения его остистых отростков и формирования полноценного среднего крестцового гребешка, к которому крепится часть сухожильных пучков мышцы, выпрямляющей позвоночник (*m. erector spinae*). Эта самая сильная мышца спины, простирающаяся по всему протяжению позвоночника – от крестца до основания черепа, разгибает позвоночный столб и удерживает туловище в вертикальном положении. Можно предположить, что достижение прямой осанки давалось данному индивиду с большим трудом, и ходьба вызывала некомпенсируемые перегрузки на мышцы, у которых одно из креплений связано с лобковой костью.

У мужчины, погребенного в кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, была функционально перегружена мускулатура пояса верхних конечностей. Об этом свидетельствуют энтесопатии на ключицах в области

Рис. 4. Ключицы мужчины с энтесопатиями в области прикрепления дельтовидной мышцы.

Рис. 5. Правая плечевая кость мужчины с энтесопатией в области прикрепления сухожилия длинной головки двуглавой мышцы.

прикрепления дельтовидной мышцы (*m. deltoideus*) (рис. 4) и плечевых костях в области прикрепления сухожилий длинной головки двуглавой мышцы плеча (*caput longum m. biceps brachii*) (рис. 5). Ключичная часть дельтовидной мышцы поднимает плечо вверх и тянет его кнутри. Двуглавая мышца плеча сгибает предплечье и супинирует его (поворачивает кнаружи). Возможно, что сильные движения рук в таких позициях помогали мужчине со слабой спиной и болями в паху и бедрах при его передвижениях.

Культурная принадлежность и социальный статус погребенных

Рассматриваемое парное погребение может быть отнесено к пазырыкской культуре. При этом использование термина «кара-кобинцы» не возбраняется, т.к. он в сложившейся ситуации отражает только то, что данное захоронение совершено с применением элементов каменной конструкции. В последнее время возобладала наиболее доказанная точка зрения, согласно которой т.н. кара-кобинцев надо рассматривать в рамках пазырыкской культуры, поскольку их традиции отличает лишь наличие погребений в каменных ящиках (подробный анализ ситуации см.: [Тишкин, 2007, с. 139–148]). В данном случае была исследована одна из разновидностей таких погребений, когда в погребальном сооружении перекрытие из каменных плит сочетается со стенками из плах, в то время как хозяйственный отсек полностью состоит из плит. Сопроводительный инвентарь, восточная ориентация погребенных людей и коней соответствуют традициям пазырыкской культуры.

На основании анализа костных остатков мужчины из рассматриваемого погребения могильника Ак-Алаха-3 был сделан вывод о том, что он выделяется из группы кара-кобинского населения и, по имеющимся на сегодняшний день данным, обнаруживает наибольшее сходство с людьми, похороненными на некрополях Исфаринского оазиса Ферганской долины и на могильнике Тузгыр в Приаралье (гунно-сарматское время), а значит, относится к одному из важных компонентов антропологического состава носителей пазырыкской культуры. Тогда как, судя по одонтологическому анализу, физический тип погребенного вместе с ним подростка такой же, как у большинства индивидов, похороненных по кара-кобинскому обряду. Этот физический тип также не чужд пазырыкцам. Новые сведения убедительно свидетельствуют в пользу того, что люди, погребенные по тому и другому обряду, существовали в рамках одной культуры – пазырыкской, которая была полиэтничной [Чикишева, 2003].

Известны три пазырыкских кургана, в которых обнаружены погребения в каменных ящиках. Интерес-

но, что на могильнике Боротал-3 (курганы 2, 4) эти погребения были сооружены в верхней части предварительно разграбленных могильных ям с захоронениями пазырыкцев [Суразаков, 1988, с. 127]. В нашем случае вышло все наоборот – пазырыкское погребение оказалось целым, а кара-кобинское пострадало от более позднего грабежа. Этот факт является одним из доказательств того, что данные захоронения были одновременны и связаны между собой. Вероятно, погребенные кара-кобинцы сопровождали женщину, похороненную в листовничном склепе. Таким образом, подтверждается зависимое положение части пазырыкского населения, хоронившей своих умерших в каменных ящиках, от тех, кто хоронил в деревянных погребальных камерах.

Благодаря палеоантропологическим исследованиям мы узнали, что особенности физического развития, патологии мужчины, погребенного в кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, не позволяли ему прямо держать спину при ходьбе. Но на коне с мягким седлом, без стремян, всадник удерживался ногами, а именно на костях пояса верхних и нижних конечностей и в проксимальных отделах плечевых костей выявлены признаки усиленных физических нагрузок. Сильно развитые руки компенсировали слабость позвоночника, позволяя мужчине оставаться всадником, несмотря на его ограниченные возможности. О том, что он проводил жизнь верхом на коне (а иначе он не мог существовать в обществе скотоводов горных долин Алтая), свидетельствуют и отмеченные признаки ARS-синдрома. К такой травматизации костей таза могут приводить движения, требующие наклона тела вперед при фиксации голени в прямом или согнутом положении, – это и есть поза нашего всадника. На коне он передвигался, скорее всего, припав к шее лошади, удерживаясь руками и ногами. Конечно, при его заболевании этот человек не мог быть воином.

Результатами палеоантропологических исследований убедительно доказано, что жизнь мужчины была насильственно прервана. Сказать точно, что же произошло, мы не можем. Один из возможных сценариев – ритуальное убийство, жертвоприношение. Отсутствие достаточного материала для изучения не позволяет определить причины смерти подростка, захороненного вместе с женщиной.

Погребение 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 ставит перед нами новые вопросы: о возможных ритуальных убийствах у пазырыкцев и о том, как патологии индивида отражались на его социальном статусе и образе жизни. С одной стороны, мужчина был убит, с большой вероятностью специально для завершения необычного погребального обряда, с другой – похоронен с явными почестями. Его и подростка не бросили на перекрытие погребального склепа или в грунт при засыпке могильной ямы, а именно по-

хоронили с соблюдением обряда, в специально сооруженной небольшой камере, с сопроводительным погребением трех взнузданных верховых коней, с приношениями богам. Что бы это все значило? Ведь в пазырыкской культуре известны и другие примеры: на могильниках Уландрык-1 (кург. 9) и -2 (кург. 6), Юстыд-12 (кург. 17) в заполнении могильных ям были обнаружены костяки мужчин с западной ориентировкой и отсутствием сопроводительного инвентаря [Кубарев, 1987, с. 2; 1991, с. 39]. Опираясь на этот материал, В.Д. Кубарев выделил особую категорию людей в пазырыкском обществе – рабов, которыми становились пленники [1991, с. 39]. Вряд ли скотоводческое общество нуждалось в рабах. Скорее, такие безынвентарные погребения иноплеменников в заполнении могильных ям пазырыкцев могут являться свидетельствами каких-то вооруженных стычек в борьбе за скот.

Для определения статуса мужчины и подростка, погребенных на перекрытии пазырыкского склепа, надо вернуться к личности похороненной в нем женщины, которую они сопровождали. Одновременность захоронения говорит о каких-то отношениях между этими людьми. Родственные связи, кажется, исключаются результатами генетических исследований (см. статью А.С. Пилипенко, Н.В. Полосьмак, Р.О. Трапезова в следующем номере журнала). Поэтому на первый план выступают отношения доминирования и подчинения.

В долине р. Ак-Алахи располагались многочисленные пазырыкские могильники. Как правило, это цепочки курганов семейно-родовых кладбищ. Но кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 был одиночным. Вблизи него находился только один, исследованный нами в 1994 г., тюркский курган. Возможно, обособленность погребального сооружения обусловлена тем, что женщина была важна для всех пазырыкских семей и родов, обитавших на плато Укок. Одинокий курган – это еще и свидетельство безбрачия, свойственного шаманкам и служительницам культа. Исключительность данного погребения указывает на особые функции женщины. И то, что в иной мир ее сопровождали, – еще одно доказательство ее необычности и заслуг перед обществом, а также тех надежд, которые на нее возлагали в ее посмертном существовании.

Возможно, патология, не позволившая мужчине быть полноценным воином, и стала причиной того, что он вошел в социальную прослойку, которую мы выделяем внутри пазырыкского общества, используя термин «кара-кобинцы», т.е. этот человек был зависим не по рождению, а в силу врожденного недуга. Вероятно, именно данное обстоятельство сделало его «сопровождающим» женщину, служительницу духов, и в жизни, и в смерти, и в ином мире. Он помогал ей, и это могло быть его главной функцией.

Заключение

Детальное палеоантропологическое изучение останков молодого мужчины и подростка из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 в контексте пазырыкской культуры в целом и конкретной ситуации его погребения позволило получить результаты, имеющие отношение к особенностям устройства пазырыкского общества. Прежде всего, они подтверждают его полиэтничность. Кара-кобинское население в антропологическом и генетическом отношении является частью пазырыкской культуры. На положение, занимаемое человеком в исследуемом обществе, существенно влияло его физическое состояние. Болезни и врожденные патологии в одних ситуациях (как в рассматриваемом случае) могли понизить его статус, в других – повысить (см.: [Летягин, Савелов, Полосьмак, 2014]). Положение человека в пазырыкском обществе определялось только его личными качествами и физическим состоянием.

Новые данные позволяют поставить вопрос об особенностях социального статуса и образа жизни людей, имевших патологии физического развития, в кочевых скотоводческих обществах.

Список литературы

- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.
- Кубарев В. Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 270 с.
- Летягин А.Ю., Савелов А.А., Полосьмак Н.В.** Высокопольная магнитно-резонансная томография антропоархеологического объекта из кургана 1 могильника Ак-Ала-

ха-3 (Укок): результаты и интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 94–102.

Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. – М.: ИА РАН, 1995. – 216 с.

Медникова М.Б. Особенности скелетной конституции (по материалам из могильника Комиссарово) // Каргалы. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. – С. 151–165.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2011. – 24 с.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 334 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. – 166 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.

Чикишева Т.А. Антропологическая характеристика мумий // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 188–199.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 69–116.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Материал поступил в редколлегию 15.01.15 г.

T.A. Chikisheva, N.V. Polosmak, A.V. Zubova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Pr. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; chikisheva@ngs.ru; zubova_al@mail.ru

NEW DATA ABOUT THE BURIAL COMPLEX OF BARROW 1 FROM THE AK-ALAKHA-3 BURIAL GROUND

New data are presented in the article of paleoanthropological and archaeological studies in grave 1 of barrow 1 at the Ak-Alakha-3 burial ground where the known female mummy was found in burial 2. The grave was situated immediately over the curb with mummy and included the remains of a man and an adolescent. The peculiarities of burial rite which are presented in the barrow throw light on social status of so-called Kara-Koba complexes as a part of the Pazyryk culture. The man exhibited pathologies, which allow to talk about his limited physical capacities. It was defined that his death had been violent.

Keywords: *Pazyryk culture, complexes of Kara-Koba type, spina bifida oculata, enthesopathy, ARS-syndrome.*

ПЕРСОНАЛИИ

МОСКОВСКИЙ СИБИРЯК ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ КОЖИН (к 80-летию со дня рождения)

Нет, мы не собираемся вносить коррективы в биографию юбиляра. Павел Михайлович Кожин – коренной москвич. Его отец Михаил Владимирович Кожин был крупным военным и административным деятелем Советской России, награжден Орденом Ленина (за руководство боевыми дружинами в годы Первой русской революции). Он также известен как театральный художник, работавший совместно с К.А. Коровиным в Большом театре, участвовавший в оформлении «Дягилевских сезонов» в Париже и принявший деятельное участие в становлении национального российского кинематографа (или, лучше сказать, синематографа). Оба фильма, в которых М.В. Кожин был художником-постановщиком, – «Ухарь-купец» (1909 г.) и «Жизнь и смерть Петра Великого» (1910 г.) – стали заметным событием в культурной жизни России*. Так что именно Москва воплощает для Павла Михайловича любовь и к родному пепелищу, и к отеческим гробам.

Мы также никоим образом не склонны недооценивать вклад юбиляра в изучение археологии Европы или этнографии Северной Америки, его заметки по истории Ближнего и Среднего Востока, равно как и многочисленные труды по философии, религии, политике и экономике Китая. Уверены, что коллеги П.М. Кожина по Институту Дальнего Востока РАН, в котором он работает с мая 1976 г., и ученые других востоковедных центров в юбилейных и историографических обзорах дадут (и уже дают**) самую высокую оценку его синологическим работам, таким как «Проблемы изучения традиций в КНР» (1982), «Человеческий фактор: индивидуум и общество (Запад и Китай)» (1992), «Этнокультурные константы китайской философии» (1996), «Норма и исключение в древнекитайских канонических текстах»

*Эти и некоторые другие биографические данные см.: **Кожин П.М.** Интервью (записано М.Е. Кузнецовой-Фетисовой 26 сент. 2012 г.) // Проект «Китаеведение – устная история»; на сайте ИВ РАН. – URL: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57> (дата обращения 15.09.2014).

****80-летие** Павла Михайловича Кожина // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5. – С. 181–182; **Кузнецова-Фетисова М.Е.** К 80-летию Павла Михайловича Кожина // Общество и государство в Китае. – М.: ИВ РАН, 2014. – Т. XLIV, ч. 2. – С. 21–26. – (Учен. зап. ИВ РАН. Отдел Китая; вып. 15).

(2002), «Конфуцианство и государственные культуры» (2007), «Значение альтернатив в аналитическом методе “Даодэцзина”» (2012) и др.*

Мы хотим только обратить особое внимание на большое значение сибирской тематики для исследований П.М. Кожина с первых лет самостоятельной научной деятельности и вплоть до наших дней. Еще на студенческой скамье в МГУ он слушал спецкурсы выдающегося археолога-сибироведа члена-корреспондента АН СССР С.В. Киселева, а затем принимал участие в раскопках на территории Хакасии. С тех пор сибирские материалы занимают важнейшее место в масштабных реконструкциях П.М. Кожина, посвященных, например, феномену афанасьевской культуры, формированию и периодизации андронов-

*См. библиографию избранных сочинений П.М. Кожина на сайте библиотеки ИДВ РАН. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/online-library/author/27> (дата обращения 15.09.2014).

ской культурной общности или становлению скифо-сибирского мира*.

Тогда же он обратил внимание на такой пласт источников, как наскальные рисунки, распространенные в Сибири и Центральной Азии. В 1968 г. вышла статья П.М. Кожина о гобийской квадриге, ставшая хрестоматийной в отечественном петроглифоведении, поскольку в ней представлена методика перехода от детального описания к исторической интерпретации памятника**. Работу автор посвятил академику А.П. Окладникову, заложившему основы научного изучения петроглифов. Почти 40 лет спустя П.М. Кожин снова обратился к наскальным изображениям колесниц***. Оттолкнувшись от небольшой их коллекции из Синьцзяна и Внутренней Монголии, он показал возможности исторической интерпретации данного источника в контексте древних коммуникаций Евразии, отметив технический, демографический, пространственный аспекты данной проблематики. В этой и ряде других публикаций П.М. Кожин предложил глубокую разработку сюжетов, связанных с колесным транспортом в широкой исторической ретроспективе, полемизируя с коллегами по основным вопросам становления и распространения средств передвижения и этнической атрибуции создателей петроглифов. Рисунки на скалах позволили связать в единую совокупность все данные о колесницах – от кносских на западе до иньских на востоке, – культурологическое изучение которых позволяет реконструировать этнокультурные процессы на территории Евразии. Эта тема стала «осевой» в научном творчестве П.М. Кожина; ее раскрытию посвящена докторская диссертация, успешно защищенная в 1990 г. в специализированном совете при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР****. Он, в частности, детально исследовал конструктивные особенности колесниц и убедительно доказал, что столь сложный высокотехнологичный объект мог возникнуть только в одном центре, распространившись затем по ойкумене вместе с целым комплексом связанных с ним предметов и идей.

* См., напр.: **Кожин П.М.** Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблема палеокультурологии. – М.: Форум, 2011. – С. 336–363.

** **Кожин П.М.** Гобийская квадрига // СА. – 1968. – № 3. – С. 35–42.

*** **Кожин П.М.** Место синьцзянских наскальных изображений колесниц в общей системе развития и распространения колесного транспорта // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 251–260.

**** **Кожин П.М.** Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи неолита – раннего железного века: (Палеокультурология и колесный транспорт): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 36 с.

Внимание к технологии древних производств стало одной из важнейших черт научного творчества П.М. Кожина. На примере керамики и бронзы он рассматривал, как формировалось «представление о возможностях преобразования исходных материалов, придания им новых полезных свойств»*. К другим особенностям произведений П.М. Кожина можно отнести методологическую и историографическую глубину, направленную на познание законов развития человека как общественного существа, а также колоссальную эрудицию. Он стремится учесть все значимые источники и исследования, на каком бы языке они не были созданы. К базовым материалам на китайском и основных европейских языках могут быть добавлены публикации, например, на голландском или чешском, латинском или древнегреческом. Таким образом реализуется установка на первоисточник, сколь бы хорош не был перевод. Когда Павел Михайлович даже по поводу катрена Омара Хайяма, посвященного научному творчеству, говорит, что хотелось бы услышать его в авторском варианте (т.е. на фарси), это не прихоть, а одно из проявлений методических правил ученого, направленных на получение «достоверного факта».

В значительной мере благодаря сибирскому и центрально-азиатскому факторам произошло воссоединение археологических и синологических изысканий П.М. Кожина, оказавшееся чрезвычайно плодотворным, прежде всего в области исследования степени и форм культурной изоляции Китая от всего евразийского пространства и в особенности «его контактов с ближайшими древними соседями, точнее, с народами, особенно кочевыми, населявшими Центральную, Северную и Южную Азию»**. Фундаментальные лингвистические и этнографические знания дают ему возможность наметить этапы сложения этногеографической картины Центральной Азии***, в частности, высказать ценные замечания по тохарской проблеме, которая вновь становится весьма популярной в современной китайской, равно как и российской, историографии. В целом эти работы освещали «формирование китайской цивилизации на протяжении многих тысячелетий»****.

Поэтому вполне закономерным стало приглашение Павла Михайловича, обладающего к тому же огромным редакторским опытом, на должность заместителя

* **Молодин В.И., Кожин П.М.** Начало эры металлов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, философия. – 2012. – Т. 11. – Вып. 10: Востоковедение. – С. 8.

** **Кожин П.М.** Интервью..., с. 17.

*** **Кожин П.М.** Китай и Центральная Азия..., с. 236–263.

**** **Кожин П.М.** Китай на пути к возрождению // Китай. – 2014. – № 7. – С. 15.

ответственного редактора тома «Древнейшая и древняя история Китая (по археологическим данным)», который подготовлен к печати на базе ИАЭТ СО РАН в рамках масштабного проекта по созданию 10-томной «Истории Китая» под общим руководством выдающегося российского китаеведа академика С.Л. Тихвинского. В этом фундаментальном издании П.М. Кожин также является автором целого ряда важнейших разделов, посвященных обобщению материалов и интерпретации памятников материальной и духовной культуры от эпохи Шан-Инь до создания империи Цинь включительно. И в том, что столь неимоверно сложный гигантский проект, вполне сравнимый с попыткой «объ-

ять необъятное»*, претворяется в жизнь, – огромная личная заслуга Павла Михайловича Кожина.

Пожелаем юбиляру – нашему московскому земляку – дальнейших творческих удач и, конечно же, крепкого сибирского здоровья!

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
С.А. Комиссаров, Ван Пэн,
Д.В. Черемисин, А.И. Соловьев,
Е.А. Соловьева, Е.А. Гирченко**

Материал поступил в редколлегию 01.10.2014 г.

*Здесь можно вспомнить, что создатели авторитетнейшей «Кембриджской истории Китая» первоначально отвергли план написания 1-го тома, основанного на археологических данных, поскольку представления о китайской предыстории многократно изменялись под влиянием археологических открытий, число которых с 1970-х гг. постоянно увеличивалось (см.: [The Cambridge History of China / ed. by D. Twitchett, M. Loewe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – Vol. 1: The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220. – P. V]). Дополнительный том (под редакцией М. Лёве и Э. Шонесси) с обзором самых основных находок, относящихся к периоду от зарождения цивилизации до 221 г. до н.э., был опубликован только в 1999 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР
БашГУ – Башкирский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИДВ РАН – Институт Дальнего Востока РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ БФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
ИРГО – Известия Русского географического общества
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РБ – Республика Башкортостан
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique

- Аббаснеджад Р.** – доктор наук, доцент Университета Мазандарана, Иран. University of Mazandaran, Pasdaran Street, P.O. Box 416, Babolsar, 47415, Iran. E-mail: r.abbasnejad@umz.ac.ir
- Базгир Б.** – научный сотрудник Каталонского института палеоэкологии человека и социальной эволюции, Испания. Institut Català de Paleoecologia Humana i Evolució Social, C/ Marcel·lí Domingo s/n (Edifici W3), Campus Sescelades, 43007, Tarragona; аспирант Университета Ровира и Вирхили, Испания. Universitat Rovira i Virgili, Av. Catalunya 35, 43002, Tarragona, Spain. E-mail: bbazgir@iphes.cat
- Барски Д.** – доктор наук, научный сотрудник Каталонского института палеоэкологии человека и социальной эволюции, Испания. Institut Català de Paleoecologia Humana i Evolució Social, C/ Marcel·lí Domingo s/n (Edifici W3), Campus Sescelades, 43007, Tarragona; доцент Университета Ровира и Вирхили, Испания. Universitat Rovira i Virgili, Av. Catalunya 35, 43002, Tarragona, Spain. E-mail: dbarsky@iphes.cat
- Березкин Ю.Е.** – доктор исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Гагаринская 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. E-mail: berezkin1@gmail.com, berezkin@kunstkamera.ru
- Борисенко А.Ю.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: aborisenko2@mail.ru
- Бородовский А.П.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaiccenter2011@gmail.com
- Ван Пэн** – научный сотрудник Института археологии Академии общественных наук Китайской Народной Республики. Institute of Archaeology, Wangfujing dajie 27, Beijing, 100710, China; аспирант Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: wp@cass.org.cn
- Васюков Д.Д.** – главный специалист подразделения Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия. E-mail: tira2128506@gmail.com
- Волков Д.П.** – директор Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской обл., пер. Уралова, 5, литер А2, Благовещенск, 675000, Россия. E-mail: volk-d@yandex.ru.
- Гаркуша Ю.Н.** – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: yunga1971@ngs.ru
- Гирченко Е.А.** – старший лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: wusong@yandex.ru
- Горлова Е.Н.** – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия. E-mail: gorlova.k@gmail.com
- Давуди Д.** – аспирант Университета Мазандарана, Иран. University of Mazandaran, Pasdaran Street, P.O. Box 416, Babolsar, 47415, Iran. E-mail: d.davoudi1980@gmail.com
- Деревянко А.П.** – академик РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Ермацанс И.А.** – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Палеонтологического музея Амурского научного центра ДВО РАН, пер. Релочный, 1, Благовещенск, 675000, Россия. E-mail: irina@amugnc.ru
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru
- Ишбирдин А.Р.** – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники Башкирского государственного университета, ул. Заки Валиди, 32, Уфа, 450076, Россия. E-mail: ishbirdin@mail.ru
- Кардаш О.В.** – кандидат исторических наук, директор Института археологии Севера, а/я 398, Нефтеюганск, 628305, Россия. E-mail: archeonord@yandex.ru, kov_ugansk@mail.ru
- Кирюшин К.Ю.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru
- Коваленко С.В.** – начальник археологического отдела Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской обл., пер. Уралова, 5, литер А2, Благовещенск, 675000, Россия. E-mail: stas_ko17@mail.ru
- Ковтун И.В.** – доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии Института экологии человека СО РАН, Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: ivkovtun@mail.ru

- Комиссаров С.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; профессор Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: orient@lab.nsu.ru
- Корневский С.Н.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: skorenevskiy@yandex.ru
- Крылович О.А.** – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия. E-mail: okrylovich@gmail.com
- Курманов Р.Г.** – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института геологии Уфимского научного центра РАН, ул. К. Маркса, 16/2, Уфа, 450077, Россия. E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru
- Майничева А.Ю.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru
- Молодин В.И.** – академик РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Мыльникова Л.Н.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru
- Олле А.** – доктор наук, научный сотрудник Каталонского института палеоэкологии человека и социальной эволюции, Испания. Institut Català de Paleoecologia Humana i Evolució Social, C/ Marcel·li Domingo s/n (Edifici W3), Campus Sescelades, 43007, Tarragona; преподаватель Университета Ровира и Вирхили, Испания. Universitat Rovira i Virgili, Av. Catalunya 35, 43002, Tarragona, Spain. E-mail: aolle@iphes.cat
- Отт М.** – доктор наук, профессор Университета Льежа, Бельгия. Université de Liège, Place du 20 Août 7, 4000, Liège, Belgium. E-mail: marcel.otte@ulg.ac.be
- Палажченко А.И.** – инженер Института геологии и природопользования ДВО РАН, пер. Релочный, 1а, Благовещенск, 675000, Россия. E-mail: science@ascnet.ru
- Полосьмак Н.В.** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
- Савинецкий А.Б.** – доктор биологических наук, заведующий лабораторией исторической экологии, главный научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия. E-mail: arkadybs@rambler.ru
- Селин Д.В.** – магистрант Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: selin@epage.ru
- Соколов А.В.** – директор Центра охраны культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, ул. Ленина, 40, Ханты-Мансийск, 628011, Россия. E-mail: mail@iknugra.ru
- Соловьев А.И.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: soloviev@archaeology.nsc.ru
- Соловьева Е.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: solovieva@archaeology.nsc.ru
- Табалдиев К.Ш.** – кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета «Манас», пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызстан. E-mail: tabaldievk@yahoo.com
- Тиунов А.В.** – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия. E-mail: a_tiuinov@mail.ru
- Федюнин И.В.** – кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия. E-mail: feduniv@mail.ru
- Хасанов Б.Ф.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия. E-mail: bulatfk@gmail.com
- Худяков Ю.С.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; главный научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: khudjakov@mail.ru
- Черемисин Д.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; преподаватель, научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru
- Чикишева Т.А.** – доктор исторических наук, заведующая сектором антропологии Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: chikisheva@ngs.ru